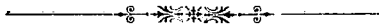

ВОСПОМИНАНІЯ

ГЕНЕРАЛЬ-МАІОРА

ВАСИЛІЯ АБРАМОВИЧА

ДОКУДОВСКАГО ¹⁾.

¹⁾ Генераль-маіоръ Василій Абрамовичъ Докудовскій—уроженецъ Рязанской губерні. Большая часть его служебной дѣятельности принадлежитъ западному краю (съ 1832 г.). Близко соприкасавшійся съ событіями, совершавшимися въ этомъ краѣ въ 40—60 годахъ,—онъ имѣлъ возможность хорошо знать и сохранить въ памяти и на бумагѣ много свѣдѣній, имѣющихъ не малый историческій интересъ. Дѣйствительно, послѣ А. В. осталось много рукописей, касающихся этой эпохи; подъ разными заглавіями. Переданныя въ распоряженіе Архивной Комиссіи владѣльцемъ рукописей, племянникомъ покойнаго, членомъ Ком. Владиміромъ Александровичемъ Докудовскимъ, онѣ будутъ печататься въ ея «Трудахъ» по мѣрѣ возможности и смотря по обстоятельствамъ. Прежде всего Комиссія приступила къ печатанію рукописи, носящей заглавіе: «Мои воспо: н: я». Это довольно обработанныя автобіографическія записки, въ которыхъ воспоминанія раннихъ лѣтъ съ начала столѣтія до 1836 года, основаны на памяти, а съ 1836 г.—на дневникѣ; оканчиваются они на 1862 годѣ. Продолженіемъ ихъ можетъ служить «Дневникъ», оканчивающійся 1873 годомъ. Онъ находится также въ распоряженіи Комиссіи.

Умеръ В. А. въ 1874 году, 24 августа, въ Варшавѣ, гдѣ и погребенъ.

Отдѣльный оттискъ изъ „Трудовъ Ряз. Уч. Арх. Комиссiи“
за 1897 и 1898 г.г.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

„Отцы и братья! еже ся иждь буду
„описалъ, или переписалъ, или не до-
„писалъ, чтите, исправливая Бога дп-
„ля, а не клените“.

„Нѣсть тайны, еже не от-
„крыется“.

Прежде, чѣмъ начну излагать мои воспоминаія, считаю не лишнимъ высказаться о моей въ настоящее время личности. Мнѣ уже 72 года; я по службѣ старшій Генераль-Маіоръ и состою при Штабѣ Варшавскаго военнаго Округа; кавалеръ орденовъ: Св. Владимира 2-й степени съ мечами, Св. Анны 1-й степени съ Императорскою короною, Св. Станислава 1-й ст., Св. Георгія 4-го кл. за 25-лѣтнюю безпорочную службу, польскій Знакъ Отличія за военныя достоинства, и двѣ медали; всей моей службѣ въ офицерскомъ чинѣ 50 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ; женатъ, имѣю сына (къ несчастію больного, безъ надежды исцѣленія) и, наконецъ, владѣю Всемиловитѣйше пожалованнымъ мнѣ въ Царствѣ Польскомъ маіоратомъ съ 750 р. с. назначеннаго ежегоднаго дохода.

Воспоминанія мои я пишу по памяти и изъ дневника, и вполне сожалѣю, что сталъ вести его поздно, только съ 1836 года, когда былъ уже полковникомъ.

Отъ Сима или Хама, отъ бояръ или смердовъ, отъ бѣлой или черной кости возникнулъ мой родъ, того мнѣ неизвѣстно, но достоверно знаю: 1) что моя фамилія является въ напечатанномъ указѣ Сената 22 Іюля 1728 года, коимъ повелѣвалось составить особую комиссію изъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Зыбина и Совѣтника *Докудовскаго*, для разсмотрѣнія поданныхъ на сосланнаго въ Сибирь Кн. Меньшикова челобитныхъ и доношеній о долгахъ и счетахъ на немъ и 2) что дѣдъ мой по отцу, Елисей Игнатьевичъ Докудовскій, былъ отставной Елизаветинской службы Маіоръ.

Послѣ смерти дѣда моего осталось *шесть* сыновей, *двѣ* дочери и до 80 душъ крестьянъ въ Рязанской губерніи. Всѣ сыновья, какъ подобаеетъ дворянамъ, служили въ военной службѣ. Изъ нихъ старшій *Авраамъ*, мой родной отецъ, былъ капитаномъ и командовалъ ротю

въ царствованіе Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II-й. Прочіе отца моего братья, а мои дяди: *Алексѣй*, служилъ въ кирасирахъ, былъ мужчина рослый, стройный и мужественный. Будучи майоромъ, онъ въ Москвѣ познакомился съ аристократическимъ домою Семена Муравьева, вскружилъ голову дочери его, и когда папаша не хотѣлъ отдать ея руки безъизвѣстному и бѣдному дворянчику, онъ выкралъ ее и обвѣнчался; она лѣтами была гораздо старше его и вдобавокъ невзрачна лицомъ; этотъ союзъ Богъ не благословилъ. Другой дядя, *Сергѣй*, въ послѣднее время службы своей находился плацъ-майоромъ въ г. Гродно, вышелъ потомъ въ отставку подполковникомъ и привезъ съ собою въ имѣніе пожилую Литвянку въ качествѣ своей жены; въ отечественную съ французами 1812 года войну, командуя въ ополченіи полкомъ, тамъ и умеръ. Третій дядя, *Андрей*, оставилъ службу майоромъ и умеръ городничимъ г. Крапивны Тульской губ.; онъ былъ женатъ на дѣвицѣ порядочнаго дома тамошнихъ помѣщиковъ Сытиныхъ и оставилъ послѣ себя одного сына и двухъ дочерей. — Четвертый дядя, *Капитонъ*, въ штабъ-капитанскомъ чинѣ убитъ въ войнѣ съ горскими народами. Пятый и послѣдній, *Александръ*, служилъ на кавказкой линіи; Богъ знаетъ зачѣмъ, вышелъ въ отставку капитаномъ и померъ въ доставшемся на часть ему бѣдномъ наслѣдственномъ имѣніицѣ. Тетки мои, *Лукерія* и *Надежда*, оставшіяся послѣ матери своей уже взрослыми дѣвами, въ бракъ не вступали, жили въ качествѣ высокоблагородныхъ компаніонокъ или проживалокъ въ разныхъ помѣщичьихъ домахъ и давно уже почіютъ въ мирѣ.

Итакъ, отецъ мой, какъ выше я сказалъ, служилъ капитаномъ, женился на моей матери, бѣдной купеческой дочери, и послѣ смерти своего отца, а моего дѣда, вышелъ въ отставку, управлялъ нераздѣльнымъ съ братьями имѣніемъ, былъ дворянскимъ Засѣдателемъ, потомъ виннымъ Приставомъ въ г. Зарайскѣ и, будучи пораженъ параличемъ, удалился на покой въ деревню, но здѣсь отъ повторительнаго удара скоропостижно скончался и похороненъ въ селѣ Богомеровѣ Рязанскаго уѣзда. — Отецъ мой былъ человекъ строгій и уважаемый отъ всѣхъ своихъ братьевъ и знакомыхъ; большой хлѣбосоль и любилъ повеселиться. Мать моя, вышедшая замужъ 15 лѣтъ, была кроткаго и тихаго нрава, ласкова, обходительна, набожна и не получила никакого образованія, но имѣла много природнаго ума; она съ молодости была очень хороша собою и это то было причиною, что отецъ мой женился на ней.

Въ продолженіи своего замужества мать моя произвела на свѣтъ Божій девятнадцать человекъ дѣтей, изъ коихъ только *двойняшки* были женскаго пола, но послѣ смерти отца осталось насъ только пять братьевъ.

Владиміръ — служилъ въ Копорскомъ пѣхотномъ полку, гдѣ своаче-

ница полкового командира полковника Юнуса, дѣва непригожая и пересѣлая, влюбилась въ красиваго офицера и какъ онъ не поддавался и не раздѣлялъ чувствъ этой барышни, то прибѣгли къ нехитрому средству, именно, — къ опьяненію: и въ этомъ, возбужденномъ винными парами, состояніи, заставили брата объясниться и просить руки; разумѣется ему не отказали, и такимъ образомъ онъ женился съ приданнымъ въ 60 душъ крестьянъ, оставилъ службу капитаномъ, былъ исправникомъ Рыбинскаго уѣзда Ярославской губерніи не безъ пользы для своихъ интересовъ, какъ это сплошь да рядомъ дѣлалось въ цѣлой Россіи, и умеръ бездѣтнымъ 1840 года.

Николай, — личность даровитая, но самолюбивая, раздражительная и горячая. — Онъ былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ въ Рязанской Гимназіи и выпущенъ изъ 1 го кадетскаго корпуса въ пѣшую артиллерію подпоручикомъ. — Не долго же однако онъ оставался въ артиллеріи; по непріятностямъ съ своимъ батареиннымъ командиромъ едва не попался подъ судъ и долженъ былъ выйти въ отставку; потомъ по моему совѣту опредѣлился капитаномъ въ 13-й егерскій полкъ, въ которомъ и я числился по спискамъ. Онъ любилъ боевую жизнь и нетерпѣлъ мирныхъ монотонныхъ фронтальныхъ занятій. — Во время войны съ турками 1828 года, при осадѣ Варны, онъ героемъ показалъ себя при слѣдующемъ подвигѣ. Въ 1-мъ Варнскомъ бастионѣ сдѣлана была довольно уже порядочная брешь; наши хотѣли узнать, что дѣлается за этимъ бастиономъ, и нѣтъ ли тамъ какихъ либо укрѣпленій или даже мины; для сего назначена была экспедиція 110 человекъ охотниковъ изъ 13 и 14 егерскихъ полковъ и 40 матросовъ подъ командою моего брата и сверхъ того въ резервъ роты 2-й гренадерскаго Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка и 1-й карабинерная 13-го егерскаго. — 25 Сентября на разсвѣтѣ, охотники и матросы въ величайшей тишинѣ вползли къ самой верхушкѣ вала и по данному братомъ сигналу, — ура! бросились черезъ валъ. Началась рѣзня; турки не устояли, обратили тылъ; наши гнали ихъ въ городъ, выкалывали изъ домовъ, зажигали оныя и работали на славу. Наконецъ турки образумились и собрались въ большія толпы; храбрецы отступили къ своему резерву и общими силами думали удержать за собою бастионъ, но стремленіе турокъ такъ было яростно и несоразмѣрность въ силахъ велика, что наши, послѣ двухъ часовой защиты бастиона, должны были отступить въ свои траншеи. Турки, напуганные храбростію этой горсти людей, въ тотъ же день выслали переговорщика и на другой день крѣпость сдалась. За этотъ-то подвигъ братъ получилъ Георгіевскій крестъ, который навѣсилъ на него самъ лично командовавшій всѣми войсками при Варнѣ Графъ Воронцовъ, сказавъ дивизионному начальнику: *„какъ къ нему присталъ крестъ“*, — а дивизионный начальникъ добавилъ: *„что и гвардейскія петлицы*

также ему будутъ къ лицу“,—давая симъ разумѣть, что братъ назначенъ къ переводу въ Лейбъ-Гвардіи егерскій полкъ.—При описанномъ нападеніи братъ былъ раненъ, но особенно получилъ сильный ударъ въ бокъ камнемъ, отъ коего страдалъ до самой смерти. Черезъ свой подвигъ братъ сдѣлался извѣстнымъ Государю Императору и Великому Князю Михаилу Павловичу. Въ 1829 году онъ, въ числѣ прочихъ офицеровъ былъ переведенъ въ Гвардейскій егерскій полкъ, но, по антипатіи къ мирной шагистикѣ, въ 1832 году перепросился состоять по арміи въ чинѣ полковника и удалился къ матери въ деревню, ожидая обѣщаннаго ему комендантскаго мѣста, получивъ предъ удаленіемъ своимъ отъ Императора аренду на 12 лѣтъ по 900 руб. сереб. въ годъ и дозволеніе имѣть при себѣ деньщиковъ.— Не задолго до выѣзда своего изъ Петербурга, въ концѣ Августа или въ началѣ Сентября, какимъ то романическимъ и тайнымъ образомъ женился тамъ на одной бѣдной дѣвушкѣ, дочери умершаго штабъ-лекаря, а черезъ пять мѣсяцевъ 16 Февраля 1833 года былъ уже въ гробѣ и погребенъ въ Рязанскомъ Спасскомъ монастырѣ.

Василій, писецъ сихъ воспоминаній.

Александръ.—Послѣдняя его служба, была въ Новгородскомъ военномъ поселеніи, гдѣ при извѣстномъ бунтѣ 1831 года чудеснымъ образомъ спасся отъ рукъ убійць. Послѣ того, командуя ротой въ чинѣ штабъ-капитана, за то, что слишкомъ горячо вступился предъ баталіоннымъ командиромъ за своего офицера и крѣпко съ нимъ посчитался, попалъ подъ военный судъ, но конфирмаціею Великаго Князя Михаила Павловича былъ оправданъ, бросилъ службу, два раза надѣвалъ на себя брачное ярмо и скоропостижно скончался, оставивъ послѣ себя жену изъ фамиліи Ляпуновыхъ и четырехъ отъ обоихъ браковъ дѣтей.

Капитанъ,—19-ти лѣтній юноша и любимецъ матери.—Служилъ вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ въ 13-мъ егерскомъ полку подпоручикомъ въ званіи полковаго адъютанта; 1828 года, при взятіи Анапы, былъ раненъ въ ляжку на вылетъ пулею, а 8-го Августа, при осадѣ Варны ядро поразило его въ животъ и юноша палъ бездыханенъ, не страдая ни одной секунды, и похороненъ на берегу моря въ тѣни миндальныхъ и черешневыхъ деревъ, безъ креста на могилѣ, изъ опасенія, чтобы турки въ послѣдствіи не поругались и надъ символомъ нашего спасенія и надъ прахомъ убіеннаго.

Мать моя, набожная старушка, узнавъ о смерти своего любимца, сотворила знаменіе креста и съ упованіемъ на милосердіе Господа сказала: „буди Его воля святая“.

Послѣ смерти отца моего отсутствовавшіе его братья оставляли по-

койно мать мою управлять нераздѣльнымъ имѣніемъ и пользоваться бѣдными доходами; но пріѣхавъ вышедшій въ отставку милѣйшій дядюшка Сергѣй съ милѣйшей тетушкой литвинкою и вступилъ въ управленіе; началъ съ того, что мать мою безъ церемоніи выпроводилъ изъ четырехкомнатнаго домишка на чердакъ, гдѣ она жила все лѣто, пока не слѣпилъ для нея малую, темную и холодную на курьихъ ножкахъ избенку, въ которую она и переехала съ меньшимъ моимъ братомъ Капитаномъ, коему тогда было около 3-хъ лѣтъ. Этотъ достопочтѣннейшій дядюшка, особенно дражайшая его половина, заставляли мать мою терпѣть во всемъ нужду; она должна была запрашивать или покупать для себя хлѣбъ; крестьянки свои и чужія приносили яйца, творогъ, молоко, крупу и т. п., не требуя никакой платы. — Единому только Богу извѣстно, что она перенесла и какому униженію подвергалась отъ этихъ нѣжныхъ родственниковъ въ продолженіи около трехлѣтняго ихъ пребыванія въ селѣ Васильевѣ. Она плакала, молилась и Богъ услышалъ голосъ безпомощной, угнетенной вдовы и явилъ ей милость. Дядья раздѣлились и на нашу долю досталось до 10 душъ крестьянъ и упомянутый домишко и мать вступила въ полное управленіе, не терпя уже голода и холода. Но болѣзнь угнетала ее; она страдала каменною болѣзнію и, живя въ деревнѣ, не имѣла средствъ прибѣгнуть къ медицинскимъ пособіямъ; наконецъ 14 Декабря 1833 предала душу свою Богу и похоронена въ селѣ Стабникахъ, принадлежащемъ Князю Волконскому, имѣя отъ роду 60 лѣтъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ мою добрую мать въ Январѣ 1832 г. и пробылъ у нея около полуторы недѣли вмѣстѣ съ милымъ братомъ Николаемъ. При возвращеніи моемъ въ 1833 году съ Кавказскихъ минеральныхъ водъ въ Варшаву, я могъ и долженъ былъ захватить къ ней, чтобы утѣшить ее въ потерѣ сына ея Николая, умершаго въ Февралѣ мѣсяцѣ и въ послѣдній разъ при наступившей потомъ чрезъ два мѣсяца ея кончинѣ проститься съ нею и получить материнское благословеніе; но сего я не исполнилъ по черствости моего сердца и недостаточности сыновней любви, и потому каждый разъ, когда вспоминаю я, чувствую болѣзненные упреки моей совѣсти и живѣйшее раскаяніе и молю Бога и мать мою отпустить тяжкое мое прегрѣшеніе.

Я сперва обучался въ Зарайскомъ уѣздномъ двуклассномъ училищѣ, въ которомъ оба учителя были врагами, непрерывно между собою грызлись и даже дрались, не стѣняясь присутствіемъ учениковъ; этому примѣру слѣдовали и сварливыя ихъ жены. Въ Зарайскѣ я чуть было разъ не утонулъ, купаясь въ рѣкѣ Осетрѣ. Потомъ, когда мать моя съ больнымъ моимъ отцемъ переселилась въ деревню, меня помѣстили въ Рязанское Уѣздное училище, гдѣ я былъ довольно из-

ряднымъ ученикомъ и при экзаменахъ получалъ похвальные книги и листы. Я помѣщался въ самой бѣдной и холодной каморкѣ, но содержаніе меня было не посылать матери моей и я по милости добрыхъ людей принять въ заведеніе, содержимое дворянствомъ для бѣдныхъ ихъ собратій.

Юные недоросли помѣщались въ просторныхъ 4-хъ комнатахъ нижняго этажа дворянскаго каменнаго дома, а въ верхнемъ зимою бывали танцевальныя собранія и рекрутскіе наборы. Домъ находился на выѣздѣ, близъ заставы, обставленъ былъ двумя острогами; въ 300 шагахъ театръ, и въ верстѣ — гимназія. Жизнь наша въ этомъ дворянскомъ заведеніи не представляла ничего замѣчательнаго; всѣ мы одѣты были одинаково: зеленые мундиры въ родѣ куртокъ съ сѣрыми крестьянскаго сукна панталонами, сѣрые такого же сукна шинели и фуражки въ видѣ колпаковъ съ кисточкою наверху; тюфяки и подушки, набитыя соломой. Обѣдъ и ужинъ нашъ состоялъ изъ щей съ мясомъ и каши, завтракъ изъ куска всегда мягкаго, ржаного хлѣба, квасу, сколько душѣ угодно; по воскресеньямъ давали по куску пирога, словомъ, — пища была не прихотливая, но свѣжая и насыщавшая. Заведеніе имѣло директора, котораго однако же мы никогда не видали; надзиралъ за нами и кормилъ насъ престарѣлый отставной сержантъ съ помощію двухъ служителей; избранные и бывшіе у него въ милости, за привозимые изъ деревень гостинцы: муку, масло, яицы и т. п. — допускались въ театръ за кулисы, смотрѣли за исправностію освѣщенія, зажигали предъ пріѣздомъ публики и тушили по окончаніи спектакля сальныя освѣтительныя свѣчи, прятали воровски въ карманы огарки и отправлялись домой веселыми и довольными. За шалости иногда сѣкли насъ розгами, но чаще суровый надзиратель дарилъ оплеухами и любилъ въ особенности драть за уши. За чистоплотностію не гонялись; бани мы не знали, — лѣтомъ водили купаться въ р. Трубежъ. — Долженъ сказать, что за время четырехлѣтнаго моего пребыванія въ этой дворянской бурсѣ у насъ не было ни одного умершаго, хотя были больные, особенно чесоткою, и вовсе не было ни лѣкаря, ни лекарьствъ. — На Рождество, Свѣтлое Воскресеніе и на мѣстный праздникъ Св. Троицы я ѣздилъ къ матери въ деревню, или она присылала мнѣ съѣдобное и я былъ счастливъ, не помышляя о будущемъ; но когда бывало добрая моя мать дарила меня двугривеннымъ, — о! тогда не было предѣла моей радости. Самое отрадное время было тогда, когда насъ отпускали на лѣтнюю вакацію и я въ деревнѣ ходилъ и бѣгалъ за ягодами, грибами, орѣхами, удилъ рыбу, бывалъ на сѣнокосахъ, на жатвѣ хлѣба и, всегда и вездѣ босикомъ, для сбереженія дворянскихъ сапоговъ. — Въ праздники Пасхи и Св. Троицы видѣлъ, какъ преподобный отецъ Іаковъ и дячекъ Іосифъ, и съ супружницами, послѣ Богослуженія, поставивъ кресты и иконы въ передній

Уголь комнаты моей матери, ею угощались, упивались, тянули пѣсни и пускались въ плясъ.

Отъ лѣтъ моей ученической юности осталось въ моей памяти слѣдующее. 1) Находясь еще въ 1-мъ классѣ Рязанскаго уѣзднаго училища, одинъ разъ учитель задалъ мнѣ урокъ грамматически разобрать и объяснить части рѣчи какого то періода. На другой день я представилъ мою работу, которую учитель нашелъ глупою и бессмысленною и началъ меня бранить. Желая вывернуться, я свалилъ на невиннаго моего брата Николая, который въ то время былъ уже въ послѣднемъ классѣ гимназіи и слѣдовательно не могъ надѣлать столь грубыхъ ошибокъ. Дали мнѣ очную ставку съ братомъ и обнаружилось, что я его оклеветалъ и за то мой педагогъ задалъ мнѣ достаточно внушительную порку, которая была первая и послѣдняя въ моей жизни. 2) будучи еще въ гимназіи, я встрѣтилъ на улицѣ учителя латинскаго языка, иностранца Линка, и сталъ его дразнить тѣми физическими недостатками, которые онъ имѣлъ въ произношеніи, давая намъ уроки; за это онъ больно меня поколотилъ. 3) къ хозяйкамъ, у коихъ я жилъ, хаживала не то мѣщанка, не то купчиха въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и красавица; она имѣла связь съ однимъ учителемъ семинаріи и, замѣтивъ мою къ ней склонность, воспользовалась ею и выбрала меня своимъ Меркуріемъ для передачи любовныхъ ихъ другъ къ другу посланій. 4) разъ, пріѣхавши въ деревню къ матери моей на Рождество, вечеромъ я вышелъ къ ребятишкамъ на улицу и сталъ дразнить собакъ въ одномъ крестьянскомъ дворѣ; хозяйинъ, рыжій мужичина, выскочивъ съ хворостиною, порядочно отстегалъ меня и я возвратился домой со стыдомъ и слезами. 5) разъ, купаясь въ р. Трубежѣ, я крѣпко зашибъ о камень колѣно и меңа отнесли домой на рукахъ; дали о томъ знать моей по матери бабушкѣ; она немедленно явилась, употребивъ дешовое и вульгарное лѣкарство, именно *урину*, которою приказала тереть колѣно, и на третій день боль и опухоль совершенно исчезли и я сталъ на ноги.

Эта богомольная и набожная старушка, моя бабушка, не разставалась съ четками, творила молитвы, сидя, ходя и лежа, и не хотѣла жить у своей дочери въ деревнѣ потому, что тамъ не было церкви, а проживала въ Рязани въ семействѣ знакомаго секретаря Семенова.

Мало по малу и пополамъ съ грѣхомъ, промаршировалъ я чрезъ всѣ классы уѣднаго училища и гимназіи, и готовъ былъ шагнуть въ послѣдній 4-й классъ, какъ забить былъ отбой и я, имѣя уже поднятую ногу навѣсу, остановился, что бы изъ неуча юноши преобразиться по волѣ судьбы въ неуча солдата

Послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи правительство въ 1813 г. потребовало въ Дворянскій полкъ недорослей, 16 лѣтнихъ дворянъ;

въ то время мнѣ было только 15 лѣтъ, но мать моя успѣла сдѣлать такъ, что мнѣ надбавили лишній годъ и показали 16-ти лѣтнимъ, и я вмѣстѣ съ 15-ю товарищами изъ дворянскаго заведенія отправленъ въ тотъ полкъ въ С.-Петербургъ.— Мать моя оплакала меня, благословила маленькимъ образкомъ патрона моего отца, Св. Авраамія и всунула въ карманъ весь свой наличный капиталъ 5 р. ассигн. Надобно сознаться, что въ то время ученическія мои знанія, почерпнутыя въ гимназіи, весьма были ограничены, хотя я вышелъ уже изъ 3-го класса и мнѣ сы должно было болѣе знать; въ оправданіе свое замѣчу, что въ гимназіи обученіе происходило крайне небрежно и ни кто не обращалъ вниманія ни на успѣхи и поведеніе учениковъ, ни на педагогическія способности учителей. Директоромъ гимназіи былъ прокуроръ, весьма рѣдко классы посѣщавшій; у насъ не было даже учителя Закона Божія.

Мы ѣхали на вольнонаемныхъ; сопровождавшій насъ дворянинъ Мисюревъ честно кормилъ свою нестроевую команду и иногда лакомилъ ее даже сбитнемъ.

Москву мы видѣли разрушенною и изнепеленною пожаромъ 1812 г. Наконецъ, по сквернѣйшей въ мірѣ дорогѣ мы доволоклись до Петербурга и явились въ полковую канцелярію, гдѣ послѣ 3-хъ дней ожиданія были распределены по ротамъ и постунили тамъ въ рядъ *новичковъ*.

Въ то время дворянскій полкъ состоялъ изъ двухъ баталіоновъ и одного дворянскаго кавалерійскаго эскадрона и былъ, такъ сказать, приткнутъ ко 2-му кадетскому корпусу подъ дирекцію стараго Клейнмихеля, котораго мы знали только по наслышкѣ.— Полкъ не имѣлъ собственнаго полкового командира, какъ мы теперь разумѣемъ, но были баталіонные, въ родѣ *почетныхъ*, Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка полковники: въ 1-мъ баталіонѣ Голтгоеръ и во 2-мъ Энгельгардтъ, *и настоящіе* полковники же: въ 1-мъ Брайко и во 2-мъ Вилькенъ, а кавалерійскаго эскадрона полковникъ Линденеръ.

Каждый баталіонъ дѣлился на роты, которыя имѣли, какъ и нынѣ, ротныхъ начальниковъ, фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ дворянъ. По малому росту, я попалъ въ 5-ю роту къ подпоручику Богдановичу.— Намъ не преподавали никакихъ наукъ; единственнымъ нашимъ занятіемъ были шагистика и ружейная экзерциція; это называлось у насъ службою; въ свободное же отъ этой немудреной, но располагающей къ тупоумію, службы, воспитанники или чистили ружья, или чинили свои мундарты и штаны (шинелей не было), а чаще всего слонялись изъ одной каморы въ другую; по барабану утромъ мы просыпались, умывались, одѣвались, оправляли кровати, выстраивались для молитвы и фельдфебельскаго осмотра нашей одежды и чистоты рукъ

(намъ мыла не давалось), завтракали кускомъ ржаного хлѣба и принимались выдѣлывать служебную муштру; по барабану шли въ ногу обѣдать и ужинать; по барабану по насыщеніи вставали отъ стола и по командѣ дежурнаго офицера оставляли обѣденную залу и отправлялись въ свои камеры и, наконецъ, по тому же барабану творили молитву на сонъ грядущій, разоблачались, складывая по формѣ одежду на табуреты, чистили уродливыя краги къ штанамъ и сапоги, выставляли послѣдніе предъ кроватью въ линейку и ложились спать. Огромная обѣденная зала принадлежала къ зданію собственно 2-го кадетскаго корпуса и служила, какъ для кадетъ, такъ и для воспитанниковъ дворянскаго полка и эскадрона; первые прежде насъ ходили къ столу; съ ними мы не имѣли рѣшительно никакихъ сношеній и ни гдѣ не встрѣчались; кадетскій корпусъ и дворянскій полкъ—это были совершенно различныя учрежденія; въ стѣнахъ перваго преподавалась наука, въ стѣнахъ послѣдняго ни какой науки, кромѣ ружейныхъ приемовъ на 12 темповъ, и забывалось то, что знали воспитанники до вступленія въ полкъ; одно было общее,—это кормленіе, пища. Толстѣйшій, боченкообразный корпусный экономъ Перфилка, закупатель съѣстныхъ сладобій, кормилъ очень удовлетворительно и по утвержденной программѣ; безъ сомнѣнія, болѣе половины бѣдныхъ воспитанниковъ полка (въ томъ числѣ и я) будучи дома, не имѣли подобнаго стола; два раза въ недѣлю насъ лакомили даже пирожнымъ; мы ѣли серебряными ложками, пили квасъ изъ серебряныхъ стопъ, и прислуживали намъ за столомъ инвалиды; инвалиды же служили и при камерахъ; они ежедневно, когда дворяне еще спали, натирали по посыпанному песку кирпичемъ полы и въ извѣстное время перемѣняли солому въ тюфякахъ и подушкахъ. За то мы не имѣли ни церкви, ни священника и не исполняли ни какихъ религіозно-христіанскихъ обязанностей, оставаясь совершенно во тьмѣ по душеспасительной части; у насъ такъ же не было ни бани, ни лѣтнихъ купаній и потому тѣлеса наши пребывали въ нечистотѣ и грязноватости.

Слустя годъ меня перевели въ гренадерскую роту, откуда дворяне выпускались въ армію офицерами; въ этой ротѣ ко мнѣ былъ расположенъ фельдфебель Харкевичъ, который помѣстилъ меня въ свою камеру и поручилъ доходную должность—пріемщика и раздатчика дворянамъ на завтракъ ржаного хлѣба. Отъ раздачи у меня постоянно оставалось до 10-ти порцій и я дарилъ ихъ моимъ товарищамъ, а чаще промѣнивалъ въ лавочкѣ на тюрю или окрошку, составленную изъ кваса и капусты; другіе лакомились сбитнемъ съ булками, но у меня не было денегъ для такой роскоши.

Наконецъ, назначенъ былъ выпускъ въ офицеры и я обрадовался, рассчитывая навѣрное, что попаду въ разрядъ счастливыхъ смертныхъ, но, увь! обманулся: по малорослости я былъ забракованъ и оставленъ

до слѣдующаго выпуска, а въ утѣшеніе назначили меня прямо фельдфебелемъ въ прежнюю мою 5-ю роту. Погоревавши и поплакавши, я перебрался опять въ знакомую мнѣ роту и вступилъ въ исправленіе новой должности, украшенный золотыми галунами на мундирѣ. Въ это время ротнымъ начальникомъ былъ уже другой, именно штабсъ-капитанъ Вильбъ, прозванный „козломъ“.

Фельдфебель въ дворянскомъ полку тогда былъ лицо самостоятельное; въ ротѣ его боялись болѣе чѣмъ ротнаго командира, потому что онъ жилъ съ дворянами; имѣлъ надъ ними надзоръ и полную власть, а ротный начальникъ, находясь на квартирѣ, рѣдко заглядывалъ въ роту и заботился только о томъ, чтобы имѣть по болѣе такъ называемыхъ пенсіонеровъ, т. е. дворянъ изъ новичковъ, которые бы платили ему деньги за покровительство и за переводъ въ гренадерскую роту; эти пенсіонеры жили вмѣстѣ съ дворянами и содержались какъ и всѣ прочіе. Подобныхъ пенсіонеровъ имѣли и сами баталіонные командиры, получая за нихъ уже большую сумму. Такъ и въ Дворянскомъ полку, богатые имѣли преимущество предъ бѣдными и выпускались въ офицеры скорѣе, чѣмъ другіе.

Я былъ строгъ и суровъ, каждое утро и вечеръ я обходилъ камеры, осматривалъ оружіе и самихъ дворянъ, которыхъ состояло въ ротѣ до 200 чел. и за неисправности наказывалъ: ставилъ на колѣни, подъ ружья, заставлялъ тереть полъ кирпичемъ, оставлялъ безъ обѣда или безъ ужина, а иногда доставалось даже и ушамъ; камерные унтеръ-офицеры каждое утро и вечеръ мнѣ рапортовали; меня боялись даже и тѣ, кои ростомъ были выше, а лѣтами старше меня; за то рота моя была исправна и не дѣлала значительныхъ шалостей. — Я твердо зналъ строевую службу и безошибочно командовалъ на ученіяхъ; ротный и баталіонный командиры ко мнѣ были расположены, а первый при выпускѣ подарилъ мнѣ на память записную книжку или портфель, разумѣется безъ *приложенія*. Фельдфебели каждый вечеръ ходили къ баталіонному командиру полковнику Вилькену съ словеснымъ рапортомъ о благосостояніи роты. Они имѣли такое же кушанье, какъ и прочіе дворяне, но по благосклонности эконома Перфильки подавалась имъ двойная порція. — Мнѣ, какъ фельдфебелю, жившіе со мною въ камерѣ дворяне чистили мое ружье, платье, сапоги и краги охотно и непринужденно.

Лѣтомъ въ половинѣ Іюня 1814 года оба баталіона выступили въ лагерь въ Стрѣльну; Цесаревичъ Константинъ едва не каждый день пріѣзжалъ къ намъ съ неизмѣннымъ своимъ спутникомъ генераломъ Олсуфьевымъ, производилъ ученье и часто показывалъ насъ иностранцамъ; во фронтѣ я командовалъ баталіономъ и, Великій Князь, когда бывало проходили мимо него церемоніальнымъ маршемъ, почти всегда,

обращаясь къ окружавшимъ его, кричалъ хриплымъ своимъ голосомъ указывая на меня: „*черный дьяволенокъ, — а? какво?*“. За всѣмъ тѣмъ, однако же разъ Его Высочество, бывъ на ученьи въ худомъ расположеніи духа, когда баталіонъ шелъ линією, а я маршировалъ впереди баталіона въ 8 шагахъ отъ него, ему причудилсь, что я не высоко поднималъ ногу и потому, подбѣжавъ ко мнѣ, съ великимъ гнѣвомъ закричалъ: „*черный чертъ, выше ногу, выше, выше, выше!*“, и съ каждымъ словомъ „выше“ наносилъ ударъ по моимъ бѣднымъ икрамъ привѣшенною къ бедру своею шпагою, и такимъ образомъ, вполнѣ неповинно, я удостоился получить изъ Августѣйшихъ Его рукъ до 8 ударовъ, безъ права именоваться рыцаремъ. — Въ другой разъ, Цесаревичъ, тоже будучи не въ своей тарелкѣ, за ничтожныя на ученьи ошибки, всѣхъ взводныхъ и баталіонныхъ командировъ (въ томъ числѣ и меня) оставилъ на плацу жариться на солнцѣ цѣлый день съ непокрытыми головами, разставивъ насъ по всему плацу на разныхъ пунктахъ и сверхъ того споролъ галуны и смѣстилъ въ рядовые, но спустя нѣсколько дней, умиловившись и возвратилъ чины, а съ ними и галуны. Во время же нахождения полка въ Стрѣльнѣ случился такой казусъ: отъ стоявшихъ жаровъ, или отъ чего — другого начала тлѣть мглистая почва, на которой вблизи Стрѣльны росъ сосновый лѣсъ. Нежданно негаданно прибылъ къ полку Великій Князь, приказалъ бить тревогу и, когда полкъ выстроился, повелъ его на пожарище, и мы одною силою нашихъ ногъ потушили огонь.

Наконецъ, въ Маѣ 1815 года произведенъ выпускъ въ офицеры и я былъ назначенъ въ резервный баталіонъ 27-го егерскаго полка; тогда дѣйствовавшая армія вся была въ движеніи къ Парижу, по случаю бѣгства Наполеона съ острова Эльбы. Насъ обмундировали на казенный счетъ, т. е. сшили каждому изъ темно-зеленаго сукна мундиры съ панталонами, сѣраго сукна шинели, ботфорты, дали безобразный киверъ съ нитяными кутасами, нитяный шарфъ, шпаженку съ серебрянымъ темлякомъ и мишурные эполеты; всѣ эти вещи были менѣ чѣмъ посредственны; кто имѣлъ средства, тотъ обмундировался лучше, а у меня не было мѣднаго гроша и я остался при казенныхъ, радуясь своему офицерству не менѣ другихъ. По обмундированіи я долженъ былъ явиться въ канцелярію за прогонами, какъ вдругъ получено было предписаніе отъ Цесаревича Константина изъ Варшавы, что бы на мѣсто переведенныхъ имъ изъ дѣйствующихъ баталіоновъ 13-го егерскаго полка 5-ти офицеровъ въ Волынскій гвардейскій полкъ, назначено было такое же число лучшихъ изъ выпускныхъ офицеровъ; я, какъ бывшій фельдфебелемъ, попалъ въ число 5-ти и вмѣсто 27-го меня уже переназначили въ 13 егерскій полкъ. Насъ было всего 10 человекъ и всѣ мы отправились на почтовыхъ въ Варшаву; изъ этихъ нововыпущенныхъ офицеровъ, — 5-тъ, кои при

самомъ выпускѣ назначены были въ резервный баталіонъ 13-го егерскаго полка, должны были остаться въ резервѣ; а остальные 5-ть вмѣсто выбранныхъ въ гвардію, должны были ѣхать въ дѣйствующіе баталіоны того же полка во Францію. — Прибывъ въ Варшаву, насъ тотъ часъ употребили на службу; меня нарядили въ караулъ на главную гауптвахту Краковскаго предмѣстья; въ тотъ же день былъ присланъ Великимъ Княземъ подъ арестъ одинъ драгунскій поручикъ; онъ выпросился у меня въ трактиръ пообѣдать, общался немедленно возвратиться, и я, по глупости повѣривъ его слову, далъ ему позволеніе, а онъ не только въ тотъ день, но даже на другой не заблагодарилъ явиться на гауптвахту и меня Его Высочество, за отпускъ арестанта, приказалъ выдержать подъ арестомъ цѣлыя сутки. Это было первое мое наказаніе по службѣ и я проклиналъ безчестнаго драгуна, меня обманувшаго.

Мы 5-ть человекъ съ нетерпѣніемъ ожидали отправления нашего за границу и только чрезъ двѣ недѣли по прибытіи нашемъ въ Варшаву потребованы въ главный штабъ Цесаревича; но баталіонный командиръ подполковникъ Бабичевъ, вмѣсто меня назначилъ другого, желавшаго побывать за границею; я кланялся Его Высочествоблагородію и убѣдительно доказывалъ его неосновательность, онъ и слышать не хотѣлъ моихъ убѣжденій и я волею — не волею покорился своей участи. Когда назначенные за границу офицеры явились въ штабъ за бумагами и прогонами, то начальникъ штаба генералъ Курута началъ повѣрять по списку, присланному изъ дворянскаго полка, и, не видя между явившимися меня, объявилъ, что я долженъ быть отправленъ, а не другой кто и вслѣдствіе сего меня немедленно потребовали въ штабъ, куда я явился, бывъ отъ сего въ восторгѣ. — Мы получили отправление и примѣрно прогоны, представились въ Брюлевскомъ Дворцѣ къ Цесаревичу, который осмотрѣлъ насъ съ головы до пятокъ, — при чемъ милостиво соизволилъ ущипнуть меня за щеку, и на другой день мы катили уже во Францію на двухъ огромныхъ форшпанахъ. — Изъ всѣхъ насъ, ни кто и ни какаго не зналъ иностраннаго языка, но мы чрезъ Бреславль, Дрезденъ, Лейпцигъ, Майнцъ, Нанси и Барле-дюкъ, съ Божіею помощію благополучно достигли въ Іюль мѣсяцъ до м. Нанжиса, гдѣ была полковая штаб-квартира 13-го егерскаго полка.

Въ продолженіи нашей длинной дороги, я едва не умеръ отъ того, что на отведенной намъ у одного француза квартирѣ, съѣвъ двѣ дыни и напившись воды, впалъ въ совершенное безпамятство и въ такомъ безсознательномъ состояніи везли меня три дня; съ того времени я не только не могъ ѣсть дынь, но даже и по нынѣ чувствую тошноту отъ одного ея запаха. Другое происшествіе со мною тоже подвергало меня опасности: въ одномъ французскомъ селеніи мы остановились

объдать; намъ отвели квартиры и мнѣ съ однимъ изъ товарищей дали хозяина кривого и безобразнаго, съ отталкивающею фізіономією; но этотъ уродъ имѣлъ у себя уже взрослую привлекательную дочь; послѣ обѣда я вздумалъ полюбезничать съ нею; не зналъ ни одного слова по французски; красавица отправлялась въ садъ, я за нею; въ саду былъ погребъ, — она туда, я за нею, но сдѣсь и кончилась моя погоня; эта жестокая, увернувшись отъ меня, затворила двери и я остался въ темнотѣ, сильно испуганный. Форшпанки были уже готовы, надобно было ѣхать, а я не являлся, пропалъ; стали спрашивать кривого циклопа, призвали деревенскаго старшину, а меня нѣтъ какъ нѣтъ; пошли въ садъ и только тамъ услышали отчаянный мой крикъ и освободили изъ западни, а сельская нимфа скрылась. За мою легкомысленность я могъ бы дорого поплатиться; тогда французы иноземцевъ, какъ незваныхъ гостей, били и рѣзали при всѣхъ удобныхъ случаяхъ.

И такъ мы прибыли въ Навжисъ, явились къ полковому командиру, полковнику Маевскому, и распределены по ротамъ. Я попалъ въ 8-ю егерскую роту, которою командовалъ поступившій изъ Сибирскихъ гарвизоновъ тамошній уроженецъ изъ солдатскихъ дѣтей поручикъ Михайловъ, — офицеръ уже пожилой, но честный, трезвый и строгій, а баталіоннымъ начальникомъ былъ подполковникъ Ходаковскій, добродушно-хитрый хохоль, любившій малороссійскій борщъ съ саломъ и на ученьяхъ всегда предварявшій въ голосъ, что бы *служали* его *ушима* и *бачили очима*.

Въ то время всей русской арміи назначено было собраться къ г. Вертю на смотръ Императора АЛЕКСАНДРА I-го, и нашъ полкъ по нашемъ прибытіи, недѣли чрезъ три, выступилъ на сборное мѣсто. Мѣсяца за два до того полковые офицеры были обмундированы, что называется съ иглочки, щегольски; имъ, какъ и всѣмъ вообще офицерамъ арміи, готовившейся предстать на смотръ Царя и иностранцевъ, пожаловано было, для обновленія своего туалета, каждому по 200 франковъ. А какъ намъ, яко вновь прибывшимъ послѣ окончанія всѣхъ расчетовъ и недавно получившимъ въ дворянскомъ полку новое на счетъ казны даровое обмундированіе, было отказано въ отпускѣ тѣхъ денегъ, — то полковой начальникъ не извоилъ признать эти выставленныя дивизіоннымъ командиромъ, генераломъ Марковымъ, причины уважительными и самопроизвольно возложилъ на полковаго казначея немедленно одѣть насъ подобно прочимъ офицерамъ; что и было исполнено. Изъ отличнаго французскаго сукна были пошиты мундиры и панталоны, всѣ витяныя вещи замѣнены серебряными, также и эполеты, вмѣсто мишурныхъ, даны серебряно — позлащенные. Но это преображеніе намъ дорого стоило: по аптекарскому счету хапуги — казначея мы цѣлый годъ оставались безъ жалованья, пробиваясь кое какъ.

Прибывъ къ Вертю, полкъ расположился въ шалахахъ. Смотровое мѣсто было отъ насъ верстахъ въ 10 ти сколько могу припомнить, на первомъ смотру арміи присутствовалъ одинъ только Императоръ со своею свитою,—это было родъ репетички; на другомъ же съ Прусскимъ Королемъ, принцами и легиономъ иностранцевъ въ пестрыхъ костюмахъ и разныхъ половъ. Потомъ армія была собрана уже въ другомъ пунктѣ, отслужила въ присутствіи Его Величества напутственный молебень съ колѣнопреклоненіемъ и чрезъ нѣсколько дней, въ первыхъ числахъ Сентября, отправились во свояси, въ православную Россію.

Въ продолженіи всего похода въ Россію,—а это не малый былъ путь,—я шелъ пѣшкомъ при ротѣ, по весьма уважительной причинѣ: не имѣлъ лошади, а купить не было зачто; чемоданишка мой возился съ солдатскими мѣшками, а миниатюрный мой ранецъ,—Богъ знаетъ для чего и до нынѣ существующій въ войскахъ,—красовался на плечахъ пьянчуги моего казеннаго деньщика. Во все пребываніе мое за границую я не бралъ въ ротъ не только водки, но и даже вина и и пива, хотя этихъ напоевъ было вдоволь и даровое на квартирахъ. За границую же я никакихъ рѣдкостей не видалъ и не осматривалъ; да и не до того было; усталость и утомленіе отъ похода приковывали къ квартирѣ; радъ—радешенекъ, когда, бывало, доберешься до нее.

Нѣмцы кормили насъ сытнѣе и лучше, чѣмъ французы, а постели у первыхъ и по давно были роскошнѣе: пуховикъ подъ тобою, пуховикъ надъ тобою, пуховикъ въ головахъ, пуховикъ въ ногахъ.—Жарко до тошноты.

Памятно мнѣ еще одно событіе, которое теперь кажется смѣшнымъ, а тогда было мнѣ не до смѣху. Въ дворянскомъ полку, при обмундированіи, спиты были и шинели, но безъ подкладки; моя служила мнѣ и сюртукомъ, и шлафрокомъ, и одѣяломъ, и сдѣланная изъ недобротнаго сукна, поистерлась, поиздырявилась и, должна была поступить на деньщика, въ замѣнъ казенной солдатской. Надобно было шить новую для себя шинель, а денегъ нѣтъ; надобно было обратиться къ полковнику Маевскому, такъ какъ казначей въ нихъ мнѣ отказалъ,—а я Маевского боялся по его заносчивости и дерзости въ обращеніи; это меня смущало и останавливало лично предстать къ нему съ петиціею о деньгахъ; но послѣ ободренія ротнаго командира и его словъ: „*вѣдь онъ еще не кусается*“,—а рѣшился явиться къ грозному высокоблагородію, не съ простыми опредѣлительными словами: „*пожалуйте, дескать, денегъ*“,—а съ высокопарною рѣчью, сочиненною и нѣсколько разъ повторенною въ смятенномъ моемъ умѣ; что я исполнилъ на днѣвкѣ въ Прусскомъ городѣ Кемпенѣ, близъ границы

Царства Польскаго. — Я произнесъ глупо — витѣватую мою рѣчь, и до того спутался и заврался, что Маевскій рѣшительно не понялъ меня и съ раздражительнымъ нетерпѣніемъ спросилъ: „да чего вы хотите“? Когда же узналъ, въ чемъ дѣло, засмѣялся и тотчасъ написалъ казначею о выдачѣ мнѣ въ заимообразъ просимыхъ мною 100 руб. ассиг. Это первое мое личное знакомство съ Маевскимъ и первое съ нимъ личное сношеніе, послѣ мы сошлись близко, даже болѣе чѣмъ близко.....

Послѣ безкровной компаніи и утомительнаго похода, 13-й егерскій полкъ прибылъ на свои кантонирь — квартиры Полтавской губерніи въ Пирятинскій уѣздъ и расположился полковой штабъ въ ничтожномъ городишкѣ Пирятинѣ, а роты въ селеніяхъ по малороссійскимъ казакамъ, какъ болѣе зажиточнымъ и безответнымъ, чѣмъ крестьяне помѣщиковъ. — Ротный мой начальникъ былъ переведенъ на свою родину въ Сибирскіе гарнизоны, а на мѣсто его назначенъ, произведенный изъ фельдфебелей, подпоручикъ Рядновъ, любившій выпить, погулять и пѣсенки попѣть. Онъ то, по своей благосклонности, мало по малу приучилъ и меня тянуть стаканами сливянку и вишневку и задавать трепака съ хохлячками; въ районѣ роты помѣщиковъ, гдѣ бы я могъ бывать, не находилось, книгъ никакихъ не было, — свободнаго времени отъ ученій было много, опытности никакой, и я не ручаюсь, что бы при руководствѣ такого начальника я не сдѣлался горькою пьяницею, продолжая оставаться съ нимъ, если бы судьба не сжалилась надъ моею молодостію и не вырвала изъ рукъ этого пьянаго гуляки, — перемѣстивъ меня въ другую роту, гдѣ ротный начальникъ былъ лучшаго разбора и въ округѣ которой были помѣщичьи дома, которые я посѣщалъ, научался приличію и обращенію ума разума.

Офицеры въ ротахъ, въ томъ числѣ и я, по скудости жалованья, не могли держать собственнаго стола и даже имѣть стаканъ чаю, а обѣдали и ужинали или у ротныхъ своихъ начальниковъ, когда квартировали на ротныхъ дворахъ, или у своихъ хозяевъ, — казаковъ, къ которымъ приписывалось 3—4 лучшихъ, зажиточныхъ казачьи хаты или семейства для кормленія офицера. Надобно сказать, это кормленіе было сытное и вкусное. Вообще стоянка полка въ первые годы нашего квартированія въ Малороссіи, въ этомъ благословенномъ и изобильномъ тогда краѣ, была болѣе чѣмъ хороша для нижнихъ чиновъ: добродушные хохлы не имѣли понятія, что законно и что не законно; съ покорностію исполняли часто прихотливыя требованія солдатъ въ отношеніи пищи. Бывало роты идутъ для содержанія карауловъ въ полковую или дивизионную квартиры на двѣ и на три недѣли, — за ними тянется вереницею на волахъ длинный обозъ, нагруженный солдатскими ранцами и взятыми отъ хозяевъ на все время отсутствія съѣстными припсами: паляницами, саломъ, крупю, солью и т. п. свѣдью — и никакихъ пререканій, споровъ и жалобъ отъ ка-

заковъ на такое грабительство и наши вопіющіи злоупотребленія не было; бесплатными подводами мы распоряжались какъ собственными. — Уѣздный исправникъ былъ на сторонѣ войскъ; онъ состоялъ на откупѣ у полковаго командира, слѣдовательно намъ нечего было опасаться и мы съ крестьянами самовольничали, сколько душъ угодно. Въ послѣдствіи однако же это измѣнилось къ удовольствію жителей и огорченію нашему.

По возвращеніи изъ заграницы полкъ приступилъ къ мирнымъ *боевымъ* занятіямъ, къ мирно-палочной муштрѣ солдатъ; но у насъ не было ни печатныхъ, ни рукописныхъ правилъ рекрутской школы, ротнаго, баталіоннаго и прочихъ ученій, и потому каждый обучалъ по своему крайнему разумѣнію. Инициатива къ соглашенію и однообразному введенію правилъ обученія, какъ и слѣдовало, вышла изъ главнаго штаба арміи. Онъ потребовалъ изъ полковъ команды для составленія учебнаго баталіона. Я какъ болѣе знающій въ наукѣ шагистики, чѣмъ отличался еще въ дворянскомъ полку, въ концѣ 1816 года былъ съ командою на бесплатныхъ подводахъ отправленъ въ главную квартиру г. Могилевъ на Днѣпрѣ. Стояла жестокая зима, а я не имѣлъ теплой одежды, и потому въ пути, лежа на подвѣдѣ, прикрывался сѣномъ или соломою, а иногда бралъ у хозяина квартиры козужъ его и надѣвалъ его на свое грѣшное тѣло.

По прибытіи въ Могилевъ, явился я къ начальнику учебнаго баталіона подполковнику Левенталю. Команду мою размѣстили по обывательскимъ домамъ, по 3 и 4 человекъ въ каждомъ, съ продовольствіемъ отъ хозяина, — меня же впахнули къ сапожнику, съ которымъ и его семействомъ я жилъ въ одной комнатѣ. — Обыватели города были бѣдны, обременены постоемъ и большею частію евреи. Изъ первенствующихъ военныхъ лицъ въ Могилевѣ были: главнокомандующій Князь Барклай де Толли, начальникъ штаба Дибичъ, дежурный генералъ Ольдекопъ и начальникъ артиллеріи хромой Князь Яшвилъ. Начались ученья; 6-ть дней въ недѣлю отъ утра до ночи насъ дрессировали, а въ Воскресенье учебное офицерство являлось на выходъ съ поклономъ къ Барклаю. Фигура величественная, внушавшая уваженіе.

Въ Могилевѣ не было у меня ни кормильца — хохла, ни приписныхъ квартиръ; я поступилъ на свое собственное продовольствіе, а въ карманѣ было мало грошей. Я переписывалъ ученья и рукописи продавалъ моимъ товарищамъ и такимъ образомъ на выручаемыя деньги я имѣлъ обѣдъ, состоящій изъ супа съ нѣсколькими картофелинами и фунтомъ мяса. Такъ я роскошничалъ до Великаго поста. Что бы болѣе по экономничать и сберечь копѣйку, а съ другой стороны исполнить долгъ христіанина, я сталъ постничать, и супъ, — всетаки одинъ супъ, варился и приправлялся коноплянымъ масломъ; иногда сострадательная

сапожница давала мнѣ кусокъ пирога или чашку размазни и я благодарилъ и не брезгалъ такими подачками. Эта малопитательная пища, при усиленномъ ежедневномъ на воздухъ движеніи, крѣпко обезсилила меня и подѣйствовала на мой желудокъ. Къ счастью всѣмъ офицерамъ учебнаго баталіона Всемиловѣйше пожаловано не въ зачетъ третное жалованье, и я неимѣлъ уже повода голодать, возвратился къ мясному и поправился силами.

Наконецъ учебный баталіонъ былъ выученъ, вышколенъ; всѣмъ преподаны одинаковыя правила фронтовой тактики; раскола не было; словомъ—*воспитаніе* окончено. Дибичъ сдѣлалъ баталіону строгую ревизію и команды, его составлявшія, отправлены въ свои полки для передачи имъ мудрости, почерпнутой въ главной квартирѣ. Левенталь произведенъ въ Полковники, а офицерство удостоилось получить Высочайшее благоволеніе. Тогда скупы были на вещественныя награды, столь щедро и зря нынѣ разбрасываемыя.

По прибытіи моемъ къ полку, тотчасъ изъ всѣхъ ротъ выребованы были при офицерахъ команды въ полковой штабъ и, какъ патентованному инструктору, поручены мнѣ для обученія. При ежедневныхъ занятіяхъ предъ окнами квартиры полковника Маевского,— я съ нимъ и онъ со мною познакомились ближе и я пересталъ уже его бояться.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ полкъ, какъ и всѣ прочіе полки корпуса Сакена, собрались къ Полтавѣ на смотръ Императора АЛЕКСАНДРА I, а послѣ этого смотра нашъ 13-й егерскій полкъ отправился на новыя квартиры Екатеринославской губерніи въ Верхнеднепровскій уѣздъ.

Полковникъ Маевскій до переименованія своего въ 1814 году изъ военныхъ совѣтниковъ въ полковники съ назначеніемъ командиромъ полка, отличавшійся бойкостью своего пера, былъ полнымъ неучемъ по части мирныхъ фронтныхъ, экспериментовъ и потому для изученія ихъ и сближенія съ собою назначилъ меня полковымъ адъютантомъ и личнымъ своимъ профессоромъ. Очутившись въ этихъ почетныхъ званіяхъ, я мало по малу и безъ всякихъ усилій, а единственно моимъ постояннымъ усердіемъ и точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, приобрѣлъ его расположеніе и благосклонное вниманіе прелестной его жены, вѣтрынной Варшавячки. — Онъ называлъ меня своимъ наставникомъ, Клейнмихелемъ и даже, незнаю уже почему, — своимъ Бертъе; часто дарилъ мнѣ вещи до гардероба моего относящіяся, а отъ супруги его получилъ дюжину новыхъ рубашекъ, которыхъ собственныхъ у меня было только двѣ; я парадировалъ на его запасной верховой кобылѣ, впрочемъ старой, которую онъ мнѣ и подарилъ. Маевскій, не зная ни какихъ иностранныхъ языковъ, составилъ себѣ изъ русскихъ разнообразнаго содержанія книгъ бібліотеку, которую я возбравно

пользовался и съ этого — то времени, получивши вкусъ къ чтенію, началъ постепенно и самъ пріобрѣтать книги изъ скуднаго моего жалованья, которыхъ теперь у меня набралось до 1000 штукъ, въ числѣ коихъ много цѣнныхъ. Я покупалъ и читалъ, и читалъ безъ разбора; меня нѣкому было руководить въ выборѣ; за всѣмъ тѣмъ, я обязанъ этимъ книгамъ; если я имѣю кой — какія свѣдѣнія и занималъ трудныя, требовавшія нѣкоторыхъ познаній и сподобностей, должности, — то все — таки причиною книги и единственно книги, а не обученіе въ гимназіи, откуда я вышелъ простою *пѣшкой*.

По прибытіи къ полку, особенно въ резервномъ баталіонѣ, я нашелъ многихъ офицеровъ уже въ лѣтахъ зрѣлости, но боевыхъ и съ знаками отличія. По возвращеніи изъ заграницы въ отечество потребовалась отъ нихъ иная служба, — служба мирнаго времени, отъ которой они уже отвыкли въ продолженіи долготѣхнхъ походовъ и войнъ. Настоянія полкового командира, соединенныя съ запальчивостію и дерзостію, о занятіяхъ фронтовою частію были имъ, конечно, не по вкусу и вызвали ропотъ ихъ и сопротивленіе Маевскому и потому болѣе неприятыя ему и болѣе оскорбляемыя имъ вынуждены были переидти въ гарнизоны или выйдти въ отставку. Надобно правду сказать, что Маевскій былъ неделикатенъ и заносчивъ съ подчиненными ему лицами, — особенно съ тѣми, кои рѣшались останавливать его начальническіе порывы.

Время *мирныхъ* занятій, — если не во всей арміи, то въ нашемъ 13 егерскомъ полку, — было для нижнихъ чиновъ временемъ жестокимъ, мучительнымъ. Оно началось въ царствованіе Благословеннаго, продолжалось при Незабвенномъ и кончилось при благодушномъ Императорѣ АЛЕКСАНДРѢ II-мъ. На ученіяхъ одиночныхъ и массами и внѣ ученій за ничтожныя ошибки и копѣчные проступки были въ ходу палки, розги, тесаки, помпола, штыковыя ножны; били въ лицо, толкали въ шею и т. п. словомъ поступали безъ всякаго снисхожденія къ этимъ вполне несчастнымъ страдальцамъ. И все это творилось подъ предлогомъ *доведенія ихъ до совершенства*. Эта жестокость къ солдату, это поруганіе челоуѣчества было модою или эпидемією и никто не обращалъ на это вниманія; нижніе чины терпѣли и не смѣли принести жалобъ, зная, что еще хуже будетъ, если кто замкнется.

Если съ одной стороны полковникъ Маевскій былъ расположенъ ко мнѣ, то съ другой, — онъ едва меня не погубилъ по слѣдующему кровавому произшествію.

Упомянутый выше подпоручикъ Радновъ въ пьяной пирушкѣ нанесъ ударъ по лицу молодому прапорщику Асовскому. Разумѣется,

подобное оскорбленіе положному понятію о чести омывается кровію; самъ Маевскій приказалъ непремѣнно имъ драться на дуэли. Они повиновались, но не могли найдти другого секунданта; всё отказались. Маевскій назначилъ меня и я, по, неопытности и вовсе не думая о послѣдствіяхъ, согласился на то. Дрались въ 6-ти шагахъ на пистолетахъ и палъ тотъ, кто былъ оскорбленъ и получилъ оплеуху; убійца преданъ военному суду; но какъ къ этому дѣлу былъ прикосновенъ самъ полковой командиръ, а онъ во всѣхъ управленіяхъ имѣлъ пріятелей и покровителей, то Радновъ и оба секунданта были спасены отъ разжалованія въ солдаты и отдѣлались — первый трехмѣсячнымъ арестомъ на гауптвахтѣ, а послѣдніе трехдневнымъ домашнимъ арестомъ. Но и досего времени совѣсть моя упрекаетъ меня въ этомъ произшествіи. Убитый былъ одинъ только сынъ у несчастной, бѣдной матери и того она лишилась! Можетъ быть Богъ покаралъ меня за мое преступленіе преждевременною кончиною старшаго моего сына!

Около 6-ти лѣтъ прошло, какъ я разлучился съ матерью и мнѣ страхъ какъ хотѣлось видѣть ее, но безденежье меня останавливало, а денегъ надобно было немало, что бы пуститься въ дальнѣйшій путь. Вдругъ, вовсе неожиданно, получаю отъ тетки письмо о смерти мужа ея, а моего дяди Алексѣя. Я тотчасъ отвѣчалъ ей, и старался утѣшить ее, а въ заключеніе сказалъ, что я желалъ бы лично раздѣлить съ нею горе, но не имѣю средствъ это исполнить. Чрезъ нѣкоторое время она прислала мнѣ, кажется, до 20-ти полумпериаловъ; для уменьшенія издержекъ я запасся дорожною по казенной надобности, которую получилъ отъ корпуснаго старшаго адъютанта, сослуживца моего по полку, а Маевскій снабдилъ меня своею волчьею шубой; потомъ, получивъ отпускъ на 28 дней, я отправился въ путь. 6-го Января 1819-го года въ чинѣ подпоручика. — Тетка, жившая въ деревнѣ Тамбовской губерніи Козловскаго уѣзда, которую я видѣлъ только въ первый разъ, была мнѣ очень рада, по обыкновенію кормила на убой, возила къ брату своему отставному генералу Муравьеву, который показывалъ мнѣ, существу профану, свой конскій заводъ; словомъ, я у добродушной тетюшки плавалъ, какъ сыръ въ маслѣ. Замѣчательно, что другой братъ тетки жилъ въ 50 шагахъ отъ нея въ собственномъ домѣ, но не видались, будучи съ давняго времени въ ссорѣ. Простившись съ теткою и получивъ отъ нея еще нѣсколько денегъ и малюношенный фракъ ея покойнаго мужа, я поѣхалъ къ матери и какъ снѣгъ на голову явился къ ней въ Рязань. Какъ она была рада; обнимала, цѣловала и плакала; не знала гдѣ посадить! Нѣтъ словъ изъяснить всѣхъ материнскихъ чувствъ ея, всѣхъ изліяній нѣжности; но она сильно уже постарѣла, — къ чему содѣйствовала и болѣзнь ея. Мы отправились въ Василево, гдѣ я проживалъ

съ моею матерью нѣсколько истинно счастливыхъ дней; она меня благословила, дала 80 руб. асс. и отпустила въ дорогу. Отъ нея заѣхалъ я къ дядѣ Андрею, городничему въ г. Крапивнѣ. Опъ тоже принялъ меня ласково, родственно, но тетка, дражайшая его половина, холодно, церемонно, она то была настоящею градоначальницею, и правила городомъ, а мужъ ея ничего болѣе не дѣлалъ, какъ занимался вязаніемъ чулокъ. У дяди я увидѣлъ младшаго брата моего Капитона; я оставилъ его еще ребенкомъ, а встрѣтилъ юношею; я плакалъ, обнимал и цѣлуя его; воспоминаніе о его дѣтствѣ и о перенесеніи имъ съ матерью столько горя и нужды, наполняли душу мою; я не могъ оторваться отъ него. Такъ я любилъ моего милаго Тоню! Одежда его показала мнѣ, что онъ терпитъ, а робость и боязнь обнаруживали, что худое ему житіе было у дяди; на все мои вопросы онъ ничего мнѣ не сказалъ и ни на что и ни на кого не жаловался; а между тѣмъ, какъ въ послѣдствіи я узналъ, тетка была его истиннымъ бичемъ, его мучительницею и однажды едва не задушила его подушкою. При отъѣздѣ я не могъ взять съ собою моего невиннаго страдальца. Пробывъ нѣсколько дней у добряка дяди, я простился и отправился въ путь; при отъѣздѣ онъ потихоньку отъ злобной своей фуріи сунулъ мнѣ въ руку два полумперіала, которые я чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ сторицею возвратилъ его сыну и внуку. Такимъ образомъ, поவிдавшисъ съ матерью и нѣкоторыми родными, я возвратился благополучно въ полкъ къ полковому празднику, на которомъ г-жа полковница напоила меня до такой степени, что меня должны были отливать холодною водою; за что Маевскій ее побранилъ, да и сама она сильно перепугалась. Она имѣла свои причины отуманить меня *чирой зелени вина*.

Забылъ сказать, что, возвращаясь къ полку, я остановился въ Орлѣ, что бы видѣться съ братомъ Николаемъ, служившимъ въ артиллеріи, и нашелъ его подъ арестомъ на гауптвахтѣ за ссору съ своимъ полковникомъ, послѣдствіемъ коей была его отставка. Я переночевалъ у брата на той же гауптвахтѣ и выѣхалъ на другой день. Въ Орлѣ тогда квартировали кирасиры и поселился на жительство графъ Сергѣй Каменскій. Этотъ побѣдитель турокъ при Батынѣ, занимался своимъ театромъ и, какъ рассказывали, пуодажею за дорогую цѣну своихъ крѣпостныхъ актрисъ кирасирамъ и раздачею въ мундирѣ со звѣздами и лентою билетовъ для входа въ театръ съ полученіемъ за нихъ денегъ.

Начальникомъ 15-й пѣхотной дивизіи, въ которой состоялъ 13-й егерскій полкъ былъ генералъ-маіоръ Кернъ, квартировавшій въ г. Лубнахъ, гдѣ и женился на умной и прелестной дочери помѣщика Петра Марковича Полторацкаго Аннѣ Петровной. Юная жена его была чуть ли не въ три раза моложе его. Онъ лишился дивизіи за

какіе то противу своего корпусного командира барона Сикена продѣлки и дивизія нѣсколько мѣсяцевъ не имѣла настоящаго начальника, а командораль ею временно нашъ бригадный генераль-майоръ Гейденрейхъ, любимый и уважаемый за свой характеръ и привѣтливое, ласковое обращеніе. Наконецъ, назначенъ былъ и настоящій начальникъ дивизіи генераль-лейтенантъ Логинъ Осиповичъ Ротъ, французъ—эмигрантъ, начавшій службу въ корпусѣ принца Конде, а потомъ перешедшій къ намъ. Онъ вовсе не былъ образованъ и ни когда ни чего не читалъ, хотя и говорилъ, что гдѣ то у него остались книги; но кромѣ соблазнительной Волтеровской Іоанны д'Аркъ съ картинками, другихъ книгъ у него не было. Онъ однако же имѣлъ много природнаго ума, гибкости въ характерѣ и смѣтливости; въ обществѣ былъ любезенъ, особенно съ дамами и большой комплиментистъ, но въ тоже время былъ до крайности самолюбивъ, эгоистъ, вспыльчивъ, дерзокъ, жестокъ и хвастунъ по природѣ. Предъ назначеніемъ къ намъ командовалъ дивизією въ гренадерскомъ корпусѣ, но тамъ по личности къ командиру, кажется Астраханскаго Гренадерскаго полка, возникшей по причинѣ неудавшагося волокитства за женою его, онъ сталъ преслѣдовать ея мужа, дѣлать непріятности и личныя оскорбленія. Это преслѣдованіе Ротъ распространилъ и на полкъ, который онъ мучилъ ученьями, жестоко наказывалъ солдатъ и оттого въ короткое время произошло въ полку 18-ть самоубійствъ. Корпусный командиръ, графъ—Остерманъ-Толстой, узнавъ объ этомъ, довелъ до свѣдѣнія Императора, сказавъ съ обычною ему откровенностію: „или онъ, Остерманъ, отказывается отъ корпуса, или Ротъ долженъ быть удаленъ“,—и потому то сей послѣдній и былъ назначенъ къ намъ въ дивизію. Вся эта исторія съ Ротомъ была рассказываема задостовѣрное.

Полки 15 пѣхотной дивизіи, (кромѣ нашего 13 егерскаго полка, извѣстнаго въ цѣлой арміи своею исправностію) были въ запущенномъ состояніи. Кернь былъ слабъ и занимался своею юницею; полковые командиры допускали себя до всевозможныхъ злоупотребленій, старались только о наполненіи своихъ кармановъ. Именно для этой дивизіи и нуженъ былъ такой начальникъ, какъ Ротъ. Онъ былъ строгъ, настойчивъ, не взирая на свою недостаточность, ни когда не бралъ въ займы у полковыхъ командировъ безъ уплаты, какъ это сплошь да рядомъ дѣлалось, не принималъ отъ нихъ никакихъ услугъ, требовалъ и строго надзиралъ, чтобы до солдата все ему принадлежавшее доходило сполна, чтобы онъ хорошо былъ одѣтъ, обутъ и накормленъ, и за то солдаты любили его; онъ почти всѣхъ перемѣнилъ полковыхъ командировъ, заставивъ ихъ прежде исправить свои полки и пожертвовать часть накопленныхъ ими денегъ; даже самому Маевскому, не смотря на его связи,—приходилось круто, такъ

что долженъ былъ думать объ отставкѣ, но вскорѣ былъ произведенъ въ генералы. Ротъ мало уважалъ и новаго нашего корпуснаго командира, князя Андрея Ивановича Горчакова. Этотъ сибаритъ, скучный ораторъ предъ солдатами, безталанный племянникъ великаго Суворова, съ заспано-наслынными глазами, всегда управляемый кѣмъ—нибудь изъ окружающихъ, большой любитель кислыхъ щей и пригожихъ мужскихъ личиковъ, не пользовался вообще уваженіемъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ князь былъ безмолвнымъ зрителемъ, когда Ротъ приглашенному самимъ княземъ на балъ изъ г. Золотоноши въ Кременчугъ полковнику Маевскому, за то, что этотъ послѣдній не испросилъ предварительнаго согласія Рота и не довелъ до его свѣдѣнія объ этомъ приглашеніи,—приказалъ при многочисленной публикѣ отъ развода удалиться и немедленно отправиться въ полкъ, оставивъ въ корпусной квартирѣ привезенныхъ съ собою на балъ офицеровъ; что Маевскій и долженъ былъ исполнить, не найдя защиты у Его Сіятельства.

Итакъ Ротъ прибылъ къ дивизіи; началъ съ того, что за злоупотребленія и поборы съ полковыхъ командировъ смѣнилъ старшаго дивизіоннаго адъютанта и поручилъ бригадному моему командиру прискаты для занятія должности старшаго адъютанта исправнаго и способнаго офицера. Гейденрейхъ рекомендовалъ меня и Ротъ изъявилъ согласіе. Я ни чего о томъ не зналъ и, когда мнѣ было объявлено съ приказаніемъ явиться къ Роту,—я испугался этой чести и умолялъ и полкового и бригаднаго командировъ „да мимо идетъ меня сія чаша“, но тщетно, дѣло было сдѣлано, Ротъ имѣлъ рекомендацію и изъявилъ согласіе, а съ нимъ нельзя было безнаказанно шутить и противиться его волѣ. Покораясь своей судьбинѣ, я со страхомъ и трепетомъ отправился утромъ къ Роту, котораго я видѣлъ только одинъ разъ, но слышалъ, что это за звѣрь, и какъ теперь помню, подходя къ крыльцу его квартиры, я былъ встрѣченъ выбѣжавшимъ деньщикомъ его, а за нимъ увидѣлъ и самого Рота въ шлафрокѣ, съ сверкающими глазами и воспаленнымъ лицомъ, ругающаго по кучерски деньщика. Замѣтивъ меня, его превосходительство закричалъ: „*Докудовскій, дай этой рикальѣ* (любимая имъ брань) *200 палокъ*!“ Съ великимъ смущеніемъ и неохотою я исполнилъ это лестное для перваго знакомства порученіе,—въ нарочито устроенномъ сараѣ для караула и въ которомъ навалена была куча палокъ. Послѣ этой сильно озадачившей меня экзекуціи я отправился къ Роту въ комнаты и, какъ повелѣвалъ законъ, имѣлъ счастье явиться. Онъ, сидя за туалетомъ въ фланелевой фуфайкѣ, чистилъ кабаньи свои зубы и принялъ меня любовно, спросилъ о чемъ то и приказалъ на другой же день переѣхать изъ лагеря въ городъ и вступить въ отправленіе новой должности. Кстати замѣчу, что Ротъ ужасно былъ жестокъ и драчливъ съ своими деньщиками; дать 100—200 палокъ, имѣя по двѣ палки въ

рукѣ, для него легче было, чѣмъ выпить стаканъ воды; наказаніе всегда производилось счегомъ, вслухъ; если при этой поркѣ деньщикъ вздумалъ бы просить помилованія, обыкновенно произнося: *живите Божескую милость*, то сердобольное превосходительство приказывало прекращать наказаніе и съизнова начиналъ оное и этою системою онъ довелъ деньщиковъ своихъ до такой степени дьявольскаго терпѣнія, что бывало при палочныхъ ударахъ не пикнетъ. Помню, что одинъ изъ нихъ при мнѣ, послѣ отсчитанныхъ ему ударовъ, обратясь къ нему, съ стоическимъ равнодушіемъ сказалъ: „не угодно ли еще „*Вашему Превосходительству*“? Это озадачило Рота; онъ плюнулъ ему въ лицо и ушелъ въ комнату. Оплеухи, удары и толчки руками и ногами даваемы были безъ счету, за малѣйшія бездѣлицы. За то въ квартирѣ его существовалъ порядокъ и чистота, а деньщики были наметаны, какъ лучшіе офиціанты въ башмакахъ; они узнавали по минѣ его и глазамъ, чего онъ хочетъ и требуетъ.

На другой день, какъ было приказано, я перебрался въ г. Лубны и вступилъ въ отпращиваніе новой своей должности; когда же въ Августѣ 1819 года вышелъ Высочайшій приказъ о моемъ назначеніи, — я преобразился, скинулъ скромный егерскій мундиръ и надѣлъ адъютантскій, съ серебряными петлицами и эксельбантомъ, а на головѣ вмѣсто безобразнаго кивера столь же безобразная торчала треуголка съ чернымъ перомъ. Не могу жаловаться на производство мое въ чины, когда я состоялъ въ полку; со времени выпуска моего изъ дворянскаго полка 19-го Мая 1815 года и до 7-го Іюня 1819 г., т. е. въ теченіи четырехъ лѣтъ я выпрыгнулъ въ поручики, но въ этомъ чинѣ я погрязъ и сидѣлъ цѣлые шесть лѣтъ. Это случилось отъ того, что Маевскій умѣлъ создавать вакансіи; а при наслѣдникѣ его, полковникѣ Куржевскомъ, человекѣ слабомъ, ума ограниченнаго, но впрочемъ добромъ, вакансіи мало открывались, ибо этотъ снисходительный полководецъ терпѣлъ одинаково и хорошихъ и дурныхъ, и трезвыхъ и пьяныхъ, лишь бы они курили трубку, тянули пуншъ, любили охоту и не мѣшали ему щичиться. (?) Со времени назначенія Куржевскаго полковымъ командиромъ исправность полка и служба постепенно начали упадать. Куржевскій первоначально служилъ въ Дворянскомъ полку и имѣлъ *протодіаконскій* голбсъ и за эту — то вычность Цесаревичемъ Константиномъ былъ переведенъ въ лейбъ гвардіи егерскій полкъ, а оттуда въ послѣдствіи назначенъ командиромъ 13-го егерскаго полка.

Обязанность старшаго дивизионнаго адъютанта состояла въ немедленномъ исполненіи всѣхъ приказаній, отдаваемыхъ дивизионнымъ начальникамъ для устройства и порядка дивизіи; онъ былъ правою его рукою; вся переписка лежитъ на его отвѣтственности; а я сверхъ бумагомаранія занятъ былъ и фрунтовой частію: обученіемъ орди-

нарцевъ, вѣстовныхъ, учебныхъ командъ и т. п. Я всегда и вездѣ находился при дивизионномъ начальникѣ; на смотрахъ, ученьяхъ и парадахъ. Эта должность была для меня истинною тяжестью, особенно при такомъ строгомъ, взыскательномъ и горячемъ начальникѣ, каковъ былъ Ротъ. Дивизионное дежурство расположено было въ отдаленномъ отъ Рота домѣ, а что бы быть всегда готову, принимать и исполнять его приказанія, онъ въ прихожей своей квартиры сдѣлалъ перегородку и въ этомъ, едва вмѣстительномъ, чуланѣ, я и дивизионный оберъ-аудиторъ Назаровъ занимались работою, заготовляли бумаги и представляли къ подписи. Сначала мнѣ было трудно съ Ротомъ, пока я не привыкъ ко всѣмъ его прихотямъ и привычкамъ, наприимѣръ: онъ не разумѣлъ русскаго языка, но зналъ, что повторенія одного и того же слова въ бумагахъ должно избѣгать и потому настойчиво требовалъ, что бы отнюдь не было такихъ повтореній, какъ бы бумага ни была обширна, и я, исполняя его желаніе, долженъ былъ ломать голову и прискивать однозначія слова; при чтеніи бумаги, онъ бывало не пропустить ни одного ѣ и е, не спрося, такъ ли поставлена буква. У всякаго есть слабость: фельдмаршалъ Паскевичъ требовалъ, что бы въ бумагахъ были слова: *ибо и поелику*, и въ угодность ему они были. Ротъ былъ крайне прихотливъ по бумагамъ, желая показать, что онъ знаетъ русскій языкъ, и потому иногда приходилось раза по три переправлять одну и ту же бумагу, но это послужило мнѣ въ пользу: я болѣе занимался обработкою слога и обратился къ изученію русскаго языка и чтенію книгъ.

Я оставался довольнымъ обращеніемъ со мною Рота; онъ даже часто позволялъ себѣ со мною шутить; давалъ полезные совѣты, въ которыхъ по молодости, не опытности и незнанію свѣтскихъ обычаевъ, я дѣйствительно нуждался; я былъ серьезенъ, очень серьезенъ и почти никогда не улыбался; онъ совѣтывалъ почаще смотрѣться въ зеркало и принимать веселое лицо; ввелъ меня въ дома—отставного вице-адмирала Павла Висильевича Пустошкина и помѣщика Петра Марковича Полторацкаго, у коего гостила тогда дочь его, генеральша Кернъ, и который имѣлъ еще другую, почти уже невѣсту.

Работа моя въ томъ чуланѣ начиналась съ ранняго утра и продолжалась до самаго обѣда, который я постоянно имѣлъ у Рота.—Я имѣлъ хорошаго товарища въ собственномъ адъютантѣ Рота,—Тульценманъ; съ его помощію я изучалъ характеръ и привычки моего владыки. Аудиторъ Назаровъ былъ человекъ грамотный, но любилъ заливать за галстукъ и начинать носъ табакомъ. Въ городѣ у меня былъ еще хорошо знакомый, командиръ пензенскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Репнинскій, который по милости своего вольнонаемнаго капельмейстера, отставнаго изъ австрійской службы офицера Реслингга, большого сплетника, жена котораго была въ тѣсной связи съ Ротомъ,

много терпѣлъ отъ Его Превосходительства за то, что жена Рейнинскаго, дама гордая, надменная и сильно румянившаяся, дочь инженернаго генерала Глухова, зная связь жены Реслинга съ Ротомъ, перестала принимать ее. Рейнинскій былъ друженъ со мною, но я не показывалъ сего изъ опасенія навлечь на себя неудовольствіе; я ему много дѣлалъ одолженій, предостерегая отъ непріятностей и все это дѣлалъ безкорыстно и безъ всякихъ видовъ; хотя онъ разъ упрасивалъ меня принять отъ него въ знакъ памяти серебряныя эполеты и эксельбантъ,—но я эту взятку отвергнулъ.

Въ Лубнахъ я въ первый разъ улицезрѣлъ бывшаго саксонскаго и настоящаго малороссійскаго генераль-губернатора кн. Рейнина. Этотъ сибаритъ—вельможа каждый годъ въ извѣстное время оставлялъ свою резиденцію г. Полтаву и чрезъ Лубны и великолѣпное свое имѣніе Яготинъ ѣхалъ въ г. Черниговъ, творить судъ и правду. При перѣздѣ чрезъ Лубны онъ останавливался для завтрака у завѣдывавшаго казенными аптекою и аптечнымъ садомъ, кажется шведа по происхожденію, который за мѣсяць или за два откармливалъ для Его Сіятельства разными снадобьями теленка и индюка и угощалъ его во время остановки, а дивизионный начальникъ въ той же аптекѣ и въ полной формѣ представлялъ карауль, ординарцевъ и рапортъ. И на сей разъ была совершена вся эта церемонія. Князь приглашалъ къ завтраку Рота и насъ. Сидя за столомъ, меня не столько занимало превосходное жаркое, сколько аппетитъ, который заявилъ при семь Боляринъ и его неопытность при принатіи пищи. Въ Лубнахъ же, тоже въ первый разъ, я видѣлъ другую знаменитость: новороссійскаго генераль-губернатора графа Ланжерона. Онъ ѣхалъ изъ Одессы въ Петербургъ, остановился на почтовой станціи, оставилъ на ней свою супругу и неожиданно явился къ Роту, скушалъ нѣсколько наскоро приготовленныхъ котлетъ, выпилъ чашку кофе и отправился въ путь. На всѣ просьбы Рота позволить ему съѣздить за графинею,—Ланжеронъ, незнаю почему, не согласился; но Ротъ однако же самъ отвезъ графа на станцію и вѣроятно видѣлъ его супругу.

Не долго продолжалось мое личное служеніе съ Ротомъ, не болѣе 6 - 7 мѣсяцевъ, какъ онъ оставилъ дивизию и отправился для командованія корпусомъ вмѣсто князя Горчакова, назначеннаго корпуснымъ командиромъ 2-го пѣхотнаго корпуса. Отъѣзжая въ корпусную квартиру г. Кременчугъ на неопредѣленное время, Ротъ настоятельно приказалъ мнѣ писать къ нему подробно о всемъ, что будетъ дѣлаться въ дивизіи.

Сколь ни былъ я молодъ и неопытенъ, а зналъ, что онъ хочетъ, другими словами: онъ требовалъ отъ меня шпионства, и я тогда же рѣшился не исполнять его желанія, а писать только то, что будетъ

относиться собственно до дивизіи, а не о толкахъ и сплетняхъ о вельможной его особѣ; къ подобнымъ о немъ разглагольствованіямъ онъ былъ очень чувствителенъ. Мы разстались въ добромъ согласіи, при взаимномъ лобызаніи. На мѣсто его вступилъ во временное командованіе дивизіею бригадный командиръ генераль-маіоръ Юшковъ, чловѣкъ свѣтскій, но пустой, слабый и потонувшій въ связи съ женою подполковника своей бригады Коновалова, стоившей ему много денегъ и непріятнаго для репутаціи его скандала; слѣдовательно управление дивизіею лежало собственно на мнѣ и дѣла шли заведеннымъ порядкомъ; не было ни упущеній, ни какихъ по дѣламъ промаховъ; корпусный штабъ не дѣлалъ ни какихъ замѣчаній, выговоровъ и напоминаній. Въ продолженіи сего времени, я послалъ къ Роту одно письмо собственно до дѣлъ дивизіи касавшееся, но онъ мнѣ далъ знать, что я о многомъ умалчиваю; потомъ отправилъ другое, подобное первому, и Ротъ ужасно изволилъ разгнѣваться и объявилъ, что я не удержусь на мѣстѣ. Унего въ Лубнахъ оставался отличный агентъ, о неблаговидныхъ дѣяніяхъ коего по простотѣ своей я не подозрѣвалъ; это былъ г. Реслингъ, но уже не капельмейстеръ, а опредѣленный Ротомъ въ русскую службу штабсъ-капитанъ и назначенный имъ же дивизионный гевальдигеръ. Онъ—то съ своею развратницею сообщали ему свѣдѣнія о томъ, что было и не было, дѣлалось и не дѣлалось, говорилось и не говорилось въ Лубнахъ, а между прочимъ и обо мнѣ, что я часто посѣщаю Реннинскаго, днюю и едва не ночую у Полторацкихъ, ухаживаю за генеральшею Кернъ, состою у ней на ординарцахъ и при отъѣздѣ ея къ старикашкѣ мужу провожалъ ее до г. Пирятина и возвратился въ Лубны только на другой день,—что было справедливо и о чемъ въ послѣдствіи онъ дѣлалъ мнѣ злобные упреки. Тутъ задѣто, оскорблено было его французское самолюбіе и потому Ротъ вскорѣ представилъ меня къ смѣщенію. Я преспокойно сидѣлъ въ Лубнахъ; не зналъ и не вѣдалъ объ этой продѣлкѣ ни я, ни командовавшій дивизіею, какъ вовсе неожиданно оно объявлено было Высочайшимъ приказомъ въ Ноябрь 1820 года, и такимъ образомъ, пробывъ въ званіи старшаго дивизионнаго адъютанта годъ и два мѣсяца, я по прежнему облачился въ егерскій костюмъ и отправился въ полкъ въ г. Купянскъ Харьковской губерніи.

Прибывъ въ полкъ, явился я къ новому для меня полковому командиру, полковнику Куржевскому, котораго прежде никогда не видалъ и не зналъ. Онъ принялъ меня съ холодною и забавною важностію, а чрезъ двѣ недѣли далъ мнѣ въ командованіе 2-ю егерскую роту за то, что я вывелъ его изъ затрудненія, состряпавъ глупѣйшій планъ и описаніе небывалаго при полковомъ ученіи маневра, для представленія къ начальству. Вскорѣ потомъ всему корпусу объявленъ былъ въ Италію походъ для усмиренія карбонаріевъ.

Во время этого движенія я сблизился съ Куржевскимъ и онъ постоянно хорошо былъ ко мнѣ расположенъ, хотя иногда и возникали между нами споры по той причинѣ, что онъ недопускалъ въ роты полнаго количества провіанта, удерживая его въ свою пользу. Съ баталіоннымъ командиромъ, маіоромъ Лисецкимъ (убить при Варнѣ 1828 года), я былъ на дружеской ногѣ и съ товарищами жилъ въ полномъ согласіи.—Прошедши нѣсколько сотъ верстъ, дальнѣйшее движеніе корпуса въ Италію было приостановлено: Австрійцы успѣли задушить революцію. Мы такъ жалѣли, что не удалось намъ побывать въ Итали и полакомиться макаронами!

По прекращеніи движенія полкъ нашъ расположился Полтавской губерніи въ Золотоношскомъ уѣздѣ. а я съ ротой занялъ квартиры въ деревнѣ Прохоровкѣ на самомъ берегу Днѣпра, Въ этой деревнѣ жилъ достаточный помѣщикъ Максимовичъ, старецъ почтенный сѣдинами, весельчакъ и хлѣбосоль. Я съ нимъ познакомился. Онъ и старушка, жена его, меня любили; каждый день я у нихъ обѣдалъ и игралъ съ старикомъ и его роднымъ братомъ, тоже ветхимъ днями драбантомъ временъ Екатерины, по копѣйкѣ въ бостонъ; старушка кормила меня медовыми вареньями, особенно ласкала меня, вспоминая о своемъ сынѣ, умершемъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ въ военной службѣ и разъ домогалась, чтобы я принялъ легкій новый тулупчикъ изъ такъ называемыхъ *ягнячьихъ выпортковъ*, но я отказался и поступилъ глупо. Она была такъ добра, такъ кротка и предупредительна!

Командуя ротой, я разжился денженками; добродушные хохлы не брали провіанта, а довольствовались нѣсколькими ведрами *горьлки* (водки). Я завелся легкою повозочкою и упряжною лошадыю, а другую лошадь, иноходца, выигралъ въ карты у одного офицера; за то баталіонному командиру проигралъ серебряный чайникъ и молошникъ, сдѣланные изъ оставшихся послѣ смѣщенія съ адъютантства эксельбантовъ и эпoletъ. Въ карты въ азартныя игры никогда не любилъ играть, а со времени проигрыша серебра и вовсе пересталъ, да и не умѣлъ; но я былъ мастеръ въ бостонъ и вистъ. Въ продолженіи времени моей стоянки въ Прохоровкѣ приѣхалъ ко мнѣ меньшей братъ Капитонъ. Я опредѣлялъ его на службу юнкеромъ и помѣстилъ его съ собою на квартирѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ. Отъ моей резиденціи дер. Прохоровки до имѣнія Полторацкаго села Хорошки, въ которомъ онъ проживалъ съ своимъ семействомъ и возвратившеюся къ нему, по не ладу съ ревнивымъ мужемъ, его дочерью генер. Кернъ, — по прямой дорогѣ было не болѣе 80 вер. и потому я — таки частенько ѣздилъ къ нимъ и у нихъ гостилъ, оставляя роту на волю Божию. При одной такой экскурсіи въ жаркое время, отъ небрежности кучера, къ моему огорченію, иноходецъ мой палъ. Этотъ путь я обыкновенно совершалъ въ одну упряжку: такъ бывало я спѣшилъ къ этому почтенному се-

мейству! Однажды я какъ вкусную рѣдкость отослалъ къ нему живаго осетра, наполнивъ жабы его бѣлымъ хлѣбомъ, напитаннымъ водкою, и онъ доставленъ былъ живымъ. Въ Прохоровкѣ кромѣ Максимовича жилъ еще помѣщикъ Базилевичъ, съ которымъ я не былъ знакомъ по его нелюдкости и несообщительности, но который былъ тѣмъ замѣчательнѣе, что каждый годъ производилъ на свѣтъ Божій ребенка отъ своей жены, которая восемь лѣтъ не оставала своего плодотворнаго ложа, по причинѣ совершеннаго невладѣнія своими ногами.

Я былъ изъ лучшихъ и знающихъ ротныхъ командировъ; рота была всегда исправна, начальство мною довольно и я обрекъ себя для фрунтовой службы. Но не такъ вышло.

Корпусная квартира расположилась въ Житомирѣ. Тогда настоящимъ корпуснымъ командиромъ считался графъ Воронцовъ, но онъ былъ въ долговременномъ отпуску за границей и ни одной минуты не командовалъ лично корпусомъ до самаго назначенія его новороссійскимъ генераль-губернаторомъ, а продолжалъ командовать вмѣсто него генераль Ротъ. При корпусномъ штабѣ находились выписанные изъ пажескаго корпуса за что то два пажа Креницынъ и 16 лѣтній Арсеньевъ. Они жили свободно, службы никакой не несли и вмѣсто солдатскаго мундира одѣвались въ партикулярное платье; они были хорошо образованы и Ротъ даже ихъ принималъ у себя. У Арсеньева былъ задушевный пріятель и совѣтникъ старшій корпуснаго штаба адъютантъ, майоръ Рудневъ, характера чрезвычайно мягкаго и романческаго. Вдругъ, неизвѣстно по какой причинѣ, Арсеньевъ застрѣлился. Это самоубійство дошло до свѣдѣнія главнокомандовавшаго Князя Сакена и до самого Императора АЛЕКСАНДРА I-го; такъ же узнали, что не одинъ Арсеньевъ проживалъ безъ всякой надобности въ корпусномъ Штабѣ, но и другіе и что всѣ они щеголяли въ цивильномъ платьѣ. За все это по Высочайшему повѣленію Роту сдѣланъ былъ выговоръ и предписано немедленно ихъ разослать въ полки и употреблять на службу, какъ простыхъ солдатъ. Ротъ это исполнилъ, но взбѣшенный на Руднева, къ романическому характеру коего относилъ самоубійство Арсеньева, смѣстилъ его съ адъютантства и при этомъ случаѣ вспомнилъ о своемъ прежнемъ дивизионномъ адъютантѣ, т. е. обо мнѣ, представилъ меня въ корпусные адъютанты. Назначеніе вышло въ Августѣ 1822 г., послѣ двухъ-лѣтняго нахождения моего въ полку со дня бывшаго моего съ дивизионныхъ адъютантовъ смѣщенія. Я вовсе не ожидалъ такой чести; тѣмъ болѣе не полагалъ, чтобы Ротъ могъ когда либо вспомнить обо мнѣ послѣ неудовольствія его за мое неповиновеніе его волѣ.

Вслѣдъ за самоубійствомъ Арсеньева у Рота произошла скандальная сцена съ находившимся при немъ въ качествѣ адъютанта поручикомъ

Ржевскимъ. Этотъ офицеръ, сынъ камергера и родной племянникъ по матери графовъ Каменскихъ, образованный, свѣтскій, и красивый собою, служилъ въ лейбъ-гвардіи семеновскомъ полку и по какому то неудовольствію съ полковымъ командиромъ Потемкинымъ, выписанъ въ 13-й егерскій полкъ, тѣмъ же чиномъ. Только однимъ недостаткомъ онъ былъ одержимъ; это страстію къ картамъ: онъ проигрывалъ все, до рубашки включительно, и пускался на плутни и обманы. Ротъ взялъ его къ себѣ и отличалъ отъ другихъ. Отправляясь въ отпускъ, Ржевскій занялъ у него 1000 рублей, а по возвращеніи въ Житомиръ, проигравшись на дорогѣ, сказался больнымъ и чрезъ нѣсколько дней послѣ своего пріѣзда надѣлалъ тревоги, разгласивъ, что будто бы его на квартирѣ ограбили и покушались на жизнь, а для лучшаго убѣжденія публики и особенно своихъ кредиторовъ, самъ себѣ сдѣлалъ легкую рану въ руку. Но вся эта исторія, по изслѣдованію, оказалась выдумкою и его продѣлкою, чтобы отвязаться отъ кредиторовъ. Ротъ, взбѣшенный симъ до крайности, потребовалъ его къ себѣ и смѣшалъ съ грязью, назвалъ его мошенникомъ, подлецомъ. Ржевскій вломился по справедливости въ амбицію и обнажилъ шпагу; но Ротъ смѣло подошелъ къ нему, вырвалъ изъ рукъ его шпагу, бросилъ ее на полъ, выгналъ изъ комнаты Ржевскаго и въ тотъ же день отправилъ его въ полкъ. Вся эта сцена произошла при свидѣтелѣхъ.

Итакъ, получивши назначеніе въ старшіе корпусные адъютанты, я сдалъ роту капитану Стеблянкину, отдавъ ему въ придачу бричку съ лошадьми и поручивъ особенной его заботливости брата Капитона, отправился въ корпусную квартиру г. Житомиръ, заѣхавъ предварительно проститься къ Полторацкими, у которыхъ прогостилъ двѣ медовыя недѣли.

Ротъ принялъ меня милостиво, но неутерпѣлъ упрекнуть меня за Лубны; потомъ я явился къ начальнику корпуснаго штаба, полковнику князю *Горчакову* *) онъ что то подъ носъ мнѣ пробормоталъ, кажется, въ родѣ какого то привѣтствія, — чего однако же я хорошо не слышалъ. Сослуживцами моими въ штабѣ были: дежурный штабъ-офицеръ полковникъ *Паулингъ*, любившій много поболтать, готовый услужить и одолжить, незлобивый товарищъ, безъ всякихъ претензій; старшій адъютантъ гвардіи капитанъ *Губаревъ*, тихій и очень дѣловой, но хитрый, какъ хохоль; оберъ-аудиторъ *Григорьевъ*, изъ священническихъ дѣтей, простой, не образованный, говорунъ, честный и знавшій практически свое дѣло, оберъ-вагенмейстеръ *Кочетовъ*, сущій невѣжда, но любившій разсуждать о предметахъ вовсе ему неизвѣстныхъ; корпусный докторъ *Острогорскій*, скупою, ограниченнаго

*) Будущему защитнику Севастополя, главнокомандующему армію и начальнику въ царствѣ Польскомъ.

ума, медикъ рѣшительно безъ пациентовъ; старый мой знакомецъ, оберъ-гевальдигеръ Реслингъ (бывшій капельмейстеръ и потомъ дивизионный гевальдигеръ), по прежнему былъ наушникомъ Рота. Его жена, изъ за которой онъ и былъ назначенъ въ настоящее званіе, преспокойно жила во флигелѣ у Рота для его потѣхи; эта нѣмка, простая и безграмотная, по своей дородности была бы высоко оцѣнена туркою и русскимъ купцомъ. Ротъ обходился съ нею какъ съ женщиной потерянною, что не дѣлало чести Его Превосходительству. Оберъ-квартирмейстеръ, полковникъ *Враницкій* былъ спокойнаго характера и не дальняго ума и образованія, но тщеславный; за то, что при разводахъ я отдавалъ ему пароль, чего вовсе мнѣ не было надобности дѣлать, — онъ угощалъ меня завтраками, присылалъ лучшій курительный табакъ, фрукты и конфеты, которыя получалъ самъ отъ полаковъ, въ связи съ нимъ бывшихъ; онъ былъ иностранецъ, кажется Богемецъ. Эта невинная душа, не злобивый агнецъ, принадлежалъ къ тайному обществу и зналъ цѣль его, т. е. измѣненіе государственнаго порядка, и за то по приговору верховнаго Уголовнаго суда въ 1826 г. сосланъ былъ на поселеніе.

Житомрѣ въ мое время былъ прескучнѣйшимъ городомъ, населенный поляками, а болѣе жидами; съ первыми мы не сближались. Было одно только русское семейство, имѣвшее собственный свой домикъ, куда я и товарищъ мой Губаревъ были вхожи, — это домъ состоявшаго подъ судомъ бывшаго совѣтника при губернаторѣ Комбурлеѣ, — Грабовскаго. Хозяинъ происходилъ изъ духовнаго сословія и былъ старикъ умный, веселый и занимательный въ своихъ рассказахъ о прошломъ; жена его и въ мое время еще была недурна; у нихъ было двѣ дочери дѣвицы, которыя пополамъ съ грѣхомъ пѣли и бряцали на фортепіанахъ; старшая говорила по французски. Въ этомъ патриархальномъ семействѣ мы проводили свободное отъ службы время, иногда обѣдали, ужинали и играли въ карты на фишки; дѣвицы были взрослые и удили себѣ жениховъ; мѣтили на насъ, но мы вздыхали, болтали нѣжныя глупости и только! Не женитьба, а препровожденіе времени намъ было нужно. Гораздо уже послѣ, старшая, которая отличала меня отъ всѣхъ прочихъ, вышла замужъ за адвоката. По словамъ старика Грабовскаго, чиновничеству при Комбурлеѣ было не житье, а масляница и денегъ, т. е. золота и серебра, было въ такомъ изобиліи, что не знали куда ихъ дѣвать, а старушка рассказывала о волокитствѣ Комбурлея, о задававшихся имъ празднествахъ знаменитой Марьѣ Антоновнѣ Четвертинской и т. п.

Занятія наши состояли въ томъ, что мы утромъ являлись въ корпусное дежурство, работали до 2-хъ часовъ, а потомъ шли обѣдать къ Роту; послѣ обѣда, выпивши кофе, расходились по квартирамъ, а вечеромъ я отправлялся къ Грабовскимъ. Къ этому времени должно

отнести заведение мною галюшъ; Ротъ былъ прихотливъ и не любилъ, чтобы къ нему приходили съ загрязненными сапогами; прежде я вовсе не зналъ галюшъ, за то не вѣдалъ и простуды, но, познакомившись съ ними, я узналъ и простуду.

Въ районѣ корпуса, близъ М. Вѣлой церкви, жила въ великолѣпной своей усадьбѣ Александрія—графиня Браницкая, статсъ—дама Екатерины II-й. Раза два въ продолженіи нашего квартированія въ Житомирѣ пріѣзжалъ къ ней на побывку зять ея графъ Воронцовъ и при каждомъ его пріѣздѣ дивизионный начальникъ Павелъ Нейдгартъ, бригадные и полковые командиры представлялись графу и при каждомъ пріѣздѣ распространялись по корпусу слухи и ожиданія, что онъ вступитъ въ командованіе корпусомъ, чего, по правдѣ сказать, многіе и желали. Ротъ, встревоженный этими пріѣздами графа, волновавшими корпусъ, довелъ о томъ до свѣдѣнія главнокомандовавшаго арміею и вышло посему Высочайшее повѣленіе, что корпусные командиры, возвращающіеся изъ отпуска изъ за границы, не иначе могутъ вступать въ командованіе своими корпусами, какъ только съ Высочайшаго разрѣшенія. Это успокоило Рота и прекратило неспріятныя для него толки.

Кстати о Браницкой. Она была любимую изъ всѣхъ племянницею великолѣпнаго Потемкина и женою польскаго Гетмана; когда то славилась красотою, о чемъ свидѣтельствуеъ ея портретъ въ Вѣлой церкви. Но я видѣлъ ее въ 1824 году, уже старухою; она была скряга, въ родѣ гоголевской Коробочки, носившая за поясомъ отъ всѣхъ кладовыхъ ключи и собиравшая со всего кофѣйку; крестьяне ея были бѣдны и разорены, между тѣмъ главный ея управитель, какъ говорили, купилъ до 2 т. душъ; она никого и никогда не приглашала къ себѣ обѣдать, хотя часто наши генералы и полковые командиры по большимъ праздникамъ и въ высокаторжественные дни являлись къ ней съ поздравленіями. Однажды Ротъ, послѣ смотра полка въ Вѣлой церкви, пріѣхалъ къ ней съ визитомъ и я былъ съ нимъ. Входитъ садовникъ съ двумя корзинами, наполненными персиками; Ея Сіятельство взяла изъ нихъ два и подала Роту, а мнѣ шишъ. Въ другой разъ обѣдалъ у нея князь Сакенъ съ нѣсколькими генералами и адъютантами, въ числѣ коихъ находился и я; подають какое то древнее венгерское, наливають въ рюмочки генералитету, а адъютантовъ обошли. Такая была скарѣдная эта старая карга, владѣтельница несмѣтныхъ богатствъ! Давно уже она въ могилѣ; добрыми дѣлами нельзя ея помянуть: она не осушила слезъ несчастному, не напоила жаждующаго, не накормила алчущаго и не призрѣла бѣднаго и нищаго. Внукъ ея, находящійся при красномъ принцѣ Наполеонѣ, отъявленный врагъ Россіи.

Служба наша при штабѣ разнообразилась иногда приключеніями и скандалами, дававшими поводъ къ толкованіямъ и сплетнямъ. Такъ, наприимѣръ:

1) Одинъ разъ Ротъ запряталъ меня на цѣлыя сутки подъ домашній арестъ за то, что по недосмотру моему или, вѣрнѣе, моего писаря были отправлены съ бѣловыми вѣдомостями и брульоны или черновыя, которыя дежурный генералъ арміи и возвратилъ намъ при официальной бумагѣ. Сверхъ ареста Ротъ сдѣлалъ мнѣ еще и выговоръ. Все это происходило въ присутствіи князя Горчакова, считавшаго мое копѣечное упущеніе чуть не уголовнымъ преступленіемъ по службѣ. Когда же я по чувству самолюбія сталъ возражать, а Ротъ закричалъ: „молчать“!, а я просилъ увольненія отъ должности, то Его Сіятельство, сочтя это дерзостью и самъ искугавшій за меня, престраннымъ и смѣшнымъ образомъ выпятить языкъ въ мою сторону и преуморительно скорчилъ рожу. Это произшествіе однако же нисколько не разстроило меня съ Ротомъ и онъ на другой же день объ немъ забылъ.

2) Въ одинъ изъ высокотабельныхъ дней волынской губернской предводитель дворянства графъ Мошинскій откупилъ театръ и всѣ посѣтители впускались бесплатно; изъ военныхъ не было никого, кромѣ оберъ-квартирмейстера полковника Враницкаго, пріятеля Мошинскаго. Ротъ, сочтя нахожденіе Враницкаго на откупномъ театрѣ крайне неприличнымъ и предосудительнымъ для военнаго мундира, на другой день собралъ на свою квартиру всѣхъ штабныхъ чиновъ и, имѣя шпагу при бедрѣ, а шляпу въ рукѣ, сдѣлалъ сконфуженному Враницкому строгій выговоръ.

3) Въ продолженіи нашего 4-хъ лѣтняго квартированія въ Житомирѣ губернаторы волынской губерніи: заядлый полякъ Гижицкій, Цецевичъ и Анджейковичъ, равно и постоянно жительствовавшій въ городѣ богатый предводитель графъ Мошинскій, ни въ какіе высокопраздничные царскіе и другіе высокопраздничные дни не задавали ни официальныхъ обѣдовъ, ни баловъ и даже не являлись съ обычными, хотя бы изъ приличія, привѣтствіями къ корпусному командиру. Эти вельможные паны не хотѣли знать, что они представители Императора и обязаны были соотвѣтственно сему высокому званію и держать себя. Съ своей стороны и Ротъ такъ же поступалъ; но и онъ однажды въ день новаго года (кажется, 1824), задалъ обѣдъ на 30 военныхъ и гражданскихъ особъ. Отсюда начинается скандалъ. Приглашенные собрались; выпили по чаркѣ зелена вина и потянулись къ столу, — и о, ужасъ! Ротъ видитъ въ столовой между нами, смиренно---стоящими, свитскаго капитана Стиха, подходитъ къ нему и, какъ незваному гостю, приказываетъ удалиться. Бѣдный, оглушенный

приказаніемъ, капитанъ повинуется; но на другой день вмѣстѣ съ непосредственнымъ начальникомъ своимъ, княземъ Горчаковымъ, является за объясненіемъ къ Роту, который не хотѣлъ и слушать и заставилъ удалиться, еще и съ замѣчаніемъ Горчакову. Поступокъ Рота съ Стихомъ навелъ на штабныхъ страхъ и ими осуждался—втихомолку. Запальчивость и дерзость этого француза—Альзаса, при его раздраженіи, были неимовѣрны. О его характерѣ хорошо звалъ Императоръ НИКОЛАЙ. Я былъ очевидцемъ, какъ онъ закричалъ на генераль-маіора Курносова, имѣвшаго длинные волосы, *что прикажетъ остричь его на барабанъ*; а генераль-лейтенанту Сулимѣ угрожалъ *посадить его на пушку*. И все это сходило ему съ рукъ.

4) Вскорѣ послѣ Стиховскаго скандала послѣдовалъ другой, но уже сильно напугавшій самого Рота,—скандалъ его личный, домашній.—Содержанка его, г-жа Реслингъ, жившая съ мужемъ своимъ въ генеральскомъ флигелѣ, на полномъ его иждивеніи, вслѣдствіе охлажденія къ ней своего возлюбленнаго и происшедшей между ими ссоры съ наложеніемъ на нее рукъ, приняла опіумъ; но скоро захватили, дали лекарства и, посадивъ ее въ закрытый генерала экипажъ съ мужемъ и корпуснымъ докторомъ, провѣтривали и освѣжали ее за городомъ до полного отрезвленія. Чрезъ нѣсколько дней Ротъ прогналъ ее, замѣнивъ другою, именно, жрицею мельпомены житомирскаго театра Змѣвскою, женщиною уже въ лѣтахъ и лицомъ непригожею, но плѣннвшею превосходительнаго, по его словамъ, высокимъ ростомъ и стройною талією.

Въ Іюнь 1824 года Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I-й, слѣдуя въ Брестъ—Литовскій чрезъ Бобруйскъ, назначилъ смотръ нашей 9-й пѣхотной дивизіи, на крѣпостныхъ работахъ находившейся. Почему Ротъ, князь Горчаковъ и я съ ними недѣлю ранѣе пріѣхали въ Бобруйскъ и Ротъ предварительно осмотрѣлъ дивизію; нашелъ ее въ весьма неудовлетворительномъ состояніи и по обыкновенію распустилъ генеральство и полковыхъ начальниковъ. Прибылъ и Царь. Остановился въ самой крѣпости. На другой день смотрѣлъ дивизію и остался ею недоволенъ, а на третій день изволилъ смотрѣть ученье баталіона алексопольскаго пѣхотнаго полка. Помню прекрасную Государя манеру, на ученьи этого баталіона выказанную. Баталіонъ нестерпимо плохо учился, особенно офицеры не знали своего дѣла; коль скоро Императоръ, при какомъ нибудь построеніи баталіона замѣчалъ, что солдаты идутъ не въ ногу и не равняются, или офицеры дѣлали ошибки,—Его Величество ту же минуту отворачивался отъ баталіона и заводилъ разговоръ съ кѣмъ либо изъ его окружавшихъ, между тѣмъ ошибки

исправлялись и все приводимо было въ порядокъ. Никакого замѣчанія, никакого выговора, а тѣмъ менѣе крика... Императоръ АЛЕКСАНДРЪ не изволилъ выказать въ продолженіи этого жалкаго ученья; баталіонъ наказалъ только тѣмъ, что по окончаніи ученья ни слова не сказалъ солдатамъ и не произнесъ обычнаго: „спасибо ребята“, а полковнику командиру полковнику Швейковскому объявилъ, что баталіонъ худо учился, и только!

У Швейковского была статная англійская верховая отлично выѣзжанная лошадь. Императору она весьма понравилась и Его Величество хотѣлъ ее купить, но Швейковскій не уступилъ, — тѣмъ дѣло и кончилось.

Въ Бобруйскѣ я въ первый разъ видѣлъ юнаго Великаго Князя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, возвращавшагося отъ Августѣйшаго своего тестя изъ Берлина; видѣлъ, какъ Его Высочество представлялся Государю и съ какою подобострастностію дѣлалъ ему поясные поклоны и на вопросы давалъ отвѣты. Императоръ при началѣ представленія обнялъ и поцѣловалъ будущаго своего наслѣдника.

Изъ Бобруйска я съ Ротомъ отправился въ Брестъ, гдѣ собраны были для смотра Государя вся польская армія и литовскій корпусъ, предводительствуемые Цесаревичемъ Константиномъ; мы остановились на почтѣ. Я почти и не видалъ этихъ войскъ, потому что въ день смотра, какъ только я выѣхалъ къ нимъ, у меня лопнули бѣлые панталоны и я долженъ былъ возвратиться домой, а на другой день я съ генераломъ отправился въ г. Острогъ, гдѣ Ротъ встрѣчалъ ночью Государя, остановившагося на ночлегъ въ домѣ князя Яблоновскаго, и потомъ послѣ долгой, скучной и безпокойной поѣздки прибыли мы въ Житомиръ здоровы и невредимы.

Приступаю къ описанію воспоминаній моихъ о происшествіяхъ, взволновавшихъ едва не всю Россію.

До Ноября 1825 года мы по-прежнему въ Житомирѣ прозябали и практиковались служебнымъ многописаніемъ. Въ Ноябрь, не припомню какого числа, темнымъ вечеромъ, пріѣзжаетъ въ городъ какая то личность и тотъ часъ является къ генералу Роту. Что между ними происходило, мнѣ неизвѣстно, только Ротъ призвалъ къ себѣ Горчакова; послѣдній собственноручно пишетъ донесеніе въ Дибичу, находившемуся въ Таганрогъ съ Императоромъ, печатаетъ конвертъ и въ эту же ночь отправляется съ тѣмъ конвертомъ въ Таганрогъ адъютантъ Рота графъ Штейнбокъ, а явившаяся личность тою же ночью исчезаетъ изъ Житомира. Прибывъ въ Таганрогъ, Штейнбокъ застаётъ

Государя уже скончавшимся и отдаетъ конвертъ съ надписью „*секретно*“ и „*о самонужнѣйшемъ*“ прямо въ руки Дибичу (такъ было приказано). По прочтеніи бумагъ Дибичъ спросилъ Штейнбока: *вы не знаете о чемъ эти бумаги?* Получивъ отвѣтъ, что не знаетъ, вновь прочиталъ бумаги и опять спросилъ: *такъ вы точно не знаете“?* Послѣ отрицательнаго отвѣта Дибичъ послалъ за княземъ Волконскимъ и генераль-адъютантомъ Чернышевымъ и, спросивъ Штейнбока, сколько дней онъ ѣхалъ и не заѣзжалъ ли къ кому, отпустилъ его, сказавъ: *„вы будете напряжены; ступайте,—отдохните; васъ скоро отправятъ“.*

На другой же день изъ Таганрога выѣхалъ Чернышевъ въ Тульчинъ къ графу Витгенштейну, а на третій Штейнбокъ въ Житомиръ. Отъ него то и узнали мы о томъ, что до его поѣздки относилось; а позже узнали, что являвшаяся въ Житомиръ таинственная личность былъ капитанъ *Майборода* Вятскаго пѣхотнаго полка, которымъ командовалъ полковникъ Нестель, и, состоя самъ въ заговорѣ, пріѣзжалъ съ доносомъ о томъ заговорѣ, отвезенномъ Штейнбоккомъ въ Таганрогъ *).

Вскорѣ послѣ отъѣзда Штейнбока въ Таганрогъ, въ Житомирѣ между евреями распространился слухъ о кончинѣ Императора Александра; а вслѣдъ за тѣмъ мы изъ главной квартиры получили повелѣніе о совершеніи присяги новому Императору Константину Павловичу, что Ротъ со всѣмъ корпуснымъ штабомъ немедленно и исполнилъ въ православномъ соборѣ, гдѣ я гласно прочелъ предъ присягавшими присланную присягу. Архіерея тогда не было; онъ жилъ въ м. Ямполь.

Едвали, сколько могу припомнить, мы не одновременно получили свѣдѣніе о возмущеніи въ Петербургѣ 14-го Декабря и повелѣніе изъ главной квартиры совершить новую присягу Императору Николаю Павловичу.

На второй или третій день Рождества Христова предписано Роту объ арестованіи полковыхъ командировъ: Ахтырскаго гусарскаго Артамона Муравьева, Алексопольскаго пѣхотнаго Повало-Швейковского и

*) Въ дополненіе и объясненіе этого мѣста «воспоминаній» считаемъ нелишнимъ привести нѣсколько строкъ изъ донесенія Дибича вел. кн. Николаю Павловичу 4 Дек. 1825 г. (См. Русск. Стар. 1897 г. Февр. Междуцарствіе въ Россіи), «получилъ я, писалъ Дибичъ, 1-го Декабря, съ прибывшимъ сюда, въ Таганрогъ, адъютантомъ генераль лейтенанта Рота, поручикомъ гусарскаго, принца Оранскаго полка, гр. Штейнбоккомъ, отъ сего генерала рапортъ и письмо, писанное рукою начальника корпуснаго штаба г-м. Горчакова, и при нихъ письмо Вятскаго пѣхотнаго полка кап. Майбороды на высочайшее имя. — Капит. Майборода

полковника Тизенгаузена — Полтавскаго пѣхотнаго, и объ отправленіи ихъ подъ крѣпкою стражею, со всѣми бумагами, какія у нихъ найдутся, въ главную квартиру арміи въ г. Могилевъ на Днѣпрѣ.

Для арестованія Тизенгаузена былъ отправленъ я въ Бобруйскъ, гдѣ полкъ его содержалъ караулы; но Тизенгаузенъ предъ тѣмъ за нѣсколько дней выѣхалъ въ г. Кіевъ къ полковнику князю Трубецкому и потому я арестованія его исполнить не могъ. Возвращаясь въ Житомиръ, на почтовыхъ станціяхъ встрѣтилъ главнаго заговорщика, полковника Пестеля, арестованнаго Чернышевымъ и отправленнаго имъ въ Петербургъ; не зная его и преступленія его, по его приглашенію завтракалъ съ нимъ; потомъ встрѣтилъ ѣхавшихъ на перекладныхъ тоже подъ стражею Швейковскаго и Муравьева; первый былъ веселъ и смѣялся своему аресту, послѣдній же при разговорѣ со мною хныкалъ и клялся, что онъ ни въ чемъ не виноватъ. Странно было видѣть высокаго дебелаго мужчину, — проливающимъ слезы, подобно старой бабѣ. Какъ извѣстно, оба они, а съ ними и горбунъ Тизенгаузенъ, дальній родственникъ Дибича, оказались важными государственными преступниками и сосланы въ Сибирь на каторжныя работы.

Въ Житомирѣ я узналъ о возмущившемся Черниговскомъ полку; это беззаконіе совершилъ обманомъ подполковникъ Муравьевъ — Апостолъ (Сергѣй) съ своими клеветами. Въ тоже время изъ главной квартирѣ и днемъ и ночью были присылаемы жандармы съ бумагами объ арестованіи то того, то другаго офицера изъ корпуса и отправленіи ихъ въ сопровожденіи офицера и двухъ жандармовъ прямо въ Петербургъ въ слѣдственную комиссію. Помню такой забавный случай: одного арестованнаго артиллерійскаго офицера отвезъ въ Петербургъ той же артиллерійской бригады подпоручикъ Веденягинъ и по возвращеніи оттуда о сдачѣ арестанта представилъ въ корпусный штабъ квитанцію; едва онъ успѣлъ доѣхать до своей батареи, какъ, по предписанію

говорить въ письмѣ семъ, что, подозрѣвая давно полковаго своего командира, полковника Пестеля въ незаконныхъ связяхъ къ нарушенію общаго спокойствія дабы лучше о томъ узнать, поддавался притворно и тѣмъ открылъ, что въ Россіи существуетъ уже болѣе 10-лѣтъ и болѣе и болѣе увеличивается общество либераловъ, корень котораго въ Россіи и въ нѣкоторыхъ прилежащихъ мѣстахъ ему, Майбородѣ, извѣстны, и т. д.... Въ томъ же письмѣ просятъ Майборода представиться лично государю императору съ тѣмъ, чтобы препоручено было довѣренной особѣ привезть его сюда. Онъ считаетъ жизнь свою въ опасности и посему нерѣшаясь открыться своему высшему начальству, проситъ перевода изъ второй арміи, куда угодно будетъ. Въ случаѣ же, что теперь увидитъ себя въ опасности, намѣренъ спастись къ г-лейт. Роту. — Генераль Ротъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ прибавляетъ, что Майборода, явсья къ нему въ Житомиръ, объявилъ ему еще лично, при прозвѣѣ о доставленіи открытаго

изъ главной квартиры, его самого арестовали и отправили въ Петербургъ. Много было штабъ и оберъ-офицеровъ въ 3-мъ корпусѣ нахвачано и отослано въ Петербургъ; изъ нихъ очень мало возвратилось оправданными. Это было для насъ тяжелое время; я и товарищъ мой Губаревъ дневали и ночевали въ дежурствѣ, принимая жандармовъ, привозимыя ими бумаги и немедленно исполняя по нимъ приказанія начальства.

Возмутившійся Черниговскій полкъ шатался съ мѣста на мѣсто; дисциплина въ немъ исчезла, офицеровъ не слушались и предавались пьянству и буйству. Для усмиренія полка шло нѣсколько гусарскихъ эскадроновъ съ конною артиллеріею подъ командою генераль-маіора барона Гейсмара. Помню, что въ концѣ бумаги отъ начальника главнаго штаба 1-й арміи Поля къ генералу Роту насчетъ полка было приписано собственноручно, чтобы бунтовщикамъ не давать пощады.

Гейсмаръ настигъ полкъ на его переходѣ; онъ тнудся въ величайшемъ безпорядкѣ; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ ядрами и картечью, солдаты бросили ружья, большая часть которыхъ были незаряжены и имѣли деревянные кремни, и ударились на утекъ, а гусары кололи и рубили это жалкое стадо. Послѣ такого побоища, совершеннаго въ началѣ Января 1826 года, труднѣе было разбѣжавшихся собрать и отвезти въ Бѣлую Церковь со всѣми захваченными офицерами. Генераль Ротъ, прѣхавши къ отряду побѣдителей на другой день разбитія полка (4 Января), ужасно гнѣвался на Гейсмара за то, что онъ, по силѣ даннаго ему предписанія, не дождался его Рота прибытія и дерзнулъ безъ него одержать *блистательную* побѣду надъ бунтовщиками; не менѣе того однако же онъ съ мѣста побоища отъ своего имени послалъ къ главнокомандующему Сакену въ Могилевъ съ капитаномъ Стихомъ реляцію объ окончаніи дѣла и возвратился съ досадою въ душѣ въ Житомиръ. Это донесеніе Рота изъ Могилева было отправлено въ Петербургъ съ тѣмъ же Стихомъ и тамъ такъ были осчастливлены развязкою этой несчастной исторіи, что Стихъ произведенъ въ подполковники, а самъ Ротъ получилъ ленту Александра Невскаго. Съ своей стороны и скуная графиня Браницкая отъ радости, что избавилась отъ опаснаго посѣщенія Черниговскаго полка,

упомянутаго письма, что общество, о которомъ онъ говоритъ, было составлено подъ именемъ общества просвѣщенія, что впоследствии многіе отъ него отклонились... и что они вѣрно не отказались бы въ открытіи дальнѣйшихъ свѣдѣній.... сверхъ сего объявилъ Майборода, что деньщикъ Пестеля, Савенко, ему совершенно преданный, знаетъ много подробностей и гдѣ важнѣйшія бумаги, кои хранятся частью въ двухъ зеленыхъ портфеляхъ. Майборода уѣхалъ обратно въ свой полкъ и надѣется, что скроетъ поѣзду свою въ Житомиръ». Ред.

раскопелась и прислала гусарамъ побѣдителямъ 600 р. асс. Эта Екатерининская оберъ-гофмейстерина при началѣ возмущенія, когда оно возникло не далеко отъ ея резиденціи, боясь разграбленія, миллионы свои и драгоценности, какъ говорили, спровадила въ Кіевскую крѣпость.

Надо правду сказать, что и самыя наши власти, начиная съ Петербурга и кончая Житомиромъ, таки достаточно струхнули при возмущеніи цѣлаго полка, предполагая, что примѣру его и другіе послѣдуютъ, особенно тѣ полки, командиры коихъ были арестованы и увезены въ Петербургъ. Но сего, къ счастью, не случилось.

Взятыхъ при разбитіи Черниговскаго полка офицеровъ предписано было въ оковахъ и подъ стражею отправить на почтовыхъ въ Петербургъ. Это отправленіе Ротъ поручилъ было исполнить князю Горчакову, который для того и выѣхалъ въ Бѣлую Церковь и я съ нимъ. Оно совершилось въ Февралѣ мѣсяцѣ и я былъ не вольнымъ свидѣтелемъ этой возмутительной транспортировки и записывалъ чины и фамиліи для составленія донесенія. Отправленіе ихъ сдѣлано было ночью и кончилось рано утромъ. Помню, что Муравьевъ—Апостолъ былъ съ обвязанною платкомъ головою, потому что былъ раненъ, впрочемъ слегка; онъ былъ средняго роста, плечистый, здоровый мужчина, глаза имѣлъ сѣрые и быстрые и вообще лицо серьезное. Находили въ немъ сходство съ Наполеономъ 1-мъ. За нимъ ввели подпоручика Полтавскаго полка Вестужева—Рюмина, фанатика, восторженнаго; онъ обратился къ князю Горчакову и громкимъ голосомъ произнесъ: *„Ваше Сіятельство, у меня въ Москвѣ престарѣлый отецъ; до него дойдутъ обо мнѣ слухи превратные, ужасные; это убьетъ его; умоляю Васъ предупредить его и уведомить обо мнѣ“*. Горчаковъ обѣщалъ (разумѣется не исполнилъ и не могъ исполнить) и при этомъ обѣщаніи Вестужевъ вскричалъ: *„такъ вы мнѣ общаете! Позвольте мнѣ позать вашу руку“*. Горчаковъ сдѣлалъ было движеніе къ нему, что бы дать ему руку, которую уже и протянулъ, но остановился и сказалъ ему сурово, грозно: *„Государственному преступнику руки я не даю“*, — отвернулся и ушелъ въ другую комнату. Тогда Вестужевъ воскликнулъ: „Боже мой, Боже мой!“ и обратясь ко мнѣ, попросилъ моей руки; не вида въ томъ ничего особенно важнаго, а тѣмъ мене преступнаго, я подалъ ему мою руку, которую онъ, крѣпко пожавъ, произнесъ: *„благодарю“*!—Въ тотъ же день мы возвратились въ Житомиръ.

Въ концѣ Марта или въ началѣ Апрѣля Ротъ, самъ ли отъ себя, или по повелѣнію свѣше, объѣзжалъ нѣкоторые полки 8-й пѣхотной дивизіи, изъ которыхъ много офицеровъ, по принадлежности ихъ къ

тайнымъ злонамѣреннымъ обществамъ, было арестовано и отправлено въ Петербургъ. Цѣль этой поѣздки была развѣдать двухъ оставшихся офицеровъ и самихъ солдатъ. Для той цѣли и меня взяли съ собою въ качествѣ сыщика, — что было крайне мнѣ непріятно, — и одинъ разъ въ запальчивости, за показавшееся ему дерзкимъ мое возраженіе, едва не выбросилъ меня изъ коляски на дорогѣ. Задача была не разрѣшимая; никакого враждебнаго духа не открыто; все обстояло благополучно и мы возвратились въ Житомиръ.

Вскорѣ послѣ этой поѣздки неожиданно и негаданно пріѣхалъ къ намъ начальникъ главнаго штаба 1-й арміи Толь и остановился въ трактирѣ. Ротъ, какъ младшій въ чинѣ, явился къ нему въ парадной формѣ и съ рапортомъ. Толь встрѣтилъ его съ шпагою на боку и шляпою въ рукѣ. Не долго Ротъ оставался у него и, возвратясь въ бѣшенствѣ на квартиру, сказалъ предъ ожидавшими его близкими къ нему лицами: *„мнѣ выговоръ! Не хочу служить“*!. — Послѣ адъютантъ Толя объяснилъ намъ, что штабъ и оберъ-офицеры въ Петербургской слѣдственной комиссіи приносили жалобу на дерзкое обращеніе Рота и Императоръ повелѣлъ Толю отправиться въ Житомиръ и лично объявить ему крайнее Его Величества неудовольствіе. Толь по исполненіи Высочайшей воли въ тотъ же день отправился во свояси въ Могилевъ.

Едва ли не вслѣдъ за этимъ посѣщеніемъ Толя начальникомъ нашего 3-го пѣхотнаго корпуса былъ назначенъ изъ 2-й арміи генералъ Рудзевичъ, а Ротъ корпуснымъ начальникомъ во 2-ю армію къ графу Витгенштейну. Весь корпусный штабъ, съ начальникомъ его во главѣ, княземъ Горчаковымъ, накануне отъѣзда, какъ подобаетъ, въ парадной формѣ собрался къ нему и мирно простился; онъ благодарилъ за службу и нѣкоторыхъ облобызалъ. Мы не проливали слезъ, но сожалѣли, теряя его; мы уже привыкли къ его характеру, знали его привычки, капризы и, по совѣсти, не имѣли права на него жаловаться и осуждать его; для исправныхъ по службѣ и умѣвшихъ держать себя онъ рѣдко забывался и былъ доступенъ. Недѣли за двѣ до отъѣзда Ротъ получилъ казенный орденъ св. Александра Невскаго, т. е. ленту съ крестомъ и звѣзду; послѣдняя была изъ папки и украшена серебряными блестками (въ нынѣшнее царствованіе дается серебряная), которую онъ мнѣ подарилъ на память и которая теперь у меня хранится.

Пріѣхалъ и Рудзевичъ и вступилъ въ командованіе корпусомъ. При представленіи къ нему штаба онъ былъ холоденъ и ни какого не сказалъ служебнаго спича; онъ видимо былъ недоволенъ перемѣщеніемъ изъ 2-й арміи и своимъ назначеніемъ и какъ будто чуждался

насть; но мало по малу онъ обошелся и мы увидѣли въ немъ добрата, снисходительнаго и вовсе не крикливаго начальника.

Къ этому 1826 году относится одно важное событіе, тогда меня волновавшее и теперь возбуждающее искреннее въ душѣ прискорбіе, — это судъ Верховнаго Уголовнаго Суда надъ такъ называемыми злоумышленниками и постигшая ихъ тяжелая кара. Сколько погибло талантливыхъ между ними личностей, могшихъ принести Россіи честь и пользу своимъ умомъ и образованіемъ!....

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ прибытія Рудзевича корпусная наша квартира переведена въ Кіевъ, гдѣ и оставалась до выступленія 1828 года въ походъ въ Турцію. Въ Кіевѣ простояли мы слишкомъ годъ; тамъ я познакомился съ ученымъ митрополитомъ Евгеніемъ, почтеннымъ и кроткимъ старцемъ; его голосъ при служеніи и разговорѣ былъ тихъ и пріятенъ. Тамъ же я близко сошелся съ полковникомъ Мал....., прелестная супруга котораго удостоивала меня своею усладительною дружбою. Въ Кіевѣ товарищъ мой, старшій корпусный адъютантъ Губаревъ, произведенъ въ подполковники и на мѣсто его поступилъ другой изъ Нѣжинскихъ грековъ, у котораго жена была олицетворенная неопрятность и зла, какъ чертъ. Дежурнаго штаб-офицера Рудзевичъ привезъ съ собою своего, изъ прежняго корпуса, полковника Хандакова; онъ былъ офицеръ способный къ дѣламъ, но тяжелый, медленный и съ лѣнцою; онъ имѣлъ жену гречанку, всегда разумыянную, разодѣтую и не строгой нравственности. Со вступленіемъ въ должность Хандакова князь Горчаковъ отъ управленія дѣлами былъ устраненъ, а сталъ ходить къ Рудзевичу со всѣми бумагами Хандаковъ. Наконецъ корпусу сказанъ походъ противу турокъ; а я не имѣлъ ни лошадей, ни повозки, ни денегъ для заведенія всего этого, хотя былъ уже капитаномъ. Но, какъ по положенію при началѣ каждой войны офицерамъ отпускается не въ счетъ полугодовое жалованье ассигнаціями, а адъютантамъ серебромъ, то я на счетъ ожидаемаго этого жалованья купилъ въ долгъ у одного своего товарища двухъ упряжныхъ тощихъ клячь, которыя однако же всю войну прослужили мнѣ отлично; сочинилъ пружалкую бричку съ клеенчатою верхушкою и, простившись съ знакомыми и моимъ другомъ, торжественно отправился колотить правобѣрныхъ Османли. На дорогѣ у одного знакомаго комиссіонера купилъ за 100 руб. сер. верховую лошадь, добрую, но дьявольски тряскую отъ постоянного трота; когда же въ составъ корпуса вошли казачьи полки, то одинъ изъ полковыхъ командировъ подарилъ мнѣ другую верховую лошадь, добрую и сильную.

При колоніи Сатуново, на Дунаѣ, Императоръ Николай въ Маѣ мѣсяцѣ изволилъ осмотрѣть весь нашъ корпусъ и остался весьма доволенъ, особенно 3-й гусарской дивизіей генерала Ридигера; о чемъ отданъ былъ Высочайшій приказъ, въ составленіи коего съ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба Его Величества генераломъ Потаповымъ и я участвовалъ свидѣніями о названіи войскъ и фамиліи ихъ начальниковъ. Между тѣмъ, для переправы черезъ Дунай противъ крѣпости Исакии вооруженною рукою проложили къ Дунаю черезъ густѣйшій тростникъ дорогу, устроили на ней гати и мосты и на самомъ берегу въ камышахъ соорудили батарею на 6-ть орудій. Наканунѣ переправы я всю ночь съ Рудзевичемъ провелъ на этой батарее. Едва начало мерещиться 27 Мая, какъ наши батареи стали дѣйствовать; турки отвѣчали тѣмъ же и почти весь день происходила пальба. Здѣсь въ первый разъ я былъ въ сраженіи; свистъ ядеръ оглушалъ меня и сначала я было сталъ каждому мусульманскому ядру униженно кланяться, но потомъ попривыкъ и не воздавалъ уже имъ болѣе моего высокопочтенія. На вечеръ турки были сбиты и ретировались. Я съ своимъ генераломъ отправился на непріятельскій берегъ на небольшой лодкѣ; весь день у меня во рту не было ни крошки; я однако же запасаю двумя пшеничными морскими сухарями; плывя по водѣ, тошій мой желудокъ доложилъ о себѣ; я вынулъ изъ кармана одинъ сухарь и сталъ его размачивать въ Дунаѣ; онъ былъ твердъ, какъ камень; это увидѣлъ Рудзевичъ, взялъ у меня и остальной сухарь и тоже началъ размачивать и грызть. Вышедши на берегъ, когда уже смерклось, мы расположились на взятомъ непріятельскомъ укрѣпленіи; я, по приказанію Рудзевича, составилъ краткую побѣдную реляцію о переправѣ черезъ Дунай съ представленіемъ списка о удостоиваемыхъ къ наградамъ; Рудзевичъ предлагалъ мнѣ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, но я пожелалъ быть переведеннымъ въ гвардію и меня перевели тѣмъ же чиномъ лейбъ-гвардіи въ Павловскій полкъ, въ тотъ полкъ, который и до нынѣ отличается уродственными головными кичками.

Послѣ переправы черезъ Дунай корпусъ потянулся къ Шумлѣ; его вель самъ Императоръ; жары были нестерпимы; воду встрѣчали только въ фонтанахъ; строгость и взысканія за разныя неизбѣжныя мелочи насъ утомляли; при оз. Карасу съ нами соединились пришедшія изъ подъ Браилова войска; при Карасу застигла насъ ужасная буря съ ливнемъ; всѣ палатки были снесены; наконецъ, мы доплелись до Шумлы страшно утомленные. Присутствіе Государя при войскахъ и постоянное ефрейторство сильно насъ смущало. Не стану описывать кампанію 1828 года,—она извѣстна. Императоръ отправился къ Варнѣ. При Шумлѣ мы стояли въ палаткахъ; я имѣлъ особую; со мною помѣщался свитской части капитанъ Тиличѣвъ, трусъ естественный. Всѣ штабные чины обѣдали у Рудзевича.

До Октября мы толклись безъ успѣха и пользы около Шумлы, а въ началѣ этого мѣсяца войска сняли блокаду и нашъ 3-й пѣхотный корпусъ отправился на зимнія квартиры въ княжество Молдавское. Корпусный штабъ расположился въ грязномъ г. Фокшанахъ. Кн. Горчаковъ, какъ выше было сказано, былъ устраненъ отъ дѣлъ, а Хондаковъ задумалъ объ отставкѣ и тоже пересталъ заниматься и потому со всѣми бумагами и докладами я ходилъ къ Рудзевичу. Этотъ добрый генераль оказывалъ полное ко мнѣ довѣріе и расположеніе; бывало не сядетъ обѣдать безъ меня и сердился, когда я не приходилъ къ столу. Фокшаны мнѣ памяты по снѣгамъ: разъ выпалъ такой снѣгъ, что прервалъ всякое между домами сообщеніе; въ другой разъ Рудзевичъ, отправившись съ мною для осмотра полковъ, съ первой же станціи долженъ былъ возвратиться, по невозможности ѣхать далѣе по занесенной снѣгомъ дорогѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до открытія кампаніи 1829 года послѣдовали въ главномъ штабѣ арміи новыя назначенія, такъ: вмѣсто Витгенштейна, — главнокомандующимъ Дибичъ; вмѣсто Киселева, — Начальникомъ главнато штаба Толь; вмѣсто князя Горчакова (нашего брата), генераль-квартирмейстеромъ Бутурлинъ и вмѣсто Байкова, — дежурнымъ генераломъ Обручевъ. Въ послѣднюю должность былъ приглашаемъ нашъ князь Горчаковъ, но онъ отказался почемуто. А какъ Рудзевичъ былъ старше въ чинѣ Дибича и сверхъ того, будучи подстрекаемъ чистолюбивою своею женою и проѣзжавшимъ тогда черезъ Фокшаны въ Россію графомъ Ланжерономъ, тоже отказавшимся, какъ старшій, состоять подъ командою Дибича, — то сталъ манкировать службою и за то получилъ замѣчаніе, а вслѣдъ затѣмъ и новое назначеніе командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса въ Россію. Онъ собрался и готовъ былъ уже выѣхать и взять меня съ собою, какъ апоплексическій ударъ по утру на суднѣ мгновенно прекратилъ жизнь его и служебное поприще, похвально имъ пройденное. Тѣло съ двумя его адъютантами, — Энгельгартомъ и Томарою, отправлено на родину его въ Крымъ. Причину скоропостижной его смерти полагали двоякою: оскорбленное и униженное самолюбіе, и совершенное отсутствіе всякаго движенія при его полнотѣ и сырой комплекціи.

На мѣсто Рудзевича командиромъ нашего 3-го пѣхотнаго корпуса назначенъ генераль-лейтенантъ Красовскій, необразованный науками, нѣсколько горячій, но имѣвшій особенную способность возбуждать духъ солдата и быть ими любиму. Искусный, храбрый генераль пользовался большою довѣренностію у Дибича. Корпусъ двинулся изъ Молдавіи въ Болгарію къ Черноводамъ на присоединеніе къ прочимъ войскамъ, и корпусный штабъ выступилъ изъ Фокшанъ. На первомъ переходѣ у одного служителя князя Горчакова оказалась чума и князя со всѣми

его людьми и обозомъ оставили на мѣстѣ, а сами слѣдовали далѣе къ Дунаю.—Изъ подъ Черноводъ собравшіяся войска двинулись къ Силистріи, откуда Дибичъ пошелъ къ Шумлѣ, а Красовскій съ корпусомъ остался у Силистріи для покоренія этой крѣпости.—Около двухъ мѣсяцевъ мы бились и возились съ Силистріею; наконецъ, она сдалась и на другой день меня Красовскій послалъ въ крѣпость еще въ полной власти непріятели находившюся затѣмъ, что бы быть свидѣтелемъ сдачи турками оружія. Я взялъ съ собою двухъ конныхъ казаковъ и лишь проѣхалъ крѣпостныя ворота, какъ вдругъ очутился предъ брадытымъ Пашою, который сидѣлъ въ бесѣдкѣ съ кальяномъ въ зубахъ, а турки сбрасывали предъ нимъ въ кучу свое оружіе: ружья, пистолеты, сабли, ятаганы и кинжалы, выламывая изъ нихъ, гдѣ было, серебро, какъ это было отъ насъ имъ дозволено. Я привѣтствовалъ Пашу наклоненіемъ головы; онъ тоже кивнулъ мнѣ головою; потомъ я сѣлъ и смотрѣлъ на сцену швырянія оружія. Я не совсѣмъ былъ спокоенъ по среди этихъ варваровъ, которые звѣрски смотрѣли на гура; но послѣ я еще больше испугался, когда Паша чрезъ переводчика сказалъ мнѣ, что нѣсколько нашихъ людей проникли въ крѣпость и грабятъ дома. Я въ ту же минуту съ казакомъ послалъ о томъ записку Красовскому; онъ прислалъ роту и оказалось, что эти мошенники—грабители были безстрашные деньщики, искавшіе по домамъ поживы. До глубокой ночи я оставался въ крѣпости и, уѣзжая отсюда въ лагерь, нагрузилъ моихъ двухъ казаковъ отобраннымъ мною лучшимъ и разнаго рода турецкимъ оружіемъ, которое и раздарилъ; одинъ только ятаганъ съ серебряною рукою остается и до нынѣ у меня. Изъ сданнаго оружія Красовскій отобралъ лучшее и на двухъ повозкахъ отправилъ въ Россію для оружейной Великаго Князя Михаила Павловича. Главный Силистрійскій Паша подарилъ побѣдителю своему, Красовскому, отличнаго бѣлаго жеребца съ нарядною сбруей, а побѣдитель отдалъ побѣжденнаго двумя дюжинами шампанскаго. Правовѣрные, не смотря на запрещеніе корана, любятъ таки выпить; я убѣжденъ, что если бы самому пророку Магомету попалась въ руки шипучая, не отказался бы вкусить этого запрещеннаго Аллахомъ шербета. Я видѣлъ, какъ одинъ полковникъ низама, бывшій у насъ въ плѣну, стаканами пилъ ликеръ и въ припадку плясалъ съ солдатами.

За взятіе Силистріи Красовскій награжденъ орденомъ Св. Владимира 1-й ст., чѣмъ онъ не былъ доволенъ, утверждая, что по статуту онъ имѣлъ право на Георгія 2 класса;—а меня произвели въ подполковники; чрезъ три же мѣсяца я былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офцеромъ на мѣсто Хондакова, получившаго отставку.

Изъ подъ Силистріи мы пошли къ Шумлѣ, гдѣ Дибичъ оставилъ нашъ корпусъ съ тою цѣлю, чтобы тревожить засѣвшаго въ Шумлѣ

дозволили нѣсколько стоговъ употребить войскамъ для разведенія огня и за то отъ Дибича получилъ строгій выговоръ. Одна батарея потеряла всѣхъ своихъ лошадей и за то полковникъ Шамборанъ отрѣшенъ отъ батареи. Словомъ, корпусъ бѣдствовалъ, а командиръ его графъ Петръ Паленъ предъ началомъ движенія уѣхалъ въ Россію.

Съ открытія весны и главная квартира арміи стала возвращаться изъ Адріанополя; при Варнѣ она имѣла дневку и была расположена въ палаткахъ за крѣпостью. Мы встрѣчали Дибича; онъ былъ молчаливъ, печаленъ, грустенъ; онъ потерялъ супругу, умершую въ Петербургѣ въ Мартѣ 1830 года.

Вскорѣ потомъ и нашъ корпусъ выступилъ во свояси: корпусный штабъ въ Одессу, потому что генералу Красовскому повелѣно было временно исправлять должность генераль-губернатора Новороссійскаго края, въ продолженіи даннаго графу Воронцову отпуска за границу.

Изъ Молдавіи я вывезъ нѣсколько отличныхъ къ трубкамъ янтарей, пять саженныхъ черешневыхъ чубуковъ и до десяти штукекъ шелковой матеріи, изъ которыхъ три штуки взялъ у меня князь Горчаковъ для своей супруги; была у меня пара превосходныхъ сильныхъ лошаковъ, добытыхъ казаками при рекогноцировкѣ, которыхъ я продалъ за 40 червонцевъ одному Бояру въ Бессарабіи при слѣдованіи въ Одессу, и, наконецъ, въ карманѣ у меня находилось до 2 руб. ассигн. Я былъ богачъ!

Въ Одессѣ мнѣ и корпусному дежурству отвели цѣлый каменный двухэтажный домъ съ мебелью и хозяйственными заведеніями; я занималъ весь первый этажъ, состоящій изъ 8-ми комнатъ, а въ нижнемъ помѣщались писаря и дежурство, или комнаты, въ которыхъ совершалась операція многописанія. Я кромѣ прежней безобразной повозки неимѣлъ ни какого иного экипажа, а между тѣмъ былъ дежурнымъ штабъ-фицеромъ. По прибытіи въ Одессу я купилъ подержанныя дрожки и пару упряжныхъ лошадей. Все было бы въ Одессѣ хорошо, если бы было воды болѣе, а пыли и грязи менѣе; отъ послѣдней моя коренная надорвалась и околѣла.

Въ Одессѣ мы застали еще графа Воронцова и потому всѣ чины корпуснаго штаба, въ отсутствіе Красовскаго, были ему представлены княземъ Горчаковымъ. Онъ принялъ насъ въ библиотекѣ великолѣпнаго своего дворца. Въ Одессѣ же я не разъ видалъ и встрѣчалъ г-жу Нарышкину, урожденную графиню Потоцкую, съ которою, какъ говорили, Воронцовъ имѣлъ интимныя сношенія. Прелестное воздушное созданіе.

Въ этой же Одессѣ Красовскій хотѣлъ было меня женить на падчерицѣ покойнаго генерала Сабанѣва, дѣвушкѣ 16 лѣтъ и довольно

достаточной по землѣ въ Бессарабіи. Предложеніе мнѣ сдѣлалъ князь Горчаковъ, не объявивъ однако же, на комъ онъ меня сватаетъ, говоря только, что дѣвица достойная и не бѣдная; но видно судьбѣ не угоденъ былъ этотъ союзъ; я рѣшительно отказался *по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ*. Между тѣмъ какъ князь склонялъ меня къ женитбѣ и требовалъ, что бы я подумалъ о его предложеніи, ни онъ, ни я не знали, и не предполагали, что моя будущая невѣста и жена росла въ его семействѣ. Эта падчерица, родная дочь корпуснаго штабъ-доктора, по старанію его же Красовскаго, выдана замужъ за генераль-маіора Стиха и была страдальцею, а послѣ его смерти бездѣтная вдова вышла уже сама замужъ за какого то полковника.

Въ царствѣ Польскомъ вспыхнуло возмущеніе, была объявлена война; по желанію князя Горчакова онъ назначенъ былъ начальникомъ корпуснаго штаба въ 1-й корпусъ и уѣхалъ изъ Одессы. Я къ нему истинно былъ привязанъ и съ душевною скорбію простился съ нимъ; по его порученію, я отправилъ его семейство въ Москву къ роднымъ и распродалъ оставшіяся послѣ выѣзда ихъ разныя вещи. Къ намъ на мѣсто князя начальникомъ штаба назначенъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Фридриксъ, офицеръ умный, благородный и вѣжливый.

Наши бились уже съ поляками, а мы сидѣли въ Одессѣ; но раннею весною 1831 года намъ назначили новаго корпуснаго командира генерала Кайсарова, а Красовскаго на мѣсто его начальникомъ Главнаго штаба 1-й арміи къ князю Сакену и съ тѣмъ вмѣстѣ велѣно было корпусному штабу перейти въ Житомиръ. Кайсаровъ прислалъ особое предписаніе, чтобы корпусный штабъ слѣдовалъ форсированнымъ маршемъ, а я (дежурный штабъ-офицеръ) и еще одинъ изъ старшихъ адъютантовъ на почтовыхъ прибыли къ нему въ Житомиръ. — Обдаривъ начальника таможеннаго округа Волховскаго штабъ-офицерскою палаткою за то, что бы чемоданы мои были чиновникомъ на мсей квартирѣ опечатаны безъ контроля, я и старшій адъютантъ отправились въ знакомый намъ Житомиръ на перекладныхъ, и явились къ Кайсарову, который при сей вѣрной оказіи снабдилъ насъ словеснымъ наставленіемъ о нашихъ обязанностяхъ и проч. Извѣстно, Кайсаровъ всегда говорилъ и писалъ свысока и широковъщательно. Послѣ его превосходительство, узнавъ меня короче, оказывалъ полное ко мнѣ довѣріе и расположеніе. Онъ былъ скупъ; утверждаютъ, что когда то въ Молдавіи онъ столкнулъ съ высокой лѣстницы своего шурина Ланского и завладѣлъ его имѣніемъ. Онъ удаленъ былъ съ мѣста на-

чалыника главнаго штаба арміи, какъ говорили, по настоянію князя Сакена, за связь съ его князя побочною дочерью полковницею Захаровою, и за частія распри съ дежурнымъ генераломъ Карповымъ, фаворитомъ Сакена. Въ Житомирѣ нашли мы военнаго губернатора Левашова (бывшаго потомъ Графомъ), который навелъ страхъ на всѣхъ жителей своими распоряженіями и опасеніями нападенія и который, для сохраненія своей особы отъ врага, въ ночное время предъ квартирою своею ставилъ баталіонъ съ двумя заряженными орудіями и горящими фитилями.

Спустя недѣли три, корпусный штабъ передвинулся въ г. Острогъ, гдѣ одинъ разъ у Кайсарова я увидѣлъ генералъ-маіора Берга, возвращавшагося послѣ женитьбы своей изъ заграницы; мы съ нимъ сталкивались подъ Силистріею; онъ узналъ меня. Кто бы дерзнулъ тогда сказать, что это будущій главнокомандующій, генералъ-фельдмаршалъ и намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ! Изъ Острога я ѣздилъ въ Кіевъ какъ затѣмъ, чтобы поторопить комиссаріатскую комиссію о высылкѣ вещей въ войска, такъ и еще болѣе по собственному интимному дѣлу. Изъ Острога чрезъ Дубно, Владиміръ Волынской и Устичувъ вступили войска нашего корпуса въ Царство Польское и въ среднихъ числахъ Іюля обложили кр. Замосць, — альфа и омега безкровныхъ нашихъ подвиговъ. Сперва корпусный штабъ расположился въ огромной клунѣ, въ которой отгороженъ былъ для меня изъ хвороста особый уголь, гдѣ я и поселился, преспокойно занимаюсь дѣлами; въ этой же клунѣ, въ двухъ устроенныхъ раздѣльныхъ комнатахъ, помѣщались Кайсаровъ и баронъ Фридриксъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы перешли въ с. Сатанцы, расположились по крестьянскимъ хатамъ и тамъ кончили нашу кампанію.

Въ продолженіе блокады не произошло ничего замѣчательнаго; поляки вылазокъ не дѣлали и ни чѣмъ насъ не тревожили, а мы не могли и думать брать крѣпость безъ правильной осады и осадныхъ орудій. Кайсаровъ маневрировалъ: то приближался къ крѣпости, то возвращался на свою позицію; разъ попытался было склонить гарнизонъ къ сдачѣ угрозами, но и угрозы не помогли. За всѣмъ тѣмъ, цѣль наша была достигнута: на Волынь не было набѣговъ изъ крѣпости.

Но со мной произошла цѣлая исторія, а именно: въ Августъ, я и оберъ-провіантмейстеръ Сервиругъ были отправлены въ г. Люблинъ для собранія подробныхъ свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ продовольствуется фуражемъ расположенная тамъ конно-егерская дивизія генерала Пашкова, прикомандированная тогда къ нашему корпусу, — дивизія измученная, истасканная и не способная ни къ какому движенію, и какіе есть запасы въ магазинѣ. По исполненію сего пору-

ченія дня чрезъ три, возвращаясь изъ Люблина, я долженъ былъ остановиться въ г. Красноставѣ для осмотра коннаго лазарета. Приѣхавъ туда въ бурную, дождливую ночь, я остался на почтовой станціи и въ ожиданіи разсвѣта прилежъ на канапѣ. О непріятелѣ рѣшительно слышно не было да онъ и не долженъ былъ явиться посреди нашихъ войскъ, а вышло противное. На самомъ разсвѣтѣ почтмейстеръ разбудилъ меня и вскричалъ по польски: „*пане полковнику, поляки съ городъ; почтовые лошади ждуть пана!*“ Я стремглавъ вскочилъ, набросилъ на себя мокрый отъ дождя турецкій лычарскій изъ верблюжей шерсти съ кашпономъ плащъ и, взявъ подъ мышку портфель съ бумагами и казенными деньгами до 1000 руб. асигн., выбѣжалъ на крыльцо къ почтовой повозкѣ,—но было уже поздно; поляки были на дворѣ, и именно отыскивали приѣхавшаго почтою русскаго полковника, одинъ улавскій унтеръ-офицеръ, завидѣвъ меня, подскакалъ и, уставя пистолетъ, грозно требовалъ: *сдаться и брони*,—а эту бронь или неповинную мою шпагу, въ попыхахъ я забылъ въ комнатѣ; выбѣжавъ туда, я портфель мой проворно бросилъ подъ кровать, указавъ на него рукою почтмейстеру, который въ тотъ же день привезъ его самъ къ Кайсарову, и объявилъ о моемъ плѣнѣ. По окончаніи войны, этотъ почтмейстеръ, по фамиліи Голомбъ, по моему старанію за свой добросовѣстный поступокъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й степ. И такъ я, оберъ-провіантмейстеръ Сервилогъ и еще не знаю гдѣ захваченный артиллерійскій капитанъ Миницкій, уроженецъ Каменецъ-Подольской губерніи ѣхавшій въ отпускъ да до 8 нижнихъ чиновъ, въ числѣ коихъ былъ фельдшеръ изъ жидовъ,—попались въ плѣнъ; меня съ Миницкимъ посадили въ ту же почтовую повозку, которая для меня была приготовлена почтмейстеромъ. Но прежде чѣмъ этотъ скитавшійся отрядъ, состоявшій изъ пѣшихъ и конныхъ до 200 челов., оставилъ Красноставъ, мы въ сообществѣ офицеровъ и самого предводителя этой банды, подполковника Щанецкаго, позавтракали у одного панка на скорую руку и пустились въ путь. Отрядъ пробирался лѣсами, болотами и глухими, малоѣзженными проселочными дорогами; его вели лѣсничіе, которые были въ отрядѣ на службѣ, *следовательно* люди эти, зная хорошо мѣстность, могли безопасно вести отрядъ. Съ нами обращались вѣжливо; ни чего у насъ не отобрали, спрашивая только, нѣтъ ли казенныхъ денегъ. Этого рода деньги поляки отбирали, выдавая квитанціи. Мы обѣдали, ужинали и пили кофе *и арбату* всегда вмѣстѣ съ офицерами.

Между тѣмъ, Кайсаровъ, получивъ свѣдѣніе, привезенное почтмейстеромъ о путешествовавшемъ польскомъ отрядѣ и моемъ плѣненіи, отправилъ за нимъ гусаръ подъ командою генераль-маіора Плаутина и съ двумя орудіями; этотъ отрядъ на третьемъ уже переходѣ слѣдо-

валь за нами по пятамъ, такъ что мы два раза, остановившись на ночлегъ, должны были въ глухую ночь подниматься и бѣжать; но поляки имѣли лучшихъ шпионовъ, проводниковъ и мѣстные жители были на ихъ сторонѣ. Наконецъ мы благополучно достигли до г. Янова довольно рано и, считая себя въ совершенной безопасности отъ преслѣдованія, расположились на ночлегъ за городомъ на опушкѣ лѣса. На другой день чуть свѣтъ, когда все еще спало, послѣ наканунней гульбы, насъ пробудили два ядра, посланные изъ отряда Плаутина, только что прибывшаго въ Яновъ. Сдѣлалась тревога и страшная суматоха; доводца поляковъ прежде всего закричалъ: „*пленныхъ опередъ!*“, и насъ посадили въ повозки при конномъ конвоѣ, помчали по дорогѣ; мы видѣли однакоже, какъ за нами улепетывали храбрые поляки. Въ одномъ мѣстѣ путь раздѣлялся: къ австрійской границѣ, которая оттуда была близка, и къ Вислѣ въ м. Завихвостъ. Поляки въ страхѣ одни бѣжали къ границѣ, другіе и мы съ ними мчались къ Завихвосту. Мы слышали вдалекѣ выстрѣлы русскихъ и спокойно оставались на повозкахъ, подѣ прикрытіемъ обнаженныхъ сабель и незная, что командованій поляками отдалъ еще на мѣстѣ приказаніе заколотъ насъ, если мы покусимся бѣжать; не смотря однако же на то, изъ плѣнныхъ два солдата бѣжали въ лѣсъ и хотя вслѣдъ за ними и на нашихъ глазахъ посланы были нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ, но солдатики счастливо ускользнули. На послѣдокъ, мы, т. е. одни только плѣнные, прежде всѣхъ прибыли къ Вислѣ и нашли нѣсколько уже приготовленныхъ лодокъ; насъ тотъ часъ перевезли на другую сторону въ Завихвостъ, откуда мы видѣли нашъ русскій отрядъ, преслѣдовавшій поляковъ. Но какъ ни скоро наши посиѣшали, не могли однако же настигнуть врага; прибѣжавъ къ рѣкѣ и бросивъ лошадей въ добычу, онъ переправился на лодкахъ; только вслѣдъ за нимъ послано было нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ. Русскіе кричали: „*отдайте намъ нашего полковника и убирайтесь къ чорту!*“ Это требованіе увеличило значеніе мое; и въ польскихъ газетахъ напечатали, что взять въ плѣнъ *шефъ штаба*. Въ Завихвостѣ мы переночевали; ночью ко мнѣ приходилъ одинъ изъ поляковъ до революціи служившій лѣсничимъ, и предлагалъ мнѣ бѣжать съ нимъ, клятвою увѣряя, что это предпріятіе кончится успѣшно; но я отказался отъ рискованнаго этого дѣла; послѣ сему бывшему лѣсничему—шляхтичу я доставилъ мѣсто въ Варшавѣ; его фамилія Грубе. На другой день насъ отправили на почтовыхъ и безъ всякаго конвоя, только при офицерѣ, въ г. Кельцы къ генералу Вейсенгофу. Въѣзжая въ Сандомиръ, какая то злая баба, видя меня въ турецкомъ плащѣ, очень похожемъ на рясу капуциновъ, велегласно объявила, что я московскій попъ и при сей вѣрной оказіи ругнула меня и всѣхъ москвичей. Остановившись въ Сандомирѣ почевать, когда я лежалъ уже въ постели, вломился ко мнѣ какой то панокъ, владѣлецъ деревеньки,

гдѣ то около Замосця; наскучивъ быть патриотомъ и желая возвратиться восвояси къ своимъ хлопамъ, онъ просилъ у меня охраннаго листа и письма къ корпусному командиру Кайсарову; будучи плѣнникомъ, я отказалъ ему и въ томъ и въ другомъ.

Въ Сташевѣ, куда пріѣхали рано, мы, въ ожиданіи отвода намъ квартиры, прямо съ повозокъ вошли въ трактиръ, гдѣ много было нашихъ Подолянъ и Волянъ. Увидя русскихъ плѣнныхъ, эти герои билиярда расхрабрились, начали ругать всѣхъ вообще русскихъ и даже, окаянные, дерзнули худо отзываться объ Императорѣ. Я въ ту же минуту оставилъ трактиръ, а капитанъ Минацкій, зная по польски, вступилъ съ ними въ прю. Это дошло до свѣдѣнія коменданта и онъ прислалъ ко мнѣ офицера съ извиненіемъ. У меня изошли всѣ серебряныя деньги и остались русскія ассигнаціи. Поляки не хотѣли ихъ размѣнивать, безумно вѣря въ успѣхъ своего возмущенія и что тогда эти бумажки не будутъ уже въ ходу; но жида умнѣе и прозорливѣе ихъ: зная прирожденное хвастовство поляковъ; тотчасъ размѣняли мнѣ, но тайно, изъ осторожности. Въ Сташевѣ призывалъ меня комендантъ инвалидный подполковникъ Кохановскій и я предсталъ предъ свѣтлыя его очи подъ прикрытіемъ трехъ жидовъ, вооруженныхъ косами. Забавно было смотрѣть на этихъ трусливыхъ косоносцевъ и на торжественное шествіе мое посреди ихъ; они же оставались при мнѣ въ продолженіи суточного моего пребыванія въ Сташевѣ, изъ коихъ одинъ постоянно торчалъ у двери моей. Сильно сивый комендантъ сталъ снимать съ меня показаніе: сколько и какія войска подъ Замосцемъ, о начальникахъ, продовольствіи и т. п. Но какъ вопросы свои онъ дѣлалъ, сидя за бюро, и не догадался предложить мнѣ стула, то я прежде чѣмъ началъ отвѣчать, исправилъ его невѣжливость и, извинясь только предъ сидѣвшею въ комнатѣ за работою какою то молодою дамою, взялъ стулъ, спокойно усѣлся и сообщилъ ему тѣ свѣдѣнія, какія мнѣ заблагоразсудилось, увеличивъ число войскъ и сказавъ, что недавно прибыли изъ Кіева осадныя орудія.

Наконецъ, доволокли насъ до Кельць; сопровождавшій насъ офицеръ отправился къ коменданту, а мы зашли въ трактиръ выпить кофе; какъ ни было еще рано, а въ трактирѣ мы застали уже много шумящихъ, кричащихъ, пьющихъ и игравшихъ на билиардѣ, въ разныхъ костюмахъ людей. Я подошелъ къ одному старому ветерану штабъ-офицеру и, поразговорившись съ нимъ кое о чемъ, спросилъ: „что это за паны“? Онъ отвѣчалъ: „а вотъ видите, это все воляки; имъ бы надобно было давно въ полкъ, а они здѣсь воюють по трактирамъ, пьютъ, буянятъ и не о чемъ не думаютъ“. Онъ добавилъ; „такихъ въ Кельцахъ наберется до 2 т. челов.“ Въ самомъ дѣлѣ, въ Кельцахъ было какое то резерв-

ное депо и я видѣлъ и офицеровъ регулярныхъ войскъ всякаго оружія и не служащихъ патріотовъ, одѣтыхъ казаками, гайдуками, венгерцами и, Богъ вѣдаетъ, еще чѣмъ: настоящій маскарадъ безъ масокъ! Всѣ эти шалопаи ужасно храбры были языкомъ, а въ сраженіе не шли. Намъ объявили, что дня черезъ три насъ отправятъ въ общее депо плѣнныхъ въ Мѣховъ; мы не были представлены генералу Вейсенгофу потому, что его превосходительство нѣсколько уже недѣль пилъ запоемъ, не выходилъ изъ спальни и ни кого не принималъ. Вейсенгофъ имѣлъ репутацію умнаго и образованнаго человѣка, но, къ сожалѣнію, предавался запою. Прошли три дня и мы готовы были отправиться въ дорогу; вдругъ мнѣ и капитану Миницкому объявлена свобода; мы были размѣнены. Это вотъ какъ случилось. Вскорѣ послѣ взятія насъ въ плѣнъ въ Краснотавѣ, генералъ Ридигеръ имѣлъ дѣло съ поляками, поколотилъ ихъ и въ числѣ плѣнныхъ попалъ одинъ полковой командиръ и другой штабъ-офицеръ. Кайсаровъ, узнавъ объ этой побѣдѣ, просилъ Ридигера вымѣнить меня и оберъ-проіант-мейстера Сервиорога, что онъ и исполнилъ; но только вмѣсто Сервиорога, взялъ своего капитана Миницкаго, отдавъ за насъ упомянутыхъ двухъ плѣнныхъ. Итакъ, послѣ 15-ти дневнаго плѣна я получилъ свободу; насъ тотчасъ отправили къ Ридигеру, котораго я благодарилъ за мое освобожденіе и, отобѣдавъ у него, немедленно пустился къ своему корпусу подъ Замосць, гдѣ къ изумлѣнію моему нашелъ прежняго моего начальника, корпуснаго командира генерала Рота, который, выпросивъ разрѣшеніе у главнокомандующаго 1-й арміи князя Сакена, находится при блокадѣ Замосця, явился туда не гаданный—не прошенный, съ однимъ только своимъ штабомъ, оставивъ собственныя свои войска за Вугомъ.

Такъ какъ Ротъ былъ уже полный генералъ, а Кайсаровъ генераль-лейтенантъ, то первый, яко старшій, принялъ командованіе надъ всѣми войсками 3 пѣхотнаго корпуса при Замосцѣ, находившимися и эти закадычныя друзья съ того времени сдѣлались врагами.

Ротъ, чтобы устрашить поляковъ и побудить Замосць сдаться, приказалъ заготовить фашины и шатался съ войсками около крѣпости, показывая видъ, что хотятъ брать ее штурмомъ, но поляки не испугались и Замосць не думалъ сдаваться. Между тѣмъ какъ Ротъ творилъ разныя штуки для устрашенія осажденныхъ и маневрировалъ съ войсками туда и сюда, и впередъ и назадъ, получено было свѣдѣніе о взятіи Паскевичемъ Варшавы и тотчасъ о томъ сообщено въ крѣпость, требуя немедленной ея сдачи; но поляки не повѣрили и изъявили желаніе видѣть своими глазами, что Варшава дѣйствительно пала, тогда Ротъ дозволилъ полякамъ назначить изъ гарнизона двухъ офицеровъ и отправилъ ихъ съ барономъ Фридриксомъ въ Варшаву, при письмѣ, отъ 30 Сентября 1831, года къ начальнику главнаго

штаба арміи Паскевича князю Горчакову, бывшему когда то своему подчиненному. Въ этомъ письмѣ, сказавъ о цѣли посылки польскихъ офицеровъ въ Варшаву, Ротъ домогался счастья присутствовать при сдачѣ крѣпости, прятать и представить ключи отъ нея и быть упомянутымъ о томъ въ донесеніи Государю Императору *). На это велерѣчивое письмо кн. Горчаковъ отвѣчалъ, что князь Варшавскій отозвался, что какъ Ротъ „не состоитъ подъ его начальствомъ и войскъ „его корпуса при блокадѣ Замосца вѣтъ, то ни воспретить до окончанія сдачи той крѣпости остаться, ни дать на сіе дозволенія, не „считаетъ себя въ правѣ; да къ тому же фельдмаршалъ имѣетъ въ „виду, что сдача сей крѣпости должна послѣдовать, не по какимъ „либо особымъ причинамъ, а единственно вслѣдствіе настоящаго воз- „становленія въ Польшѣ законной власти, и потому въ нахожденіи „при сей сдачи не полагаетъ ни какой важности для лица, которое „при оной будетъ“.

Дѣло въ томъ, что ни Кайсаровъ, ни Ротъ съ своими корпусами, не принадлежали къ дѣйствовавшей арміи Паскевича, а къ 1-й арміи Сакена, и о кой какихъ дѣйствіяхъ войскъ при Замосцѣ, съ начала блокады, было доносимо сему послѣднему, а между тѣмъ самая крѣпость находилась въ царствѣ Польскомъ, которое усмиралъ и покорялъ Паскевичъ. Тутъ является обычная наша безтолочь.

Какъ бы то ни было, а Ротъ, къ своему натурально—безобразному носу, получилъ носъ административный, порядочно ругнулъ Паскевича, а для компаніи и Горчакова, и на третій день выѣхалъ къ своимъ войскамъ за Бугъ.—Забавны были его проводы. Кайсаровъ зналъ о покушеніи Рота лишить его славы покорителя крѣпости, зналъ и о суровомъ отзывѣ ему Паскевича и за всѣмъ тѣмъ онъ, подчиняясь чиноволоженію, совѣмъ своимъ корпуснымъ штабомъ, въ полной парадной формѣ, предсталъ къ Его Высочайшему, раскланялся

*) Вотъ это письмо генерала Рота къ князю Горчакову: «Ведя, съ возвращенія моего съ войсками отъ Вислы, переговоры о сдачѣ кр. Замосца, я не «могъ скрыть Вамъ, что мнѣ было бы весьма больно, если бы до выступленія «въ предѣлы Россіи. вѣранныхъ мнѣ войскъ, кои участвовали въ пораженіи «Ромарино и въ блокадѣ крѣпости, я долженъ былъ лишиться счастья пред- «ставить ключи отъ оной Его Свѣтлости. Почему я увѣренъ, по дружбѣ вашей «комнѣ, что Ваше Сіятельство примите всѣ зависящія мѣры къ подаенію «нѣбующимъ быть посланнымъ завтра отъ горнизона офицерами въ Варшаву, «удовлетворительныхъ свѣдѣній, послѣ возвращенія которыхъ съ таковыми и «прочіе, безъ сомнѣнія, въ тоже время намъ покорятся.—Я равновѣрно смѣю «надѣяться, что Его Свѣтлость не пожелаетъ меня лишить сего счастья, ко- «торое мнѣ будетъ дороже всякаго вознагражденія, на каковое я не имѣю «видовъ и уступаю охотно нынѣшнему моему подкомандующему, почитая себя «счастливымъ, если мое имя, какъ представляющаго ключи крѣпости, будетъ «упомянуто въ донесеніи Его Величеству».

и пожелалъ счастливаго пути.—Они оба при всѣхъ насъ обнялись и нѣжно облобызались.—Истинная комедія!.... Не трудно было видѣть, что происходило въ душахъ этихъ комедіантовъ: у одного—безсильная ярость отъ униженія, у другого побѣдное торжество. Впрочемъ вскорѣ Ротъ отправился въ Петербургъ и тамъ отъ щедрости Монаршей получилъ 100 тыс. руб. ас., что утѣшило, хотя, по словамъ его, онъ не зналъ, за что такъ богато награжденъ.

Наконецъ крѣпость сдалась; гарнизонъ распущенъ по домамъ; собственно моими трофеями были двѣ штуки синяго и сѣраго тонкаго солдатскаго польскаго сукна, взятаго изъ крѣпостнаго цейхауза и употребленнаго на обмундированіе моихъ деньщиковъ; но еще прежде того, Ротъ прислалъ въ корпусный штабъ до 50 почти додѣланныхъ воловьихъ кожъ, взятыхъ посланнымъ имъ отрядомъ, принадлежавшихъ Замосцкому гарнизону, часть которыхъ я отдалъ чиновникамъ, а остальные проданы были еврею и деньги за нихъ обращены въ писарскую артель; равно отдано на съѣденіе тѣмъ же писарямъ забранные въ имѣніи графа Замойскаго отличныя тирольскія быкъ и до 30 мериносовъ, мясо которыхъ шло на столъ Кайсарова и прочей чиновничьей братіи,

Между тѣмъ какъ происходилъ подробный пріемъ Замосця и всего въ ней казеннаго имущества, я отправился на нѣсколько дней въ Варшаву. Пріѣхавши туда вечеромъ, пошелъ къ начальнику главнаго штаба арміи, князю Горчакову, бывшему моему начальнику; но управлявшій его канцелярію полковникъ Сотниковъ объявилъ мнѣ, что князь у фельдмаршала съ бумагами и не скоро возвратится и потому я, сильно усталый отъ дороги, оставилъ записку о моей квартирѣ, отправился на нее и легъ спать. Было уже за полночь, какъ пришедшій казакъ разбудилъ меня и потребовалъ къ князю. Мигомъ я одѣлся, явился въ нему и онъ съ истиннымъ радушіемъ принялъ меня, обнялъ и разцѣловалъ; помню, что отъ внутренняго волненія у меня пошла кровь изъ носа. Поговоривши и потолковавши съ часъ времени, онъ предложилъ, совершенно для меня неожиданно, состоять при немъ по особымъ порученіямъ и управлять его канцелярію, вмѣсто полковника Сотникова, къ которому Горчаковъ не благоволялъ и который кромѣ того просилъ отпуска къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ: это предложеніе я охотно принялъ и мы разстались. На другой день я узналъ, что въ Варшавѣ находится и бывший мой корпусный командиръ, начальникъ главнаго штаба I арміи князя Саксена, генералъ Красовскій, и явился къ нему. Онъ тоже принялъ меня дружески и сдѣлалъ совершенно одинаковое предложеніе, какъ и князь Горчаковъ. По моимъ расчетамъ, и особенно повлеченію сердца, я предпочелъ назначеніе къ Красовскому въ Кіевъ, чѣмъ къ Горчакову въ Варшаву и потому принялъ его, умолчавъ однако же о вчерашнемъ

отъ князя предложеніи и данномъ мною согласіи. — Этотъ легкомысленный мой поступокъ остался не замѣченнымъ и послужилъ мнѣ въ пользу, какъ ниже будетъ сказано. — Загѣмъ Красовскій въ тотъ же день выѣхалъ въ Кіевъ, а я чрезъ нѣсколько дней обратно въ Замосць.

Послѣ блокады нашъ 3-й пѣхотный корпусъ причисленъ или вошелъ въ составъ дѣйствовавшей арміи Паскевича и въ концѣ Октября и войска отправились на зимнія квартиры, а корпусный штабъ съ Кайсаровымъ во главѣ, въ г. Кельцы; но на дорогѣ полученъ былъ Высочайшій приказъ о назначеніи Ридигера командиромъ нашего 3-го корпуса, а Кайсарова — 4-го корпуса и сверхъ того получена бумага отъ Красовскаго объ отправленіи меня къ нему въ Кіевъ. Кайсаровъ, отъѣзжая изъ штаба по новому назначенію, предоставилъ на мою волю ѣхать или не ѣхать въ Кіевъ, потому что нашъ корпусъ уже выбылъ изъ арміи. Я призадумался надъ своимъ положеніемъ, не зная къ кому я буду Высочайшимъ приказомъ назначенъ: къ Красовскому или Горчакову; къ тому же я подалъ прошеніе объ отпускѣ на 2 мѣсяца и по всему этому я рѣшился остаться при корпусѣ и не ѣхать къ Красовскому.

Въ Кельцахъ мы застали уже Ридигера; тамъ же вскорѣ мнѣ вышелъ и отпускъ; но, прежде отъѣзда, я отправился въ Краковъ, купилъ для дороги бричку и нѣсколько штукъ голландскаго полотна для себя и для подарковъ; при покупкѣ полотна, мнѣ помогла въ выборѣ случившаяся тогда въ магазинѣ и совершенно мнѣ не знакомая графиня Малаховская. — Возвратившись въ Кельцы и раскланявшись съ кѣмъ слѣдовало, въ началѣ Декабря я отправился на родину; заѣхалъ сперва по дорогѣ къ возлюбленной моей тетущкѣ въ г. Крапивну, подарилъ ей штуку полотна, купилъ у нея за баснословную пѣвну 20 лѣтняго слугу, который въ послѣдствіи умеръ отъ чахотки и выѣхалъ къ матери.

У старушки моей матери я засталъ брата Николая; она была больна, страдала и не жаловалась; помѣщалась въ одной комнатѣ и не оставляла ее; днемъ я и братъ находились съ многострадальною матерью, а ночевать ходили въ крестьянскую избу; съ нею жила или гостила тетка Лукерья. Пребываніе мое у матери въ д. Василевѣ было не продолжительное и, увы! послѣднее въ сей жизни. Я оставилъ ей штуку полотна, изъ котораго она хотѣла шить себѣ саванъ и 250 руб. и получивъ отъ нее материнское благословеніе, простился съ нею и милымъ братомъ, котораго тоже видѣлъ въ послѣдній разъ на этомъ свѣтѣ и отправился къ корпусу чрезъ Кіевъ, въ которомъ долженъ былъ остановиться по слѣдующей причинѣ.

По возвращеніи Красовскаго изъ Варшавы въ Кіевъ, князь Сагенъ

въ. Октябрь мѣсяцъ вошелъ съ представленіемъ о назначеніи меня къ Красовскому для особыхъ порученій съ производствомъ въ полковники и назначеніемъ столовыхъ денегъ по 3 тыс. руб. ассиг. въ годъ, наравнѣ съ полковыми командирами.— На это представленіе Государь Императоръ изволилъ согласиться, но по канцелярскому обычаю, замедлилось почему-то исполненіемъ, т. е. не было объявлено въ Высочайшемъ приказѣ о моемъ производствѣ и назначеніи и не былъ подписанъ Указъ о производствѣ столовыхъ по 3 тыс. руб.

Между тѣмъ и князь Горчаковъ надумался и вспомнилъ обо мнѣ и фельдмаршалъ князь Варшавскій, въ свою очередь, только спустя около двухъ мѣсяцевъ, именно 11 Декабря отнесся къ Военному Министру графу Чернышеву объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на назначеніе меня къ князю Горчакову для особыхъ порученій, съ оставленіемъ при мнѣ получаемыхъ мною по званію дежурнаго штабъ-офицера столовыхъ по 2 тыс. руб. въ годъ.

На это графъ Чернышевъ отъ 29 Декабря отвѣчалъ, что прежде чѣмъ получено упомянутое отношеніе отъ 11 Декабря, князь Сакевъ входилъ съ представленіемъ о назначеніи меня къ Красовскому для особыхъ порученій съ производствомъ въ полковники и назначеніемъ столовыхъ по 3 тыс. руб. въ годъ; на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе,— и потому оный Чернышевъ, приостановивъ исполненіе Высочайшаго повелѣнія,— просить князя Варшавскаго объ увѣдомленіи его, угодно ли будетъ Его Свѣтлости, чтобы я остался при полученномъ мною назначеніи или же опредѣленъ былъ сходно представленію его, Паскевича.

Паскевичъ на этотъ вопросъ отъ 12 Января 1832 года отозвался, что я для Горчакова совершенно необходимъ и потому убѣдительно просить исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на назначеніе меня къ Горчакову съ производствомъ въ полковники и опредѣленіемъ столовыхъ по 3 тыс. руб. въ годъ,— „чего я по отлично-усердной своей службѣ и способностямъ вполне заслуживаю“.

Сознаюсь, я худо поступилъ, изъявивъ согласіе и Горчакову и Красовскому быть назначеннымъ къ нимъ для особыхъ порученій; но, отклони я предложеніе послѣдняго и скажи, что даль уже слово первому,— я не былъ бы произведенъ и не получалъ бы столовыхъ по 3 тыс. руб.— За все это я благодаренъ медленности Горчакова и поспѣшности Красовскаго.

По сему то я, возвращаясь изъ отпуска, и остановился въ Кіевѣ, раздумывая: ѣхать ли мнѣ въ Варшаву, или ожидать въ Кіевѣ возвращенія изъ Москвы Красовскаго, не зная еще моего назначенія; однако же послѣ двухъ недѣль моего нахождения въ Кіевѣ и окончанія срока моего отпуска, я долженъ былъ, хотя и не весьма охотно, отправиться

въ корпусный штабъ въ г. Люблинъ, куда онъ перешелъ изъ Кельцъ. Въ Люблинъ былъ уже полученъ Высочайшій приказъ, отданный 5-го Марта о моемъ назначеніи къ Горчакову и бумага отъ него о немедленномъ меня къ нему отправленіи.

Прибывъ въ Варшаву, я на другой же день вступилъ въ исправленіе новой своей должности и помѣстился въ самомъ королевскомъ дворцѣ, называемомъ замкомъ, обокъ своей канцеляріи и апартамента занимаемой кн. Горчаковымъ;— изъ моихъ комнатъ видъ былъ отличный на Вислу и Прагу, а внизу садъ и терраса, — мѣсто вседневной прогулки Паскевича. День моей службы былъ слѣдующій: утромъ рано входилъ я въ канцелярію, куда мнѣ приносили чай и тамъ я вскрывалъ конверты, получавшіеся на имя фельдмаршала и князя Горчакова; бумаги не нужныя и текуція, по отмѣткѣ времени полученія ихъ и запискѣ въ журналъ, смотря по содержанію и моему назначенію, были отсылаемы генераль-квартирмейстру Бергу, дежурному генералу Викинскому и директору канцеляріи главнокомандующаго, прочія же бумаги, почему либо замѣчательныя или требовавшія разрѣшенія, откладывалъ въ портфель; въ 11 часовъ являлся съ докладомъ къ Горчакову; проработавъ съ нимъ, онъ отправлялся тоже съ докладомъ къ фельдмаршалу, а я возвращался въ канцелярію; излагалъ на отданныхъ мнѣ бумагахъ резолюціи и исполнялъ другія, отданныя мнѣ, приказанія; такъ я возился до 2-хъ часовъ полудня; тогда Горчаковъ возвращался отъ фельдмаршала и присылалъ адъютанта за мною, сдавалъ все подписанныя Его Свѣтлостію бумаги равно и вышедшія съ доклада съ приказаніями, какое по нимъ слѣдуетъ исполненіе, и тутъ же вновь передавалъ мнѣ приказанія, полученныя имъ отъ фельдмаршала; я опять скрывался въ свою канцелярію и работалъ до 5, а нерѣдко и до 6 часовъ; по окончаніи занятій, уже утомленный, измученный, приходилъ въ свои комнаты, обѣдалъ на скорую руку (отъ Горчаковскихъ обѣдовъ я отказался за недосугомъ) и ложился отдохнуть; заснувши немного, опять являлся въ канцелярію, приготовлялъ докладъ къ слѣдующему утру и работалъ по разнымъ секретнымъ дѣламъ, и въ 11 или 12 часовъ отправлялся на сонъ грядущій; иногда доставалось просиживать за работою ночи напролетъ. -- И хотя чрезъ годъ моего производства въ полковники я получилъ значительную награду въ орденѣ Св. Владиміра 3-й ст., за всеѣмъ тѣмъ я былъ истиннымъ мученикомъ и работъ моей должности и мѣста; что продолжалось лѣтъ 8, т. е. до перехода моего въ полевой аудиторіатъ. Не было дня, чтобы ретивый кн. Горчаковъ по нѣскольку разъ не призывалъ меня къ себѣ, а какъ онъ и я жили въ третьемъ этажѣ замка и къ нему былъ ходъ совсѣмъ съ другой стороны и снизу, то я долженъ былъ подниматься по 120 ступенямъ вверхъ и на столько же спускаться внизъ, при каждомъ зовѣ. Я не зналъ ни баловъ, ни зва-

ныхъ вечеровъ, ни театровъ, и ни какихъ другихъ увеселеній; хотя много было лицъ, жаждующихъ моего расположенія и которые бы за большую честь поставляли меня принимать у себя и угощать, но мнѣ нѣкогда было таскаться по гостямъ, — да я нѣкогда и не любилъ развлеченій; къ тому же и шпионство, заведенное фельдмаршаломъ на всѣхъ и на все, заставляло быть весьма осторожнымъ, не часто появляться въ обществѣ и болѣе сидѣть дома; весь мой отдыхъ и все мое развлеченіе составляло въ урывчатомъ чтеніи книгъ, которыя я выписывалъ изъ Петербурга. Содержаніе я получалъ болѣе чѣмъ нужно, и не только не отложилъ на черный день, но еще имѣлъ долги, по милости моей холостой и безпорядочной жизни. Забылъ сказать, что князь Горчаковъ, видя всю тяжесть моихъ занятій, далъ мнѣ въ пособіе своего адъютанта, гвардіи поручика Молькена, но послѣ мѣсяца моего терпѣнія, я уклонился отъ его услугъ. Онъ былъ добрый и услужливый малой, но для канцелярской работы совершенно не способный и малогрмотный.

Я три мѣсяца, какъ исправлялъ должность, а еще не былъ представленъ фельдмаршалу; наконецъ я наполнилъ объ этомъ кн. Горчакову и онъ приказалъ на другой день быть готовымъ.

Мы вмѣстѣ пришли въ приемную, но князь съ кѣмъ то заговорился, а между тѣмъ фельдмаршалъ вышелъ изъ кабинета, приблизился ко мнѣ, вытянувшемуся въ струнку и узнавъ собственно отъ меня фамилію, сказалъ: „а знаю, я съ вами давно уже знакомъ“. и послѣ чрезъ адъютанта пригласилъ къ обѣду.

Тяжкая и особенно сидячая жизнь, въ совокупности съ бывшею у меня въ Турціи лихорадко-горячкою, разстроили мое здоровье и я чувствовалъ упадокъ силъ; я просился на Кавказъ къ водамъ и меня отпустили съ полнымъ содержаніемъ, прогонами въ оба пути и сверхъ того, по ходатайству кн. Горчаковъ, Всемилостивѣйше мнѣ пожаловано 2 тыс. р. ас. на путевыя издержки и лѣченіе. Я купилъ коляску и въ Маѣ 1833 года отправился въ путь; останавливался на нѣсколько дней въ Кіевѣ для свиданія съ близкими мнѣ особами и въ Лубнахъ для Полтавцкихъ. Съ кавказскихъ водъ я возвратился въ Октябрѣ со мною ѣхалъ адъютантъ Горчакова, гвардіи капитанъ Игнатьевъ. Къ моему прискорбію, во время моего отсутствія неожиданно изволилъ посѣтить Государь Императоръ Царство Польское при проѣздѣ изъ Пруссіи, но въ Варшавѣ не захотѣлъ быть, а осмотрѣлъ собранныя войска при Новогеоргіевской крѣпости и разсыпалъ щедрою рукою награды; чрезъ небытность мою, я лишился аренды, которую мнѣ прежде, при вступленіи въ должность, обѣщаль князь Горчаковъ. Впрочемъ эта аренда, въ продолженіи всей моей службы и до днесь,

была для меня закалдованнымъ Ивановскимъ кладомъ: нѣсколько разъ я былъ представляемъ къ ней и каждый разъ давали ордена.

По возвращеніи съ Кавказа, я не желалъ оставаться при занимаемой мною должности и просился во фронтъ, но Горчаковъ не отпустилъ; я писалъ къ Красовскому и просилъ дать мнѣ полкъ въ его 6-й пѣхотномъ корпусѣ; онъ отвѣчалъ, что не можетъ исполнить моей просьбы, такъ какъ онъ не корпусный уже командиръ и назначенъ членомъ въ военный совѣтъ. Потомъ я вторично въ концѣ 1834 года просилъ обратить меня во фронтъ, но Горчаковъ и на сей разъ отказалъ, и я остался по прежнему тянуть канцелярскую тягу.

Забылъ я сказать, что при возвращеніи моемъ изъ плѣна, я взялъ къ знаменитому нашему поэту Денису Давыдову; онъ былъ тогда генераль-маіоромъ и съ отрядомъ оберегалъ переправу чрезъ Вислу при Казимиржѣ и помѣщался въ шалаши на берегу рѣки. Я засталъ его по утру, вмѣсто шафюрка въ шинели, не умытымъ, не причесаннымъ, грязнымъ и распивающимъ прескверный чай изъ глинянаго чайника съ отколотымъ носкомъ и безъ ручки. — Но переправы и предмостнаго укрѣпленія не уберетъ; съ половиною отряда вздумалъ безъ нужды и пользы попартизанить, а въ его то отсутствіи нахлынули Поляки. Оставшіеся русскіе съ генераломъ Слатвинскимъ, по безсилію для отраженія, отступили и враги переправились. — Давыдовъ не былъ тѣмъ, чѣмъ былъ въ 1812—1813 годахъ.

Приступаю къ воспоминанію о важнѣйшемъ періодѣ жизни моей; — это о женитбѣ. Нѣкогда князь Горчаковъ, изъ состраданія, взялъ себѣ совершенно бѣдную, беспомощную, безъ отца и матери оставшуюся сиротку, дочь умершаго маіора Гавриленки. Она росла и воспитывалась въ его семействѣ, какъ пришлая и чужая; ее оскорбляли и бранили; одѣвали и обували кое—какъ, лишь бы прикрыть наготу; иногда случалось, что это бѣдняжка сама чинила нитями свои башмаки, и все это дѣлалось съ вѣдома княгини Агафоклеи Николаевны, урожденной Бахметевой, женщины — святоши, тщеславной, скупой и эгоистки; мужъ ея и не зналъ, что творилось съ сиротою; онъ былъ далеко добрѣе и человѣчнѣе сіятельной своей супруги. Разъ она рѣшилась было эту дѣвушку, уже 13 или 14 лѣтъ, отдать генеральшѣ Барышниковой, извѣстной по своей скупости и жестокости характера; но князь Горчаковъ отказалъ на отрѣзъ, съ замѣчаніемъ о неприличіи великодушнѣйшей затѣи княгини. — Я зналъ эту сиротку; еще когда она была ребенкомъ 5 или 6 лѣтъ и потомъ здѣсь въ Варшавѣ увидѣлъ ее уже 15-лѣтнею. Она была премудренькая и прехорошенькая въ темномъ своемъ камлотовомъ платьѣ и дика, какъ горная серна; мнѣ удалось нечаянно видѣть ее не болѣе 4, 5 разъ у Горчаковыхъ и она мнѣ очень приглянулась и понравилась; но я вовсе не помыш-

ляль о женидбѣ, отказавшись уже разъ въ Одессѣ отъ дѣвушки съ достаткомъ. Но судьба распорядилась мною иначе: „суженаго конемъ не объѣдешь“.

Въ одно прекрасное утро, сидѣлъ я у полковника Прибыткова, помѣщавшагося въ томъ же замкѣ о бокъ моихъ комнатъ; и толковалъ съ нимъ о какомъ то служебномъ дѣлѣ; входитъ докторъ-гомеопатъ, старикъ — французъ Вишель, прежде меня лѣчившій, и который каждый день ходилъ въ домъ Горчакова. Это былъ болтунъ, сплетникъ и вѣстовщикъ, служившій въ этихъ званіяхъ при дворѣ покойнаго цесаревича Константина. Не помню, какъ у насъ зашелъ общій разговоръ о семействѣ Горчакова; Вишель коснулся и о сироткѣ; я, какъ мужчина, воздалъ хвалу ея личику и стройности стана и произнесъ въ концѣ, безъ всякой задней мысли: „вотъ премиленькая была бы жончюка“! — Вишель подхватилъ мои слова и спросилъ меня: „а хотите на ней жениться“? Я свѣтреничалъ и, принимая вопросъ за шутку, отвѣчалъ: „почему и не такъ“. Тѣмъ разговоръ и кончился и я отправился въ канцелярію. Старый болтунъ пересказалъ княгинѣ, которая обѣими руками схватилась за эту болтовню и стала дѣйствовать обычными ей подземными путями. И теперь не могу отдать себѣ отчета, какъ я мало по малу познакомился съ будущею моею невѣстою въ Саксонскомъ саду, куда она съ гувернанткою — прохою и съ дѣтьми Горчаковыхъ приходила гулять; сближаясь все болѣе и болѣе, мы стали передавать другъ другу записочки и узелъ дѣлался крѣпче. Во время этого моего волокитства князь былъ въ отсутствіи изъ Варшавы, но дѣламъ службы; княгиня тоже за границу на водахъ; но объ моемъ ухаживаніи и нашемъ обоюдномъ сближеніи свѣдѣнія сіятельной были передаваемы постоянно и подробно. Она возвратилась и я предсталъ предъ ея свѣтлыя очи просить руки сиротки; княгиня прослезилась; разумѣется, охотно согласилась и сказала, чтобы я переговорилъ о томъ съ своимъ мужемъ. Помню, поднятіе княгинею благаго платка къ глазамъ меня тронуло и преисполнило сердце мое благодарностію; это было тогда, но когда послѣ я узналъ ее ближе и короче, пришелъ къ такому заключенію, что это была одна комедія. Пріѣхалъ и князь. При первомъ свиданіи онъ встрѣтилъ меня словами: „такъ вы хотите жениться на Сашѣ? Но я за нею ничего не могу дать; подумайте объ этомъ“. Я отвѣчалъ: „я уже думалъ прежде, чѣмъ сдѣлалъ предложеніе княгинѣ и никакого приданаго за нею не домогаюсь“. — На это Горчаковъ сказалъ: „ну, когда такъ, она ваша, я согласенъ“, — и подаль мнѣ руку. Тѣмъ и кончилось мое сватовство, а въ Сентябрѣ 1834 г. было совершенно обрученіе, отложивъ вѣнчаніе до 16 лѣтняго ея возраста. Послѣ молитвы и даннаго благословенія при обрученіи, князь обнялъ меня и сказалъ: „ну, вотъ теперь я вашъ отецъ“! Тогда уже я, какъ женихъ; до

времени свадьбы ходила къ своей невѣстѣ чрезъ день или два по вечерамъ; съ нами оставалась или гувернантка или сама княгиня. Невѣста моя была о лицетворенная невинность!

Между тѣмъ я вспомнилъ о какомъ то наслѣдствѣ, доставшемся невѣстѣ моей и ея брату во Франціи отъ ихъ матери французженки, о которомъ давнымъ — давно происходила переписка, но уже нѣсколько лѣтъ какъ смолкла; я поднялъ дѣло, взялъ отъ князя бумаги, который при семъ случаѣ мнѣ сказалъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, — и бросился съ ними къ пріятелю моему дѣйств. стат. совѣтнику Николаю Старинкевичу. Онъ показалъ бумаги юристамъ, которые признали ихъ удовлетворительными. Потомъ обратился къ французскому консулу съ просьбою о содѣйствіи, и возобновилась переписка, но уже консула съ французскимъ министерствомъ; наконецъ наслѣдство отыскано, продано и деньги до 36 т. франковъ получены и положены въ банкъ; но это сдѣлалось тогда, когда я былъ уже женатъ.

Вступая въ бракъ, я не имѣлъ денегъ, чтобы устроиться въ новомъ своемъ положеніи; правда, у меня была коляска, кое какое столовое серебро и бѣлье; я самъ былъ богатъ гардеробомъ, но всего этого недостаточно, чтобы жить съ женою своимъ хозяйствомъ. Я занялъ въ счетъ будущихъ благъ у полковыхъ командировъ: Гернета 100 чер. и Липранди 5 т. р. ас., выписалъ изъ Вѣны карету; пару лошадей изъ числа зобракованныхъ подарилъ мнѣ жандармскій полковникъ Парадовскій; купилъ хомуты, столовую и кухонную посуду и другія вещи, необходимыя для новаго хозяйства. — Приближаясь ко дню свадьбы, я не хотѣлъ оставаться въ замкѣ, для избѣжанія непрерывнаго обѣганья днемъ и ночью по зову Горчакова, хотя мнѣ отводили другое, болѣе просторное и удобное помѣщеніе, а перешелъ на иную квартиру въ самомъ уже городѣ, въ конфискованный домъ Паца, которую немножко приубралъ (мебель казенная); поваръ былъ деньщикъ, неказистый, но могъ сварить щи и кашу; словомъ — я приготовился принять мою жену въ новомъ жилищѣ, сколько денежные способы мнѣ позволяли, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ этой минуты. Невѣстѣ моей я сдѣлалъ убогіе подарки: браліантовья сережки и мериносовый или какой то другой большой платокъ и только! Но изъ чего было дѣлать богатые подарки, да отъ меня ихъ и не требовали и даже не намекали.

Наступилъ наконецъ вождельный день вѣнчанія 28 Апрѣля 1835 года. Посажеными отцомъ и матерью у насъ были князь и княгиня Горчаковы, а шаферами: полковникъ Прибытковъ, мой пріятель, и адъютантъ Паскевича Рудзевичъ, сынъ бывшаго корпуснаго моего начальника. Вечеромъ совершилось столь желанное бракосочетаніе въ военно-походной церкви замка оберъ-священникомъ арміи Чернявскимъ. Изъ церкви мы отправились въ апартаменты князя Горчакова,

кромѣ шаферовъ, которые или по забывчивости, или по невниманію, или по незнанію, не были приглашены, какъ это водится вездѣ и всегда. Туда явилась и фельдмаршальша съ дочерьми; разносили конфекты и пили шампанское за здоровье и счастье новобрачныхъ. Посидѣвши дуракомъ нѣсколько времени, я, жена моя и княгиня отправились на новоселье, гдѣ сіятельная, опять—таки съ слезами на глазахъ, передала мнѣ въ вѣчное владѣніе мою юницу и уѣхала домой.

На другой день я былъ уже при должности, а потомъ въ княжеской каретѣ мы сдѣлали визиты; надобно было дня чрезъ три исполнить эту церемонію, но я терпѣть не могъ ожиданій. Жена моя была не богато обмундирована, и не мудрено: она была сирота, приемышъ и къ тому же къ ней не благоволила княгиня; но на первый случай имѣла необходимое.

И такъ, во славу Божию, мы зажили себѣ по маленьку домкомъ; содержанія моего, котораго мало было холостому, для жена того было достаточно. По полковничьему окладу и моему мѣсту, кромѣ казенной квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ и 6-ти деньщиковъ, я получалъ въ годъ 138 черв. и 4482 р. ас. Княгиня дала въ услуженіе женѣ моей выписанную изъ деревни дѣву, упрямую и грубую; она была у насъ въ качествѣ шпіона: передавала любознательной княгинѣ все, что у насъ дѣлалось и чего недѣлалось, и я за такія похвальныя ея лакейскія качества долженъ былъ возвратить ее съ благодарностію. Но мнѣ хотѣлось имѣть собственную женскую прислугу и потому, по моему порученію, однимъ моимъ знакомымъ въ Волынской губерніи куплены и присланы двѣ дѣвушки, изъ которыхъ одну я вскорѣ переуступилъ оберъ-аудитору Варшавскаго военнаго губернатора, а другая, будучи отдана въ магазинъ для обученія, — отправилась путешествовать съ какимъ то любителемъ прекраснаго пола.

Вскорѣ послѣ свадьбы, мы взяли съ себѣ брата жены моей, бывшаго на попеченіи у армейскаго майора Муханова; онъ потомъ былъ опредѣленъ въ кадетскій корпусъ; по слабое его здоровье, не выдержало убійственнаго Петербургскаго климата и онъ тамъ скончался еще 14 лѣтнимъ юношею.

Послѣ трехъ медовыхъ мѣсяцевъ я оставилъ мою прелестную женушку и отправился въ г. Калишъ, гдѣ были собраны войска Паскевича для смотра и маневровъ и куда ожидали и потомъ прибыли Государь Императоръ съ Августѣйшею Супругою и юною Великою Княжною Ольгою, тесть Его, Прусскій Король съ Княгинею (съ лѣвой руки) Лигницъ, наслѣдникъ Австрійскаго престола, будущій Императоръ, глуповатый Фердинандъ, съ Эрцъ-Герцогомъ Іоанномъ и многочисленная орда другихъ иностранныхъ принцевъ, генераловъ, дипломатовъ и придворныхъ. Туда же пріѣхалъ изъ Москвы и Нейд-

гартъ, командиръ 5-го пѣхотнаго корпуса. По моему желанію, кн. Горчаковъ просилъ его о назначеніи меня полковымъ начальникомъ въ его корпусъ; онъ обѣщалъ, лишь только откроется вакансія и — не исполнилъ, вѣроятно по забывчивости, а между тѣмъ онъ узналъ меня хорошо по докладнымъ запискамъ, мною составленнымъ отъ имени его по дѣламъ его корпуса и представленнымъ имъ Императору: и на сей разъ постигла меня неудача; судьба не хотѣла, чтобы я былъ полководцемъ! Въ Калишѣ же получено было свѣдѣніе о кончинѣ князя Сакена и бумагу о томъ я лично доложилъ Паскевичу, который ту же минуту съ этою печальною новостію помчался къ Его Величеству.

Многіе знакомые мои, знавшіе жену мою, утверждали, что она очень похожа на великую княжну Ольгу; это льстило и было пріятно моему самолюбію.

Послѣ Калиша послѣдовала первая и громадная въ числѣ серія раздачі маіоратовъ въ царствѣ Польскомъ; въ числѣ прочихъ получилъ и я полковничій, съ ежегоднымъ доходомъ по 750 р. сер., но администраторъ маіората сначала и по днесь платилъ и платитъ по контракту по 900 р. Этотъ доходъ вельми мнѣ помогъ вылезть изъ долговъ; когда же я избавился этой тягости, то доходъ съ маіората полностью обращался въ банкъ.

Такъ кончился 1835 годъ.

Послѣдующіе за тѣмъ четыре года я по прежнему оставался при своей канцелярской профессіи и съ покорностію и терпѣніемъ осла несъ ея тяготы, тѣмъ болѣе тревожныя и для самолюбія не безопасныя, что въ отсутствіи князя Горчакова, разъ въ Петербургъ, а друной разъ въ отпускъ за границу, я по многимъ предметамъ имѣлъ дѣло прямо съ Паскевичемъ, — а работа съ нимъ была не легкая, при его раздражительности и нетерпимости малѣйшихъ противорѣчій. Въ это же отсутствіе я имѣлъ личныя по дѣламъ сношенія и съ Генералъ-квартирмейстеромъ арміи Бергомъ (нынѣ графъ и фельдмаршалъ). — Зато въ Іюль 1838 года я украсился лишскимъ орденомъ св. Станислава 2-й ст. со звѣздою.

Въ промежуткѣ этого времени мы, по неудобности квартиры, перешли на другую во флигель Примасовскаго дворца, въ сосѣдство семейства князя Тенишева, съ которымъ мы были въ дружескихъ отношеніяхъ. Жена вѣдила съ женою старшаго адъютанта Богдановича, моею кумою, въ вольный г. Краковъ, была въ знаменитой богатствомъ

соли Величкѣ, и безъ осмотра въ таможенѣ возвратилась съ закупленными на 450 р. с. разными вещами. Но прежде этой поѣздки, 28 Августа 1837 года, Богъ даровалъ намъ сына, названнаго во св. крещеніи Александромъ, крестнымъ отцомъ коего былъ полковникъ Черевинъ, а матерью—княгиня Горчакова; чрезъ два же года, 31 августа 1839 г. родился и другой сынъ Ипполитъ, у котораго крестнымъ отцомъ былъ дежурный генералъ Викинскій, а матерью—таже княгиня. Надъ обоими дѣтьми таинство крещенія совершилъ оберъ-священникъ арміи Чернявскій, и обоихъ ребятишекъ мать кормила своею грудью. За недѣлю до рожденія первенца, княгиня подарила полный комплектъ дѣтскаго бѣлья; Горчаковъ подарилъ на зубокъ роженицѣ золотой съ браліантикомъ на золотой цѣпочкѣ эмалевый крестикъ; пріятель мой полковникъ Сотниковъ—Венгерскій червонецъ 1760 года; самъ же я, гораздо позже и разновременно, въ ознаменованіе моей радости и за то, что юная моя жена мужественно перенесла страданія при родахъ, продолжавшихся сутки, и дала сына,—подарилъ штучку шелковой матеріи, купленную въ Берлинѣ полковникомъ Коцебу (нынѣшнимъ Новороссійскимъ генер. губернаторомъ), большой черный платокъ терно и соболю хвосты; и въ довершеніе первыхъ крестинъ, присутствовавшихъ угостилъ завтракомъ, стоившимъ мнѣ до 50 руб. сер.

Я становился старшимъ изъ полковниковъ. Оставаясь по особымъ порученіямъ и занимаясь бюрократствомъ, я не имѣлъ надежды быть произведеннымъ въ генералы, но сильно опасался, по примѣру предшественника моего, полковника Сотникова, попасть въ дѣйствительные статскіе совѣтники и остаться безъ мѣста, безъ содержанія и безъ надежды на полученіе должности по гражданскому вѣдомству,—что было бы для меня истиннымъ бѣдствіемъ;—полковаго же командирства, заведясь семействомъ, ни за что не хотѣлъ имѣть, и потому я непремѣнно рѣшился оставить мою должность и выглядывать открытія другого, болѣе опредѣлительнаго и постояннаго, мѣста.—Я недолго ожидалъ: въ полевомъ аудиторіатѣ открывалась вакансія члена и я подалъ князю о перемѣщеніи меня туда докладную записку слѣдующаго содержанія:

З А П И С К А

15 января 1840 года.

„Я теперь однимъ изъ старшихъ полковниковъ. При ожидаемомъ производствѣ въ день Пасхи, т. е. 14 апрѣля, я, или буду обойденъ, или произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, подобно Сотникову, Губареву и другимъ“.

„Если меня обойдутъ, то, кромѣ слѣдующаго чина, я ничего не потеряю, ибо, оставаясь на занимаемомъ мѣстѣ, буду пользоваться тѣмъ же содержаніемъ, которое теперь обезпечиваетъ жизнь моего семейства“.

„Если меня произведутъ въ дѣйств. стат. совѣтники, — что конечно послѣдуетъ, служа внѣ фронта съ 1819 года, — въ такомъ случаѣ, подобно Сотникову и Губареву, останусь и безъ мѣста, и безъ содержанія, съ пеминуемою нищетою и безъ всякой надежды устроить мое семейство и дать ему пріютъ и кусокъ хлѣба, потому что деньги съ маюрата, которыя я теперь стараюсь собирать, сколь онѣ ни малы, тогда обратятся на прокормленіе жены и дѣтей; о воспитаніи же послѣднихъ нечего будетъ и помышлять“.

„Мѣста гражданскаго губернатора въ Россіи, которое представляется съ производствомъ въ дѣйств. стат. совѣт., безъ особеннаго покровительства, не дадутъ, — да я и нежелаю получить его, поелику не имѣю ни навыка и нужныхъ познаній въ гражданскихъ дѣлахъ, ни состоянія и свѣтскаго образованія, необходимыхъ для столь важнаго поста“.

„Если бы даже, какимъ либо непредвидимымъ случаемъ и по причинамъ болѣе уважительнымъ, чѣмъ усердная, честная и безукоризненная 25 лѣтняя служба, --- подобно князю Тенишеву и Шебекѣ, я былъ произведенъ въ генераль-маюра, что и тогда меня ожидаетъ? Я все таки останусь безъ мѣста, а главное безъ содержанія и долженъ думать объ отставкѣ, чтобы получить незначительную пенсію. — Все на что я могу рассчитывать при производствѣ въ генераль-маюры, это назначеніе бригаднымъ командиромъ. Но здѣсь потребуются издержки, особенно при этихъ переѣздахъ, перемѣщеніяхъ и передвиженіяхъ въ продолженіи службы, которыя столь тягостны для семейнаго человѣка, что наши лучшіе бригадные командиры: Савостьяновъ, Обручевъ и другіе, имѣютъ желаніе быть назначенными къ постояннымъ мѣстамъ, какъ напр., комендантами и военными начальниками губерній въ Польшѣ, какъ эта милость оказана была князю Тенишеву. — Къ тому же, долговременная отвычка отъ фронта и слабое здоровье служить мнѣ препятствіемъ быть исправнымъ бригаднымъ командиромъ“.

„И такъ, цѣль моей службы, собственно для устройства моего семейства, есть получить постоянное мѣсто, которое бы съ одной стороны обезпечивало въ настоящее время существованіе мое, жены и дѣтей моихъ, а съ другой --- давало бы возможность изъ арендныхъ денегъ сособить хотя незначительный капиталъ на всякій случай“.

„Теперь въ полевомъ аудиторіатѣ открывается вакансія, вмѣсто „Бакунина, и я желалъ бы быть на оную назначеннымъ, если можно, съ нынѣ получаемыми мною 3 тыс. р. столовыми, т. е. 1 тыс. р. болѣе чѣмъ“.

„по штату положено члену аудиторіата“. Князь Горчаковъ прочиталь эту записку и неожиданно меня спросилъ: „а къмъ же я васъ за-мѣню“? Этотъ вопросъ крайне меня удивилъ и огорчилъ, показавъ съ одной стороны его эгоизмъ, а съ другой, — что онъ во мнѣ, какъ я имѣлъ полное право надѣяться, прослуживши съ нимъ и при немъ около 18 лѣтъ, — не принимаетъ участія, а только заботится о себѣ. Потомъ онъ началъ отклонять меня, наговоривъ кучу комплементовъ о моихъ способностяхъ, утверждалъ, что я могу быть дежурнымъ генераломъ, не сказавъ только, въ которой арміи, ибо тогда существовала одна армія, Паскевича, а у него это мѣсто, въ случаѣ открытія вакансіи, занялъ бы конечно свой человекъ, — или гражданскимъ губернаторомъ. Я видѣлъ, что всѣ эти рѣчи и слова клонятся къ тому, чтобы убѣдить меня остаться при настоящей должности, — но я былъ непреклоненъ; онъ даже проговорился о производствѣ меня въ генералы; но и на это я не поддался; зная его характеръ и отношенія къ фельдмаршалу, я поблагодарилъ и сказалъ, что такое производство я сочту особенною для себя милостію, потому что тогда буду получать болѣе содержанія, а при отставкѣ болѣе пенсіона, и все таки настаивалъ о перемѣщеніи меня въ аудиторіатъ. Потомъ онъ нашель затрудненіе въ просьбѣ о столовыхъ. Я отвѣчалъ, что если я не заслужилъ оставленія при мнѣ столовыхъ по 3 тыс. р., которые впрочемъ выпрошены мнѣ были генераломъ Красовскимъ, то буду довольствоваться и 2 тыс. р., добавивъ съ досадою, что въ послѣднемъ случаѣ мнѣ придется не держать экипажа и за столомъ имѣть вмѣсто трехъ — два блюда. Князь не возражалъ и обѣщаль доложить записку мою фельдмаршалу, — которую и положилъ въ свой портфель.

Черезъ нѣсколько часовъ князь возвратился съ бумагами отъ его свѣтлости и объявилъ мнѣ, что по запискѣ моей фельдмаршалъ на все согласился, и съ симъ словомъ съ сильною досадою разорвалъ мою записку въ мелкія клочки и бросилъ ихъ въ корзину, а я тотчасъ пошелъ писать представленіе. — Ужъ конечно Горчаковъ не читаль фельдмаршалу моей записки, а просто докладываль на словахъ о моей просьбѣ; тамъ есть рѣзкія мѣста; еще рѣзче и запальчивѣе я былъ на словахъ съ княземъ; я безъ обиняковъ сказалъ ему, что Тенишева произвела въ генералы его жена, а Шебеку — дежурный генераль Викинскій; у меня же нѣтъ такихъ покровителей. При этихъ то словахъ князь, вслѣдствіе затронутого его самолюбія и забывъ обычную свою сдержанность, отвѣчалъ: „пожалуй и я произведу васъ въ генералы“. А я, поймавъ его на словѣ, какъ упомянуто выше благодарилъ за обѣщаніе,

Послѣ ухода моего, часа черезъ два, князь прислалъ за мною и уже съ спокойнымъ духомъ началъ совѣщаться: кого бы на мое мѣсто назначить? Я предлагалъ нѣкоторыхъ лицъ, но онъ не соглашался,

повидимому изъ боязни имѣть при себѣ такого человѣка, который продастъ его и будетъ пересказывать или болтать все то, что иногда въ сильномъ негодованіи на оскорбленія и угнетенія фельдмаршала, выпуститъ нѣсколько словъ, — что иногда, хотя и рѣдко, съ нимъ случалось. Наконецъ я предложилъ генеральнаго штаба подполковника графа Сакена и по долгомъ разсужденіи о его малоопытности въ дѣлахъ, князь согласился. — Но дня чрезъ два Бергъ предложилъ ему взять находившагося въ отставкѣ генеральнаго штаба подполковника Филипова, моего земляка, и князь охотно это принялъ, зная его способности и особенную скромность, что и я подтвердилъ, когда Горчаковъ разговаривалъ о томъ со мною. Дѣйствительно, этотъ выборъ для князя былъ наилучшій и Бергъ оказалъ ему истинную услугу; я бы и самъ прежде всего и всѣхъ предложилъ Филипова, но онъ былъ въ отставкѣ и я ни какъ не предполагалъ, чтобы онъ захотѣлъ вновь поступить на службу, будучи вынужденъ оставить оную по невниманію и несправедливости самихъ же этихъ господъ, т. е. Берга и Горчакова; но первый, разными блистательными обѣщаніями, сдѣланными имъ отъ имени князя, соблазнилъ Филипова принять предложеніе и онъ назначенъ на мое мѣсто. Эти обѣщанія остались пухомъ и въ послѣдствіи онъ оставилъ опять службу. Надѣйся на обѣщанія! Это я надъ собою испыталъ, когда человѣкъ нуженъ, тогда чего не на обѣщаютъ!

Такимъ образомъ объ Бакунинѣ и обо мнѣ пошла отъ фельдмаршала бумага слѣдующаго содержанія:

„Военному Министру графу Чернышеву отъ 4 февраля 1840 г.
за № 948.

Состоящій въ должности члена полевого аудиторіата ввѣренной мнѣ арміи, числящійся по кавалеріи полковникъ Бакунинъ подалъ по командѣ на Высочайшее имя прошеніе о увольненіи его въ продолжительный отпускъ для излѣченія болѣзни и приведенія въ порядокъ дѣлъ своихъ, срокомъ на одинъ годъ.

Такое прошеніе упомянутаго штабъ-офицера имѣю честь препроводить при семъ Вашему Сіятельству, прося покорнѣйше исходатайствовать Высочайшее благоизволеніе на увольненіе Бакунина въ просимый имъ отпускъ.

А какъ на это мѣсто, для успѣшнѣйшаго движенія въ аудиторіатѣ дѣлъ, необходимъ чиновникъ прилежный и свѣдущій въ дѣлопроизводствѣ, то покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство испросить Монаршее соизволеніе на назначеніе, вмѣсто полковника Бакунина, въ должность члена аудиторіата состоящаго при начальникѣ Главнаго Штаба арміи по особымъ порученіямъ числящагося по арміи полковника Докудов-

скаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, во уваженіе долговременной, отлично-усердной службы и того, что онъ по хорошимъ способностямъ къ дѣлопроизводству и дѣятельности своей, будетъ весьма полезенъ при испрашиваемомъ назначеніи, исходатайствовать оставленіе при немъ получаемыхъ имъ нынѣ столовыхъ по 3 тыс. р. въ годъ“.

На это отношеніе графъ Чернышевъ отъ 5 Марта за № 2196 отвѣчалъ Паскевичу, что на увольненіе Бакунина въ продолжительный отпускъ и на назначеніе меня членомъ въ аудиторіатъ съ сохраненіемъ при мнѣ столовыхъ по 3 тыс. руб. въ годъ, послѣдовало Высочайшее соизволеніе; очемъ и состоялся Высочайшій приказъ 13 Марта.

Между тѣмъ явился въ Варшаву и подполковникъ Филиповъ. Я сдалъ ему мою должность, раскланялся холодно съ княземъ Горчаковымъ и отправился на новую для меня службу въ аудиторіатъ, предсѣдателемъ коего былъ пустоголовый генер.-маіоръ Курисъ, родной братъ или племянникъ извѣстнаго Куриса, служившаго при Суворовѣ.

Замѣтки мои объ этомъ аудиторіатѣ находятся въ моихъ бумагахъ. Правда, я нашелъ покой въ моей должности, но сознаюсь, привыкнувъ къ тревожной дѣятельности, мнѣ этотъ покой скоро наскучилъ; къ тому же грязность состава самаго аудиторіата нерѣдко заставляла сожалѣть объ оставленномъ мѣстѣ; но за всеѣмъ тѣмъ, я ни за чтобы туда не возвратился, хотя и чувствовалъ, что самолюбіе мое страдаетъ и что съ поступленіемъ моимъ въ аудиторіатъ, многія лица, прежде мнѣ кланявшіяся и съ улыбкою дружелюбія встрѣчавшія, обратились ко мнѣ тыломъ. Но на свѣтѣ всегда бываетъ такъ!

Въ послѣднихъ числахъ Декабря я получаю записку прибыть къ князю Горчакову; застаю у него друга его и совѣтника генерала Берга. Горчаковъ объяснилъ мнѣ, что получилъ отъ брата своего, командира отдѣльнаго Сибирскаго корпуса письмо, коимъ проситъ о выборѣ хорошаго и способнаго изъ арміи генераль-маіора или полковника для назначенія въ пограничные начальники сибирскихъ киризовъ, и потому предложилъ, не хочу ли я принять это мѣсто; при чемъ сказалъ, чтобы я на него (Горчакова) не надѣялся, потому что онъ не въ состояніи ничего для меня сдѣлать. Я хотѣлъ было напомнить ему объ общаніи произвестъ меня въ генералы, но удержался отъ сего бесполезнаго упрека потому, что и самъ я зналъ, что онъ, при всей своей доброй волѣ, точно у фельдмаршала ничего не можетъ сдѣлать въ пользу своихъ подчиненныхъ, а для меня и еще болѣе потому, что я какъ будто бы ему свой, женившись на дѣвушкѣ изъ его семейства. Бергъ съ своей стороны расхвалилъ предложенное мнѣ мѣсто, вовсе не зная сущности его. Я потребовалъ три дня на размышленіе, потому что не шутка было ѣхать въ Сибирь, въ столь отдаленный край, гдѣ я былъ лишенъ возможности дать приличное

образованіе моимъ дѣтямъ и куда, заведя мое семейство, въ случаѣ моей смерти, я оставилъ бы его въ безотрадномъ положеніи.—Съ одной стороны эта невыгода и опасеніе, а съ другой большое содержаніе, которое состояло, кромѣ жалованья по чину, еще изъ столовыхъ 7 тыс. р., квартирныхъ 1 тыс. р., разъѣздныхъ 3 тыс. руб. и на экстраординарные расходъ 3 тыс. р. и изъ коихъ, при аккуратной жизни, могъ бы отложить не малое количество,—и точно, почетное мѣсто,—ибо начальнику киргизовъ по военной части предоставлены права дивизионнаго начальника, а по гражданской—гражданскаго губернатора. Все это заставило крѣпко обдумывать сдѣланное мнѣ предложеніе, взвѣшивать на вѣсахъ все выгоды и не выгоды; но вспомянувъ слова Горчакова,—что онъ ничего не можетъ для меня сдѣлать, я рѣшился на ссылку въ Сибирь, надѣясь тамъ скорѣе быть и произведеннымъ и объявилъ о моемъ согласіи князю Горчакову.

Въ то время фельдмаршалъ находился въ Петербургѣ и слѣдовало отъ него испросить согласіе, а потому князь Горчаковъ отправилъ къ нему докладную записку слѣдующаго содержанія:

„ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

1 Января 1841 года.

„Братъ мой командиръ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса и генералъ-губернаторъ западной Сибири, просить, меня, по случаю открывшейся вакансіи пограничнаго начальника сибирскихъ киргизовъ, прійскать совершенно благонадежнаго человѣка въ чинѣ генералъ-маіора или полковника, для занятія сего мѣста; при чемъ увѣдомляетъ, что этотъ военный пограничный начальникъ долженъ будетъ управлять тамъ и гражданскою частію на правахъ губернатора.

„Находя съ моей стороны, что бывшій при мнѣ по особымъ порученіямъ, а нынѣ состоящій членомъ въ полевомъ аудиторіатѣ полковникъ Докудовскій по своей испытанной благонадежности и дѣятельности съ пользою для службы могъ бы занять упомянутое мѣсто, тѣмъ болѣе, что съ онымъ преимущественно сопряжена административная часть, къ которой онъ весьма способенъ, и въ особенности принимая во вниманіе, что вовсе продолженіе службы сего штабъ-офицера въ главномъ штабѣ арміи, за примѣрную ревность его къ выполненію лежавшей на немъ обязанности, ваша свѣтлость изволили постоянно удостоивать его благосклоннымъ вашимъ вниманіемъ, я осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить васъ о дозволеніи брату моему представить полковника Докудовскаго на означенное мѣсто, которое и собственно для этого штабъ офицера было бы истиннымъ благодѣяніемъ въ томъ отношеніи, что оно открыло бы ему болѣе видовъ въ будущемъ и

вмѣстѣ съ тѣмъ, по присвоеннымъ оному преимуществамъ, вполне обеспечивало бы содержаніе его, какъ семейнаго человѣка“.

„Если на это милостивое послѣдуетъ соизволеніе вашей свѣтлости, въ такомъ случаѣ не благоугодно ли будетъ приказать заготовленное мною и при семъ представляемое официальное о томъ увѣдомленію генераль-губернатору Западной Сибири отправить по принадлежности съ тѣмъ, чтобы онъ могъ уже войти съ надлежащимъ по этому предмету представленіемъ, если съ своей стороны найдете, что полковникъ Докудовскій дѣйствительно можетъ быть назначенъ на вышесказанное мѣсто“.

Фельдмаршалу записка обо мнѣ была докладчикомъ прочитана; его свѣтлость засмѣялся, сказавъ: „что это ему въ Сибирь вздумалось“? — потомъ помолчавъ немного, какъ будто размышлялъ о чемъ то, произнесъ: „ну, съ Богомъ, если захочетъ; я согласенъ“, — и официальная бумага отъ князя Горчакова къ брату его отправлена 8 Января, въ г. Омскѣ, Тобольской губерніи.

Въ ожиданіи моего назначенія, которое казалось вполне достовѣрнымъ, я прилежно занялся изученіемъ положенія объ управленіи Киргизами, а жена приготовленіемъ въ далекій, ея утрашавшій, путь, какъ вдругъ получается Высочайшій приказъ, состоявшійся 20 Января, коимъ пограничныхъ Киргизовъ начальникомъ былъ назначенъ командиръ Житомирскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Вишневскій. Это назначеніе послѣдовало такимъ образомъ: послѣ письма Сибирскаго кн. Горчакова къ брату его Варшавскому Горчакову о присканіи генераль-майора или полковника въ Киргизскіе пограничныя начальники, — отъ военнаго министра получена была Сибирскимъ Горчаковымъ бумага, коею требовалось согласія его на назначеніе въ Киргизскіе воеводы полковника Вишневскаго, якобы лично ему графу Чернышеву извѣстнаго; разумѣется, Горчаковъ не могъ противъ сего ничего сказать, тѣмъ болѣе что вакансія Киргизскаго начальника оставалась праздною около 8 мѣсяцевъ, — и сіятельный князь поспѣшилъ дать требовавшееся согласіе, и Вишневскій назначенъ, думаю, прежде, чѣмъ дошла до него посланная изъ Петербурга официальная брата его обо мнѣ бумага. И такъ я остался на бобахъ, по прежнему въ аудиторіатѣ и нисколько не сокрушался о неуспѣхѣ, а жена и радовалась, избавившись отъ холоднаго климата, для ея слабой груди невыносимаго.

8 Апрѣля князь Горчаковъ, встрѣтивъ меня на прогулкѣ, изъявилъ сожалѣніе о неудавшемся назначеніи и сказалъ, что онъ писалъ къ брату, что если откроется хорошее мѣсто въ Сибири, напр., гражданскаго губернатора, то чтобы назначилъ меня, присовокупивъ, что братъ его еще въ прошломъ году, когда очистилась вакансія пограничнаго начальника Киргизовъ, хотѣлъ было представить меня, но не сдѣлалъ

этого, потому что полагалъ меня не выпускать изъ арміи и, наконецъ, что хотя братъ его лично и не знаетъ меня, *но извѣстенъ, какъ выразился Горчаковъ, по нашимъ сношеніямъ и разумѣть вась, какъ челоуька честнаго, усерднаго и способнаго.* Я поблагодарилъ князя за его участіе, сдѣлалъ почтительный реверансъ и мы разстались.

Но гораздо прежде этой встрѣчи, я былъ призванъ къ генералъ-квартирмейстеру Бергу, который спрашивалъ меня: „къ чему будетъ приговоренъ командиръ гусарскаго полка полковникъ Фелькерзамъ за растрату казенныхъ денегъ и другія злоупотребленія“? Я отвѣчалъ, что дѣло объ немъ въ аудиторіатѣ еще не разсматривалось. При этомъ случаѣ Бергъ распространился о честности отца Фелькерзама, бывшаго Курляндскаго губернатора, и о худомъ поведеніи его матери, давъ мнѣ понять, что Паскевичъ, когда онъ былъ командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса и стоялъ въ Митавѣ, имѣлъ интимныя сношенія съ этою дамою. Отпуская меня, Бергъ высказалъ полное сожалѣніе о неудавшемся моемъ назначеніи и присовокупилъ, что поговорить князю Горчакову, чтобы написалъ своему брату, дабы онъ имѣлъ меня въ виду для хорошаго мѣста въ Сибири. Теперь представляется вопросъ: самъ ли князь, безъ посторонняго напоминанія, писалъ къ брату своему обо мнѣ, какъ это онъ объявилъ при встрѣчѣ 8 Апрѣля, или написалъ уже тогда, когда Бергъ о томъ напомнилъ ему! Имѣю причины думать и вѣрить въ послѣднее предположеніе.

Коротко было наше пребываніе на квартирѣ Примасовскаго дворца; она понадобилась управлявшему театрами и особенно театральными крысами генер. адъютанту Раутенштрауху, доставлявшему контингентъ изъ своихъ юныхъ терпсихоръ похотливому Паскевичу, и потому директору квартирной комиссіи, старику полковнику Игнатьеву, приказано его свѣтлостію немедленно очистить мою квартиру и отдать ее вельможному Раутенштрауху. Игнатьевъ позамѣшкался нѣсколько дней и за то отъ Паскевича такую получилъ тонку, что въ перепугѣ отъ страха, умолялъ меня въ тотъ же день переѣхать съ квартиры въ назначенную мнѣ другую, генералъ-майорскую; что я и исполнилъ, опасаясь и для себя грозы, занялъ новую, далеко лучшую и удобную, чѣмъ прежняя. Вся невыгода этой квартиры на улицѣ Наливкахъ была та, что огромный домъ принадлежалъ жидамъ, лежалъ въ населенномъ одними жидами кварталѣ, многочисленнѣйшемъ противъ прочихъ христіанскихъ кварталовъ и былъ на большомъ похоронномъ пути къ Повозконковскому католическому для всѣхъ Варшавянъ кладбищу.

Мирное мое житіе въ храмѣ Семиды нарушено нежданно-негаданно незаслуженнымъ преслѣдованіемъ всемогнутаго моего—куманька Вишинскаго. Я былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ и пользовался

постояннымъ его расположеніемъ; но это не помѣшало ему сдѣлаться моимъ врагомъ по слѣдующему дѣлу. Въ Брестъ-Литовскѣ существовала инженерная строительная коммиссія для постройки крѣпости. Обнаружились въ ней, какъ обыкновенно бываетъ во всѣхъ инженерныхъ коммиссіяхъ, — большія злоупотребленія и всѣ члены ея преданы военному суду, въ томъ числѣ и дѣлопроизводитель, нѣкій Арцишевскій, къ коему, мнѣ неизвѣстно почему, Викинскій имѣлъ нѣжнѣйшую симпатію и о существованіи котораго я не зналъ и не вѣдалъ. По вопросу: судить ли ихъ арестованными? — Аудиторіатъ отвѣчалъ утвердительно. Потомъ, когда судное объ нихъ дѣло поступило въ аудиторіатъ, то, разумѣется, послѣдній приговорилъ ихъ къ наказанію по законамъ. — На это то и взѣлся Викинскій, благовѣствуя всѣмъ и каждому, кто только слушать хотѣлъ, что и арестованіе Арцишевскаго и приговоръ объ немъ -- было дѣло рукъ моихъ, моего вліянія въ аудиторіатѣ, чтобы только досадить ему, Викинскому; на эту тему и пошелъ, и пошелъ колокольничь, объявляя во всеуслышаніе, что онъ никогда мнѣ этого не проститъ и изъ друга дѣлается присяжнымъ врагомъ. — И точно, нѣсколько лѣтъ тромилъ и уязвлялъ меня, но я молчалъ, терпѣлъ и кончилось миромъ. Дражайшій мой кумъ былъ однимъ изъ опасныхъ и пристрастныхъ людей.

Хроникеръ Варшавы, помѣщая въ свою лѣтопись происшествія и явленія, чѣмъ либо замѣчательныя, обязанъ вписать не внесенныя мною позабывчивости въ своемъ мѣстѣ, — два знаменательныя посѣщенія Императора Николая: одно и первое послѣ усмиренія мятежа, 1834 года, когда Его Величество представлявшейся ему съ повинною головою польской депутаціи произнесъ грозное и назидательное слово, ошеломившее депутатовъ и разнесшееся по всей Европѣ, и другое посѣщеніе иного рода. Именно: съ 15 на 16 Августа 1840 г. въ 1½ часа пополудни, прибылъ изъ Петербурга Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, который того же числа рано утромъ отправился за границу къ своей невѣстѣ, которая потомъ въ сопровожденіи августѣйшаго своего жениха, его родительницы и велик. кн. Ольги Николаевны, 24 Августа имѣла торжественный вѣздъ въ Варшаву, будучи встрѣчена у заставы царственнымъ своимъ свекромъ и провожена имъ верхомъ на конѣ въ Лазенковскій дворецъ, посреди войскъ, разставленныхъ шпалерами по улицамъ, встрѣчавшихъ и провожавшихъ процессію звуками барабановъ, трубъ, музыки и криками: Ура!

Въ Январѣ 1842 года прибыло купленное мною семейство, состоящее изъ мужа — повара, жены его и 4-хъ дѣтей. Оно прежде принадлежало князю Тенишеву и жена повара была молочною сестрою князя; но когда этотъ кухонный артистъ, разъ въ пьяномъ видѣ занесъ на своего барина руку съ ножомъ, то былъ проданъ совсѣмъ его семействомъ капитану Познанскому; а у этого офицера жена молда-

ванка начала за дерзости бить и колотить своихъ пристутъ почемъ ни попало и два раза была ими принесена жалоба, то и было приказано капитану непре-

себя дома, введя эту юную казачку, веселую хохотунью, въ семейство Горчакова.

19 Августа совершены пышные на казенный счет похороны генерала Раутенштрауха; въ длинной процессіи, между прочими, двигались въ стройномъ порядкѣ режисеры, суфлеры, актеры, актрисы, танцоры, танцорки, юныя воспитанницы театральной школы и вся прочая челядь обоихъ театровъ. — Замѣчательно, 1) что тотчасъ по исходѣ души изъ истощеннаго распутствомъ тѣла Раутенштрауха, Паскевичъ, чрезъ посланнаго имъ своего адъютанта Рудзевича, отобралъ всю свою съ нимъ корреспонденцію изъ бумагъ покойнаго, и 2) что въ Сентябрѣ свѣтлѣйшій выхлопоталъ у Императора огромную пенсію вдовѣ и замуженной дочери покойнаго, не знаю, — не за то ли, что этотъ сынъ кожевника, при своей жизни, доставлялъ фельдмаршалу сладчайшее удовольствіе?

Въ Октябрѣ кн. Горчаковъ возвратился съ водъ изъ заграницы. При общемъ къ нему представленіи онъ подалъ мнѣ руку, освѣдомился о моемъ и жены моей здоровьѣ и объявилъ, что привезъ маленькую книжку о прусскомъ военномъ процессѣ, столь, по словамъ его, основательную и отчетливую, что онъ самъ, Горчаковъ, безъ затрудненія могъ бы произвести слѣдствіе и судъ; а въ Ноябрѣ, я читалъ ему извѣстные процессы Петра Великаго, изъ желанія знать ихъ. — Изъ разговоровъ его было видно, что онъ всею душою, хотѣлъ бы улучшить наше военное судопроизводство и дать ему правильное, стройное теченіе, — но при тогдашнемъ хаосѣ нашихъ законовъ и не вѣжественныхъ исполнителяхъ улучшение было немислимо; мы только теперь начали выбираться изъ этого болота.

По окончаніи чтенія процессовъ, когда я раскланивался, князь сказалъ: „кстати, это будетъ уже частное дѣло; знаете ли, — вашъ „сынъ (5 лѣтній) на дняхъ бывши здѣсь, сказалъ, что онъ любитъ „дразнить фельдмаршала? Будьте осторожны, здѣсь бываетъ сама княгиня Паскевичъ“ — Этотъ неожиданный и непріятный для меня сюрпризъ такъ произошелъ. Мой ребенокъ пріѣзжаетъ съ матерью и князь, увидѣвъ его, сдѣлалъ ему постоянный свой вопросъ: „ну, что твои лошадки“? Р. „Я теперь не занимаюсь лошадками, а пишу письма“. К. „къ кому же ты пишешь“? Р. „да къ Паскевичу“. К. „что же ты пишешь“? Р. „да такъ, каракульки“. К. „чтоже это за каракульки“? Р. „да такъ, я люблю дразнить Паскевича“. — Конечно не отъ меня и матери сынъ мой слышалъ объ этомъ дразненіи, а ближе всего отъ дѣтей же самаго князя, которые постоянно худо болтали о Паскевичѣ. — Послѣ этой исторіи я запретилъ братъ ребенка къ Горчаковымъ, пока не успокоятся отъ произнесеннаго имъ преступнаго выраженія. Этотъ случай напомнилъ мнѣ другой, разъ фельдмаршальша,

увидя моего ребенка, нашла его прелестнымъ и вступила съ нимъ въ разговоръ; онъ отвѣчалъ умно, смѣло, но не дерзко; свѣтлѣйшая была отъ него въ восхищеніи и разцѣловала его; но сплетница генеральша Девъ разблаговѣстила, что будто бы ребенокъ порядочно отдѣлалъ фельдмаршальшу и разобралъ ее и вложила въ отвѣты его такія слова, которыхъ онъ, по своему возрасту, не могъ ни знать, ни понимать.

Мой бывшій начальникъ, генераль Красовскій вновь назначенъ корпуснымъ командиромъ, пріѣзжалъ сюда являться и я былъ у него. Онъ принялъ меня дружелюбно, обнялъ и сожалѣлъ, что меня при производствѣ обходятъ. Красовскій былъ очень грустенъ отъ холоднаго приѣма фельдмаршала, который къ нему не благоволилъ съ издавна. Впослѣдствіи этотъ заслуженный генераль впалъ въ меланхолію, упалъ и расшибся на смерть. — Послѣ его кончины, одна изъ его дочерей, дѣвица, какъ утверждали, имѣла интимныя сношенія съ безрукимъ Бибиковымъ, Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ.

Въ заключеніе 1842 года скажемъ о нашемъ въ Августѣ мѣсяцѣ посѣщеніи владбищъ евангелическаго и православнаго, и отмѣченныхъ мною нѣкоторыхъ курьозныхъ эпитафіяхъ и надписяхъ *).

Начало 1843 года ознаменовалось для меня предложеніемъ Варшавскаго военнаго губернатора Шипова, быть у него управляющимъ канцеляріею съ жалованьемъ по 2 тыс. р. с. въ годъ; но какъ онъ на своемъ мѣстѣ шатался, то я за предложеніе его поблагодарилъ и уклонился отъ него.

Съ начала этого же года послѣдовала прискорбная убавка матеріальнаго нашего содержанія. Войска въ Царствѣ Польскомъ получали жалованье по грузинскому положенію, а теперь повелѣно отпускать по внутреннему, прибавивъ токмо къ оному еще одну треть, поэтому изъ получавшагося прежде годоваго жалованья въ полковничьемъ чинѣ 969 р. я сталъ получать 669 р., — менѣе 300 р. Съ сего же года, при отпускѣ изъ казны содержанія въ первый разъ выдана частію и сѣренькая платиновая 3 руб. монета, неохотно бравшаяся при покупкахъ и то съ удержаніемъ съ каждой штуки по 5 коп.

Не смотря на усѣченіе содержанія, я заблаговременно нанялъ на два лѣта квартиру и съ садомъ, на улицѣ Желѣзной, по 60 р. с. за каждое лѣто. — Этотъ домъ нѣкогда выстроилъ и принадлежалъ

*) Въ «воспоминаніяхъ» далѣе однако не встрѣчаемъ ничего объ этихъ посѣщеніяхъ и «курьезныхъ надписяхъ».

камердинеру короля Станислава Понятовскаго Ричу; при моемъ наймѣ, составлялъ собственность польскаго банка и былъ въ арендѣ у его фактора — жида. — Яблокъ и грушъ въ оба лѣта уродилось въ изобиліи, противъ ожиданія удивленнаго еврея, и все было наше; особенно великолѣпны были махровыя розы, какихъ я никогда не видалъ.

Около трехъ лѣтъ минуло прозябанію моему въ аудиторіатѣ; открылась вакансія военнаго начальника въ Калишской губерніи и подполковникъ Филиповъ добрый мой пріятель и землякъ, намекнулъ князю о назначеніи меня къ упомянутому мѣсту, которому, сверхъ жалованья по чину, присвоено было еще и столовыхъ по 1800 р. изъ казны Царства Польскаго; но Горчаковъ отвѣчалъ, что эти мѣста фельдмаршалъ даетъ только старшимъ лѣтами и службою, — тогда какъ предъ симъ назначенъ былъ старшій адъютантъ полковникъ Горловъ и лѣтами и въ настоящемъ чинѣ моложе меня, но дѣло въ томъ, что онъ былъ покровительствуемъ Виканскимъ и исправлялъ ѿ него должность шептуна, — Горчаковъ еще добавилъ: „самъ виноватъ, почему не взялъ полка“. Филиповъ все это передалъ мнѣ и я, будучи крайне огорченъ не заслуженнымъ равнодушіемъ князя, 9 Февраля написалъ и послалъ ему слѣдующаго содержания письмо.

П И С Ь М О .

„Позвольте Выше Сіятельство мнѣ напомнить Вамъ о себѣ.

„Во время нахождения вашего начальникомъ штаба въ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ, я имѣлъ честь служить съ вами слишкомъ восемь лѣтъ старшимъ корпуснымъ адъютантомъ и потомъ дежурнымъ штаб-офицеромъ. Спустя нѣсколько послѣ того, когда вы были назначены начальникомъ главнаго штаба арміи, я состоялъ столько же времени лично уже при вашей особѣ, слѣд. двѣ трети всей моей службы и лучшія лѣта моей жизни я провелъ при васъ и съ вами.

„Не мнѣ говорить, успѣшно ли я выполнялъ мои обязанности и былъ ли достоинъ полученныхъ мною знаковъ отличій. Могу только сказать, что я постоянно имѣлъ счастье пользоваться вашимъ расположеніемъ, а даже былъ на хорошемъ счету и у самаго Г. Генераль-Фельдмаршала, хотя, какъ вы неоднократно мнѣ объявляли при разныхъ случаяхъ, — этому лестному обо мнѣ мнѣнію Его Свѣтлости, вы несколько не были причастны.

„Выше Сіятельство изволите припомнить, что я вовсе не домогался быть назначеннымъ къ вамъ по особымъ порученіямъ.

Въ Сентябрѣ 1831 года, пріѣхавъ въ Варшаву для ускоренія просимаго мною отпуска, я предполагалъ послѣ возвращенія къ своему мѣсту вступить во фронтъ и Федоръ Васильевичъ Ридигеръ общалъ

мнѣ дать полкъ; въ чемъ я могу представить письменное доказательство. Но послѣ вашего чрезвычайно-милостиваго приѣма и дружескихъ объятій, когда въ роковой для меня часъ сдѣлали предложеніе состоять при вашей особѣ, — я увлеченный сценою вашего приѣма и истинно тогда привязанный къ вамъ, безъ размысленія далъ мое согласіе. Между тѣмъ и бывшій начальникъ главнаго штаба 1 арміи Генераль Красовскій, желалъ меня имѣть при себѣ и покойный Князь Сакенъ еще въ Октябрѣ мѣсяцѣ вошелъ о томъ съ представленіемъ, ходатайствуя вмѣстѣ съ тѣмъ о повышеніи въ полковники и производствѣ наравнѣ съ полковыми командирами столовыхъ денегъ по 3 тыс. р. въ годъ; на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе; но по злосчастной моей судьбинѣ, неизвѣстно почему не было о томъ объявлено тогда же въ Высочайшемъ приказѣ; а спустя послѣ того полутора мѣсяца и Его Свѣтлость вошелъ такъ же съ представленіемъ съ тою только разницею, что Фельдмаршалъ не просилъ хода тайствѣ о повышеніи меня въ полковники и только испрашивалось оставленія при мнѣ тѣхъ столовыхъ денегъ, кои я получалъ въ званіи дежурнаго штабъ-офицера 2 тыс. р., хотя предмѣстникъ мой Сотниковъ, на мѣсто коего я поступалъ, пользовался столовыми по 3 т. р. Наконецъ, послѣ происшедшей по сему предмету переписки съ Г. Военнымъ Министромъ, меня назначили къ Вашему Сіятельству, а благодаря справедливому вниманію къ прежней службѣ моей Афанасія Ивановича Красовскаго, произвели въ полковники и дали 3 тыс. р. столовыхъ.

„Въ Февралѣ 1832 года я вступилъ въ отправленіе своей должности; спустя слишкомъ годъ, здоровье мое совершенно разстроилось и я долженъ былъ отправиться въ Маѣ 1833 г. къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ, — но судьбина моя преслѣдовала меня. — Въ отсутствіе мое, Государь Императоръ неожиданно изволилъ прибыть въ Царство Польское, осмотрѣлъ войска при Новогоріевскѣ и возвратился въ Петербургъ. — Я пріѣхалъ съ Кавказа мѣсяцемъ ранѣе даннаго мнѣ срока; чрезъ два или три мѣсяца пошли представленія о наградахъ, но я не удостоился быть включеннымъ въ списки, потому что не стоялъ на лицѣ во время пребыванія здѣсь Императора, хотя правду сказать, вѣкоторые изъ чиновниковъ вовсе не лицеизрѣди Его Величества и не были на смотрѣ, оставаясь въ Варшавѣ и въ другихъ мѣстахъ; неменѣе того однако же были представлены, и хотя я, до моего отпуска находился при васъ на дѣйствительной службѣ около полутора года и при самомъ началѣ вступленія моего въ должность, безъ всякой моей стороны просьбы, Ваше Сіятельство изволили мнѣ обѣщать при первомъ случаѣ наградить меня арендою.

„Возстановивъ здоровье и размышляя о моемъ положеніи, послѣдствія коего не представлялись мнѣ утѣшительными, я обратился къ

первоначальному моему намѣренію служить во фронтѣ, и въ концѣ 1832, а потомъ въ 1834 году просился во фронтъ, съ назначеніемъ полковымъ командиромъ, но Ваше Сіятельство изволили отказать мнѣ въ моей просьбѣ; что точно я тогда имѣлъ желаніе обратиться во фронтъ, могутъ быть представлены въ доказательство два письма отъ Генерала Красовскаго и Барона Фридрикса.

„Въ 1835 году я женился; но, клянусь Богомъ, безъ всякихъ видовъ на будущее, и даже данное Вашимъ Сіятельствомъ при обрученіи названіе мнѣ сына не возродило во мнѣ рѣшительно никакихъ надеждъ, ибо я основывалъ мои права, на единой токмо моей службѣ. Въ томъ же году въ Калвшѣ я осмѣлился вновь безпокоить васъ о назначеніи меня полковымъ командиромъ въ корпусъ Генерала Нейдгарта въ Москву; Нейдгартъ обѣщаль, сказавъ однако же, что у него нѣтъ вакансіи; на томъ и кончилось мое домогательство служить во фронтѣ. — Видя неудачу моей участи, справедливо надѣясь, что Ваше Сіятельство, за долговременную службу мою собственно при васъ, не оставите меня и не бросите, какъ отъявленнаго негодая.

„Между тѣмъ время къ производству близилось; я расчелъ, по случившимся въ глазахъ моихъ примѣрамъ, что хотя и не буду произведенъ въ генералы, но легко могу попасть въ Дѣйст. Стат. Совѣтъ. и тогда, обремененный уже семействомъ, я рѣшительно долженъ буду бѣдствовать. — Это я изложилъ въ моей къ вамъ запискѣ съ просьбою о переводѣ меня въ аудиторіатъ. — Правда, Ваше Сіятельство нѣсколько останавливали меня, но приводимыя вами причины, не были успокоительны; здѣсь вы изволили предложить мнѣ полкъ; но могъ ли я принять его, когда имѣлъ уже семейство и былъ оиять разстроены въ здоровьѣ? Конечно Ваше Сіятельство изволите вспомнить разговоръ нашъ и вырвавшееся у васъ восклицаніе: „что и вы можете произвести меня въ Генералы“, — когда я докладывалъ вамъ, что извѣстный Савостьяновъ, находясь тоже членомъ аудиторіата въ арміи Сакена, по представствству Начальника Штаба Генерала Муравьева, былъ произведенъ, равнѣ Князь Тенишевъ и Шебека, мѣста которыхъ вовсе не были по штату генеральскими, получили повышенія посредствомъ покровительства другихъ лицъ. — Слова Вашего Сіят. я дерзнулъ принять за обѣщаніе, и тогда же принесть вамъ живѣйшую мою благодарность.

„Прискорбно вспомнить, какъ послѣ 16 лѣтней моей службы при васъ и совершенной преданности, — я, усердный вашъ слуга, имѣлъ несчагіе получить отпускъ отъ васъ. — Послѣ холоднаго, убійственнаго „прощайте“, — невольно припомнилъ я Одессу, когда вы отправлялись въ 1 пѣхот. корпусъ, и потомъ Варшаву, когда вы встрѣтили меня въ 1831 году; но совѣтъ моя ни противу особы вашей, ни противу

службы, ни въ чемъ меня не упрекнула, развѣ въ томъ только можно было меня винить, что я слишкомъ былъ довѣрчивъ и безгранично къ вамъ преданъ.—За то Дежурный Генералъ истинно утѣшилъ меня, разсуждая о неблагодарной службѣ моей при васъ и даль слово быть моимъ покровителемъ.

„Но надобножь было злему моему року наслатъ на меня новое, неожиданное бѣдствіе въ лицѣ *Брестскаго дѣла*.—Спросили мнѣнія аудиторіата: кого предать военному суду и арестованными или нѣтъ? Въ число отданныхъ подъ судъ попалъ какой то *Аришневскій*, котораго я вовсе не зналъ, но онъ пользовался, какъ послѣ уже узнано, особеннымъ расположеніемъ Викинскаго. Его превосходительство за то, что мы подали мнѣніе судить виновныхъ *арестованными*, возсталъ на меня со всею яростію, получивъ отъ кого то ложное свѣдѣніе, что будто бы сему мнѣнію я былъ причиною; объявилъ торжественно на одномъ обѣдѣ, что яко бы Ваше Сіятельство призывали меня поэтому дѣлу и дали мнѣ какое-то приказаніе, и не устыдился сказать, что онъ вѣчно будетъ мнѣ *мститъ*; послѣднее было объявлено нѣсколько разъ и самому Генералъ-аудитору,—Это не сплетни, но истина: ибо на другой день, узнавъ о происшедшей сценѣ и гнѣвѣ Викинскаго, я позаботился собрать о томъ свѣдѣніе и заслуживающіе довѣрія свѣдѣтели: Тутчевъ, Сотниковъ, Старынкевичъ, Заблоцкій, Горловъ и докторъ Вунцевичъ, вполнѣ подтвердили.

„Награжденіе меня маіоратомъ я высоко цѣню; покрайней мѣрѣ лично не пойду съ сумою нишаго; но опять таки злая моя судьбина своимъ вмѣшательствомъ испортила дѣло.—Маіоратъ вмѣстѣ съ другими былъ уже мнѣ назначенъ и проэктъ къ подписанію лежалъ въ портфель у г. Фурмана; надобно однакоже, чтобы Ваше Сіятельство вѣроятно хотѣли сдѣлать мнѣ благодареніе и сами вызвались писать къ Фурману, чтобы мнѣ назначено было такое имѣніе, которое по контракту съ казною имѣло самый дальній срокъ; не понимая въ чемъ дѣло, я крайне обрадовался, не зналъ какъ и благодарить за участіе; и точно мнѣ переназначили имѣніе, но только безъ дѣса, безъ воды съ разрушенными хозяйственными строеніями.—Поздно я увидѣлъ мою ошибку и тогда какъ безъ особаго ходатайства, нельзя было уже поправить дѣла.—Я дѣйствительно былъ въ горѣ, потому что отъ ошибки терпѣло мое семейство и по моей опрометчивости уменьшился и безъ того скудный мой доходъ; тѣмъ болѣе я проклиналъ мое неразуміе, что назначенный мнѣ прежній маіоратъ былъ несравненно и лучше и выгоднѣе.—Я попытался было просить васъ о перемѣнѣ имѣнія, но получилъ въ томъ отказъ, хотя подобную милость оказалъ Фельдмаршалъ другимъ, находившимся въ болѣе противу меня счастливымъ положеніи касательно маіората, и даже не согласились переговорить и съ Фурманомъ о представленіи имъ перемѣны мнѣ имѣнія,

хотя была для того уважительная причина: ибо это имѣніе принадлежало къ разряду маіоратовъ Генераль-маіорскихъ, принося доходу слишкомъ 1500 р. с. и, какъ увѣряли меня въ Коммиссіи финансовъ, переимѣну эту весьма легко было сдѣлать. Я бросился къ Викинскому и умолялъ его оказать свое содѣйствіе, но его превосходительство отказалъ единственно потому, что я состоялъ на службѣ при особѣ Вашего Сіятельства.

Вотъ уже безконечные три года, я въ этомъ злощастномъ аудиторіатѣ; сколько въ продолженіи сего времени младшимъ меня и службою и лѣтами дано выгодныхъ и почетныхъ мѣстъ!

Прямѣромъ тому могутъ служить адъютанты: Дена, Гилленшмита, Викинскаго и даже Безака, и сколько еще общано таковыхъ же мѣстъ другимъ тоже въ штабахъ служащимъ.— Все это въ порядкѣ вещей: такъ дѣлалось прежде и такъ будетъ дѣлаться всегда. Каждый начальникъ старается о выгодахъ своихъ подчиненныхъ.— Прискорбнѣе всего—это слышать сожалѣнія о моей участи и распространившееся мнѣніе, что *только нѣкоторые привилегированныя лица имѣютъ силу и мужество* ходатайствовать у г. Генераль-Фельдмаршала о служащихъ подъ ихъ начальствомъ личностяхъ“.

Эта дерзкая эпистола ни подвигнула князя къ настоянію у фельдмаршала обо мнѣ, ни возбудила особеннаго его на меня гнѣва; онъ сказалъ только моей жены, что я *написалъ ему глупости*, а княгиня ей же объявила, что князь мною не доволенъ.

Между тѣмъ въ этомъ 1843 году члены аудиторіата, разумѣется въ томъ числѣ и я, два раза подвергнулись дѣйствительному гнѣву фельдмаршала: разъ за неясное изложеніе сути въ заключеніе по одному слѣдственному дѣлу; мы ожидали, что онъ разругаетъ насъ въ пухъ и прахъ, но, къ нашему изумленію, обошелся съ нами по чело-вѣчески; при нашей явкѣ, онъ сказалъ лично мнѣ: *„я знаю, вы хорошо пишете, а какъ написано заключеніе? Вамъ надо самимъ составлять заключенія по дѣламъ; онъ* (указавъ на генераль-аудитора Григорьева) *„уже старъ“*. Нельзя было возражать, что по закону заключенія составляются аудиторами подъ редакцію генераль-аудитора, а члены произносятъ только приговоры и мнѣнія. Надобно было много большой отваги, чтобы оправдываться. И мы были рады—рады, что наше свиданіе съ его свѣтлостію, кончилось безъ ругани.—Придя въ аудиторіатъ, я тотчасъ составилъ новое заключеніе, болѣе толковое и грамотное, которое на другой же день и было утверждено.

Въ другой разъ, хотя мы лично и не имѣли счастья быть призваны предъ грозныя очи юпитера Варшавскаго, однако же надъ нами заочно разразилась буря съ громомъ и молніею по слѣдующему дѣлу. Чиновникъ Красовскій, еще въ 1832 году, сдѣлалъ въ Галиціи подрядъ на покупку и доставку провіанта въ Варшаву; по его не опытности и безпечности генераль-интенданта арміи Погодина эта милліонная операція не удалась, казна понесла убытки и Красовскій былъ преданъ военному суду. Судъ продолжался нѣсколько лѣтъ и кончился тѣмъ, что по манифесту освободилъ его отъ личнаго наказанія, но приговорилъ взыскать съ него до 400 тыс. р. ас. въ казну. Аудиторіатъ согласился съ этимъ приговоромъ, но добавилъ, чтобы Красовскій былъ отставленъ отъ службы и ни куда не опредѣляемъ; а какъ у него ни какого движимаго, и ни недвижимаго имущества не оказалось, то аудиторіатъ полагалъ всю ту сумму взыскать съ Погодина потому уваженію, что онъ избралъ этого чиновника для операціи, представилъ его какъ опытнаго и благонадежнаго для ея исполненія и не только, по обязанности начальника, не слѣдилъ за его дѣйствіями, но даже на многія его важныя представленія не давалъ ни какихъ разрѣшеній. Въ такомъ видѣ составленный въ аудиторіатѣ докладъ былъ представленъ старикашкою генераль-аудиторомъ. Паскевичъ взбѣлился, пришелъ въ неописанную ярость (въ *энтузіазмъ*, какъ выразился генер. аудиторъ), швырнулъ законнику докладъ въ лицо и закричалъ: „противу Погодина въ аудиторіатѣ интригуютъ (это сказано на мой счетъ), что онъ честнѣйшій (это уже вздоръ) и способнѣйшій чиновникъ; что Красовскій насъ подкупилъ (и это вздоръ) что, какъ у васъ руки не отсохли, подписывая докладъ; что мы всѣ бѣлены обѣлись; что слѣдовало прежде рѣшенія спросить мнѣнія его, фельдмаршала; что онъ теперь не знаетъ какъ оправдать Погодина и, наконецъ, приказалъ докладъ передѣлать и отнюдь ни кому не говорить, что этотъ докладъ былъ представляемъ его свѣтлости.—Ну, и началась передѣлка этого злополучнаго дѣла, продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ; эту передѣлку поручено произвести искусному архитектору, помощнику генераль-аудитора Вѣляеву; докладъ ходилъ по поручкамъ то къ дежурному генералу, то къ самому Погодину и все это происходило подъ покровомъ величайшей тайны и мы рѣшительно не знали, что творится съ этимъ казуснымъ дѣломъ; узнали только тогда, когда поднесенъ былъ Вѣляевымъ для нашей подписи новый докладъ, выгородившій Погодина и обратившій тѣ 400 т. р. на счетъ казны; и мы съ покорностію и смиреніемъ подначальныхъ людей докладъ скрѣпили своимъ рукоприкладствомъ и творецъ доклада награжденъ за свое юридическое искусство 800 р. с. изъ экстраординарной суммы, а у Погодина и Красовскаго отъ хлѣбной операціи по русскому обычаю „рыльцо осталось въ пушку“.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи это проклятаго дѣла, гнѣвъ

на меня фельдмаршала еще не остылъ; такъ предсѣдатель постоянной слѣдственной комиссіи по политическимъ дѣламъ, тайный совѣтникъ Стороженко, подалъ ему докладную записку о назначеніи меня въ оную членомъ; прочитавъ ее, Паскевичъ сказалъ: „выберите другаго“, когда же Стороженко заикнулся было что то скааать, то его свѣтлость закрѣчалъ: „я вамъ говорю выберите другаго“!—Тѣмъ дѣло и кончилось, и я, чрезъ отказъ фельдмаршала, лишился 300 р. с. должности члена присвоенныхъ.

Въ Іюнь изъ заграницы въ Петербургъ чрезъ Варшаву проѣзжалъ принцъ Гессенъ—Кассельскій, юный женихъ юной невѣсты вел. княжны Александры Николаевны.—Фельдмаршалъ показывалъ этому, едва вступившему въ совершеннолѣтіе, нѣмчурѣ Александровскую Цитадель и угостилъ его любимымъ своимъ блюдомъ, подъ видомъ двухъ конномусульманскихъ сотенъ.—Чрезъ полтора мѣсяца, проѣздомъ изъ заграницы, остановился въ Варшавѣ полуполякъ и полунѣмецъ, владѣтель несмѣтныхъ богатствъ, оберъ-шенкъ графъ Враницкій и 15 Августа ночью, послѣ объяденія и излишней выпивки у кого то на обѣдѣ, скоропостижно скончался.

8 Сентября въ 4 часа полудня Государь Императоръ изволилъ прибыть изъ Берлина отъ Августѣйшаго своего тестя въ Варшаву и вечеромъ получилъ изъ Петербурга телеграмму (замѣчу въ скобкахъ шедшую 14 часовъ) о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени цесаревны сыномъ. Его Величество, въ ознаменованіе столь радостнаго для него событія, принесшему телеграмму полковнику Геллерту пожаловалъ перстень и произвелъ въ генералы 50 полковниковъ; Паскевича освободилъ отъ уплаты въ Польскій банкъ 180 т. р. с., взятыхъ имъ заимообразно для покупки Гомельскаго имѣнія, повелѣвъ эту сумму внести въ банкъ изъ казны Царства; сверхъ того, попредставленію фельдмаршала, Императоръ пожаловалъ кн. Горчакову 15 т. р. с., Стороженкѣ 6 т. и секретарю Паскевича Очъкину 3 т. р. с.—По случаю-же крещенія новорожденнаго, названнаго Николаемъ, 10 Октября произведено въ полные генералы 32, въ генер. лейт. 16 и въ генер. маіоры 26. И гдѣ же теперь этотъ новорожденный, достигшій 21½ лѣтъ, Цесаревичъ и Наслѣдникъ престола? Увы!—въ могилѣ, скончавшись въ Ниццѣ 12 Апрѣля 1865 года!

Въ этотъ свой пріѣздъ Императоръ на смотрахъ и ученьяхъ войскъ былъ крайне снисходителенъ къ промахамъ и ошибкамъ и ни кому не изъявилъ неудовольствія и никого не оскорбилъ и не унижилъ словомъ, какъ за частую бывало прежде. Эту кротость Давида одни относили къ умягченію сердца Царя отъ дарованнаго ему Богомъ вну-

ка, — другіе же говорили, что отъ замѣчанія великаго кн. Михаила Павловича, сдѣланнаго Августѣйшему своему брату о томъ, что всѣ оказываемыя имъ неудовольствія, замѣчанія и выговоры живо принимаются фельдмаршаломъ и вліяютъ на его здоровье. — Я полагаю ни то, ни другое, — а одна только случайность; вѣдь не удержался же Императоръ выставить и указать Паскевичу всѣ неисправности и безпорядки, замѣченныя имъ при осмотрѣ въ это же время Новогеоргиевской кр., откуда свѣтлѣйшій возвратился развирѣпѣлымъ, *аки левъ, искій кого поглотити*.

По прибытіи Государя Императора въ Варшаву между военными распространился говоръ о томъ, что, проѣзжая ночью чрезъ Познань, сдѣланы были по одному изъ экипажей два пистолѣтные выстрѣла. къ счастью не по той коляскѣ, въ которой находился Его Величество, а по другой, въ которой сидѣлъ правитель походной канцеляріи; одинъ изъ выстрѣловъ, пробилъ коляску и пуля пролетала мимо самаго правителя, не задѣвъ его. Потомъ разсказывали, что по приказанію Императора объѣтомъ злодѣйскомъ происшествіи, видимо послѣгавшемъ на жизнь Царя, Паскевичъ сообщилъ намѣстнику Познанскаго княжества, который отвѣчалъ, что о томъ въ Познани ничего неизвѣстно. Вся эта исторія была сопровождаема таинственностію и нельзя ни утверждать, ни отрицать разсказывавшагося происшествія; достоверно только то, что въ первыхъ числахъ Октября, былъ посланъ въ Познань знаменитый сыщикъ, жандармскій полковникъ Абрамовичъ.

25 Октября скончался генераль-аудиторъ арміи Григорьевъ отъ легочной чахотки; за 8 дней до своей смерти онъ мнѣ сказалъ: „по-слѣдніе два года уходили меня; накажи Николай Угодникъ моихъ „гонителей“! и перекрестился. — Тогда же пользовавшій его докторъ мнѣ объявилъ, что болѣзнь его быстро развилась въ недавнемъ только времени отъ какого то огорченія. А какъ Григорьевъ пригласилъ доктора для своего лѣченія вскорѣ послѣ доклада дѣла фельдмаршалу о Красовскомъ и Погодинѣ, то безъсомнѣнія произнесенная при семъ слѣдствіи его свѣтлостію ругань и была причиною быстрого развитія болѣзни и ускорила его смерть. — При отпѣваніи тѣла въ соборѣ присутствовали оба его гонителя: Паскевичъ и Викинскій. Опись имуществу, остававшемуся послѣ покойнаго, производилъ я, сообщая съ гражданскимъ чиновникомъ Андреевымъ; оказалось денегъ наличныхъ и въ государственныхъ бумагахъ 19 т. р. с. между тѣмъ доведено было до свѣдѣнія фельдмаршала, что будто бы покойникъ оставилъ 120 т. р. с. Нѣсколько дьячковъ и пономарей въ лаптяхъ, назвавшихся родственниками умершаго изъ Смоленской губерніи, явились за наслѣдствомъ, но никто изъ нихъ ничего не получилъ, а все отправлено было въ Смоленское Губернское Правленіе.

Чета Горчаковыхъ задумала 18 Ноября задать блестящій вечеръ

съ танцами и ужиномъ и, какъ квартира ихъ для сего неудобна была и мала, то выпросили у фельдмаршала для этого вечера Бельведерскій дворецъ. Наняты повара, закуплены припасы и разосланы билеты пригласительные, въ томъ числѣ и я съ женою получилъ билетъ; удостоившіеся приглашенія спѣшили отозваться, что они будутъ имѣть честь явиться на званнй пиръ; одна лишь графиня Стасева Потоцкая извѣстила, что она не можетъ воспользоваться приглашеніемъ потому что этотъ день ея скорби и печали. Кн. Горчаковъ не обратилъ вниманія на этотъ отказъ, но супругу его онъ озадачилъ и при пособіи другихъ кумушекъ она узнала, что 18 Ноября 1830 года, былъ первый день революціи и умершленъ мужъ Потоцкой мятежниками. Сконфуженная княгиня передала это своему мужу, — мужъ фельдмаршалу, и послѣ обоюдныхъ разсужденій и боязни, какъ то взглянуть при Петербургскомъ дворѣ на назначенное для вечера число на канунѣ котораго сдѣлано было мятежниками вторженіе въ Бельведеръ съ оружіемъ въ рукахъ, съ цѣлію умертвить велик. князя цесаревича Константина, — рѣшили отказать вечеръ; что и было исполнено записками, подъ предлогомъ болѣзни княгини.

Разъ Варшавскій военный губернаторъ на выходѣ фельдмаршала доложилъ ему, что такой-то польскій графъ, испрашиваетъ аудіенціи. Свѣтлѣйшій, будучи не въ духѣ, отвѣчалъ: „развѣ вы не знаете, что въ Польшѣ нѣтъ графовъ? Только три графа, которымъ я испрошу, силъ утверженіе Императора въ этомъ достоинствѣ“. Потомъ, обратясь къ присутствовавшимъ, продолжалъ: „Это точно такъ, какъ за Кавказомъ князья, кто имѣетъ избу, окруженную плетнемъ, лошадь и корову, тотъ и называетъ себя княземъ, а ихъ то вовсе тамъ и нѣтъ. — Вотъ хоть я онъ (указавъ рукою на полковника Бебутова) называетъ себя княземъ, а онъ вовсе не князь; когда я былъ на Кавказѣ, то началъ ихъ перебирать; но послѣ меня Роденъ, по интригамъ и проискамъ, все передѣлалъ“.

Изъ всѣхъ житейскихъ скандаловъ совершившихся въ Варшавѣ въ продолженіи 1843 года, былъ канитальный, происшедшій съ авантюристкою Лола Монтесъ. Эта красивая испанка, танцовщица съ большими ступнями ногъ, проѣздомъ изъ Берлина въ Петербургъ, остановилась въ Варшавѣ и дирекціею театровъ была приглашена на нѣсколько представленій, съ платою за каждое по 50 чер. — Начальное столкновеніе заморской балерины было съ похотливымъ Сатрапомъ. — Послѣ перваго представленія онъ пригласилъ ее въ комнату, о бокъ своей

ложи; она явилась, и старый волокита, окруженный близкими къ нему военными лицами, подошелъ къ самому ея носу, осматрѣлъ съ головы до ногъ и сказалъ: „да она не дурна“! Гордая Андалузьянка, справедливо оскорбленная и осмотромъ, по выраженію ея, какъ будто лошади и словами, отвѣчала: „Князь, вы думаете, что новое мнѣ „сказали; ни сколько; я слышала уже это и въ Лондонѣ и „Берлинѣ“!—сдѣлала книксенъ и удалилась. Возвратился изъ за-границы директоръ театровъ, полковникъ Абрамовичъ и сталъ приди-раться къ Терпсихорѣ, арестовалъ слугу ея испанца за то, что тотъ не снялъ предъ нимъ шапки, и, наконецъ, отказалъ ей отъ театра подъ предлогомъ, что танцы ея монотонны и публика пресытилась. Она принесла жалобу, и фельдмаршалъ приказалъ додержать заключенныя съ нею условія. У донны были сторонники, въ главѣ которыхъ стояли банкиръ Штейнкелеръ и издатель газеты Лихновскій; на ея сторонѣ былъ также министръ статсъ-секретарь Туркулъ, записной поклонникъ прекраснаго пола.

Собираясь въ послѣдній разъ выступить на сцену, Лола получила анонимное извѣщеніе, что она будетъ освистана. — Неустрашимая испанка пренебрегла этимъ предостереженіемъ и едва начала танецъ, какъ раздались свистки; публика взволновалась; тогда Монтезь, прекративъ танецъ, послѣ глубокаго книксена, произнесла къ зрителямъ, что она не думаетъ, чтобы причиною сдѣланнаго ей оскорбленія была благо-родная публика, но оно произведено вотъ этимъ господиномъ, указавъ рукою на Абрамовича. При этой выходкѣ, зрители, по антипатіи къ Абрамовичу, захопалы, затопали и закричали: браво, браво, фора, фора!—Занавѣсъ опустился, раздались крики, вызывающіе Монтезь, но занавѣсъ не поднимался и Лола явилась передъ рампою, кланялась и вновь отпустила что то оскорбительное объ Абрамовичѣ,—и новыя оглушительныя рукоплесканія. При этомъ скандалъ не было въ театрѣ ни военнаго губернатора, ни оберъ-полицеймestера.

Посланная эстафета вызвала фельдмаршала изъ его Ивангородскаго имѣнія въ Варшаву; онъ началъ съ того, что разругалъ губернатора и по-лицеймestера за небитность ихъ въ театрѣ; Штейнкелера и Лихновскаго, какъ коноводовъ, запряталъ на гаубахту и приказалъ тотчасъ по-ставить къ дверямъ донны полицейскаго часоваго съ тѣмъ, чтобы онъ не выпускалъ ее изъ комнаты, и распорядиться о вывозѣ ея за границу.

Вооруженный часовой поставленъ. Когда разъ артистка хотѣла выдти изъ комнаты, онъ ее не выпустилъ и *втолкнулъ* назадъ; взбѣшенная терпсихора дала ему оплеуху и получила такую же сдачу; она выхватила изъ за пояса кинжалъ, а часовой выставилъ свою саблю, но до кровопролитія не дошло.—Потомъ въ тотъ же день будущая ноложница Баварскаго короля и пожалованная имъ графиня, съ жан-

дарскимъ майоромъ Распоповымъ выпрожена за границу, а на другой день появилась въ Варшавскомъ Курьерѣ слѣдующая обвинительная о Лолѣ Монтесъ, статья:

Л О Л А М О Н Т Е С Ъ .

„За нѣсколько предъ симъ временемъ, появилась въ Варшавѣ Лола Монтесъ, будто бы испанская танцовщица, предшествуемая не заслуженною репутаціею, которую разгласила извѣстная лживостію газета „(Дихновскаго), но вскорѣ обнаружилось, что написанное о ней мнѣніе „было вполнѣ ложное: ибо, не взирая на усилія нѣкоторыхъ протекторовъ, безпристрастная публика и истинные любители оцѣнили „ее сходно тому, чего она дѣйствительно стоитъ и выразили ей свое „неудовольствіе.—Безпокойная танцовщица, будучи симъ взбѣшена, „достуцила противу всякаго приличія, конечно въ той увѣренности, „что за подобныя проступки бывъ не наказана за границею, надѣялась „и здѣсь такъ же, что ей будетъ все позволено и потому стала „дѣйствовать какъ безумная; однако же окончаніе этой новой импровизованной комедіи не было выгодно для актрисы ибо, когда она „своею запальчивостію дошла до того, что дерзнула ударить бывшаго „на службѣ полицейскаго служителя, то сей послѣдній способомъ весьма „неделикатнымъ, сильною рукою отплатилъ ей тѣмъ же и заставилъ „ее быть осторожнѣе въ своихъ поступкахъ, а высшее начальство вынуждено было приказать подъ конвоемъ выпроводить ее изъ Варшавы, „съ воспрещеніемъ никогда сюда не возвращаться“.

По окончаніи этого скандальнаго происшествія, въ польской публикѣ появилась карикатура или картинка, въ которой Лола, колѣнопреклоненная предъ распятіемъ, обхватила подножіе креста, Абрамовичъ съ жандармами отталкиваетъ ее отъ креста, а Паскевичъ побуждаетъ ихъ къ тому.

1844 годъ.

Первый день новаго года начался идолопоклонствомъ фельдмаршалу Паскевичу, присутствіемъ при богослуженіи въ православномъ соборѣ и несноснѣйшимъ пляшемъ по домамъ для глушѣйшихъ поздравленій, и кончился даннымъ его свѣтлостію на славу костюмированнымъ баломъ и ужиномъ. Старикъ любилъ повеселиться, особенно когда была въ отсутствіи его мучительница, неизлѣчимо-ревнивая супруга. Такъ 25 Января въ Лазенковскомъ дворцѣ задалъ завтракъ, потомъ обѣдъ

и до 12 часовъ ночи плясали до упаду. Онъ тогда ухаживалъ за знаменитою балериною Таліони; а чрезъ 10 дней, именно—5 Февраля, въ субботу на масляницѣ у себя въ королевскомъ дворцѣ, сочинилъ маскарадъ, на которомъ дозволено быть и подругамъ холостяковъ; явились въ костюмахъ и театральные лицедеи, разыграли какой то смѣшной фарсъ, пѣли и плясали; архистратигъ былъ въ наилучшемъ расположеніи духа и полонъ восторга; одні только чопорныя, великосвѣтскія матроны находили все это *кабацкимъ увеселѣмъ* и сильно осуждали, что театральной труппѣ, для ея переодѣванья, указаны были комнаты отсутствовавшей княгини Паскевичъ.

При одномъ открытомъ въ Варшавѣ противу правительства заговорѣ, фельдмаршалъ сказалъ кн. Горчакову: „*надобно Царство Польское обрусить и стараться всѣ должности замѣщать русскими*“. Мысль благая,—но только она была у Паскевича на словахъ, а не на дѣлѣ.—Шиповъ, главный директоръ внутреннихъ дѣлъ, при вступленіи въ должность началъ было вводить русскій языкъ въ перепискѣ съ своими подчиненными по управленію, но Паскевичъ ему воспретилъ.

13 Апрѣля въ 5 часовъ утра изъ за границы изволилъ прибыть въ Варшаву цесаревичъ, Наслѣдникъ престола съ августѣйшею своею супругою и въ 2 часа по полудни выѣхалъ въ Петербургъ, послѣ напутственнаго молебна въ соборѣ, куда собралось множество почтенныхъ дамъ для лицезрѣнія ихъ высочествъ и гдѣ кн. Горчаковъ, принявъ на себя обязанность полицейскаго, усердно занимался устройствомъ порядка и не допускалъ этихъ любопытствовавшихъ дамъ, слишкомъ приближавшихся къ высокимъ путешественникамъ. Замѣчательно, что извѣстіе о проѣздѣ ихъ высочествъ фельдмаршалъ получилъ на канунъ вечеромъ, сидя за картами, бросивъ которыя на столъ, съ неудовольствіемъ сказалъ: „*какъ скучны эти проѣзды, встрѣчи и проводы!*“

21 Мая былъ день для меня счастливый; при общемъ представленіи къ фельдмаршалу, по случаю возвращенія его изъ Петербурга, онъ милостиво кивнулъ мнѣ головою, кн. Горчаковъ интересовался о моемъ здоровьѣ, а Викинскій по своему любезничалъ сомною; къ довершенію столь вожделенно-радостнаго для меня дня, Паскевичъ, увидѣвъ моего старшаго сына въ семействѣ Горчаковыхъ, удостоилъ потрепать его по щекѣ, сказавъ: „*прекрасный мальчикъ, весь въ мать!*“.

Въ Іюнѣ появилось на польскомъ языкѣ „*описаніе жизни и подвига*“ фельдмаршала Паскевича; авторъ его, неизвѣстный въ польской литературѣ, нѣкій Феликсъ Конверскій. Это твореніе написано стихами и прежде, чѣмъ предано печати, было въ рукописи посвящено, под-

несено и выслушано через переводчика фельдмаршалом, [который нашел эту поэму весьма дѣльною, дозволилъ посвятить себѣ, напечатать, наградилъ рифмоплета 75 р. с. и приказалъ Викинскому дать ему списокъ военнымъ лицамъ въ Варшавѣ; съ этимъ то спискомъ авторъ и таскался по квартирамъ для подписки на свое твореніе.

Эта новая телемахида или александриада, въ объемѣ 31 страницы, начинается съ самаго исхожденія Паскевича изъ утробы его матери, говоря, что онъ *узрѣлъ солнца свѣтъ* посреди Полтавы, переходитъ къ отроческимъ его лѣтамъ, увѣряя, что и тогда еще *Jvan mltody*, имѣлъ великую душу и сердце въ прекрасномъ тѣлѣ, обратилъ на себя взоры царя и при лицѣ его началъ службу; потомъ описываетъ подвиги и побѣды его надъ французами, турками и персіанами, покореніе крѣпостей, взятіе пушекъ, плѣнныхъ и пр. и пр. Словомъ весь его формуляръ и все въ стихахъ; умолчалъ однако же, вѣроятно изъ патріотизма, войну съ поляками и покореніе Варшавы.—Въ заключеніе пѣта просить принять отъ него хвалу, которую повторяютъ тѣни умершихъ Россіянъ, и молить, чтобы Отецъ Небесный продолжилъ его, Паскевича, жизнь, столь для поляковъ драгоценную.—По трудности составить формуляръ въ стихахъ и по изобилію разсыпанной лести, сбившейся на польскую подлость, жалкій писака скупо награждаетъ его свѣтлостію.

Въ Августѣ присланный изъ Петербурга къ фельдмаршалу съ бумагами фельдъегерь привезъ печальное извѣстіе о кончинѣ юной великой княгини Александры Николаевны, супруги вѣтренаго и разгульнаго принца Гессенъ-Кассельскаго. Безкрылый Меркурій, между прочимъ рассказывалъ, что усопшая, еще до замужества, была уже расположена къ чахоткѣ; что когда августѣйшій ея родитель потребовалъ категорическаго мнѣнія отъ ея доктора Рауха, можетъ ли она въ такомъ состояніи быть замужемъ, не опасаясь за ея жизнь?—Эскулапъ отвѣчалъ успокоительно, и тогда только она вступила въ бракъ. Потомъ ея высочество забеременила и получила внутренній—катаръ. Докторъ въ пользованіи ея ошибся и чахотка быстро и неудержимо развилась. Императоръ, вызванный изъ Лондона, найдя милую свою дочь въ безнадежномъ положеніи, въ отчаяніи воззвалъ къ доктору: „*отдай мнѣ соць мою!*“! Этотъ укоръ поразилъ доктора до того, что онъ упалъ въ обморокъ, получилъ горячку и постоянно бредилъ *Сибирью*. Справедливость разсказа фельдъегеря остается на его отвѣтственности.

10 Августа во вѣхъ православныхъ церквахъ въ Варшавѣ совершена была панихида по усопшей великой княгинѣ.—Подъ этимъ числомъ въ моемъ дневникѣ написаны мною слѣдующія строки:

„Разсказываютъ, какъ трогательна была великая княгиня предъ своею кончиною и съ какою скорбію разставался съ нею великій

„ей родитель. — За нѣсколько часовъ до кончины, этотъ прекрасный „ангелъ приказала подать себѣ портретъ императора, стала прощаться „съ нимъ, цѣловать его и требовала, чтобы положить его съ нею во „гробъ. — Императоръ все это видѣлъ и слышалъ, не будучи ею за- „мѣченъ, не былъ въ состояніи удержаться и зарыдалъ. — Могущест- „венный владыка и повелитель народа проливаетъ слезы надъ своимъ „дѣтищемъ, какъ простой смертный! Это растрогало бы самую за- „черствѣлую душу; я бы желалъ, чтобы при этой сценѣ были тѣ, ко- „торые называютъ его тираномъ и не вѣрятъ, чтобы онъ имѣлъ „сердце. Я люблю моего старшаго сына, но я охотно пожертвовалъ „бы имъ за жизнь юной великой княгини и чтобы избавить государя „отъ горя. При возгласеніи ей въ церкви *вѣчной памяти*, я не „въ силахъ былъ удержаться и самъ не знаю какъ заплакалъ; — „нашлись же люди, которые меня осмѣяли“.

Въ Петербургѣ напечатана была книга, подъ названіемъ: *Продѣлки на Кавказѣ*. — Неизвѣстный авторъ описываетъ въ ней безпорядки и частію злоупотребленія. — По выходѣ ея, вскорѣ она конфискована, но здѣшній книгопродавецъ Истоминонъ прежде конфискаціи успѣлъ получить 10 экземпляровъ и распродать. — Фельдмаршалъ читалъ ее и сказалъ, что не стоило книгу конфисковать. Прѣзжавшій чрезъ Варшаву тайный совѣтникъ Норовъ объявилъ, что книга написана *племянницею* Кавказскаго помѣщика Реброва, бывшаго тамъ у Ермолова директоромъ канцеляріи; что эта книга возбудила вниманіе и императора, который, прочитавъ ее, сказалъ военному министру Чернышеву: „мы ничего не знаемъ о Кавказѣ, а эта дама открываетъ намъ глаза“. Но всего замѣчательнѣе это то, что по одному экземпляру книги было препровождено отъ Чернышева Головину и Коцебу, къ лицамъ, въ книгѣ выставленнымъ.

Касательно моей личности въ этомъ 1844 году, произошли слѣдующія явленія:

1.

Умеръ директоръ Варшавской квартирной комиссіи, полковникъ Игнатьевъ. Фельдмаршалъ, обратившись къ кн. Горчакову сказалъ, что не знаетъ кого назначить на мѣсто умершаго. Князь отвѣчалъ, что просится туда жандармскій майоръ Пovalo-Швейковскій; на это его свѣтлость возразилъ: „онъ слишкомъ молодъ“ тогда князь предложилъ меня и на это получилъ отвѣтъ: „онъ тоже молодъ; туда надобно назначить кого нибудь изъ полковыхъ командировъ,

старика, для покоя“.—По докладѣ же, что Варшавскій военный губернаторъ проситъ назначить своего дежурнаго штабъ-офицера, полковника Бутенева, — Паскевичъ и на то не согласился, и, конецъ концовъ, по желанію Викинскаго назначилъ его креатуру, полков. Тихановскаго. Мнѣ крайне было досадно слышать о неумѣстномъ предложеніи Горчакова посвятить меня въ директоры квартирной комиссіи и я былъ доволенъ отказомъ его свѣтлости.

2.

Послѣ неудавшагося моего назначенія на службу къ ордынцамъ въ Сибирь, я уже и не помышлялъ объ этой ледяной и ссыльной сторонѣ и совершенно забылъ обѣщанія, данныя Бергомъ и Горчаковымъ, вникнуть меня туда на службу, — какъ вдругъ вполне неожиданно отъ генер. губернатора Западной Сибири князя Петра Дмитриевича Горчакова (роднаго брата Варшавскаго) изъ г. Омска получилъ собственноручное письмо слѣдующаго содержанія:

„Года два уже назадъ братъ мой просилъ меня при удобномъ случаѣ доставить вамъ губернаторскую должность подъ моимъ начальствомъ. Въ то время хотя и не имѣлось въ виду вакансіи по Западной Сибири, однако же, находясь въ Петербургѣ, упомянулъ я объ васъ мелькомъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, который не казался далекимъ васъ принять подъ свое начальство, но не иначе какъ съ тѣмъ, чтобы вы, по примѣру всѣхъ прочихъ, были причислены къ министерству на испытаніе.—По всѣмъ объ вашей службѣ свѣдѣніямъ, не сомнѣваюсь, чтобы вы не удовлетворили Льва Алексѣевича Перовскаго, и послѣ того не сдѣлались мнѣ добрымъ помощникомъ, по сему при переводѣ Тобольскаго губернатора Ладыженскаго къ другой должности, я поставляю себя за удовольствіе сообщить вамъ, что вѣроятно можете вы его замѣстить, если на условія, предлагаемыя Министромъ, согласны“.

„Въ семъ случаѣ напишите ему прямо отъ себя, съ согласія вашего начальства“ и приложите включаемое здѣсь отъ меня письмо: „Во всякомъ случаѣ прошу васъ объ отвѣтѣ, присовокупляя совѣтъ рѣшиться безъ промедленія по усмотрѣнію вашему“.

Не много надобно было думать объ отвѣтѣ; расчетъ былъ ясенъ; согласившись на предложеніе, я бы потерялъ здѣсь должность, хотя незавидную, но обезпечивавшую меня въ содержаніи; а Богу единому извѣстно, попалъ ли бы я еще въ губернаторы: такъ какъ эти мѣста въ Петербургѣ отдаются или лицамъ по протекціи, или своимъ департаментскимъ чиновникамъ; при томъ меня утрапала мысль, что

надобно *поправиться* министру, что было очень трудно съ прямымъ и независимымъ моимъ характеромъ и ухаживать за разными директорами и подобными имъ лицами. Къ тому же, по истинѣ сказать, я не вѣрилъ въ свои способности исправно и съ честію занимать столь, по мнѣнію моему, важную должность, безъ знанія гражданскихъ законовъ и безъ опытности. — Я убѣжденъ, что правительство поступаетъ не практично и вредно для благосостоянія страны, назначая губернаторами военныхъ лицъ, упражнявшихся во всю жизнь до того солдатскою муштрою.

Итакъ, я отъ предложенія рѣшился отказаться; письмо Сибирскаго князя Горчакова было отъ 1 Сентября получено мною 4 Октября, а 5 Октября я послалъ къ нему слѣдующій мой отвѣтъ:

„Благосклонное письмо Вашего Сіятельства отъ 1 Сентября, я имѣлъ честь получить только 4-го Октября“.

„Приношу живѣйшую и совершенную признательность мою за милостивое вниманіе Ваше; но я поступилъ бы опрометчиво и противу собственнаго моего убѣжденія, если бы, воспользовавшись Вашимъ лестнымъ предложеніемъ, дерзнулъ искать мѣста гражданскаго губернатора: ибо, не чувствую въ себѣ призванія къ сей должности, требующей нарочитыхъ достоинствъ и свѣтскаго образованія, и не будучи родомъ прежнихъ моихъ занятій къ тому приспособленъ, я не могъ бы вполне оправдать ни вашего ожиданія, ни представительства обо мнѣ у Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Къ тому же я не имѣю такого достатка, чтобы, лишившись здѣсь настоящаго содержанія въ ожиданіи лучшаго, могъ два или три года пробывать въ Петербургѣ на испытаніи, какъ это нерѣдко случается съ испытываемыми, и оно можетъ стать кончилось бы еще и неудачею, весьма возможнаго и обыкновеннаго для людей подобныхъ мнѣ безъ имени, значенія и особеннаго покровительства, и тогда эта неудача была бы истиннымъ бѣдствіемъ для всего моего семейства, а меня покрыла-бы стыдомъ“.

„Простите Ваше Сіятельство откровенности моего объясненія; представляемая мною причины мнѣ кажутся весьма уважительными для того, чтобы оправдать меня предъ вами въ несогласіи моемъ принять благосклонное Ваше предложеніе и не уронить себя въ высокомъ вашемъ мнѣніи. — Во всякомъ случаѣ, я бы счелъ величайшимъ счастьемъ служить подъ милостивымъ начальствомъ Вашимъ, оставаясь при военномъ мундирѣ, и, смѣю увѣрить, оправдалъ бы представительство вашего брата князя Михаила Дмитріевича, при лицѣ котораго я служилъ около 16 лѣтъ, усердно, безукоризненно и съ полною къ Его особѣ преданностію“.

„Письмо къ г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ при семъ имѣю честь „представитьъ обратно“.

Содержаніе письма ко мнѣ Сибирскаго князя и мой отвѣтъ къ нему Варшавскій князь Горчаковъ узналъ отъ жены моей, сказавъ, что я поступилъ благоразумно, отказавшись отъ губернаторства.—6-го Октября вечеромъ, заѣхавъ за дочерью, бывшею у жены моей, князь засталъ меня нѣсколько нездоровымъ и обложившимся многотомнымъ военно-суднымъ дѣломъ о Фелькерзамѣ, которое я разсматривалъ.— Спросивъ о моемъ здоровьѣ, онъ потребовалъ письмо своего брата, которое я и прочиталъ ему, вмѣстѣ съ моимъ отвѣтомъ, и на словахъ объяснилъ всѣ невыгоды и неудобства, кои я долженъ встрѣтить, отправившись въ Петербургъ *на испытаніе*; онъ согласился со мною, сказалъ, что самъ напишетъ о томъ брату. Я поблагодарилъ за участіе, но просилъ не беспокоить болѣе брата обо мнѣ; а на вопросъ его почему? я отвѣчалъ, что мнѣ до *полнаго пенсіона* остается служить съ небольшимъ три года и это время я хочу оставаться въ Варшавѣ и не забиваться въ Сибирь.—Я далъ ему понять, не говоря прямо, что послѣ трехъ лѣтъ, я намѣренъ оставить службу.—Онъ спросилъ, какой будетъ назначенъ мнѣ пенсіонъ и услышавъ что 2 т. руб. ас. сталъ высчитывать все, что я въ отставкѣ могу получать, насчиталъ до 7 т. р. ас. и объявилъ, что все это мало; потомъ спросилъ: гдѣ я намѣренъ поселиться? совѣтую основаться въ Харьковѣ, гдѣ есть и университетъ; потомъ предлагалъ помѣститъ дѣтей въ кадетскій корпусъ, но я на послѣднее не согласился, отвѣчая, что въ кадетскихъ корпусахъ хорошаго образованія не даютъ; а на замѣчаніе его, что въ пажескомъ корпусѣ воспитываютъ отлично, я возразилъ, что туда и генераль-маіорскихъ дѣтей не принимаютъ; что для князя было новостію, хотя положеніе о томъ давно уже существуетъ.—Наконецъ онъ сквозь зубы процѣдилъ замѣчаніе, *что я, точно, несчастливо служу, но что впрочемъ въ три года можетъ положеніе мое перемѣниться*.—Князь разстался со мною въ самомъ лучшемъ расположеніи, повторивъ вновь, что отказъ мой его брату былъ основателенъ, и онъ самъ ему о томъ напишетъ.

Послѣ этой конференціи, 8 Октября неожиданно опять явился Горчаковъ ко мнѣ съ письмомъ въ рубѣ, только что имъ полученнымъ отъ своего брата изъ Сибири.—По обыкновенію онъ началъ читать скоро и невнятно; я могъ только уразумѣть, что князь Петръ пишетъ къ своему брату, что послѣ отправленія своего письма ко мнѣ, онъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ вопросъ: не имѣетъ ли онъ кого въ виду въ Тобольскіе губернаторы? Потомъ князь Петръ пишетъ, что онъ ко мнѣ о томъ писалъ, но не получилъ отвѣта; что надобно только предварительно подвергнуться *короткому* испытанію въ Петербургѣ и, наконецъ, что въ Тобольскѣ для губернатора есть

хорошій домъ и губернаторъ получаетъ содержанія 12 тыс. руб. ас. По окончаніи чтенія письма, князь спросилъ: на что я рѣшаюсь? Я отвѣчалъ, что, разъ отказавшись, и теперь отказываюсь, тѣмъ болѣе, что надобно ѣхать въ Петербургъ на какое то *испытаніе*, хотя бы и *короткое* и переѣздить мундиръ военный на статскій.—Онъ опять спросилъ: даже и *безъ испытанія*, я не хочу быть губернаторомъ? я отвѣчалъ даже и безъ испытанія не хочу. „Ну, въ такомъ случаѣ, я напишу о томъ брату“, сказалъ князь Горчаковъ,—и ушелъ. Тѣмъ и кончилась моя исторія съ губернаторствомъ и я нисколько о томъ не сожалѣлъ.

1845 годъ.

Въ день новаго года, на выходѣ официальномъ у фельдмаршала Паскевича, князь Горчаковъ, проходя мимо меня и взявъ за руку сказалъ: „*придите ко мнѣ въ 6 час. вечера*“.—Я не зналъ повода къ такому приглашенію, но мнѣ тутъ же объяснилъ *по секрету* Безакъ (мой добрый товарищъ и будущій генераль-губернаторъ), что готовится предложеніе о занятіи открывшагося смертію полковника Канатова мѣста генераль-провіантмейстера арміи.—Потомъ того-же дня въ церкви у обѣдни сенаторъ Стороженко объявилъ мнѣ, что онъ два раза просилъ князя Горчакова о назначеніи меня помощникомъ къ нему въ слѣдственную политическую комиссію, и въ оба раза князь отвѣчалъ: „*подумаю*“.

Итакъ, въ назначенный часъ я явился къ Горчакову, который дѣйствительно предложилъ мнѣ должность генераль-провіантмейстера. Послѣ нѣкоторыхъ общихъ нашихъ разсужденій по сему предмету и моего объявленія, что генераль-индендантъ арміи Погодинъ, мой будущій начальникъ, непріязненно ко мнѣ расположенъ, что я едва ли уживусь съ нимъ по хищническимъ его свойствамъ и онъ, по своей силѣ у фельдмаршала, конечно загрязнить меня,—я заключилъ свое объясненіе тѣмъ, что предоставилъ волѣ начальства назначить или не назначить меня, показавъ при этомъ случаѣ желаніе мое не быть генераль-провіантмейстеромъ.—Потомъ Горчаковъ спросилъ меня, хочу ли я быть назначеннымъ въ помощники къ Стороженкѣ? Я отозвался утвердительно и просилъ, потому что получалъ-бы болѣе содержанія и имѣлъ бы надежду на другія награды.—Затѣмъ свиданіе наше кончилось и я не получилъ назначенія ни туда, ни сюда, т. е. ни въ генераль-провіантмейстеры, ни въ помощники.—Въ послѣдствіи я узналъ отъ Стороженки, что хотя Горчаковъ и согласился на назначеніе меня помощникомъ, но не хотѣлъ самъ лично докладывать о

томъ фельдмаршалу, безъ сомнѣнія потому, что я считался *своимъ* его сѣятельству и онъ опасался отказа, и потому, Горчаковъ предоставилъ самому Стороженкѣ испросить соизволенія его свѣтлости; однако же и Стороженко не смѣлъ воспользоваться дозволеніемъ Горчакова, такъ какъ еще прежде уже ему было отказано, а теперь и подавно боялся разгнѣвать Паскевича: ибо мѣсто помощника уже было занято дальнимъ родственникомъ его свѣтлости, слѣд. нельзя же было сказать ему, что вашъ родственникъ человекъ неспособный, дайте мнѣ на мѣсто его другого. --Надобно было имѣть много храбрости, чтобы такъ поступать, а Стороженко былъ человекъ гибкій и любилъ загребать жаръ чужими руками.

Если съ одной стороны я имѣлъ не удачу въ назначеніи вышеописанномъ, то съ другой стороны нѣсколько времени за тѣмъ, я былъ обрадованъ дѣломъ о моемъ производствѣ въ генералы, — дѣломъ начавшемся случайно и кончившемся счастливо по милости дежурнаго генерала Викинскаго. — Такъ оно произошло.

Въ главномъ штабѣ арміи обходимыхъ при производствѣ полковниковъ состояло три: исправляющій должность директора госпиталей *Ветревъ* и члены полеваго аудиторіата: я и товарищ мой *Левицкій* — *Леонтьевъ*. — Въ первыхъ мѣсяцахъ сего 1845 года инспекторскій департаментъ потребовалъ формулярные о службѣ этихъ лицъ списки; такъ же потребовалъ формуляръ и полковника *Шеншина*, состоявшаго на службѣ по Царству Польскому въ званіи директора горныхъ казенныхъ заводовъ. Никто не зналъ причины требованія формуляровъ. Разъ встрѣтился я съ Шеншинымъ и между разговорами упомянулъ и объ этихъ формулярахъ; онъ объявилъ, что получилъ изъ Петербурга письмо, предвѣрявшее его, что онъ можетъ быть будетъ переименованъ въ статскіе совѣтники, такъ какъ Императоръ предложилъ уменьшить число полковниковъ, переименовавъ ихъ въ гражданскіе чины; онъ еще добавилъ, что объ оставленіи его по прежнему полковникомъ начальникъ его главный директоръ финансовъ въ царствѣ, — Моравскій, вошелъ уже съ предоставленіемъ къ фельдмаршалу. Это свѣдѣніе меня озадачило; я вообразилъ, что и со мною тоже можетъ послѣдовать, т. е. переименуютъ въ гражданскій чинъ и причислятъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, не рассчитавъ и не сообразивъ, что моя должность чисто военная и правительству нѣтъ ни надобности, ни пользы переименовывать насъ и замѣнять другими. — Я тотчасъ слышанное мною передалъ товарищу моему Левицкому, пригласилъ его идти къ дежурному генералу и просить, чтобы насъ не переименовывали въ гражданскіе чины, а оставили въ нашихъ полковничьихъ, хоть и безъ производства. По настоянію моему онъ согласился сопутствовать мнѣ, боясь какъ чумы Викинскаго, приба-

вивъ, что это будетъ бесполезно. „*Попробуемъ*“ былъ мой отвѣтъ и мы отправились.

Викинскаго, къ счастію, нашли мы въ веселомъ расположеніи; я объяснилъ причину нашего прихода; онъ не вѣрилъ свѣдѣнію, сообщенному мнѣ Шеншинымъ, говорилъ, что это какое нибудь недоразумѣніе и наконецъ обѣщалъ обо всемъ этомъ доложить его свѣтлости. Уходя отъ Викинскаго, я въ шутку сказалъ ему: „*ваше превосходительство, вѣдь на нашихъ мѣстахъ по штату положено быть генералъ-майорамъ; право было бы не грѣшно, если бы и насъ быдняковъ произвели; насъ такъ давно уже обходятъ*“. Викинскій ничего на это не отвѣчалъ и мы удалились, вовсе не помышляя о производствѣ и не думая, чтобы послѣднія мои слова, мимоходомъ сказанныя, принесли намъ какую пользу. Но сверхъ ожиданія и чаянія, эти слова послужили въ нашу пользу и, по ихъ справедливости, обратили вниманіе Викинскаго. Онъ, какъ я узналъ послѣ отъ него самаго, сталъ представлять за насъ у фельдмаршала и добиваться *прямо* о производствѣ, присоединивъ къ намъ и Звѣрева. Свѣтлѣйшій долго не соглашался, но Викинскій не такой былъ человекъ, чтобы отказаться отъ того, чего онъ проситъ и желаетъ, и таки вымучилъ согласіе у Паскевича на представленіе о нашемъ производствѣ. Собственно во мнѣ приняла участіе и сама фельдмаршальша, отдавая своему супругу безтолковую записку, поданную ей отъ ея любимицы княгини Тенишевой;—но эта записка дошла до рукъ Паскевича въ то уже время, когда дѣло было кончено и онъ приказалъ Викинскому заготовить бумагу къ Военному Министру о нашемъ производствѣ.

Эта бумага состоялась 8 Августа за № 5269 и была слѣдующаго содержанія:

„Исправляющій должность директора госпиталей и члены полевого аудиторіата дѣйствующей арміи, полковники: Звѣревъ, Докудовскій и Левицкій—Леонтьевъ постоянно отличаются усердіемъ, точностію и дѣятельностію въ исполненіи своихъ обязанностей.—Они состоятъ въ этихъ чинахъ: первый—съ 25 Октября 1832 г., второй—съ 28 Ноября 1831 г. и послѣдній съ 28 Января 1833 года и обходятся въ производствѣ младшими ихъ полковниками: Звѣревъ съ 1841 г., Докудовскій 1840 и Левицкій съ 1843 г.

„Обращая вниманіе на долговременную службу этихъ штабъ-офицеровъ въ настоящихъ чинахъ и имѣя въ виду, что на мѣста, кои занимаютъ они по содержанію 1616 ст. IV и 144 ст. 11 томовъ свода военныхъ постановленій, опредѣляются въ генералы,—я приѣмлю честь просить покорнѣйше Ваше Сіятельство представить на Всемилостивѣйшее Государя Императора воззрѣніе похвальную ихъ службу и

„исходатайствовать Монаршее благосозволеніе на производство ихъ въ генераль-маіоры, съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ“.

Въ тотъ же день, когда была подписана эта бумага фельдмаршаломъ, благовѣстителемъ радостнаго сего событія былъ полковникъ князь Бебутовъ, встрѣтившій меня на улицѣ и возвращавшійся изъ главнаго дежурства, которое онъ ежедневно посѣщалъ за новостями; а, возвращаясь домой, я нашелъ о томъ же записку отъ старшаго адъютанта, подполковника Бегичева, въ отдѣленіи котораго производилось это дѣло.

Хотя формальное представленіе отъ фельдмаршала и сдѣлано, но изъ опасенія, чтобы оно не провалилось, или не было въ канцеляріи заброшено, или не послѣдовалъ отказъ, если докладъ Императору будетъ сдѣланъ съ какою либо закорючкою,—я послалъ письма въ Петербургъ къ генералу Бергу и командиру лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка генералу Липранди, прося ихъ объ участіи и чтобы они похлопотали о насъ, гдѣ будетъ слѣдовать.

Когда я услышалъ неблагопріятную выше описанную вѣсть отъ Шеншина, я передалъ ее женѣ моей, сказавъ, что вынужденъ буду проситься въ отставку, если только меня переименуютъ въ гражданскій чинъ. Жена моя весьма этимъ огорчилась и пересказала о томъ бывшей гувернанткѣ въ домѣ князя Горчакова, г-жѣ Инье, которая тотчасъ написала объ этомъ за границу къ княгинѣ Горчаковой и я отъ князя получилъ слѣдующаго содержанія письмо:

„Почтеннѣйшій Василій Абрамовичъ. Жена мое получила вчера письмо отъ г-жи Инье, которая пишетъ глухо и безтолково, что вы находитесь въ ожиданіи увольненія и необходимости оставить Варшаву. По старой дружбѣ нашей, я прошу васъ увѣдомить меня: что такое? Дѣйствительно ли вы въ какомъ-либо затруднительномъ положеніи, въ какомъ именно и нельзя ли какъ нибудь помочь дѣлу? Я пробуду здѣсь по меньшей мѣрѣ еще двѣ недѣли и такъ есть еще время получить здѣсь отъ васъ письмо, но надобно не отлагать его отправленія, потому что иногда почта ходитъ довольно долго“.

„Прощайте, съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ объясненія извѣстія г-жи Инье на вашъ счетъ, которое меня крѣпко огорчаетъ.—Я ни какъ не могу придумать, что могло бы дать поводъ къ оставленію вами настоящаго мѣста, иначе какъ съ переходомъ на другое болѣе вамъ выгодное“.

На это письмо я отвѣчалъ князю коротко, благодарилъ за участіе и увѣдомилъ, что по милости дежурнаго генерала, дѣло мое приняло хорошій оборотъ и я представленъ къ производству въ генералы.

Вскорѣ послѣ отправленія моего отвѣта князю, я получилъ отъ

Липранди изъ Петербурга письмо отъ 22 Августа слѣдующаго со- держанія:

„Церемонное письмо ваше я имѣлъ честь получить; сначала поду- „маль, что вы со мною шутите; съ старыми товарищами и въ осо- „бенности такими близкими, какъ мы были съ вами, тонъ этотъ не „къ лицу; но полно выговаривать, а приступимъ къ дѣлу“.

„По полученіи вашего письма, сейчасъ же приступилъ къ дѣлу и „вы очень кстати предупредили; докладъ уже сошелъ въ пользу вашу; „къ 6 Декабря ваше превосходительство наденете военный мундиръ и „останетесь на своемъ мѣстѣ; не пишу подробностей; по довольно „того, что исполнится по вашему желанію, но прошу васъ, чтобы сіе „оставалось между нами, до поры до времени“.

А отъ 23 Августа за № 6949 получена фельдмаршаломъ отъ Военнаго Министра такого рода бумага:

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу отношеніе „Вашей Свѣтлости отъ 8 сего Августа № 5269 Высочайше повелѣтъ „соизвоилъ: исправляющаго должность директора гошпиталей и чле- „новъ полеваго аудиторіата дѣйствующей арміи полковниковъ: Звѣ- „рева, Докудовскаго и Левицкаго—Леонтьева, *имѣть въ виду при „производствѣ полковниковъ въ генералъ-маіоры“*.

Генераль же Бергъ (нынѣшній фельдмаршалъ) не удостоилъ меня отвѣтомъ, но поручилъ графу Сакену передать мнѣ *по секрету*, что я буду произведенъ.

Тщетно сталъ бы я описывать мою радость; это было малодушіе, но я столько терпѣлъ! Къ 6 Декабря (ко дню тезоименитства Го- сударя Императора) готово было полное генеральское облаченіе, но въ этотъ день ни какого производства не было; не было такъ же про- изводства ни какого и на новый 1846 годъ; наконецъ въ день Пасхи, 7 Апрѣля, вышло производство и въ числѣ другихъ произ- ведены въ генералы Звѣревъ и я, а Левицкій, неизвѣстно почему, по прежнему обойденъ; онъ, а въ особенности жена его, взъялись на меня и приписывали обойденіе его моимъ интригамъ,—чего вовсе не было. Фельдмаршалъ повторилъ о Левицкомъ и чрезъ три мѣсяца и онъ сталъ генераломъ.—Такова исторія о моемъ производствѣ въ генераль-маіоры!

Въ числѣ чадъ нашего купленнаго повара находился 20-лѣтній сынъ его, отъявленный лѣвтъяй, грубіанъ, дерзкій до нестерпимости, особенно когда подѣ хмѣлькомъ и—записной неряха, онъ былъ грамотей и безъ моего вѣдома пользовался моими книгами, особенно пристрастенъ былъ къ стихотворству. Подѣ наитіемъ глупости онъ соестряцалъ въ родѣ поэмы, подѣ названіемъ: „Исторія военныхъ событій Кота Муровича съ мышами, составленная дѣйствительнымъ зрителемъ сихъ происшествій русскимъ простолюдиномъ самоучкою“.—Посвятилъ эту неизобразимо—безграмотную галиматью Гасударю Наслѣднику и отправилъ полновѣсную свою рукопись къ книгопродавцу Базунову для напечатанія, при столь же безграмотномъ и бессмысленномъ письмѣ. Объ этой продѣлкѣ я вовсе не зналъ до тѣхъ поръ, пока Базуновъ не переслалъ мнѣ эту эрунду. Въ первыхъ числахъ Іюля, этотъ негодный пята рѣшительно взбунтовался, надѣлалъ мнѣ и женѣ моей кучу дерзостей, и въ заключеніе объявилъ, что онъ нарочно служилъ худо, дабы быть отдану въ солдаты и дослужиться офицерскаго чина. Я согласился съ его желаніемъ и пока списывался съ житомирскимъ знакомымъ о приѣмѣ въ тамошнемъ рекрутскомъ присутствіи моего вѣителя, держалъ на гаупвахтѣ его изъ опасенія отъ него бѣды; но отецъ и мать горько возрыдали и самъ негодяй принесъ повинную съ обѣщаніемъ исправиться, и я эту неприятную исторію окончилъ по желанію сердобольныхъ его родителей, розочнымъ увѣщаніемъ, объявивъ, что при первой его пакости, забрею ему лобъ;—что и случилось спустя нѣсколько лѣтъ за тяжкія побои своей сестрѣ и за намѣреніе въ пьяномъ видѣ убить ее топоромъ.

Къ 1845 году должно отнести слѣдующее событіе: изъ Петербурга получено было частное свѣдѣніе изъ вѣрнаго источника, что князь Горчаковъ (Варшавскій) назначается главнокомандующимъ на Кавказъ на мѣсто генерала Головина. Князь такъ былъ увѣренъ въ этомъ назначеніи, что началъ заботливо собирать свѣдѣнія о Кавказѣ и предварительно распоряжаться о своемъ семействѣ, но ожиданіе не сбылось и туда назначенъ былъ графъ Воронцовъ. Разсказывали за достовѣрное, что будто-бы на вопросъ Императора, Паскевичъ отвѣчалъ, что состояніе здоровья Горчакова таково, что онъ не можетъ быть назначенъ на Кавказъ. Дѣйствительно, кн. Горчаковъ вообще былъ слабаго здоровья и по Кавказскому климату едва-ли могъ тамъ быть.

1846 годъ.

Итакъ, 7 Апрѣля, по милости Божіей и Царя и благодушію Ви-кинскаго, я былъ произведенъ въ генералы, превратился изъ куколки въ бабочку и сталъ рыцаремъ съ шлемомъ, съ бѣлою волосаюю гри-мою, съ шляпою съ бѣлыми перьями и съ бортфортами заколѣно; что, мимоходомъ сказать, не мало мнѣ стоило; но съ другой стороны, это повышеніе произвело въ моемъ матеріальномъ положеніи удрученіе: увеличилось жалованье, квартирныя деньги, отопленіе, освѣщеніе и провіантскія деньги на большее число деньщиковъ. До генеральства я занималъ квартиры по отводу отъ города; съ генеральствомъ, — мнѣ далеко выгоднѣе было получать деньги и я сталъ уже отъ себя на-нимать квартиры.

Съ начала этого года, въ г. Вильнѣ производилось слѣдствіе о пойманномъ прусскомъ подданномъ эмисарѣ Рерѣ и его соучастникахъ, намѣревавшихся произвести возмущеніе въ Литвѣ. Предполагалось, по окончаніи слѣдствія, всѣхъ виновныхъ предать военному суду и Воен-ный Министръ, по Высочайшему повелѣнію, отнесся къ фельдмаршалу о назначеніи въ тотъ судъ своего Презуса. На это Паскевичъ отъ 23 Іюля за № 26 отвѣчалъ слѣдующее.

„Во исполненіе Монаршей воли, объявленной вашимъ сіятельствомъ въ отношеніи № 87, я полагаю назначить Презусомъ военно-судной коммиссіи надъ эмисаромъ Реромъ и прикосновенными къ его дѣлу лицами, члена полевого аудиторіата арміи генераль-маіора Доку-довскаго, *извѣстнаго мнѣ по своей опытности и совершенной благонадежности*“.

Между тѣмъ въ полевомъ аудиторіатѣ накопилось огромное коли-чество нерѣшенныхъ судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ, по милости ко-поткости генераль-аудитора Бѣляева. Князь Горчаковъ предположилъ было учредить особую экспедицію для скорѣйшаго движенія и ихъ окончанія; но я иной далъ совѣтъ, именно тотъ, чтобы слѣдственные дѣла были поручены мнѣ съ тѣмъ, чтобы генераль-аудиторъ только подписывалъ доклады и я лично представлялъ бы ихъ фельдмаршалу, а генераль-аудиторъ занимался бы одними только судными дѣлами. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій этого главнаго законника и дежурнаго генерала, князь остался на моей сторонѣ, фельдмаршалъ согласился на мое предложеніе и приказалъ меня *благодарить за принятіе на себя работы* по дѣламъ слѣдственнымъ. Вслѣдъ за симъ фельдмар-шалъ отправился въ Петербургъ, а я усердно занялся рассмотрѣніемъ слѣдственныхъ дѣлъ и составленіемъ докладовъ.

По возвращеніи его свѣтлости, я началъ съ нимъ работу съ 8-го Сентября и кончилъ предъ Рождествомъ, спустивъ 180 дѣлъ. Я яв-

дѣлся къ нему два раза въ недѣлю и каждый разъ, уходя отъ него, удостоивался его благодарности. Ни какихъ непріятныхъ и оскорбительныхъ суспицій рѣшительно не было; онъ снисходительно выслушивалъ мои почтительныя возраженія; я не мучилъ его *чтеніемъ* докладовъ, а докладывалъ большею частію на словахъ и онъ вѣрилъ мнѣ; ему чрезвычайно было по душѣ, что я не задерживаю его и скоро оканчиваю свой докладъ. Правда, иногда онъ вспыхивалъ, но не на меня, а на виновныхъ офицеровъ; разъ матюкнулъ корпуснаго командира Ридигера; ругнулъ бывшаго корпуснаго командира барона Гейсмара, назвавъ его выходцемъ, но прибавилъ, что онъ храбрый генералъ; Новогеоргіевскаго коменданта генерала Федоренко назвалъ отрубкомъ съ присовокупленіемъ, что онъ ничего не дѣлаетъ, какъ только ѣсть галушки, и, обратившись къ стоявшему въ комнатѣ полковнику Тетереvникову, милостиво спросилъ: *ты подалъ галушки?* Полковаго командира генерала Мансурова назвалъ трижды дуракомъ, а жену его величайшею интриганкою. — Разъ фельдмаршалъ при одномъ докладѣ, желалъ предо мною блеснуть своимъ знаніемъ иностраннаго законовѣденія и толковалъ о судоустройствѣ, но ни онъ не понималъ предмета, ни я не могъ добраться толку въ его сужденіяхъ. — Разскажь о моей работѣ съ свѣтлѣйшимъ подробно изложенъ въ особомъ моемъ описаніи.

Замѣчательнаго въ этомъ году произошло въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, — это смерть бывшаго оберъ-шталмейстера Императорскаго двора графа Александра Потоцкаго, великолѣпныя его похороны и сужденія объ немъ. Этотъ вельможный панъ, обладатель извѣстнаго Виланова подъ Варшавою и другихъ многочисленныхъ мѣстностей и денежныхъ капиталовъ, скончавшійся въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, оставилъ по себѣ худую славу, какъ человекъ чрезвычайно скупой, разорявшій своихъ крестьянъ, полагавшій всю свою душонку въ накопленіи денегъ и въ отдачѣ ихъ въ ростъ за жидовскіе проценты. На гробѣ его въ костелѣ найдены были польскіе стихи, обрисовавшіе его характеръ и низкія свойства. Этотъ Потоцкій еще въ 1832 году *постыдно надулъ* правительство и Императоръ снисходительно поступилъ съ этимъ полякомъ, повелѣвъ только уволить его изъ службы. Поступокъ его изложенъ въ докладной запискѣ фельдмаршала Паскевича къ Государю 15 Августа того же 1832 года.

Д О К Л А Д Н А Я З А П И С К А .

„Министръ Двора Вашего Императорскаго Величества, Князь Волконскій, увѣдомляя меня о поданномъ прошеніи Оберъ-Шталмейстеромъ Графомъ Потоцкимъ объувольненіи его въ отпускъ за границу на 3 мѣсяца, объявилъ мнѣ, что послѣку онъ состоитъ Членомъ

„Верховнаго Уголовнаго Суда въ Варшавѣ надъ преступниками уч-
„режденнаго, то увольненіе его въ отпускъ по сей должности, Ваше
„Величество Всемилостивѣйше предоставляете моему усмотрѣнію“.

„На что имѣю счастье всеподданнѣйше донести, что Графъ Потоц-
„кій, первоначально объявивши согласіе быть членомъ онаго суда и
„получивши уже Высочайшее утвержденіе, въ послѣдствіи, подъпред-
„логомъ болѣзни, началъ отъ сего уклоняться. Когда же сыновья его,
„принимавшіе участіе въ мятежѣ и отправившіеся за границу послѣ
„пораженія мятежнической арміи, испрашивали Всемилостивѣйшаго
„прощенія, Оберъ-Шталмейстеръ Графъ Потоцкій снова общался при-
„сутствовать въ судѣ, въ надеждѣ симъ дѣйствіемъ обратить вниманіе на
„участъ дѣтей своихъ.—По объявленіи отъ меня, по власти мнѣ пре-
„доставленной, Высочайше дарованнаго сыновьямъ его прощенія, онъ по
„прежнему сталъ уклонятся отъ добровольно принятой имъ обязан-
„ности присутствовать въ упомянутомъ судѣ. Замѣтивъ сію двуличность
„Графа Потоцкаго, я объявлялъ ему, что послѣ оказанной ему ми-
„лости, ему слѣдовало бы поведеніемъ своимъ доказать, что онъ
„достоинъ и умѣетъ цѣнить таковое Монаршее снисхожденіе, какъ
„напротивъ того, поступки его обнаруживаютъ одну лишь его небла-
„годарность, и съ тѣмъ вмѣстѣ просилъ, если болѣзненное его со-
„стояніе дѣйствительно таково, что не позволяетъ присутствовать въ
„судѣ постоянно, то чтобы по крайней мѣрѣ былъ бы въ ономъ хотя
„только два раза, дабы симъ удостовѣрить, что если онъ проситъ
„увольненія отъ званія Члена Верховнаго Суда, то причиною сему бо-
„лѣзни, а не желаніе уклониться отъ обязанности добровольно имъ
„принятой для того, чтобы выиграть симъ во мнѣніи зловредныхъ и
„неблагодарныхъ людей, старающихся оуждать всѣ распоряженія
„законнаго правительства.—Графъ Потоцкій далъ мнѣ честное слово
„присутствовать два раза въ судѣ и я оставался совершенно увѣрен-
„нымъ въ исполненіи онаго“.

„Усмотрѣвъ нынѣ, что онъ вопреки данному имъ обѣщанію, осмѣ-
„лился утруждать Ваше Величество просьбою объ отпускѣ его за
„границу для излѣченія болѣзни, я имѣлъ справедливую причину
„заключить, что послѣ всего упомянутаго, онъ поступкомъ симъ до-
„казываетъ явное уклоненіе отъ присутствія въ судѣ, единственно для
„того, чтобы потворствовать мнѣнію зломыслящихъ своихъ соотечествен-
„никовъ; ибо если онъ можетъ предпринять путь за границу, то тѣмъ
„болѣе въ состояніи явиться два раза въ присутствіе суда“.

„Я остановилъ сіе дѣло, такъ какъ чрезъ нѣсколько дней надле-
„жало открыться Уголовному Суду, думая что Графъ Потоцкій не
„осмѣлится отказать отъ присутствія въ немъ по формальному при-
„глашенію.—Но когда Генеральъ Графъ Виттъ послалъ къ нему
„приглашеніе, то онъ отвѣчалъ: что здоровье его, по слабости коего

„двукратно уже былъ онъ принужденъ испрашивать увольненія отъ званія Члена Уголовнаго Суда,—не только не поправилось, но, на противъ того, нынѣ до такой степени разстроилось, что долженъ онъ прибѣгнуть, по совѣту врачей, къ постоянному лѣченію, и потому на засѣданіе Суда онъ прибыть не можетъ“.

„Я полагаю, что послѣ сего Графъ Потоцкій не только не имѣетъ права на списхожденіе въ отношеніи просьбы его объ отпускѣ, но своимъ недостойнымъ поведеніемъ, заслуживаетъ лишенія званія Оберъ-Шталмейстера; каковое мнѣніе мое и представляю на благоуваженіе Вашего Величества“.

Въ этомъ году Варшава имѣла счастье видѣть въ своихъ стѣнахъ два раза Императора, разъ Наслѣдника Престола, разъ великаго князя Михаила Павловича съ его супругою и двумя дочерьми.

Въ первый разъ его Величество прибылъ въ началѣ Мая.—Злонамѣренные ляхи распустили нелѣпый слухъ, что причина столь ранняго, никогда не бывалаго, пріѣзда царя была та, чтобы осмотрѣть войска прежде, чѣмъ наступитъ его кончина, которой онъ будто бы по предчувствію ожидалъ.—Императоръ такъ же посѣтилъ въ Пулавахъ Александринскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ послѣ побывки, прощаясь съ институтками, спросилъ: *„любите ли вы меня? Очень любимъ Ваше Величество“* закричали эти польскія цѣломудренности. *„Да, когда я здѣсь“*—отвѣчалъ онъ съ улыбкою,—и сказалъ правду.

Во второй разъ Государь останавливался въ Варшавѣ въ Сентябрѣ, прѣздомъ въ Италію къ августѣйшей своей супругѣ. Варшава давно не имѣла *настоящаго* военнаго генераль-губернатора, а только были переходные, временные, и на сей разъ исправлялъ эту должность сторонникъ фельдмаршала генер.-лейтен. Окуневъ. Свѣтлѣйшій просилъ о назначеніи Окунева губернаторомъ, но Императоръ не согласился и отвѣчалъ: *„нѣтъ, отецъ командиръ, у насъ съ тобою есть человекъ, который отлично намъ служить и объ немъ пора уже намъ подумать, побережь его и награди;—это князь Горчаковъ; я его назначаю Варшавскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ; во время твоихъ отлучекъ или отсутствія онъ будетъ предсѣдательствовать въ администраціонномъ совѣтѣ и управлять краемъ“*.—И точно, вскорѣ затѣмъ кн. Горчаковъ назначенъ губернаторомъ съ правомъ засѣдать въ администраціонномъ совѣтѣ и съ оставленіемъ при прежней должности начальника главнаго штаба арміи. Правда, почести и содержанія удвоилось, но удвоилось и работы и отвѣтственности.

Во время пребыванія здѣсь Цесаревича, 24 Ноября въ 12 часовъ назначено было представленіе къ нему; всѣ уже собрались, а Горчаковъ, который долженъ былъ имѣть списокъ представляющимся, еще не пріѣзжалъ и его свѣтлость просто на просто бѣсновался и крѣчалъ: *„гдѣ же Горчаковъ! что мнѣ дѣлать съ Горчаковымъ! Какъ я буду представлять на память; я многихъ совсѣмъ не знаю“*. Наконецъ явился и Горчаковъ и вмѣстѣ съ нимъ виновный въ опозданіи составленія списка Викинскій,—оба, особенно послѣдній, смущенные, и представленіе кончилось благополучно, и, какъ на зло Паскевичу, его высочество одному только Горчакову, подаль руку.

1847 годъ.

Началъ этотъ годъ я тѣмъ, что злою, дерзкою до нестерпимости, сварливую и никакими средствами неисправившуюся жену повара съ ея малолѣтнею дочерью—калѣкою на руку,—вынужденъ былъ разлучить отъ мужа и дѣтей и въ Январѣ мѣсяцѣ сослать—Рязанской губ. и уѣзда въ деревню къ моему брату. Потомъ я сталъ готовиться къ отъѣзду въ Вильно и устроить въ Варшавѣ свое хозяйство; занимавшаяся нами квартира оказалась неудобною и я нанялъ другую на улицѣ Дзикој въ огромномъ каменномъ домѣ достаточнаго еврея Блюмберга. Въ этомъ домѣ мы и до днесъ помѣщаемся, платя по 650 р. с. въ годъ. Наконецъ я получилъ предписаніе немедленно отправиться въ Вильно; прогоны отпущены; выдано такъ же пособіе фельдмаршаломъ 600 р., хотя кн. Горчаковъ просилъ только о 300 р. и я, взявъ съ собою полеваго аудиторіата оберъ-аудитора Матросова, въ качествѣ дѣлопроизводителя, въ своей коляскѣ на вольнонаемныхъ выѣхалъ изъ Варшавы 29 Іюня и прибылъ въ Вильно 6 Іюля, слѣдуя на Ковно и отъ сюда по самой той пустынной, малоѣздной дорогѣ, по которой въ Декабрѣ 1812 года бѣжали несчастные французы изъ Россіи.—Явившись въ Вильно къ тогдашнему военному губернатору Мирковичу (къ которому я и былъ командированъ) и квартировавшему тамъ корпусному командиру Купреянову, принявшимъ меня очень любезно, и сдѣлавъ визиты архіепископу (будущему митрополиту) Симашкѣ, гражданскому губернатору Вѣгичеву и супругѣ генерала Серпутовскаго,—я безъ потери времени занялся составленіемъ военнаго суда и разсмотрѣніемъ слѣдственнаго дѣла.—Слѣдствіе произведено было удовлетворительно и суду не представлялось обстоятельствъ, препятствовавшихъ къ скорому окончанію дѣла. Всѣхъ преданныхъ военному суду, кромѣ эмисара Рера, прусскаго сына мельника, было

14 лицъ разнаго званія и возраста.—Помню, при открытіи суда и введеніи подсудимыхъ въ засѣданіе, этотъ Реръ, научнаго образованія, агентъ извѣстнаго Мерославскаго, 26 лѣтъ, вздумалъ было переговариваться съ нѣкоторыми на пантоминахъ,—замѣтивъ это, я тотчасъ обратилъ его лицомъ въ уголь.—Мнѣ отдыху не давали, меня преслѣдовали просьбами объ этихъ несчастныхъ. Въ концѣ Августа дѣло судомъ кончено, представлено Мирковичу, а отъ него къ фельдмаршалу, и я 2 Сентября обратно, но уже на почтовыхъ, выѣхалъ изъ Вильны и прибылъ въ Варшаву 4 Сентября, привезя съ собою контрабанды: 300 сигаръ и курительнаго табаку: Жукова 7 и турецкаго 11 фунтовъ и всунувъ въ польской таможенѣ за пропускъ 4 р. с.

Какъ преступленія подсудимыхъ не были особенной важности и не имѣли никакихъ послѣдствій, то для смягченія виновнымъ наказаній, опредѣленныхъ судомъ на основаніи суровыхъ законовъ, я представилъ фельдмаршалу слѣдующаго содержанія записку:

„Дѣло объ эмисарѣ Рерѣ, по свойству своему и дѣйствіямъ замѣшанныхъ въ ономъ лицъ, отлично отъ всѣхъ политическихъ дѣлъ, возникшихъ съ 1833 года въ Царствѣ Польскомъ.—Сюда сперва были выброшены изъ Галиціи шайки съ мечемъ и ядомъ; онѣ нашли участіе во многихъ жителяхъ, которые помогали имъ и скрывали отъ преслѣдованія начальства.—Потомъ явились тайныя общества и заговоры въ разнообразныхъ видахъ, но съ одинаковою цѣлю испровергнуть правительство. И тѣ и другіе сильною волею и быстрыми, рѣшительными мѣрами царскаго намѣстника, свѣтлѣйшаго князя, были открыты, уничтожены.—Наконецъ въ началѣ 1846 года выступилъ на сцену Домбровскій, высланный Познанскими заговорщиками для произведенія открытаго мятежа.—Онъ набралъ шайку головорѣзовъ; часть ихъ напала на Седлецъ, другая съ ножомъ въ рукахъ, ожидала лишь сигнала, но Домбровскій бѣжалъ и шайка разсѣялась.—Иное случилось въ Литвѣ.—Явился человекъ безъ имени, низкаго происхожденія, сынъ мельника, родомъ нѣмецъ, съ замысломъ возжечь мятежъ; привлекъ къ себѣ весьма малое число, столь же безвѣстныхъ лицъ, которые однако же замысла его не раздѣляютъ, съ нимъ не соглашаются, и какъ началось, такъ и кончилось одними только разговорами, безъ всякихъ послѣдствій и безъ малѣйшихъ движеній въ пользу мятежа“.

Такъ совершилась первая моя командировка.

Ни одно событіе 1847 года не произвело въ Варшавѣ такихъ разныхъ толковъ и предположеній, замѣчательныхъ своею нелѣпостію, какъ открытіе званія предсѣдателя государственнаго совѣта смертію князя Васильчикова.—Вся сила состояла въ вопросѣ: кто будетъ удостоенъ сего званія? Одни всезнающіе политики обрекали на предсѣдательское

кресло Паскевича, котораго будто бы Императоръ желалъ давно имѣть около себя, — а намѣстничество упразднится и будетъ замѣнено генераль-губернаторомъ для всего царства, посвящая въ эту должность князя Гарчакова; другіе, допуская смѣну Паскевича, назначали намѣстникомъ великаго князя Михаила Павловича, супруга котораго яко бы сильно сего домогалась, желая царить въ царствѣ. Всѣ эти сумасбродные толки и предположенія исчезли, когда предсѣдателемъ государственнаго совѣта назначенъ былъ Новосельцевъ.

1848 ГОДА.

Назадъ тому года 2 или 3 Военное Министерство, подъ предлогомъ имѣть болѣе людей въ строю, въ своей мудрости воспретило генераламъ имѣть казенныхъ деньщиковъ, но предписало однакоже отпускать провіантъ или деньги за оный на то число деньщиковъ, какое определено штатами каждому генералу починамъ, напр. генераль-маіору на 6 чел. По встрѣтившимся затрудненіямъ имѣть въ Царствѣ Польскомъ русскую прислугу и по неблагонадежности польской, по представленію фельдмаршала Паскевича, разрѣшено генераламъ, по прежнему имѣть прислугу казенную не болѣе 3 чел., какого бы чина ни былъ генераль.

Этотъ высокосный годъ былъ годомъ народныхъ мятежей за границею. Находившійся въ Варшавѣ русскій элементъ на службѣ и внѣ службы ожидалъ отъ легкомысленныхъ поляковъ и здѣсь, если не возстанія, такъ покушенія къ оному; многія русскія семейства отправились въ Россію; семейство князя Горчакова тоже предполагало ѣхать въ Москву и княгиня склоняла и мою жену отправиться вмѣстѣ съ нею; но жена не согласилась и осталась со мною; на всякій однако же не предвидимый случай, напр. внезапно удаленія жены съ дѣтьми изъ Варшавы, при опасности въ ней оставаться, я изъ польскаго банка взялъ 2 т. руб. с. Въ этомъ банкѣ было у насъ до 18 т. р. с., но причинѣ той же тревоги, я старался перевести этотъ капиталъ въ Московскія учрежденія, но банкъ отказалъ по не имѣнію съ ними ни какихъ сношеній. Подвернулся генер. князь Тенишевъ съ кучею дробно капитальныхъ билетовъ московскаго опекунскаго совѣта, и мы помѣнялись своими билетами; сіятельный, по дружбѣ и близкому знакомству, при этой сдѣлкѣ слушилъ съ меня 1⁰/₀.

Вскорѣ появились въ Варшавѣ печатныя приглашенія къ полякамъ о возстаніи ко дню русскаго Христова Воскресенія и по христосованіи съ русскими *ножами*, вмѣсто красныхъ лицъ; это приглашеніе, какъ

и надобно было ожидать, соблазнило безумцевъ, составился заговоръ, который вскорѣ былъ открытъ и заговорщики арестованы и упрятаны въ цитадель подѣ слѣдствіе; это были люди изъ низкаго сословія, рассчитывавшіе на рабочихъ и бездомную сволочь. Къ этому же времени относятся и подметныя письма, предварявшія оберъ-полицеймейстера *Абрамовича*, начальника тайной полиціи графа *Грабовскаго* и бывшаго предѣдателя слѣдственной комиссіи *Стороженко*,—что они первые будутъ жертвами народной мести и повѣшены.

Всѣ эти безразсудныя продѣлки лишь болѣе раздражили и безъ того раздражительный характеръ фельдмаршала и онъ принялъ такія мѣры въ Варшавѣ и во всемъ царствѣ, что отсѣлъ всякое поползновеніе, всякое помышленіе поляковъ къ бунту и сохранилъ порядокъ и спокойствіе въ краѣ. Онъ даже отмѣнилъ *полночныя* собранія къ заутрени по костеламъ въ среду, четвергъ и пятницу на католической страстной недѣлѣ и назначилъ эти заутрени совершать въ тѣ дни *по полудни*,—и строптивое духовенство не смѣло противиться сему распоряженію и ображдался каноническими правилами.—Поляки были убѣждены, что при первомъ волненіи Варшава будетъ бомбардирована, разрушена и сожжена и страшились никогда небывалыхъ минъ, сподведенныхъ подѣ городъ.

При одной крутой мѣрѣ, клонившейся къ недопущенію безпорядковъ, будучи въ сильномъ возбужденномъ состояніи духа и негодуя за что-то на Москву, Паскевичъ произнесъ: „Москва говоритъ, что „я выскочка; она думаетъ, что у меня здѣсь“ (тыкнувъ пальцемъ въ голову) „ничего нѣтъ; такъ я докажу ей, что у этого выскочки есть умъ“!...

Къ эпохѣ возмущенія въ Пруссіи относится замѣчательное обстоятельство,—это полученная Паскевичемъ отъ Военнаго Министра копія для исполненія, съ собственноручной записки Императора слѣдующаго содержанія:

„Въ слѣдствіе полученнаго сего дня отъ Пруссакаго Короля письма, „исполнить“:

„2-й и 3-й пѣхотные корпуса поставить на военную ногу“.

Послѣ сего написано было еще 12-ть пунктовъ и въ концѣ добавлены слова: *прошу сего же вечера исполнить*“.—Предъ тѣмъ Императоромъ былъ посланъ въ Берлинъ генераль-адъютантъ Бергъ, который и находился при королѣ во время тамошняго народнаго возмущенія, заставившаго Прусскія войска, послѣ свалки, очистить Берлинъ, и Пруссакаго принца (нынѣшняго короля) бѣжать.—Безъ сомнѣнія тѣ два корпуса предназначались, въ силу злосчастнаго для Россіи *священнаго союза*, въ Пруссію для задушенія возстанія,—но позже,

въ 1849 году, они были посланы въ Австрію, насмѣявшуюся послѣ-
надъ нашимъ великодушіемъ.

Обращаюсь къ обыденнымъ нашимъ въ продолженіи сего года по-
чему либо замѣчательнымъ явленіямъ.

28 Января совершилось велик. кн. Михаилу Павловичу 50 лѣтъ; фельдмаршалъ еще 22 числа отправился въ Петербургъ для прине-
сенія поздравленія его высочеству, а здѣсь, въ церкви Александров-
ской цитадели, по Высочайшей волѣ, отпѣто было благодарственное
молебствіе. Военный же генераль-губернаторъ князь Горчаковъ, въ
честь великаго князя, какъ генераль-фельдцейхмстера, угостилъ обѣ-
домъ артиллерійскихъ генераловъ и полковниковъ.

Однажды, разбирая дѣло о подсудимомъ штабсъ-капитанѣ Скла-
ренкѣ, я нашелъ письмо къ нему его отца и рукописную молитву;
заботливый родитель совѣтуетъ своему блудному дѣтищу непременно
читать ее всѣдневно и носить на шеѣ, для избавленія себя отъ вра-
говъ, присовокупляя, что эта молитва списана съ той, которую носилъ
на шеѣ въ ладонѣ вмѣстѣ съ крестомъ знаменитый казачій атаманъ
графъ Платовъ. Эта курьезная молитва помѣщается здѣсь слово въ
слово:

„Есть море Океанъ; за тѣмъ моремъ Океаномъ стоятъ горы камен-
„ныя; среди тѣхъ горъ каменныхъ стоятъ Архангелъ Михаилъ и
„сохраняетъ ихъ и защищаетъ; сохрани меня раба Божія N аминь.
„Господи благослови; Кресту Твоему поклоняюсь, аминь.— Буди съ
„рабомъ Божиимъ N Божія милость. Стой стрѣла, не лети ко мнѣ
„рабу Божию N отъ начала вѣка и до сего дня, аминь. И запечатай
„Господи седьмью печатями и положи образъ на образъ, и выстрѣлы
„летающіе мимо меня летите.— Избави меня Господи отъ всякаго же-
„лѣза, булата и уклада, отъ камени, отъ мѣди разной и отъ турецкой
„пули, отъ молніеносной стрѣлы и отъ всякаго удара: русскаго, нѣ-
„мецкаго и татарскихъ луковъ и стрѣлъ; чтобы буйная моя голова
„съ плечъ не скатилась, огради ее Господи святымъ твоимъ крестомъ
„и свѣтлымъ мѣсяцемъ и сіяющимъ солнцемъ покрой меня своею чер-
„ною ризою, облачи бѣлою зарею, чтобы враги бѣлаго тѣла моего не
„окровавили и души моей не сгубили, а у супротивниковъ уста бы-
„не растворялись, кровью бы запекались именемъ Господнимъ, аминь.
„Пойду я рабъ Божій N въ зеленое рукомыло къ морю Океану, на
„морѣ на Океанѣ стоитъ престолъ, на престолѣ сидитъ желѣзный

„царь съ золотымъ костьюлемъ. — Я приду къ царю, помолюся ему и „и поклонюся, аминь“.

Въ Сентябрѣ ожидали Императора въ Варшаву. Поляки тѣшились надеждою, что его величество за то, что они оставались спокойными тогда, какъ за границую почти всюду были мятежи, — осыплетъ ихъ всёми благами и даже возвратитъ имъ конституцію 1815 года. — Но Императоръ не пріѣзжалъ, и неисправимые ляхи остались при своихъ мечтаніяхъ.

Самоубійство корпуснаго командира Герштейнцвейга вызвало въ кругу военныхъ истинное сожалѣніе; армія потеряла въ немъ способнаго и достойнаго генерала. Рассказывали, что онъ былъ посланъ съ отрядомъ на границу Молдавіи, по случаю происшедшихъ тамъ волненій, преступилъ данную ему инструкцію, самовольно занялъ Яссы и чрезъ то возбудилъ протесты Порты и другихъ державъ; будучи потребованъ къ отвѣту въ Петербургъ, онъ на одной почтовой станціи застрѣлился. — Замѣчательно, что и сынъ его Варшавскій военный-губернаторъ, въ 1861 году, тоже застрѣлился, но по другимъ уже побужденіямъ, чѣмъ его отецъ.

Въ этомъ году Варшавская православная паства лишилась своего ученаго и доступнаго архіепископа *Никанора*, отпустивъ его на Петербургскій митрополичій престолъ. Онъ столь былъ уважаемъ, что даже католическое духовенство, этому, высокому схизматику, при отъѣздѣ, задало прощальный обѣдъ.

1849 годъ.

Первый день новаго года, по заведенному порядку, начался идолопоклонствомъ начальству и разъѣздами и пѣшехожденіемъ по домамъ съ поздравленіемъ и пожеланіями, а кончился баломъ у фельдмаршала. Въ этотъ же первый день прибылъ въ Варшаву изъ Каменца православный архіепископъ Арсеній, переведенный на здѣшнюю кафедру, и на другой день совершилъ богослуженіе. Съ сего же новаго года назначено производить денежную къ получавшемуся содержанію прибавку, которой на мою долю выпало 148 р. с. въ годъ (все лучше чѣмъ ничего!) и наконецъ, начались вечера съ танцами иужиномъ у Паскевича по воскресеньямъ, а у князя Горчакова, какъ губернатора, по четвергамъ. На эти послѣдніе по высокоумію княгини были приглашаемы болѣе штатскіе, чѣмъ военные, болѣе поляки, чѣмъ русскіе, что однако же вскорѣ княземъ прекращено и направлено на истинный путь.

Во имя бѣдственнаго для Россіи „Священнаго союза“ мы явились защитниками вѣроломной Австріи противъ народнаго движенія и начали съ того, что въ Трансильванію былъ посланъ съ полковникомъ Скарятиннымъ малочисленный отрядъ, который потерпѣлъ неудачу, будучи оставленъ Австрійскими войсками. Варшавскіе поляки радовались пораженію „москалей“, говоря, что 500 поляковъ Бема разбили въ трое болѣе по численности русскихъ. Прочіе корпуса начали уже двигаться на усмиреніе возставшихъ Мадьяръ. Большая часть военныхъ, даже высшихъ чиновъ, сильно осуждали наше вмѣшательство и отправлялись въ походъ крайне неохотно. Между тѣмъ изволилъ прибыть въ Варшаву и Государь Императоръ съ многочисленною свитою нужныхъ и ненужныхъ личностей, а 9 Мая явился буквально у стопъ Его Величества и Австрійскій кайзеръ-іезуитъ Францъ-Іосифъ, которому Императоръ Николай на другой же день представилъ войска, оставшіяся въ резервѣ. При салютѣ шпагою Австріаку Императоръ, замѣтивъ, что зрители стояли съ накрытыми головами, громко закричалъ: „шапки долой!“ и всѣ до одного мигомъ обнажили свои головы.

28 Мая выѣхалъ въ Венгерское мѣстечко Дукло къ войскамъ кн. Горчаковъ; мое прощанье съ нимъ было наидружественное; онъ нѣсколько разъ принимался обнимать меня и убѣдительно просилъ въ случаѣ его смерти не оставлять его семейства и помогать ему въ нуждахъ, говоря, *что онъ былъ отцомъ для моей жены.*

Прежде отъѣзда князя, по просьбѣ его, я построилъ ему парусинную теплую палатку, подбитую сукномъ, для будущей бивачной стоянки. Послѣ него и все его семейство отправилось въ Москву, оставивъ на моихъ рукахъ свое хозяйство и часть прислуги.

1-го Іюня въ 8 часовъ пополудни выѣхали въ тоже мѣстечко Дукло по чугункѣ Государь Императоръ, Вел. Князь Константинъ, состоявшій при фельдмаршалѣ, и самъ отецъ—командиръ, Паскевичъ. За два дня до отъѣзда выступили—жандармскій полкъ, составлявшій конвой Главной Квартиры, и гвардія Паскевича—линейный казачій полкъ. Императоръ при этомъ случаѣ зычнымъ голосомъ повелѣлъ *беречь фельдмаршала, какъ зеницу ока“.*

Въ Варшавѣ въ продолженіи Венгерской войны присутствовалъ Государь Императоръ. Всѣми войсками, здѣсь оставшимися, командовалъ генералъ Сиверсъ и Главный Штабъ раздѣленъ былъ на двѣ части: половина отправилась въ походъ, другая прозябала здѣсь съ дежурнымъ генераломъ Викинскимъ.

Я забылъ сказать, что предъ войною намъ отпустили не въ зачетъ годовое жалованье для покупки лошадей; въ томъ числѣ и я получилъ 838 руб. сер., не истративъ ни копѣйки и оставаясь дома, какъ и многіе другіе.

Полевой нашъ аудиторіатъ спокойно оставался въ Варшавѣ; одинъ

только генераль-аудиторъ пошелъ воевать съ мадьярами; доклады наши мы пересылали за границу и они возвращались въ аудиторіатъ уже подтвержденными. Между тѣмъ, мнѣ неожиданно навязали командировку по слѣдующему дѣлу: одна команда изъ разныхъ полковъ, составленная изъ выздоровѣвшихъ изъ госпиталей, лазаретовъ, изъ безсрочно — отпущенныхъ, возвратившихся изъ командировокъ, въ числѣ 500 человекъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ была отослана изъ г. Кельць на общій сборный пунктъ въ кр. Замосць, для обмундирования и вооруженія и дальнѣйшаго ея отправленія въ Австрію въ 3-й пѣхотный корпусъ. Вдругъ получено было донесеніе о происшедшихъ въ этой командѣ во время ея слѣдованія безпорядкахъ, обвиняя нѣкоторыя *полковыя команды съ бунтъ*, и при томъ представленъ списокъ *13 главныхъ бунтовщиковъ* Бунтъ — страшное преступленіе! Сиверсъ и Викинскій смутились и распорядились назначить двухъ генераловъ: одного — для слѣдствія, а другого — для суда надъ тѣми 13-ю. Тогда я шлъ минеральныя воды и изъ Красянскаго сада зашелъ къ Викинскому за новостями изъ заграницы. Онъ былъ уже закусивши и всунуль мнѣ то донесеніе, вошія гласомъ отчаянія: „*бѣда, бѣда!*“ какъ будто онъ былъ причиною случившагося и вся отвѣтственность надасть на него, а въ заключеніе рассказалъ и о командировкѣ двухъ генераловъ. Нелегкое дернуло меня замѣтить, что достаточно послать и одного генерала, который будетъ производить и судъ надъ 13-ю и слѣдствіе надъ прочими, съ тѣмъ, что если изъ послѣднихъ кто окажется виновнымъ, то и ихъ судить, не испрашивая особаго разрѣшенія. „*Прекрасно!*“ вскричалъ Викинскій, „*ну такъ ты поѣдетъ!*“ — И на другой же день я получилъ согласно сему отъ Сиверса предписаніе.

На сборы мало было употреблено времени; коляску оставилъ семейству, а купилъ мнѣ ѣхавшій со мною оберъ-аудиторъ Новевичъ старую разшатавшуюся плетеную чертопхайку съ клеенчатымъ верхомъ, и на вечеръ 6 Юня я отправился изъ Варшавы, а утромъ 8 прибылъ въ Замосць, гдѣ мнѣ приготовлена была уже и квартира. Ко мнѣ не замедлили явиться плацъ-маіоръ, члены военного суда и командиръ Замосцкаго гарнизоннаго баталіона полковникъ Кудешъ, хлѣбосоль и говорунъ: онъ взятъ былъ великимъ Суворовомъ при штурмѣ Праги мальчикомъ и опредѣленъ въ военную службу, потерявъ при страшной рѣзнѣ всѣхъ своихъ родныхъ. Кончивъ всѣ формальности явки и визитовъ, я занялся предварительнымъ собраніемъ свѣдѣній о случившемся происшествіи.

Оказалось, — бунта не было и дѣло состояло въ слѣдующемъ. Команда изъ Кельць отправлена была на кормовыхъ деньгахъ; въ первые два дня офицеръ, ведшій команду, кормовыя раздавалъ на руки, а на третій безъ уважительной причины денегъ не выдалъ, памѣреваясь отдать ихъ хозяевамъ, между тѣмъ эти хозяева или солдатъ не кор-

мили, или кормили, но худо, и сами даже не имѣли хлѣба. При выступленіи съ почлега многіе голодные солдаты просили у офицера хлѣба или денегъ для его покупки; другіе же, болѣе безпокойные, изъ безсрочно-отпускаемыхъ, отвыкшіе отъ дисциплины, и покричали, отказываясь идти. Офицеръ, малоспособный и совершенно не опытный, роздалъ солдатамъ по нѣсколько копѣекъ; они купили хлѣба, отправились въ путь и прибыли въ Замосць благополучно безъ всякаго скандала.

При окончаніи военнаго суда я неожиданно получилъ предписаніе, что Высочайше повелѣно дѣло кончить немедленно и представить на конфирмацію Его Величеству, за отсутствіемъ фельдмаршала. Я крѣпко призадумался, зная строгость Царя и боясь за излишнее снисхожденіе попасть въ бѣду и отвѣтственность. Не смотря однако же на то, призвавъ на помощь Господа Бога, я выгородилъ команды отъ обвиненія въ бунтѣ, а изъ числа 13 подсудимыхъ судъ 4 обвинилъ въ явномъ неповиновеніи, 6 въ разныхъ маловажныхъ проступкахъ и 3 остальныхъ оправдалъ,—и въ такомъ видѣ представилъ дѣло, которое, по счастливому задержанію въ аудиторіатѣ, дождалось возвращенія фельдмаршала, который и рѣшилъ наказать только первыхъ четырехъ и то не строго, а остальныхъ оставилъ безъ взысканія.

Кончивши дѣло, я съ своимъ безтолковымъ оберъ-аудиторомъ и на той же гремящей бричкѣ возвратился благополучно въ Варшаву 17 Юля.

Въ продолженіи моего 5 недѣльнаго пребыванія въ Замосць, къ моей радости, нежданно—негаданно посѣтила жена моя и съ дѣтьми и пробыла у меня четыре дня. У полковника Кулеша домашнее хозяйство было въ отличномъ порядкѣ, отъ ежедневнаго его обѣда я отказался, только по воскресеньямъ лакомился его обильнымъ столомъ, а старушка, жена его (гречанка), бывало каждый день присылала мнѣ чудесное сливочное масло и мягкія сдобныя бѣлыя булки въ такомъ изобиліи, что я этими припасами дѣлился съ генер.-лейтен. Бенковскимъ и флигель-адъютантомъ полковникомъ (нынѣ генер. адъют.) княземъ Урусовымъ. Въ то время комендантомъ крѣпости былъ генераль-майоръ графъ Оперманъ I, кроткая, болѣзненная и жившая уединенно личность; тамъ же я былъ свидѣтелемъ пышныхъ похоронъ 20-лѣтней дѣвушки, дочери суроваго, жестокаго къ солдатамъ и алчнаго къ незаконнымъ наживамъ дивизионнаго генерала К.

Въ Варшавѣ я засталъ Императора, только что возвратившагося изъ Петербурга. Въ числѣ новыхъ лицъ былъ и мой бывшій корпусной командиръ Ротъ, прибывшій изъ своего пожалованнаго ему имѣнія. Праздная орда, окружающая Царя, суетловила и цыганила дѣйствія Паскевича, обвиняя его въ пропускѣ 45 т. корпуса Гѣргея, котораго, по словамъ порицателей, онъ долженъ былъ бы проглотить

цѣликомъ. Такъ, при представленіи моемъ къ Роту, онъ, облобызавши меня, въ ту же минуту развернулъ карту и сталъ толковать и доказывать, какъ легко было фельдмаршалу разбить, уничтожить Гѣргея и проч. Особою запальчивостію въ порицаніи Паскевича отличался генераль-адъютантъ баронъ Дивенъ.— Выдавали за истину, что Императоръ, получивъ свѣдѣніе о проходѣ мадяровъ подъ носомъ фельдмаршала, будто бы сказалъ: „*Паскевичъ уже старъ*“.— Всѣ эти толки-силетки лицемѣрныя кумушки и вѣстовщицы передавали супругѣ его свѣтлости, которая, какъ говорили, приносила жалобу самой Царицѣ. Мы воили, голосили о нашей неудачѣ, а поляки радовались, торжествовали, но не долго; 5 Августа сынъ фельдмаршала привезъ извѣстное всеподданнѣйшее донесеніе, начинавшіеся словами: „*Венгрія у стопъ Вашего Величества*“! Т. е. въ сущности не Венгрія, а положившій безъ боя оружіе корпусъ Гѣргея и сдавшійся Русскимъ, а не Австрійцамъ. Рассказывали за достовѣрное, что Государь до того былъ обрадованъ этимъ донесеніемъ, что сталъ на колѣни предъ образомъ и возблагодарилъ Бога за окончаніе войны. Въ тотъ же день Его Величество отправилъ съ собственно-ручнымъ письмомъ Наслѣдника Престола къ Австрійскому Императору въ Вѣну, а 7 Августа на Повонзовскомъ полѣ, при сборѣ войскъ, совершенно было благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и провозглашеніемъ многолѣтня *высокоповелительному*, генер.-фельдмаршалу князю Варшавскому, гр. Паскевичу Эриванскому.

Такъ кончилась война наша съ Мадьярами, поглотившая милліоны денегъ, десятки тысячъ людей погибшихъ отъ болѣзней и холеры, и увеличившая повсюду народную къ намъ ненависть. Да за-то въ послѣдствіи во время Крымской войны и отблагодарило же насъ Австрійское Правительство! Государь Императоръ почтилъ Гѣргея названіемъ благороднѣйшаго человѣка, а Дяхи и Венгры — наименовали его подлецомъ и измѣнникомъ — Сдавшіеся войска мы, противу ихъ желанія, выдали головою Австрійцамъ на пропятіе свирѣпаго Гайнау, вопреки обѣщанію Габсбурга о помилованіи.

Воевода русскихъ силъ и въ мирное спокойное время, при случаяхъ, для него неприятныхъ, особенно при личныхъ противорѣчіяхъ, оказывалъ *самодурство*, а въ продолженіи Венгерской войны онъ просто напросто былъ ужасенъ въ своей раздражительности и почтенъ титуломъ б..... с..... Рассказывали объ немъ невѣроятныя вещи; такъ, наприм. генераль-адъютанта Андрепа схватилъ за грудь, но былъ оттолкнутъ; на генераль-провіантмейстера Затлера, послѣ площадныхъ ругательствъ, закричалъ: „*вонъ! я прикажу тебя повѣсить*“! На генерала Ридигера и князя Горчакова, замѣтившихъ, что противу Гѣргея надобно дѣйствовать рѣшительно, Паскевичъ обрушился всею тяжестію своей ярости, говоря, что они хотятъ получить Андреевскія

ленты, быть фельдмаршалами и тому подобныя любезности; особенно началъ на ближайшаго своего сотрудника Горчакова, и князь, выведенный изъ терпѣнія, вскричалъ: „17 лѣтъ я переношу оскорбленія, а теперь больше чѣмъ когда выбуду; не забудьте, ваша свѣтлость, „что я русскій дворянинъ и еще князь!“ — повернулся и вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Генераль — квартирмейстеръ Фрейтагъ, мой прежній товарищъ, рассказывалъ мнѣ, что при одномъ случаѣ Паскевича называлъ его *дуракомъ*; на вопросъ же мой, за что онъ получилъ Георгія 3 ст., Фрейтагъ мнѣ отвѣчалъ, что въ Венгерскую войну онъ ни чего такого не сдѣлалъ, за что бы имѣлъ право на почетный этотъ знакъ, и отказывался отъ него, но, по словамъ фельдмаршала, ему сказаннымъ, онъ получилъ за бывшіе *подвиги на Кавказѣ*, достойные сего ордена, къ коему гр. Воронцовъ долженъ былъ его тогда же представить, но не представилъ. — Нѣкоторые однако же полагаютъ, что бѣшеное раздраженіе Паскевича въ продолженіи съ Мадьярами войны происходило отъ лихорадки, которою онъ страдалъ.

12 Августа утромъ, на ученьѣ на Мокотовскомъ полѣ, Великому Князю Михаилу Павловичу сдѣлался апоплексическій ударъ; снявши его съ лошади, отвезли въ Бельведеръ, гдѣ онъ въ тотъ же день пріобщился св. тайнъ, а 28 числа скончался въ присутствіи Государа Императора, наслѣдника Престола, супруги усопшаго Вел. Кн. Елены Павловны и дочери ихъ Вел. Княжны Екатерины Михайловны. Вечеромъ того же числа Императоръ съ Наслѣдникомъ выѣхали въ Петербургъ, а чрезъ три дня и супруга вдова съ дочерью. Трогательно было прощаніе послѣднихъ съ покойнымъ: пойдя къ тѣлу (гробъ еще не былъ готовъ) онѣ опустились на колѣна и первая воздѣла руки и возвела глаза къ небу; потомъ приказала священнику лежавшимъ на груди усопшаго образомъ благословить Великую Княжну; послѣдняя бросилась на тѣло и покрыла его поцѣлуями: она два раза впадала въ обморокъ. Покойнику было 51 г. и 7 мѣсяцевъ. Послѣ оставленія Варшавы Августѣйшими Особами, прискорбно было русскому видѣть отсутствіе приличія съ останками Великаго Князя. Гробъ съ тѣломъ поставленъ былъ въ небольшой комнатѣ, въ которую надобно было пробираться чрезъ узкій корридоръ; она не была обита чернымъ сукномъ; въ передней, столь же малой комнатѣ, по стульямъ разбросаны были церковныя вещи, а на столикѣ, около часовъ, вращивались двѣ нагія фарфоровыя статуйки. Между тѣмъ въ томъ же Бельведерскомъ дворцѣ находились большія просторныя комнаты, въ которыхъ удобно и прилично бы было выставить тѣло, и куда мы, русскіе, могли бы приходиться поминаться за усопшаго и поклониться праху его! Мнѣ чрезвычайно было грустно видѣть это невниманіе къ опочившему: онъ скончался и все оставили его! Соборъ; куда

Гробъ съ подобающею церемонією былъ отвезенъ, то же не былъ обить сукномъ. Послѣ богослуженія, на нарочито построенной колесницѣ, тѣло было отправлено на почтовыхъ въ Петербургъ. Похоронами распоряжался состоявшій при Великомъ Князѣ генераль Илья Биби-ковъ. Въ процессіи я былъ ассистентомъ при орденахъ.

Ко времени пребыванія Австрійскаго Императора въ Варшавѣ от-носится слѣдующій анекдотъ. Разъ оба Императора были въ театрѣ; при антрактѣ Николай, вставая, уронилъ стулъ, Францъ-Иосифъ не допустилъ стулъ до пола и поднялъ его. При разсказѣ объ этомъ случаѣ кто то сказалъ, что если Николай поднимаетъ тронъ Австрій-скій, то Францъ очень можетъ поднять стулъ Николаю. Бывшая при этомъ разговорѣ 25 лѣтняя дочь фельдмаршала, дѣвица Анастасія, простушка, созданіе безразличное, на замѣчаніе о тронѣ съ наивностію сказала: *„nana поднимаетъ тронъ Австрійскій“*.

Съ возвращеніемъ корпуснаго командира графа Ридигера изъ Вен-грии, 26 Сентября я и товарищъ мой Левицкій—Леонтьевъ, какъ служившіе когда-то при его лицѣ, приносили поздравленіе; его сіятельство, подойдя, съ благосклонною улыбкою и гнусливымъ голосомъ промывчалъ: *„А! аудиторіантъ; вы отдохнули?“* и тѣмъ кончилось наше представленіе.

Непродолжительно однако же было мое отдохновеніе. 2. Ноября отъ начальника Главнаго Штаба кн. Горчакова я получилъ слѣдующаго содержанія предписаніе за № 3111:

„Виленскій военный, Гродненскій, Минскій и Ковенскій Генераль-Губернаторъ рапортомъ № 1873 донесъ Главнокомандующему Ар-мію, что по производимому въ Вильнѣ дѣлу объ открытомъ тамъ въ семь году мятежническомъ заговорѣ между дѣйствіями главныхъ заговорщиковъ и вовлеченныхъ ими въ заговоръ ремесленниковъ нѣтъ такой неразрывной связи, которая не позволяла бы обсудить окон-чательно вину однихъ; безъ обсуждения въ то же время преступленія другихъ, что посему онъ, Генераль Мирковичъ, предложилъ слѣд-ственной комиссіи отдѣлать отъ общаго слѣдственнаго дѣла произ-водство о лицахъ простаго званія, для преданія виновныхъ военному суду, и что, имѣя въ виду значительное число преступниковъ, под-лежащихъ суду, а такъ же особенную важностью изслѣдованій, про-изводимыхъ слѣдственною Комиссією, онъ признаетъ совершенно не удобнымъ передать изслѣдованія эти на разсмотрѣніе и постановленіе надъ виновными приговора въ Комиссію военнаго суда при Виден-скомъ Ордонансѣ-Гаузѣ, а подлагая бы учредить въ Вильнѣ для сего особую военно-судную Комиссію, по примѣру того, какъ дѣла-лось прежде въ подобныхъ случаяхъ“.

„Господинъ Генераль-Фельдмаршалъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Гене-

„Генераль-Лейтенанта Мирковича, объ учрежденіи въ Вильнѣ военно-судной Комиссіи, для сужденія помянутыхъ преступниковъ съ тѣмъ, что бы предсѣдателемъ оной Комиссіи, подобно бывшей по дѣлу Эмисара Рера, назначены были Ваше Превосходительство, — относился къ Г. Шефу жандармовъ, для представленія о томъ на Высочайшее Государя Императора благоусмотрѣніе“.

„Г. Генераль-Адъютантъ графъ Орловъ, отъ 17 минувшаго Октября за № 2602, увѣдомилъ Г. Главно-командующаго, что Его Величество Высочайше повелѣтъ соизвоилъ: такую Комиссію учредить согласно предположенію Его Свѣтлости“.

„По порученію Генераль-Фельдмаршала предписываю Вашему Превосходительству отправиться въ Вильно немедленно, явиться тамъ Военному Губернатору и, открывъ по его распоряженію судъ, проинформировать дѣло порядкомъ военными законами установленнымъ и по окончаніи представить оное Генер.-Лейт. Мирковичу, испрашивая у него же и разрѣшенія по всѣмъ вопросамъ, могущимъ возникнуть въ продолженіи суда. Объ этомъ Генер.-Лейт. Мирковичъ поставленъ уже въ извѣстность“.

„Для производства дѣла командируется находящійся въ полевомъ Аудиторіатѣ Аудиторъ Титулярный Совѣтникъ Куряиновъ, который и долженъ отправиться въ Вильно въ одно время съ Вами“.

На другой же день по полученіи этого предписанія (3 Ноября), я имѣлъ честь откланяться Фельдмаршалу, который, будучи въ веселомъ расположеніи, принялъ меня милостиво, сказавъ: „*здравствуйте, генераль! Генераль Губернаторъ требуетъ васъ; это значитъ, что онъ доволенъ вашимъ превосходительствомъ по прежнему дѣлу; поздравляйте съ Богомъ*“. Потомъ, взявъ за локоть и отведя въ сторону, добавилъ: „*на счетъ же вашей просьбы, — все будетъ сдѣлано*“. — Эта просьба состояла въ назначеніи мнѣ дѣтныхъ денегъ на время командировки; сперва о томъ я просилъ генерала Викинскаго, но временщикъ съ гвалтомъ меня отослалъ, какъ онъ выразился *къ благодѣтелю моему кн. Горчакову*, котораго однако же я миновалъ, а обратился съ просьбою къ директору канцеляріи намѣстника Элашевичу и этотъ взялся доложить и вслѣдствіе сего назначены дѣтныя по 4 р. с. въ сутки. Кн. Горчаковъ тоже выждался было ходатайствовать *о пособіи* мнѣ у его свѣтлости, но я отклонилъ, изъ боязни отказа и сдѣланнаго уже мною обращенія къ Элашевичу.

За тѣмъ, устроивъ мои домашнія дѣла, я въ собственной коляскѣ выѣхалъ изъ Варшавы 5, прибылъ въ Вильно 9, а 10 Ноября въ силу дисциплины явился къ генераль-губернатору Мирковичу, корпусному командиру (будущему покорителю Карса) Муравьеву и Ви-

ленскому коменданту Кусовникову. — Долго я возился съ произведеннымъ слѣдствіемъ, контролируя его и составляя для преступниковъ допросы; аудиторъ, мнѣ данный, оказался сущимъ невѣждою и только 28 Ноября я открылъ военный судъ. Подсудимые, въ числѣ 30, составляли ремесленную сволочь и хвостъ заговора, затѣяннаго болѣе образованными заговорщиками, надъ коими еще производилось слѣдствіе; цѣль общаго заговора была призвать возмущеніе и вырѣзать русскихъ.

Порученное мнѣ дѣло было само по себѣ неголоволмное, но меня утомляли эти знакомства, официальные поздравленія, званые обѣды, вечера, театры, визиты, словомъ — жизнь свѣтскаго человѣка, къ которой я питалъ душевное омерзѣніе и съ которой я никогда не могъ свыкнуться.

При одномъ моемъ посѣщеніи учскаго и умнаго архіепископа Симашко, я услышалъ отъ него, что онъ полагалъ, что я польскаго происхожденія, присовокупивъ, что Волынской губ., въ Овручскомъ уѣздѣ существуетъ деревня, называемая *Докудово*, населенная мелкою шляхтою, которая по деревнѣ и называется *Докудовцы*. Я отвѣчалъ, что въ Галиціи также есть мѣстечко *Докудово*, но откуда возникла моя фамилія и гдѣ ея корень, — это покрыто мракомъ. Отъ того же владыки я узналъ, что г-жа генераль-губернаторша Мирковичъ въ недавнемъ времени перешла изъ лютеранства въ православіе и названа вмѣсто Амаліи — Марією и что окружной жандармскій генераль-графъ Бугсгевденъ въ жестокой распрѣ какъ съ Мирковичемъ, такъ въ особенности съ его женою, употребляя всѣ средства въ Петербургѣ ссадить Мирковича съ губернаторства и самому занять его мѣсто.

Наканунѣ Рождества я ѣлъ кутью и ужинъ у начальника учебнаго округа Галлера; онъ, между прочимъ, рассказалъ мнѣ, что въ г. Поневежѣ законоучитель тамошняго училища, ксензъ Вольскій, служа въ костелѣ 6 Декабря, т. е. въ день тезоименитства Императора, произнесъ проповѣдь, въ которой доказывалъ, что юношеству въ училищахъ преподается превратное и вовсе ненужное для нихъ обученіе и сверхъ того отказался служить благодарственный молебень, подъ предлогомъ, что это не сказано въ его молитвенной книжкѣ. Объ этой проповѣдѣ ксенза Галлеръ донесъ генераль-губернатору. — Тутъ же и тотъ же Галлеръ мнѣ рассказалъ, что будто бы наше правительство хотѣло учредить въ Кіевѣ католическую кафедру, но митрополитъ Филаретъ писалъ въ Синодъ, что неприлично въ вертоградъ нашей религіи, гдѣ почиваютъ мощи Равноапостольнаго Кн. Владиміра и другихъ православныхъ святыхъ, вселять латинскаго бискуна и сооружать костелы, и что если предположеніе правительства будетъ приведено въ исполненіе, то онъ Филаретъ оставитъ Кіевъ и удалится на покой.

Въ день Рождества я обѣдалъ за *семейнымъ* столомъ у генераль-

губернатора, а послѣдній вечеръ 1849 года, я волею неволею былъ въ собраніи; мнѣ крайне было грустно отъ полученнаго предъ тѣмъ отъ жены письма, въ коемъ она меня извѣщала о своемъ нездоровьи и совѣтъ доктора пить Мариенбадскую воду.

Въ собраніи генераль-губернаторъ удостоилъ меня дружескимъ рукопожатіемъ и объявленіемъ, между разговорами, о производимомъ между жидами строгомъ розысканіи на счетъ разпространенія ими фальшивыхъ ассигнацій по дешевой цѣнѣ; рассказалъ о замѣчательной разбѣянности и вѣтренности своего коменданта генераль-лейтенанта Кусовникова, который разъ съ испуганнымъ видомъ, пріѣхавъ къ Мирковичу, доложилъ, что присланъ изъ Петербурга чиновникъ и опечатавъ Ордонанс-Гаузь, а на повѣрку вышло, что присланъ къ коменданту не чиновникъ, а доносъ его чиновника за печатью Ордонанс-Гауза. Въ другой разъ, онъ же Кусовниковъ заставилъ *мертвецю*, судившемуся за политическое преступленіе, прочитать надъ его тѣломъ окончательную конфирмацію, опредѣлявшую ссылку въ Сибирь. А гражданскій губернаторъ Бѣгичевъ, указавъ мнѣ въ собраніи на фортоціанистку дѣвицу Бореръ, сказалъ, что эта знаменитая артистка въ началѣ Сентября прибыла изъ Петербурга съ отцомъ инокѣнто и поселилась въ пустынномъ предмѣстіи Вильны Антоколѣ, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ ни гдѣ не показывалась и не выходила изъ квартиры и вдругъ въ Декабрѣ оповѣстила публикѣ о своемъ концертѣ. Рассказывали, что она пріѣхала въ Вильно въ благословенномъ состояніи и здѣсь разрѣшилась отъ бремени.

Тоска о семействѣ выгнала меня изъ шумнаго, пляшущаго собранія и я ускользнулъ оттуда, не дождавшись 12 часовъ, то есть наступленія (Новаго года).

1850 годъ.

Въ 20% мороза съ жгучимъ вѣтромъ невесело было развѣзжать въ дрожкахъ на новый годъ съ официальными поздравленіями, продежурить въ холодномъ соборѣ на продолжительномъ съ колѣнопреклоненіемъ Богослуженіи. Въ 4 часа былъ на *семейномъ* обѣдѣ у генераль-губернатора и въ 7 часовъ измученный приличіями дня возвратился на квартиру.

Кромѣ дѣла, для котораго я былъ командированъ въ Вильну, Мирковичъ навязалъ мнѣ другое въ иномъ родѣ: о пріемѣ отъ жидовъ завѣдомо фальшивыхъ депозитныхъ билетовъ и выдачѣ вмѣсто ихъ кредитныхъ билетовъ счетчиками Виленскаго Уѣзднаго Казначейства Григоловичемъ и Кириухинымъ, изъ коихъ первый, какъ безсрочно-отпускной унт. офиц., былъ преданъ суду военному, а

последній, какъ отставной унт. офиц., суду гражданскому уголовному, и изъ нихъ Григоловичъ приговоренъ на каторгу, а Кирюхинъ оставленъ въ сильномъ подозрѣніи. — По доведеніи жандармеріею объ этихъ противорѣчащихъ приговорахъ объ обвиняемыхъ въ одномъ и томъ же преступленіи, Высочайше повелѣно учредить для ревизіи постановленія *общаго приговора высшую военно-судную Комиссію*, подъ предсѣдательствомъ генераль-маіора, изъ 3 гражданскихъ штабъ-офицерскихъ чиновъ, и не стѣсняться прежними о подсудимыхъ приговорами. На этомъ то основаніи Мирковичъ и просилъ дозволенія о назначеніи меня предсѣдателемъ упомянутой высшей судной Комиссіи, и фельдмаршалъ далъ на то согласіе.

Эти оба дѣла я кончилъ: а) о заговорѣ ремесленнаго сброда, для котораго собственно я и былъ посланъ 11 Февраля и б) о вымѣнѣ завѣдомо фальшивыхъ депозитныхъ билетовъ 1 Марта. Дѣла представилъ Мирковичу.

Въ промежутокъ времени моей возни съ подсудимыми и дѣлами объ нихъ въ Вильнѣ произошли слѣдующія событія. 22 Января пріѣзжаю я съ визитомъ къ г-жѣ Мирковичъ и неожиданно встрѣчаю ее въ корридорѣ, возвращавшеюся изъ кабинета своего мужа; она была раздражена, взволнована и въ слезахъ; такъ какъ я пользовался особеннымъ ея расположеніемъ, то она схватила мою руку, ввела въ свой кабинетъ, усадила на канapé и рассказала, что на нее поданъ къ Императору доносъ, будто бы она Виленскому Губернскому Правленію посылаетъ какія то предписанія; что Государь, по бытности начальника жандармскаго округа графа Бугсгевдена въ Петербургѣ, лично повелѣлъ ему, по возвращеніи въ Вильно, удостовѣриться въ справедливости содержанія доноса; между тѣмъ какъ по его розысканію открылось, что она Мирковичъ, въ качествѣ попечительницы какого-то Сиротскаго Пріюта, относилась въ Правленіе не предписаніемъ, а предложеніемъ объ оцѣнкѣ клочка земли и освидѣтельствованіи исправленія пріютскаго строенія, за которое не было выдано денегъ и подрядчикъ за то настрочилъ упомянутый доносъ и жалобу на г-жу Мирковичъ. По ея и мужа ея убѣжденію доносъ подрядчика сдѣланъ былъ по внушенію Бугсгевдена, давно уже интриговавшего противу Мирковича съ цѣлію столкнуть и занять его мѣсто, но какъ онъ не имѣлъ въ томъ успѣха, то началъ подыскиваться подъ его жену, къ которой онъ питалъ антипатію. По словамъ г-жи Мирковичъ, мужъ ея былъ чрезвычайно встревоженъ этою исторіею, горько упрекалъ за нее свою жену и объявилъ ей, что послѣ этого скандала онъ долженъ ожидать по ея милости смѣны съ губернаторства. Съ своей стороны, г-жа Мирковичъ, оскорбляясь несправедливыми упреками, потребовала согласія его вовсе оставить Вильну, и его получила.

Вслѣдъ за симъ, Мирковичъ, въ ознаменованіе совершившагося ему

пребыванія (?) на генераль-губернаторствѣ, 1 Февраля задалъ нарядный обѣдъ, на которомъ было 7 военныхъ генераловъ, 9 гражданскихъ лицъ и 10 первосортныхъ дамъ. Здѣсь педантъ корпусный командиръ Муравьевъ за новостъ мнѣ объявилъ, что генераламъ по прежнему повелѣно украшаться бѣлыми штанами и ботфортами, отмѣненными на время войны съ мадырами; начальникъ корпусной артиллеріи Стаховичъ ропталъ на неблаговоленіе къ нему, по милости его благопріятелей, командующаго гвардіею и гренадерами Государя Цесаревича и просилъ кланяться отъ него старому его сотоварищу князю Михаилу Горчакову; начальникъ дивизіи, форменный де Витте, много толковалъ о своей 40-лѣтней службѣ и порочилъ бывшихъ своихъ начальниковъ Есакова и Арбузова и, наконецъ, Виленскій губернскій предводитель дворянства, богатый полякъ Пусловскій, сидѣвшій за столомъ рядомъ со мною, рассыпался о своей нелицемѣрной преданности правительству и сердечной симпатіи къ русскимъ. И точно въ доказательство своихъ чувствъ и особеннаго уваженія къ начальству задумалъ въ честь Мирковича дать торжественный обѣдъ и на другой же день разослалъ пригласительные билеты на 4 число; но, увы! вечеромъ того же 2-го Февраля получено было въ Вильнѣ извѣстіе, что Мирковичъ назначенъ въ военный совѣтъ, а на его мѣсто генераль-губернаторомъ опредѣленъ генераль-адъютантъ Илья Бибииковъ; затѣмъ Мирковичъ не принялъ обѣда и Пусловскій разослалъ отказные билеты ко всѣмъ приглашеннымъ.

За назначеніемъ Бибиикова добивавшійся этого мѣста всѣми не правдами Бугегевденъ остался въ любезныхъ.

Сіятельный, толкуя мнѣ съ злорадствомъ о Мирковичѣ и его женѣ, между прочимъ обвинялъ послѣдняго въ налогахъ на всѣ уѣзды Виленской губерніи деньгами и вещами въ пользу находившагося подъ ея попечительствомъ сиротскаго пріюта на его устройство и содержаніе и тутъ же рассказалъ, что въ недавнюю бытность его въ Петербургѣ, при разговорѣ съ Императоромъ о дѣяніяхъ г-жи Мирковичъ, Его Величество мужа ея изволилъ назвать *колмакомъ*.

9 Февраля М-ше Мирковичъ выѣхала изъ Вильны; при прощаніи со мною была необыкновенно любезна и весела, но не преминула ругнуть Бугегевдена, назвавъ его безчестною тварью, и обнаруживъ полное удовольствіе, что не онъ назначенъ на мѣсто ея мужа.

Спустя нѣсколько дней я былъ и у самого Мирковича; въ занимавшемся имъ дворцѣ было темно, пусто, безслѣдно и я нашелъ его уже перебравшимся въ одну удаленную комнатку одинокимъ, всѣми оставленнымъ. Его считали подъ опалю. Онъ съ откровенностію мнѣ объявилъ, что съ нимъ поступлено несправедливо, но надѣялся оправдаться предъ Царемъ; негодовалъ на подлость и вѣроломство

Бугсгевдена, рассказавъ о его не достойныхъ противу него и его жены поступкахъ и козняхъ. По полученіи свѣдѣнія, что новый генераль-губернаторъ намѣренъ скоро выѣхать изъ Питера, 27 Февраля въ 11 часовъ утра собрались къ Мирковичу по его желанію для прощанія многіе военные, гражданскіе и католическіе духовные лица, въ томъ числѣ явился и я; а вечеромъ онъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ и простился со мною самыми дружелюбными объятіями и лобзаніями; на другой же день, послѣ даннаго ему приближенными завтрака, пустился на Царевъ судъ въ Петербургъ.

Между тѣмъ, какъ все это совершалось, и озадаченная бюрократія и жители Вильны толковали вкривь и вкосъ о старомъ и новомъ генераль-губернаторахъ, я оставался въ тревожномъ, прискорбномъ положеніи отъ получаемыхъ мною отъ жены писемъ, въ которыхъ она писала о послѣдней ея болѣзни, о малодушіи и жестокости зѣвачки пѣвками, лѣкарствами и минеральными водами и о тоскливости отъ разлуки ея съ сыномъ, отданнымъ въ пенсіонъ къ Штендеру. Выѣжая изъ Варшавы, я оставилъ жену мою вполнѣ здоровою и теперь внезапная ея болѣзнь меня мучила, лишала сна, не смотря на успокоительную осторожность ея писемъ. Я хотя и кончилъ порученныя мнѣ дѣла, но не могъ оставить Вильны, по милости Мирковича, который еще до своего отъѣзда представилъ новое слѣдствіе и испрашивалъ у фельдмаршала разрѣшенія о преданіи суду новыхъ преступниковъ по политическимъ дѣламъ.

Наступилъ послѣдній день масляницы, день прощальный, 5 Марта; отъ обѣдни я зашелъ къ знаменитому архіепископу Симашко. Въ его приемной собралось православное духовенство съ Гродненскимъ епископомъ во главѣ, ожидая выхода верховнаго пастыря литовской церкви. Владыко тотчасъ по докладѣ служителя попросилъ меня въ кабинетъ. Главнымъ предметомъ нашего разговора была неожиданно случившаяся перемѣна высшихъ властей въ Вильно; преосвященный отозвался о Мирковичѣ, какъ о холодной, много-писавшей и безэнергичной личности; о Вибиковѣ сказалъ, что мало его знаетъ, но пожелалъ, чтобы онъ управлялъ этимъ беспокойнымъ краемъ по системѣ своего брата Дмитрія и былъ во всемъ похожъ на него; при чемъ изъяснилъ сожалѣніе, что Петербургская высшая администрація весьма недостаточно обращаетъ вниманія на Литву и на властвованіе и козни въ ней польщизны. По возвращеніи на квартиру меня посѣтилъ графъ Бугсгевденъ; этотъ голубой мундиръ наигрывалъ свою задушевную пѣсню о Мирковичѣ и женѣ его, увѣряя, что первый состоялъ подъ каблукомъ башмака послѣдней; при чемъ рассказалъ, что при прощаніи съ нею, она при свидѣтеляхъ съ язвительностію благодарила его за то, что по его распоряженію она будетъ жить съ дѣтьми въ Петербургѣ, и когда графъ съ улыбкою отвѣчалъ, что радуется этому счастью, она съ злостью

назвала его клеветникомъ и удалилась въ другую комнату. На счетъ Бибикова Бугсгевденъ хвалилъ его свѣтскость, придворность, но утверждалъ, что онъ величайшій лѣнивѣцъ, который никогда и ни чѣмъ не занимался, спалъ до полудни, игралъ въ карты и гарцовалъ на конѣ; что онъ не былъ на хорошемъ счету у Императора и безъ сомнѣнія назначенъ генераль-губернаторомъ по ходатайству Великой Княгини Елены Павловны, при покойномъ супругѣ которой Бибиковъ съ давнихъ поръ состоялъ и былъ его любимцемъ.

Наступилъ великій постъ и я располагалъ говѣть; но на другой день первой недѣли (7 Марта) я получилъ изъ Варшавы отъ князя Горчакова слѣдующаго содержания бумагу за № 570:

„Господинъ Главнокомандующій Армією изволили разрѣшить Васъ, шему Превосходительству прибыть въ Варшаву на двѣ недѣли. „Очемъ Васъ увѣдомляю“.

Этотъ лаконизмъ безъ объясненія причины даннаго разрѣшенія, котораго я не просилъ, — меня поразилъ, и какъ по моимъ служебнымъ дѣламъ меня вовсе не было нужды вызывать, то естественно смятенное мое воображеніе обратилось на болѣзнь моей жены и я былъ увѣренъ уже въ ея кончинѣ. Нѣтъ словъ для описанія моего отчаянія. Но спустя нѣсколько часовъ, — мнѣ принесли съ почты отъ того же князя письмо слѣдующаго содержания:

„Почтеннѣйшій Василій Абрамовичъ. Вотъ дѣло въ чемъ. — Александра Васильевна страдаетъ печенью. Она была довольно сильно „больна, но, благодареніе Богу, ей лучше и ни какой опасности нѣтъ. „Но Бунцевичъ находитъ, что нужна непременно консультація: ибо „опасается, что бы не сдѣлалось затверденія въ печени. — Ваша жена „упряма; противу воли ея сдѣлать намъ консультацію значило бы ее „сильно перепугать и это могло бы имѣть вредныя послѣдствія. По „этому мы рѣшились на слѣдующее: — тому три недѣли назадъ, когда „Александра Васильевна сильно заболѣла и имѣла родъ воспаленія, я „просилъ Его Свѣтлость дозволить Вамъ пріѣхать сюда на двѣ не- „дѣли. Главнокомандующій согласился и я приготовилъ было уже „отправленіе, но здоровье ея поправилось и что бы не пугать ни Васъ „ни се, я оставилъ дѣло“.

„Теперь оказывается необходимымъ сдѣлать серьезную консультацію „и рѣшить, что сдѣлать весною? Ибо, хотя, повторяю, опасности нѣтъ „еще, но если замустить болѣзнь, то она можетъ имѣть вредныя по- „слѣдствія. Посему я посылаю Вамъ разрѣшеніе пріѣхать сюда на „двѣ недѣли и соответственный отзывъ Бибикову, а Вамъ совѣтую, „во первыхъ, написать Александрѣ Васильевнѣ, что по случаю пере- „мѣны дачаества въ Вильно, то есть замѣны Мирковича Бибиковымъ, „вы имѣете двѣ недѣли свободныхъ, вы рѣшились доидаться съ (и

„такъ какъ она была больна и Вамъ о томъ писала; а спустя нѣ-
„сколько дней прїѣзжайте и сами, или же напишите ей, что Вамъ
„вѣрно прїѣхать сюда по дѣламъ службы. Мнѣ кажется первое луч-
„ше: ибо послѣднему она не повѣритъ и пойметъ, что я Васъ вытре-
„боваль, а это ее испугаетъ.— По прїѣздѣ сюда хорошо бы Вамъ,
„прежде чѣмъ прїѣхать въ домъ, захватить къ намъ. Мы условились
„бы окончательно, что ей сказать и что Вамъ ей предложить, что бы
„не испугать ее. Во всякомъ случаѣ предувѣдомленіе и отъ Васъ
„письмомъ за сутки, напимѣръ, до Вашего прїѣзда будетъ полезно“.

„Оканчивая это письмо, я прошу Васъ, любезный Василій Абра-
„мовичъ, самому не пугаться. Дѣло именно въ томъ положеніи, какъ
„я описываю, то есть: нѣтъ теперь опасности, но время подумать
„серіозно, что предпринять на дальнѣйшее леченіе; Бунцевичъ хочетъ
„консультации, но не смѣетъ настаивать; мы тоже.— Прощайте, отъ
„души Вамъ преданный“

Князь Горчаковъ.

Это письмо, по крайней мѣрѣ, успокоило меня въ томъ отношеніи,
что жена моя еще существуетъ, не менѣе того я мучился мрачными
опасеніями за ея жизнь. Того же дня я купилъ сани, взялъ курьер-
скую подорожную, за не прибытіемъ еще Бибикова свазался комен-
данту и отправился въ путь; въ Вѣлостокѣ, за исчезновеніемъ санной
дороги, пересѣлъ на перекладную тележку, отправилъ къ женѣ съ
эстафетою предварявшее письмо и прибылъ въ Варшаву 10 Марта.
Царь небесный, какъ жена моя измѣнилась! Я оставилъ ее здоровою
и цвѣтущею, а нашелъ исхудалою, желтою, едва дышащею и держав-
щуюся на ногахъ; я бы не узналъ ее, если бы встрѣтилъ гдѣ индѣ;
тогда только я почувствовалъ всю опасность моего прошедшаго поло-
женія въ Вильнѣ. Она до такой степени больна была, что еще предъ
новымъ годомъ дано было разрѣшеніе фельдмаршаломъ князю Горча-
кову вытребовать меня, но жена моя не хотѣла и не желала тревожить
меня и отвлекать отъ занятій, убѣдила князя не вызывать меня тѣмъ
болѣе, что она ни какъ не считала болѣзнь свою опасною. Лучшій
Варшавскій городской нашъ докторъ Бунцевичъ не понималъ болѣзни
жены моей; навалилъ на кровопусканія и пиявки и столько выпустилъ
изъ своей пациентки крови, что она слегла въ постель, желудокъ не
варилъ никакой пищи, сна не было, болѣзнь усилилась, предложен-
ный консиліумъ женою отвергнуть, какъ, по убѣжденію ея, бесполезный,
и при этой то видимой опасности я вызванъ былъ изъ Вильны. На
третій день моего прїѣзда созванъ былъ консиліумъ, на который я
едва могъ склонить жену мою, по вѣрѣ ея къ своему доктору; отъ
употребленія Кардбалскихъ водъ сдѣлалось ей хуже и потому онѣ
прекращены и вновь посадили на латинскую кухню; но и лекарства
не помогали. Я былъ въ отчаяніи; между тѣмъ двухнедѣльный срокъ

моего отпуска истекалъ; фельдмаршалъ, отъѣзжая въ Петербургъ, позволилъ остаться мнѣ въ Варшавѣ до полученія ожидавшагося отсюда разрѣшенія о преданіи военному суду 21 политическаго преступника, о чемъ представлялъ Мирковичъ, и при томъ сказалъ Горчакову, что „если по болѣзни жены моей нельзя будетъ ѣхать въ Вильну, то Горчаковъ послалъ бы вмѣсто меня другого, для предсѣдательства въ военномъ судѣ“. Это лично объявила мнѣ княгиня Горчакова, съ такою при томъ закорючкою, безъсомнѣнія внушенную ей эгоистомъ — мужемъ „что конечно я не употреблю во зло снисхожденія фельдмаршала“, — что въ переводѣ означало, что я долженъ ѣхать, хотя бы моя жена томилась предсмертною агоніею.

Между тѣмъ впредь до полученія изъ Петербурга разрѣшенія и отправления меня въ Вильну я занялъ свое мѣсто; въ началѣ Апрѣля получено разрѣшеніе изъ Петербурга; Горчаковъ самъ о томъ мнѣ объявилъ, сказавъ, что онъ *посмотритъ*, можно ли меня оставить въ Варшавѣ при умиравшей женѣ, и велѣлъ за отвѣтомъ придти къ нему на другой день; я пришелъ и его сіятельство, по совѣщаніи съ формалистомъ Викинскимъ, объявилъ, что мнѣ нельзя остаться въ Варшавѣ, а надобно ѣхать въ Вильну. Ѣхать — такъ ѣхать; ни однимъ словомъ я не возразилъ. Между тѣмъ жена моя находилась въ одинаковомъ положеніи; я только сдѣлалъ вопросъ доктору и вопросъ неблагоразумный: „можетъ ли онъ поручиться за жизнь жены моей въ продолженіи одного мѣсяца, т. е. до моего возвращенія изъ Вильны“?.. Эскулапъ, озадаченный вопросомъ, смутился, но, помолчавъ немного, отвѣчалъ, *что можно надѣяться*. — Отвѣтъ неутѣшительный!

Вслѣдъ затѣмъ предсѣдатель полевого аудиторіата препроводилъ мнѣ для *немедленнаго* исполненія кошію съ предписанія, даннаго аудиторіату Горчаковымъ 5 Апрѣля за № 949 слѣдующаго содержания:

„Отъ 17 истекшаго Марта за № 721, я сообщилъ Аудиторіату, что Главнокомандующій Арміею извоилъ приказать члену Аудиторіата Г. М. Докудовскому, который былъ командированъ въ г. Вильно для предсѣдательства въ военно-судной комиссіи, надъ политическими преступниками учрежденной, по случаю окончанія этого дѣла, вступить по прежнему въ исправленіе своей должности, впредь до новаго отправления его въ Вильно, для сужденія другихъ преступниковъ“.

„Нынѣ, по окончаніи Виленскою Слѣдственной Комиссіею дѣла, объ открытомъ въ Вильнѣ заговорѣ противъ правительства, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, что бы, согласно заключенію Его Свѣтлости, наиболѣе виновные по сему дѣлу 21 человекъ преданы

„были военному суду по Полевому Уголовному Уложению, съ поруче-
„ніемъ постановить объ нихъ приговоръ той же военно-судной Комиссіи,
„которая учреждена была подъ предѣдательствомъ Г. М. Докудов-
„скаго надъ лицами простого званія, къ этому же дѣлу прикосно-
„венными.

„Давая знать о семъ Аудиторіату, предписываю объявить Г. М.
„Докудовскому, чтобы онъ немедленно отправился въ Вильно для
„исполненія обязанности“.

Князь Горчаковъ.

Снабженный отъ Горчакова къ Бибикову письмомъ, въ коемъ князь
убѣдительно просилъ, по случаю болѣзни моей жены, не задерживать
меня въ Вильнѣ и не давать никакихъ другихъ порученій, я съ
истинно растерзанною душою, препоручивъ сохраненіе моего семейства,
особенно тѣжко больной моей жены, Господу Богу, 10 Апрѣля выѣхалъ
изъ Варшавы и прибылъ въ Вильно 13 Апрѣля. На другой день
представился къ Муравьеву (Карскому) и Бибикову и сдѣлалъ визиты
высокопреосвященному Іосифу и другимъ немногимъ лицамъ. Я съ
горячностью принялся за дѣло; слѣдствіе произведено было удовлетво-
рительно; судъ открылъ 15 Апрѣля и кончилъ 9 Мая. Сущность
дѣла заключалась въ безумномъ заговорѣ въ Вильнѣ и Минскѣ про-
извести рѣзню квартировавшихъ тамъ русскихъ солдатъ и ниспроверг-
нуть правительство. Дѣйствія заговорщиковъ были безсмысленны, жалки,
разъединенны и вполнѣ неисполнимы; да и можно ли было ожидать
чего либо серьезнаго, разумнаго отъ безбородыхъ преподавателей
частныхъ уроковъ, гимназистовъ и канцеляристовъ. Замѣчательно от-
крытіе заговора: къ одному изъ заговорщиковъ, сапожному подма-
стерью Маевскому, о коемъ и его соучастникахъ я кончилъ судъ, какъ
выше сказано, еще 11 Февраля, собиралась челядь и толковала о
способахъ нападенія на русскихъ и о произведеніи возмущенія подъ
предводительствомъ личностей теперь судимыхъ; къ этой челяди при-
соединился нашъ русской крови бѣглый солдатъ, два года проживавшій въ
Вильнѣ безъ всякаго вида и имѣвшій въ парочной ротѣ родственника
солдата; бродяга тоже явился на сборище къ Маевскому и о всемъ,
что тамъ болтали и толковали, рассказалъ своему родственнику; этотъ
доложилъ ротному командиру, а послѣдній коменданту— и пошло аресто-
ваніе и открытіе заговора. Солдатъ же, должившій о слышанномъ
имъ отъ бѣглеца, Всемилостивѣйше награжденъ 60 рублями.

Тяжкому наказанію подверглись виновные по этому суду: изъ
21 преступника 15 по конфирмаціи фельдмаршала сосланы въ Си-
бирь на каторжныя работы.

Въ продолженіи мѣсячнаго моего пребыванія въ Вильнѣ я разъ
былъ у Владыки на званомъ обѣдѣ и видѣлъ весьма подкуликаваго

отъ тонкихъ винъ Муравьева, и нѣсколько разъ трапезовалъ у Генераль-губернатора. Нельзя не похвалиться вниманіемъ ко мнѣ Бибикова и его откровенностію; не рѣдко спрашивалъ моего мнѣнія о своихъ распоряженіяхъ и вызывалъ мои объ нихъ сужденія, не гнѣваясь за противорѣчія. — Однажды, когда обѣдалъ я у него глазъ на глазъ, онъ разсказалъ о своемъ назначеніи: сначала Императоръ приказалъ дежурному генералу лично спросить Бибикова, — не хочетъ ли онъ получить мѣсто, не объявивъ, какое именно. Потомъ, спустя довольно продолжительное время, Царь потребовалъ къ себѣ Бибикова и объявилъ, что онъ назначается Литовскимъ — Генераль-губернаторомъ; Бибиковъ сталъ отпѣкиваться, ссылаясь на свою неопытность въ дѣлахъ и могущія произойти отъ того ошибки; на это Императоръ возразилъ: „я вотъ уже 25 лѣтъ царствую и едва ли не каждый день дѣлаю ошибки, однако же я не изъ худыхъ правителей“. И затѣмъ послѣдовало назначеніе. — Если разсказъ Бибикова справедливъ, — въ чемъ можно нѣсколько и сумнѣваться, зная привычку его маленько прихвостнуть, — то отвѣтственность — то за ошибки не равна, что и испыталъ на себѣ почтенный Генераль-губернаторъ. — Еще онъ мнѣ говорилъ, что при отъѣздѣ изъ Питера, раскланиваясь съ Государыней Императрицею и Великою Княгиною Еленою Павловною, эти Августѣйшія Особы поручили его покровительству *поляковъ*.

.
.

Представивши военно-судное дѣло, я, раскланявшись, съ кѣмъ подобало, 11 Мая оставилъ противную мнѣ Вильну, прибылъ 14 числа въ Варшаву, заставъ жену мою внѣ опасности и нѣсколько поправившеюся и по прежнему вступилъ въ аудиторіатъ въ исправленіе настоящей моей должности члена; въ Іюнѣ же мѣсяцѣ 29 числа о исполненіи возложенныхъ на меня порученій состоялся по дѣйствующей арміи слѣдующій приказъ № 161:

„Членъ Полеваго Аудиторіата, Арміи Генераль-Маіоръ Докудовскій, бывъ назначенъ по Высочайшему повелѣнію предсѣдателемъ трехъ военно-судныхъ Комиссій въ г. Вильно, по весьма важнымъ дѣламъ, окончилъ эти дѣла съ успѣхомъ и совершенно удовлетворительно“.

„Вслѣдствіе донесенія объ этомъ Виленскаго военнаго, Гродненскаго, Минскаго и Ковенскаго Генераль-губернатора, объявляю Генераль-маіору Докудовскому за таковое усердіе его къ службѣ моей благодарность“. Подлинное подписалъ Генераль - Фельдмаршалъ Князь Варшавскій.

И только! Правда, я получилъ орденъ Св. Станислава I ст., но эта награда мнѣ была дана еще въ февралѣ за прежнюю отлично-

усердную службу, а не за предѣлательство по Высочайшему повелѣнію въ трехъ Комиссіяхъ по весьма важнымъ дѣламъ, оконченными мною съ успѣхомъ и совершенно удовлетворительно, какъ свидѣтельствовалъ о томъ литовскій Генераль-губернаторъ. — Впрочемъ, я и не ожидалъ болѣе существенной награды, потому что не принадлежалъ къ приходу Паскевича и сторонника его Викинскаго. Эту сухую благодарность я даже занесъ и въ мой формуляръ. Въ мое отсутствіе изволилъ посѣтить Варшаву Государь Императоръ, осмотрѣлъ войска и цитадель и произнесъ рѣшеніе правое и скорое клеврету фельдмаршала, главному Директору внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ тайному совѣтнику *Стороженкѣ*: повелѣлъ ему за незаконныя дѣйствія по управленію, неоднократно доходившія до свѣдѣнія Царя, и доказанное лихоимство его жены, — подать въ отставку и немедленно выѣхать изъ Варшавы. Эта, едва-ли справедливая по формѣ, кара, неожиданно постигшая *сильнаго міра сего*, изумила все населеніе города, произвела трепетъ въ высшихъ слояхъ бюрократіи и не возбудила сочувствія къ опальному изгнаннику; — но — „гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость“, гласитъ пословица: Стороженкѣ впоследствии назначена слѣдовавшая ему пенсія 6 тыс. руб. сер. На мѣсто его, по ходатайству его Свѣтлости, назначенъ другой, болѣе любезный, фаворитъ, дежурный генераль арміи генераль-лейтенантъ Викинскій, съ которымъ Паскевичъ, по званію главнокомандующаго, простился слѣдующимъ приказомъ по Арміи 12 Августа № 188:

„Когда въ 1826 году Государю Императору благоугодно было назначить меня для командованія войсками за Кавказомъ, въ то же время, по избранію съ представленію моему, назначенъ ко мнѣ Дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ Подполковникъ Викинскій. Съ того времени 24 года я не разлучался съ нимъ. Съ конца 1831 года, по половину настоящаго, съ производствомъ въ Генераль-Маіоры и потомъ въ Генераль-Лейтенанты, онъ былъ дежурнымъ Генераломъ Дѣйствующей Арміи. Въ Персіи, въ Турціи, въ Царствѣ Польскомъ онъ раздѣлялъ со мною труды военные и мирнаго времени, и былъ самый неутомимый и самый дѣятельный, вѣрный исполнитель лежавшихъ на немъ обязанностей. Я былъ всегда увѣренъ и ни разу не ошибся, что всѣ мои распоряженія по внутреннему управленію войскъ будутъ переданы вѣрно и скоро. Часто во время войны онъ оставался одинъ при мнѣ; тогда всѣ части управленія на немъ одномъ лежали и ни въ одной части не было упущенія.

„Во время похода Арміи въ 1849 году въ Венгрію Государь Императоръ изволилъ имѣть пребываніе свое въ Варшавѣ. Поэтому я оставилъ здѣсь Викинскаго для управленія оставшимися также здѣсь частями управленія Главнаго Штаба Арміи: онъ не только исполнилъ все на немъ лежавшее къ совершенному моему удовольствію,

„но заслужилъ лично милостивое вниманіе Его Императорскаго Величества.“

„Хотя здоровье Г. Л. Викинскаго отъ необыкновенныхъ трудовъ въ теченіи 24 лѣтъ разстроилось, и я расстаюсь съ нимъ на поприщѣ военномъ; но вновь сближаюсь на поприщѣ гражданскомъ, по ходатайству моему у Его Величества онъ назначенъ Главнымъ Директоромъ Комиссіи Внутреннихъ Дѣлъ Царства Польскаго.“

„Съ душевною признательностію благодарю Г. Л. Викинскаго за прошлое 24 лѣтнее служеніе со мною по управленію войсками и полагаю новую надежду на неутомимое, собственное ему, служеніе по управленію Комиссіею Внутреннихъ Дѣлъ“.

Генераль Фельдмаршалъ Князь Варшавскій,
Графъ Паскевичъ Эриванскій.

Между тѣмъ, какъ этотъ велерѣчивый приказъ обдумывался, сочинялся, пересматривался и безчисленное число разъ исправлялся, задушевные прихвостники Викинскаго: генераль полицеймейстеръ арміи *Шепелевъ*, Варшавскій оберъ-полицеймейстеръ и смотритель дворцовъ *Абрамовичъ*, генераль интендантъ *Тихоновскій* и генераль штабъ докторъ *Четыркинъ*, затѣяли своего патрона угостить прощальнымъ обѣдомъ *по подписку* и подписалось крупныхъ и мелкихъ чиновъ *volens—nolens* 160 человекъ. Этотъ обѣдъ состоялся 17 августа въ загородной виллѣ Ома, и, надобно отдать справедливость, былъ отличный; все убранство стола и сервировка—изъ царскаго дворца; на обѣдѣ присутствовалъ фельдмаршалъ и провозгласилъ первый тостъ въ честь Викинскаго, который *при сей торной okazji* отъ избытка чувствъ едва не опустился на колѣни, но былъ удержавъ отъ такого скандала и только облобызалъ благодѣющую десницу своего идола. Послѣ обѣда были розданы литографированные портреты героя торжества. По отбытіи свѣтлѣйшаго начался кутежъ и продолжался далеко за полночь. Каждый подписчикъ приплатился за обѣдъ 20 р. с.

Давно Государь Императоръ желалъ уничтожить границу между Россіею и Царствомъ, но властолюбивый фельдмаршалъ изворачивался и измышлялъ затрудненія по весьма понятной причинѣ: видѣлъ въ томъ умаленіе своей власти намѣстника и нѣкоторое подчиненіе русскому министерству. Наконецъ, въ послѣднюю бытность здѣсь Императора, Его Величество рѣшительно изъявилъ свою волю о непремѣнномъ открытіи той границы съ 1 Января 1851 года, и вслѣдствіе того былъ присланъ сюда для соглашенія отъ нашего министерства финансовъ дѣйств. стат. совѣт. Ремизовъ; онъ явился къ фельдмаршалу,

былъ принять весьма холодно и между прочимъ въ видѣ упрека онъ сказалъ ему: „*видно, теперь Иванъ Федоровичъ ненуженъ*“.

29 Августа пріѣхалъ въ Варшаву Литовскій Генераль-губернаторъ Бибииковъ и пробылъ здѣсь нѣсколько дней; я посѣщалъ его и всегда былъ принимаемъ дружелюбно; разъ онъ далъ мнѣ прочитать проэктъ своего мнѣнія о подсудимомъ виленскомъ помѣщикѣ графѣ Ярославѣ Тышкевичѣ, который судился за принадлежность въ 1830—1831 г. къ мятежу, за дѣйствія съ оружіемъ противу русскихъ и за предводительствованіе имъ въ 1848 г. въ Галиціи демократами и коего военный судъ законно приговорилъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылке въ каторжную работу въ рудникахъ; но Бибииковъ полагалъ вмѣсто отправленія въ Сибирь выслать Тышкевича за границу потому *де, что эта безпокойная личность можетъ передать свои демократическія воззрѣнія каторжникамъ* и содѣлается вреднымъ правительству.—Забавная и глубокомысленная причина! Я на требованіе его съ осторожностію для его самолюбія вошелъ въ нѣкоторыя сужденія и высказалъ мое мнѣніе, съ которымъ онъ благоволилъ согласиться и исправилъ свой проэктъ. По словамъ Бибиикова, и ему Паскевичъ съ крайнимъ негодованіемъ говорилъ объ открытіи границы, ругнувъ при этомъ случаѣ Министра Финансовъ.

15 Сентября прибыла въ Варшаву Государыня Императрица и остановилась въ Лазенковскомъ дворцѣ.

17 Сентября Императрица слушала обѣдню въ придворной церкви, куда приглашены были одни только военные генералы. Она была одѣта въ бѣлое платье, на головѣ чепчикъ съ лиловыми лентами и такого же цвѣта на плечахъ шарфъ, который она непрерывно поправляла и передергивала; по слабости здоровья часто опускалась въ кресло.—Послѣ обѣдни все генеральство было приглашено вечеромъ въ придворный театръ.

20 Сентября Императрица въ часъ пополудни изволила быть въ соборѣ; одѣта была въ шелковомъ капотѣ на ватѣ, на плечахъ черная шаль и на головѣ бѣлая шляпка съ голубыми лентами и страусовымъ такого же цвѣта перомъ. Вечеромъ представленіе въ придворномъ театрѣ.—Фельдмаршалъ, чтобы ближе быть къ Государынѣ, изъ королевскаго замка переѣхалъ въ дворцовый домикъ *Раздрожье*.

21 Сентября въ 8 час. пополудни всѣ генералы и генеральскіе чины первыхъ 4 классовъ, равно и ихъ супруги, имѣли счастье представляться Императрицѣ и лобызать Ея руку. Она сидѣла въ креслахъ въ голубомъ платьѣ съ бриллиантовою діадемою на головѣ. Каждую и каждого удостоила нѣсколькими словами, такъ, наприм. меня спросила: „*вы давно здѣсь?*“ Я понялъ не въ дворцѣ, а въ Варшавѣ и дерзновенно отвѣчалъ: „*20 лѣтъ, Ваше Величество*“. При Императрицѣ

стояла родная Ея сестра, Принцесса, кажется, Нидерландская. Замѣтно у Государыни трясеніе головы, происшедшее отъ 14 Декабря.

24 Сентября. Обѣдня въ той же придворной церкви, на коей присутствовали Императрица, Ея сестра и военные генералы. Вечеромъ представленіе въ придворномъ театрѣ.

Ея Величество о фельдмаршалѣ изволила отозваться, что *онъ Ея второй докторъ*, не подозрѣвая, сколько этотъ эскулапъ тяготится вынужденнымъ ухаживаніемъ за своею Августѣйшею пациенткѣй, часто являясь къ столу, на вечера и придумывая для нея развлечения.

Императрица, будучи очарована любезностію и занимательностію Паскевича, сказала о томъ г-жѣ Андро. Эта бойкая, извѣстная Государынѣ, дама (урожденная Оленина), съ пренизкимъ книксеномъ отвѣчала: „это оттого Ваше Величество, что фельдмаршалыши нѣтъ въ Варшавѣ“. Императрица размѣялась.

27 Сентября. Поѣздка Государыни въ Бѣляны, въ монастырь Камедуловъ.

28 Сентября. Поѣздка Ея же въ Вилановъ для осмотра дворца графа Потоцкаго.

Въ этомъ же Сентябрѣ мѣсяцѣ случилась кровавая исторія: 10 человекъ кавказскихъ горцевъ, принадлежавшихъ конвойной фельдмаршала сотнѣ, будучи за что то недовольны своимъ командиромъ княземъ Бебутовымъ, разругавъ его въ лицо, а Паскевича заочно, въ полномъ вооруженіи и на коняхъ бѣжали въ Пруссію; тамъ хотѣли ихъ обезоружить, но они воспротивились; тогда между ними и прусскими солдатами произошла свалка и рѣзня; дикихъ горцевъ всѣхъ передупили, но и у пруссаковъ еще болѣе перебито: такъ отчаянно дрались эти дѣти Кавказскихъ горъ.

Октябрь мѣсяцъ ознаменовался торжественнымъ празднованіемъ 50 лѣтняго юбилея въ службѣ и офицерскихъ чинахъ фельдмаршала Паскевича.

Еще съ начала года присные его стали трубить о должествовавшемъ ему совершиться чрезъ 9 мѣсяцевъ юбилей 50-лѣтней службы.

Угодникъ его свѣтлости, графъ Ридигеръ, пользовавшійся всякимъ случаемъ подслужиться, въ августѣ написалъ графу Орлову *о небываломъ желаніи арміи*, въ память юбилейнаго дня 5 Октября фельдмаршала, собрать по подпискѣ сумму для воздвигнутія памятника знаменитому полководцу или для учрежденія больницы увѣчнымъ и престарѣлымъ воинамъ въ родѣ Чесменской. Орловъ отвѣчалъ, что Его

Величество похваляетъ чувства арміи къ своему вождю, но представляетъ самому себѣ явить ему 5 Октября новый опытъ своего *благоволенія*. Между военными много явилось толковъ и предположеній о свойствахъ этого благоволенія; большая же часть была убѣждена, что онъ будетъ возведенъ въ санъ генералиссимуса, подобно Меньшикову и Суворову; чего самъ желалъ грядущій юбиляръ, того мы не знали; но нескромно простодушная его супруга въ своемъ интимномъ кружкѣ откровенно объявила, что хорошо было бы, если бы Государь наградилъ ея Ивана Федоровича Ловичскимъ имѣніемъ, подареннымъ когда то, еще при Наполеонѣ I-мъ, герцогомъ Варшавскимъ (Саксонскимъ королемъ) маршалу Даву въ видѣ маіората, или поменьшей мѣрѣ частію его съ Императорскимъ дворцомъ и паркомъ въ Скерневицахъ (между тѣмъ эта вздыхавшая старуха имѣла своихъ 2 тыс. душъ крестьянъ, да ея Иванъ Федоровичъ былъ владѣльцемъ богатаго Гомельскаго имѣнія съ 22 тыс. душъ и пожалованнаго ему въ царствѣ Ивангородскаго имѣнія). Но какъ бы то ни было, а ни у кого и въ помышленіи не было о родѣ готовившагося Царскаго дара.

Наконецъ 3 Октября, рано утромъ, Государь Императоръ прибылъ въ Варшаву; на другой день лично представилъ на Макатовскомъ полѣ Великой Княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ гусарскій имени Ея полкъ; потомъ съ нею и Августѣйшею своею супругою и зятемъ своимъ наследнымъ Виртембергскимъ Принцемъ посѣтилъ православный соборъ, гдѣ были собраны военные и гражданскіе чины въ парадной формѣ; а вечеромъ разослано слѣдующее Высочайшее приказаніе:

„Завтрашняго числа совершится 50-лѣтняя служба Его Свѣтлости, „Главнoкомандующаго Арміею, и потому Его Императорское Величество „повелѣлъ въ 10¹/₂ часовъ утра выстроиться на площади при Уяздовскомъ госпиталѣ егерскому Генераль-Фельдмаршала Князя Варшавскаго полку и собраться туда же всѣмъ Генераламъ, Штабъ и „Оберъ-Офицерамъ въ парадной формѣ“.

Гражданскимъ же и духовнымъ лицамъ всѣхъ управленій въ Варшавѣ повелѣно собраться къ домику, временно занимавшемуся фельдмаршаламъ.

5 Октября—день былъ холодный, съ рѣзкимъ вѣтромъ; съ утра все тянулось черезъ городъ, старъ и младъ, мужскій и женскій полъ, пѣшкомъ, верхомъ и въ экипажахъ, на Уяздовскую площадь и къ домику юбиляра; прибылъ и полкъ, выстроившись на площади въ линію въ баталіонныя колонны, съ батареею на лѣвомъ флангѣ. Помѣщеніе фельдмаршала отъ площади отстояло шагахъ въ 200 и раздѣляла ихъ только одна дорога; на площади же вытянулись въ двѣ линіи: въ 1-й генералы, а во 2-й штабъ и оберъ-офицеры. Ожидали Царя. Еще до прибытія Его принесли юбиляру поздравленія:

1) Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи; 2) Биртебергскій Наслѣднй Принцъ; 3) Принцъ Шлезвигъ-Голстейнъ-Глюгенбергъ, поднесшій отъ имени Датскаго Короля Орденъ Слона; 4) Принцъ Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій, бывшій супругъ почившей Великой Княгини Александры Николаевны; 5) Принцъ Евгений Виртебергскій, русскій генералъ, двоюроднй братъ Императора; 6) Принцъ Карлъ Прусскій съ предсѣдателемъ Министерскаго Совѣта графомъ Бранденбургомъ и депутатами 1 пѣхотнаго полка, коего юбиляръ назначенъ шефомъ; при этомъ былъ поднесенъ ему дипломъ на Прусское фельдмаршалство и мундиръ упомянутаго полка; 7) Англійскій консулъ съ поздравительнымъ письмомъ отъ Герцога Веллингтона и 8) но прежде всѣхъ забрался къ его свѣтлости фаворитъ его Викинскій, который, возвратившись отъ него къ генераламъ, стоявшимъ въ линіи на площади, отъ избытка чувствъ крестился, возводилъ очи къ небу и убѣждалъ *молиться и просить Бога* о продолженіи лѣтъ и жизни и управленію арміей и Царствомъ Польскимъ для счастія и благоденствія его подчиненныхъ и края, перечисляя при томъ его всякія добродѣтели, умъ, сердце, душу и проч. и проч. Эта сцена была комична, но никто не посмѣлъ даже и улыбнуться. Хорошо было Викинскому приходиться въ пафосъ отъ своего кумира, будучи имъ ущедренъ благами сего міра!

Пріѣхаль и Царь въ парадной формѣ, прошелъ вдоль всего фронта, поставилъ предъ 1 баталіономъ полковника Паскевича, сына фельдмаршала, *съ ящикомъ въ рукахъ*, а по сторонамъ въ ассистенты обоихъ юныхъ Великихъ Князей и потомъ, пригласивъ слѣдовать за собою корпусныхъ начальниковъ: Сиверса, Панютина, Офенберга и Остенъ-Сакена, отправился въ домикъ къ юбиляру и поздравилъ его отъ себя и отъ имени арміи съ совершеніемъ 50-лѣтней его службы. Возвратившись оттуда, Императоръ принялъ команду надъ полкомъ и, дождавшись прибытія фельдмаршала, обнажилъ шпагу, скомандовалъ на караулъ и вмѣсто строевой записки вручилъ ему рескриптъ о пожалованіи жезла, украшеннаго драгоцѣнными камнями, и притомъ передалъ ему самый жезлъ. Престарѣлый воевода палъ наземъ, обнялъ и цѣловалъ царскія колѣни; Императоръ поднялъ его, облобызалъ и съ опущенною долу шпагою повелъ его по линіямъ сперва генеральской, а потомъ—выстроеннаго полка: при этомъ обходѣ барабаны били полный походъ, музыканты играли „Боже храни Царя“, а орудія, какъ стоявшія на площади, такъ и въ Александровской цитадели, стрѣляли каждое по 51 выстрѣлу. Затѣмъ полкъ прошелъ два раза мимо юбиляра церемоніальнымъ маршемъ, итѣя въ оба раза впереди Императора, салютовавшаго шпагою и оба раза не допустившаго Паскевича до цѣлованія своей державной руки.

Нѣсколько прежде, когда Царь занимался свертываніемъ колоннъ для

церемониальнаго марша, а фельдмаршалъ оставался одинъ, ожидая окончанія этого построенія; къ нему подошелъ его сынъ, котораго онъ обнялъ и оба довольно долго разсматривали и переворачивали пожалованный жезлъ.

Оставалось совершить послѣдній немудреный артикуль, чтобы сказать: слава Богу! церемонія кончилась благополучно, безъ шума и брани! Однако же сего не случилось. По окончаніи церемониальнаго марша Императоръ приказалъ вызвать знамена для отнosa ихъ въ домикъ къ фельдмаршалу, какъ шефу полка. Полковое начальство не сумѣло сего сдѣлать; хотя для такого случая и существовало правило. Царь разгѣвался и принялся муштровать; наконецъ вызваны знамена по уставу, понесены въ домикъ, а за ними послѣдовалъ и самъ суровый Владыка съ съѣжившимся юбиляромъ и, пробывъ у него нѣсколько минутъ, изволилъ отбыть въ Лазенковскій дворець. А за незнаніе въ полку правилъ о вызовѣ и относѣ знаменъ приказалъ полкового и одного баталіоннаго командировъ выдержать сутки на гауптвахтѣ, дивизионнаго же начальника генер.-лейт. Клуге-фонъ-Клугенау и бригаднаго генер.-м. Корякина не приглашать къ царскому обѣденному столу, который въ тотъ день Его Величество давалъ въ честь юбиляра.

За отбытіемъ Царя, приносили поздравленія фельдмаршалу высшее духовенство всѣхъ исповѣданій и высшіе чины всѣхъ управленій гражданскаго вѣдомства, равно и многія дамы въ предшествіи супруги свѣтлѣйшаго, и въ заключеніе посѣтила его и сама Императрица съ Великою Княгинею Ольгою Николаевной.

Къ 3¹/₂ часамъ пополудни къ царскому столу собрались всѣ генералы, полковые и артиллерійскихъ бригадъ командиры въ парадной формѣ. Этотъ обѣдъ былъ чисто военный; кромѣ канц. гр. Нессельроде и нѣкоторыхъ придворныхъ, изъ гражданскихъ никого не было; столы были накрыты въ 3-хъ комнатахъ. Фельдмаршалша опоздала и явилась за вторымъ блюдомъ. Одинъ только былъ тостъ, провозглашенный Императоромъ въ честь юбиляра. Послѣ обѣда всѣ вышли въ комнату, называемую Соломоновою по висѣвшей огромной картинѣ „Судъ Соломона“. — Августѣйшая чета удостоила нѣкоторыхъ извѣстныхъ генераловъ разговорами, такъ, наприм., Государь сказалъ Сиверсу, корпусъ коего былъ расположенъ по границѣ съ Пруссіею: „Я поставилъ тебя въ авангардъ; хотя за границею довольно спокойно, однако-же“..... — и не докончилъ. Мы не переставали стремиться проливать русскую кровь за чуждые намъ интересы, а чрезъ 2¹/₂ года у насъ не было ни одного союзника! Спустя полчаса, Царь, поклонившись и пожавъ руку Паскевича, съ Царицею и дѣтьми удалились во внутренніе покои, а за ними и всѣ прочіе ринулись по домамъ.

Такъ прошелъ утомительно тяжелый первый день праздника. Герой его сталъ обладателемъ двухъ жезловъ: одного обыкновеннаго, пожалованнаго при производствѣ въ фельдмаршалы и составлявшаго принадлежность его званія, и другаго почетнаго, съ драгоценными каменьями. Видѣвшіе послѣдній гадательно оцѣнивали его въ 30 тыс. рублей сер. За всѣмъ тѣмъ приближенные шептали, что будто бы Паскевичъ, и особенно дражайшая его половина, несовсѣмъ были довольны Царскимъ даромъ, считая таковой не соответственнымъ ни положенію въ обществѣ юбиляра, ни имущественному его состоянію; но эта чета не взяла въ соображеніе возданнаго Царемъ своему подданному гласно и всенародно почести, составлявшіе главнѣйшую и важную награду.

Здѣсь кстати замѣчу, что при Александрѣ I ни въ военномъ ни въ гражданскомъ вѣдомствахъ не существовали юбилейныя торжества и празднества; они возникли при Николаѣ и сильно распространились при Александрѣ II съ рескриптами и безъ оныхъ и съ непремѣнными наградами до генераль-маіорскаго чина включительно. Награды состоятъ въ пожалованіи орденовъ, аренда, табакерокъ, перстней и денегъ. Такъ я, за 50-лѣтнюю службу въ офицерскихъ чинахъ, въ 1870 году, вмѣсто аренды, къ которой представленъ былъ графомъ Бергомъ, удостоился получить убогой годовой окладъ жалованья 1017 руб.; да изъ этой суммы вычтено 18⁰/₀.

7 Октября.—Юбилею въ честь прусской депутаціи данъ балъ, на которомъ присутствовалъ и Императоръ въ кирасирскомъ прусскомъ мундирѣ, а Паскевичъ тоже въ прусскомъ мундирѣ, подвешенномъ ему депутаціею 5 октября. У фронтowych военныхъ лица были вытянутыя, смущенныя; утромъ Императоръ показывалъ войска съѣхавшимся въ Варшаву иноземцамъ и былъ ученіемъ недоволенъ.

8 Октября.—Августѣйшая чета съ дѣтьми слушала обѣдную въ придворной церкви, при бытности однихъ только генераловъ; тамъ же находились, по приказанію Царя, гренадерскаго Императорскаго австрійскаго полка полковой командиръ, 2 оберъ-офицера и 22 человекъ нижнихъ чиновъ, прибывшіе наканунѣ изъ Петербурга въ дилижансахъ для караула къ ожидавшемуся Его Императорскому Апостолическому Величеству Францу Іосифу.

10 Октября.—Балъ съ ужинкомъ данъ былъ шляхетствомъ польскимъ въ Брилевскомъ дворцѣ.—Императоръ и Императрица не удостоили этотъ балъ своимъ посѣщеніемъ, но всѣ прочіе Августѣйшіе и заграничные гости были. Поляки выдумали нелѣпость: потому де Государь не пріѣхалъ, что не успѣли заготовить манифеста о прощеніи эмигрантовъ и ссыльныхъ, который онъ хотѣлъ вручить на самомъ балѣ своимъ вѣрноподаннымъ. Этотъ балъ замѣчателенъ былъ своею

безпорядочною и безтолковостию и наплывомъ неприглашенныхъ разнаго званія личностей, такъ что фельдмаршалъ депутаціи, на другой день къ нему явившейся для принесенія благодарности, назвалъ этотъ балъ *свинскимъ*.

13 Октября прибылъ въ Варшаву Францъ Іосифъ, бывъ встрѣченъ съ подобающею честью на бангофѣ Императоромъ и отвезенъ имъ въ Вельведерскій дворецъ. — Потомъ Его Апостолическое Величество поѣхалъ юбиляра, поздравилъ его австрійскимъ фельдмаршаломъ и шефомъ того венгерскаго полка, который носилъ имя покойнаго Великаго Князя Михаила Павловича.

Въ тотъ же день и *другой* по счету данъ былъ балъ съ ужиномъ въ ратушѣ отъ города; и на этомъ балѣ не присутствовали Царь съ Царицею, равно и австрійскій Кайзеръ; не была также и В. К. Ольга Николаевна попричинѣ простуды. Этотъ балъ разстествовалъ отъ дворянскаго и *порядкомъ* и *числомъ* приглашенныхъ по билетамъ и *разнообразіемъ* сословнымъ: здѣсь находились и евреи съ пейсами и русскіе купцы съ бородами въ длинно польхъ кафтанахъ, названные одною польскою *русскими мужиками*. На этомъ балѣ фельдмаршалъ распѣтушился и сдѣлалъ замѣчаніе президентшѣ города г-жѣ Андро, обвиняя ея мужа за безпорядокъ, происходившій между экипажами; но бойкая дама отважно отвѣчала, что установленіе порядка въ экипажахъ зависитъ собственно отъ полиціи и жандармовъ, а не отъ ея мужа.

На другой день этого бала Царица для католическаго Величества устроила у себя избранный вечеръ, на который были приглашены всѣ знаменитости. Начались танцы варшавскою балетною труппою, а по удаленіи ея продолжали высокопоставленные особы, подъ звуки оркестра знаменитаго Штрауса, нарочито выписаннаго изъ Вѣны. Самъ юный Габсбургъ изволилъ плясать и даже мазурку съ фрейлиною Понютинъ. Царь, зная антипатію фельдмаршалши къ театральнымъ жрицамъ, и разхваливъ стройность, граціозность и одѣяніе танцовавшихъ терпсихоръ, спросилъ: *кто ими занимается?* Ревнивая супруга безъ обняковъ отвѣчала: *мой мужъ, Ваше Величество и Абрамовичъ* (директоръ театровъ). Когда же оберъ-гофмаршалъ гр. Шуваловъ объявилъ ей, что Императоръ приказалъ раздать подарки этимъ *дѣвицамъ*, „*скажете дѣвкамъ*“, отвѣчала старуха. На вечерѣ не были: предсѣдатель австрійскаго министерства князь *Шварценбергъ*, — прусскій графъ *Бранденбургъ* и нашъ канцлеръ графъ *Нессельроде*. Говорили, что эти пѣмцы имѣли какія то совѣщанія, — ужь конечно не къ благу Россіи.

Наступила очередь и для юбиляра отплатить публикѣ баломъ; давно дѣлались къ нему приготовленія; между тѣмъ Кайзеръ съ своими австріяками отправился восвоеси и Царь спѣшилъ зачѣмъ-то въ Питеръ. И вдругъ распространился слухъ, что бала не будетъ, потому-де,

что для свѣтлѣйшаго намѣстника крайне конфузна небытность Царя на балѣ, означавшая къ нему неблаговоленіе, но вслѣдъ за симъ стали говорить, что Императоръ, не взирая на свой отъѣздъ, приказалъ Паскевичу дать балъ и таковой волею неволею состоялся на другой день оставленія Его Величествомъ Варшавы, т. е. 18 октября. На немъ присутствовали Великіе Князья, Великая Княгиня, Принцы и другія особы обоого пола, до 500 д. Этотъ балъ не соответствовалъ ни званію юбиляра, ни удостоившихъ посѣщенія Высокорожденныхъ лицъ; повсемъ была замѣчательная скупость: конфекты и мороженое разносились на малыхъ подносахъ съ продолжительными промежутками, замороженный пуншъ былъ почти безъ сахару и рому и большею частію возвращался едва початымъ; ужинъ долженъ бы быть болѣе изящнымъ и безупречнымъ въ припасахъ, между тѣмъ на нижнихъ столахъ рыба подавалась въ полторы четверти, съ душикомъ и пересоленная, а вино было простенькое, столовое, шампанское же приторно сладкое и теплое и всего по одному бокалу. Многимъ недоставало мѣсть, даже генераламъ, тогда какъ адъютанты его свѣтлости и челядь его намѣстнической канцеляріи преспокойно возсѣла за трапезою.

Великая Княгиня послѣ первыхъ трехъ танцевъ оставила балъ; замѣчательно, что при путешествіи въ польскомъ вѣѣ дамы, мимо коихъ она проходила, вставали съ своихъ мѣсть. — Я присматривался къ Ея Высочеству и нашелъ ее блѣдною, съ ввалившимися щеками и вообще съ страдающимъ лицомъ. Носились слухи, что она не совсѣмъ счастлива въ своемъ супружествѣ.

Сверхъ всѣхъ этихъ празднествъ, въ юбилейный день поднесены были и потомъ напечатаны стихи подъ фирмою „Чувства русскаго воина“. Авторъ ихъ Брестскій комендантъ генераль-лейт. Бартоломей, изобразилъ всѣ подвиги и побѣды воспѣтаго имъ героя съ 1812 г.; вирши прозаичны, кочковаты, но весьма пригодны для самолюбія Паскевича. Далекое полезнѣе явилъ къ нему вниманіе варшавскій кагалъ, какъ представитель здѣшней еврейской общины, пожелавшій внести въ банкъ 3756 руб. сер., съ тѣмъ, чтобы годовой процентъ отъ капитала былъ выдаваемъ ежегодно 5 октября въ приданое одной изъ бѣдныхъ дѣвицъ, преимущественно дочерей воинскихъ чиновъ. Фельдмаршалъ согласился на это предложеніе и объявлялъ благодарность.

Послѣ фельдмаршальскаго бала пріѣзжіе заморскіе гости стали разъѣзжаться; въ Варшавѣ оставалась одна только немощная Царица съ своею сестрою, и мы вовсе не знали о времени ея отъѣзда; наконецъ, разослано было объявленіе генераламъ, чтобы они, по случаю присутствія Государыни у обѣдни 29 октября, прибыли въ придворную церковь *въ 8 часовъ утра въ парадной формѣ*. Ранній часъ и

парадная форма означали, оставленіе Ея Величествомъ Варшавы. Государыня явилась предъ концомъ обѣдни въ дорожномъ платьѣ. Послѣ напутственнаго съ колѣнопреклоненіемъ молебна Императрица подала руку для лобзанія нѣкоторымъ генераламъ, обняла нѣкоторыхъ дамъ, сдѣлала общій поклонъ, надѣла плащъ, сѣла въ экипажъ и ступила въ Питеръ, прогостивъ въ Варшавѣ около полутора мѣсяца; а затѣмъ Варшава пришла въ нормальное положеніе и фельдмаршалъ по прежнему сталъ ея безконтрольнымъ владыкой.

Въ память юбилея Паскевичъ заказалъ написать картину, представляющую дареніе ему жезла Императоромъ и колѣно-преклоненіе предъ Нимъ.

Съ 12 Ноября начались у свѣтлѣйшей четы монотонные вечера, а 6 Декабря, въ день тезоименитства Императора, былъ офиціальныи обѣдъ; въ этотъ же день министръ двора, князь Волконскій возведенъ въ генералъ-фельдмаршалы, что вызвало въ завистливомъ сердцѣ старика Паскевича негодованіе и рѣзкіе слова.— Можетъ быть онъ и правъ былъ.

Вскорѣ послѣ того военное вѣдомство было утѣшено милостивымъ распоряженіемъ о нашемъ благосостояніи и о томъ послѣдовалъ слѣдующій приказъ 28 Декабря № 276:

„Государь Императоръ въ 12 день текущаго Декабря Высочайше повелѣтъ соизволилъ: производство добавочнаго третнаго жалованья войскамъ и добавочнаго жалованья по усиленнымъ окладамъ медицинскимъ и аудиторіатскимъ чинамъ, гражданскимъ чинамъ управленій главнаго штаба дѣйствующей арміи, а равно священно и церковно-служителямъ крѣпостныхъ церквей находящихся въ Царствѣ Польскомъ, по случаю снятія границы между Имперією и Царствомъ съ 1 Января 1851 года,—прекратить“.

Князь Варшавскій.

Къ сердечному моему огорченію получаемое доселѣ жалованье 1117 руб. должно сократиться на 838 руб., а ожидавшейся дешевизны отъ уничтоженія границы—никогда не было.

Конецъ 1850 года заключился несчастнымъ произшествіемъ: въ день Рождества Христова комендантъ Александровской цитадели генералъ-лейтенантъ графъ Симоничъ (бывшій нашъ посланникъ при персидскомъ дворѣ) утромъ ѣхалъ къ фельдмаршалу на общее представленіе по случаю праздника. На дорогѣ переломился у дрожжекъ шкворень, графъ вывалился изъ экипажа, ударился головою о камень и 31 Декабря въ 3 часа утра предалъ душу Богу. Онъ былъ католикъ и православный архіепископъ изъ уваженія къ памяти усоп-

шаго былъ непрочъ участвовать въ процессіи его погребенія, но латинское духовенство воспротивилось сему, ссылаясь на свои каноническія правила. Замѣчательно, что не смотря на глубокій трауръ семейства, старшая дочь Симонича чрезъ 22 дня послѣ его смерти вступила въ бракъ.

1851 годъ.

(Краткая хроника событій изъ подробнаго дневника по мѣсяцамъ).

Январь. 4 Января главнаго директора внутреннихъ дѣлъ (по нашему министръ) генерала Викинскаго крѣпостные его слуги, за нестерпимо-жестокое съ ними обращеніе и кормленіе въ проголодь, — покусились было убить своего учителя, пустивъ въ ходъ ножъ и топоръ и сдѣлали уже нападеніе, но не могли совершить преступленія по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ. Этимъ происшествіемъ, разнесиамъ по всему городу, фельдмаршалъ чрезвычайно былъ разгнѣванъ и Викинскій получилъ жестокой нагоняй.

Князь Горчаковъ получилъ отъ родного своего брата, генераль-губернатора западной Сибири князя Петра, письмо, коимъ увѣдомляетъ, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, — что для разузнанія справедливости дошедшихъ въ столицу свѣдѣній и доносовъ о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ его кн. Петра, по Высочайшему повелѣнію посланъ въ Омскъ генераль-адъютантъ Анненковъ и, наконецъ, что онъ кн. Петръ, какъ оскорбленный, подалъ въ отставку и получилъ ее съ назначеніемъ пенсіи по 6 тыс. руб. сер. въ годъ. Мы не знали о результатахъ розысканія Анненкова, но слухи сильно ходили, — не о томъ, чтобы у Горчакова было *рыльцо въ пуху*, но что онъ находился подъ вліяніемъ своего дежурнаго штабъ-офицера Мартенса и подъ башмакомъ своей коханки — жены одного генерала, употреблявшихъ для своихъ интересовъ положеніе его, высшаго въ краѣ начальника.

Вслѣдъ за прекращеніемъ добавочнаго третняго жалованья, — повелѣно⁰ у генераловъ взять и казенныхъ деньщиковъ, которыхъ они, правда, прежде не имѣли, но были имъ даны при открытіи съ мадырами войны. Эт⁰ лишеніе прислуги для строевыхъ генераловъ было не чувствительно⁰ потому, что они, командуя частями, держатъ у себя (хотя и незаконно) фронтовыхъ солдатъ, но для штабныхъ генераловъ, у коихъ въ распоряженіи нѣтъ никакихъ командъ, отнятіе депъщиковъ крайне прискорбно.

Итакъ, въ силу этого мудраго распоряженія, я, имѣвшій право пользоваться 3 деньщиками, — держалъ только одного, долженъ былъ лишиться и сего послѣдняго и остался безъ прислуги. Въ послѣдствіи, предъ Крымскою войною, когда наемные люди не хотѣли идти въ Турцію и отказывались отъ мѣстъ, по ходатайству Паскевича вновь возвращено право имѣть казенную прислугу, которая остается и доннѣ, впредь.

.

27 Января отъ австрійскаго правительства прибыла въ Варшаву къ фельдмаршалу венгерская депутація, предводимая бывшимъ въ 1849 году при русской арміи въ Венгріи чрезвычайнымъ комиссаромъ графомъ Зиши и состоявшая изъ дворянъ и обывателей г. Пешта. Это былъ финалъ 50 лѣтняго юбилея его свѣтлости. На другой день, въ Воскресенье, на выходѣ въ замѣкъ Паскевичъ, къ великому изумленію собравшихся на селямъ, явился въ австрійскомъ фельдмаршалскомъ мундирѣ, красныхъ штанахъ съ золотыми лампасами, въ золотомъ шарфѣ и съ лентою св. Стефана черезъ плечо, имѣя въ рукахъ треуголку, обшитую золотымъ галуномъ и украшенную пучкомъ зеленыхъ перьевъ, и сопровождаемый всею толпою, отправился въ замковую церковь. Послѣ обѣдни въ обширной, такъ называемой бѣдой, залѣ принялъ депутацію; дворяне поднесли грамоту, читанную на французскомъ языкѣ, въ красномъ бархатномъ переплетѣ, украшенномъ золотомъ и гербомъ его свѣтлости, по мѣстамъ коего былъ довольно крупный жемчугъ; а обыватели Пешта поднесли другую грамоту на право гражданства, писанную на какомъ то славянскомъ языкѣ, которую читалъ одинъ изъ депутатовъ и во время чтенія кой то фельдмаршалъ кланялся депутатамъ, то депутаты ему, — и эта грамота была въ переплетѣ, но весьма скромномъ. Замѣчено, что чтець — обыватель, когда надобно было переворачивать листы, *слюпчил* палець. — Тутъ же депутація гр. Зиши была представлена фельдмаршаломъ, а потомъ и военному генералъ губернатору князю Горчакову въ его квартирѣ. 29 Января его свѣтлость, въ честь депутаціи, задалъ балъ, а 30-го Горчаковъ — большой вечеръ.

Февраль. Въ одной изъ русскихъ газетъ фельдмаршалъ Радецкій уподобленъ былъ нашему великому Суворову. Это уподобленіе оскорбило самолюбиваго Паскевича и онъ въ разговорѣ съ генер.-маіоромъ Шеншинымъ прямо ему объявилъ, что его, Паскевича, ни кто еще не сравнивалъ съ Суворовымъ, а, напротивъ, всѣ окружающіе и подчиненные ему, гдѣ соберутся двое или трое, непременно ругаютъ и порочатъ его, при чемъ онъ добивался отъ Шеншина сказать причину такого къ нему нерасположенія, Разумѣется, Шеншинъ уклонился высказать настоящую причину и отвѣчалъ, что это происходитъ отъ того, что люди по своей натурѣ склонны болѣе къ злу, чѣмъ къ добру.

Мартъ. Разъ при докладѣ одного военно-суднаго дѣла и опредѣленнаго виновному наказанія, фельдмаршалъ, будучи въ веселомъ расположеніи, пустился сравнивать законодательство наше съ французскимъ и при этомъ случаѣ съ особенною похвалою отозвался объ учрежденіи института присяжныхъ.

Апрѣль. Давно ли крѣпостные слуги Викинскаго покушались убить его, теперь же то же крѣпостные, на другой день Пасхи, украли у него деньги и вещи и бѣжали, оставивъ ему письмо, въ коемъ негодяи благодарятъ за всё его милости и отеческое объ нихъ попеченіе. Фельдмаршалъ много смѣялся надъ этимъ письмомъ и самою покражею, но у Викинскаго едва не сдѣлался ударъ и должны были пустить ему кровь.

Получено официальное свѣдѣніе о прибытіи Императора съ супругою 1 Мая въ Варшаву. Военщина и самый городъ, въ виду грядущей грозы, ~~взблескивающей~~ ~~и~~ ~~быстрѣе~~ стали двигаться и суетиться; особенно впалъ въ лихорадочное состояніе князь Горчаковъ, какъ по званію начальника главнаго штаба арміи, такъ и по должности Варшавскаго генераль-губернатора. Къ почетнымъ дамамъ (въ томъ числѣ и моею женѣ) разосланы повѣстки, что при представленіи Императрицы онѣ должны быть *въ русскомъ платьѣ*.

Май. 1 числа въ 6 часовъ пополудни изволилъ прибыть въ Варшаву Императоръ въ открытой коляскѣ, а велѣдъ за нимъ и Императрица въ каретѣ и остановились въ Лазенковскомъ дворцѣ.

2 числа. Ихъ Императорскія Величества предполагали быть въ соборѣ, куда къ 11¹/₂ час. утра собрались въ парадной формѣ военные и гражданскіе чины, — также много было и дамъ, въ пухъ — и прахъ наряженныхъ; но получено извѣщеніе, что посѣщеніе собора отложено до завтра, потому что Императрица не совсѣмъ здорова, а день былъ холодный, вѣтряный и дождливый; и такъ всё разѣхались и разошлись изъ собора по домамъ.

Въ этотъ же день разразилась справедливая, животворная гроза не съ неба, а съ усть Царя. Императоръ нежданно негаданно, — что впрочемъ всегда слѣдуетъ дѣлать, — посѣтилъ уяздовскій военный госпиталь и нашелъ многіе безпорядки, особенно разгнѣвался за худовыпеченный и горькій хлѣбъ, который и отвезъ фельдмаршалу, приказавъ: Варшавскому комендату Тутчеку, дежурному генералу Заблоцкому и главному доктору госпиталя объявить выговоръ въ приказѣ по арміи; директора госпиталей генер.-маіора Канабиха, которому Его Величество, при осмотрѣ госпиталя, сказала, что онъ, будучи еще полковымъ командиромъ, *обиралъ полкъ*, арестовать на 8 сутокъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ, а смотрителя госпиталя маіора де-Ро-

берта, предать военному суду, о чемъ фельдмаршаломъ и объявлено въ приказѣ по арміи отъ 8 Мая. Князю же Горчакову Императоръ сдѣлалъ замѣчаніе лично. Вся эта исторія произвела панику, а главный то виновный, генералъ штабъ докторъ Четыркинъ, фаворитъ и всеневный шестунъ и разказчикъ амурныхъ скандаловъ фельдмаршалу, покровитель медиковъ и защитникъ злоупотребленій смотрителя и особенно комиссара госпиталя, остался въ сторонѣ.

3 числа. Въ 2 часа пополудни Императоръ съ супругою посѣтили соборъ, бывъ встрѣчены на наперти архіепископомъ Арсеніемъ съ духовенствомъ. Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ фаворитку, извѣстную фрейлину Нелидову, въ числѣ сопровождавшихъ Императрицу; говорили она умна; по наружности она „такъ себѣ“ и не первой молодости.

5 числа. Около 9 часовъ вечера прибылъ въ Варшаву родной братъ Императрицы, Король Прусскій, вмѣстѣ съ Императоромъ, выѣзжавшимъ къ нему на встрѣчу въ Скерневицы, гдѣ и изволили обѣдать. Король остановился въ Вельведерѣ.

6 числа. У обѣдни въ придворной Лазенковской церкви присутствовали Императоръ, Императрица, Король Прусскій и одни только генералы въ парадной формѣ. Замѣчательно, что въ продолженіи богослуженія діаконъ кадилъ и кланялся Королю Прусскому (лютеранину) одинаково, какъ и православной Августѣйшей четѣ. Въ церковь изъ внутреннихъ покоевъ вошелъ король прусскій, ведя подъ руку Царицу, а за ними шествовалъ Царь. Послѣ обѣдни и ухода Августѣйшихъ особъ въ комнаты, мы ожидали призыва для представленія королю, какъ это предполагалось, но были приглашены для сего одни только полные генералы и генералъ-лейтенанты, а генералъ-майоры не удостоились этой чести. Король, мужчина немного ниже средняго роста, широкоплечій, плотный, похожій на покойнаго графа Толя;—лицо симпатичное, доброе.

7 числа. Войска, находившіяся въ Варшавѣ, были представлены самимъ Императоромъ Королю Прусскому, мимо котораго они проходили церемониальнымъ маршемъ, а конно-мусульманскій полкъ пронесся во весь карьеръ съ гикомъ и крикомъ.

На этомъ смотрѣ присутствовала и Императрица съ какими-то двумя иностранными принцессами. Поляки сдѣлали замѣчаніе, что *русской* Царицѣ слѣдовало бы въ своемъ экипажѣ имѣть и русскую упряжь и лошадей съ длинными хвостами, а не англійскую съ жокеями и кургузыми конями.

Два гайдука, подсаживая Царицу въ экипажъ, по неловкости разорвали кружевную мантилью; Ея Величество сильно разгнѣвалась.

8 числа. Привезенъ изъ за границы, скованный по ногамъ, извѣстный красный изъ красныхъ мятежниковъ, проповѣдникъ царевубійства, взятый въ плѣнъ во время бунта въ Дрезденѣ, другъ Герцена, Бакунинъ. Императоръ удостоилъ его разговоромъ и потомъ онъ былъ отправленъ въ Петербургъ, судимъ, сосланъ на каторжную работу въ Сибирь и оттуда бѣжалъ, явившись вновь за границую для произведенія новыхъ мерзостей.

10 числа. Что бы блеснуть предъ королемъ завтра, нашимъ фронтовымъ образованіемъ и стройностию движеній 9 пѣхотной дивизіи въ полномъ ея составѣ, Императоръ предварительно произвелъ ей въ родѣ *репетицій* 12 рядное ученіе не безъ шума и крика, а 11 числа показалъ эту дивизію въ цѣломъ комплектѣ и Королю, безъ сучка и задоринки.

12 числа. Императоръ изволилъ угостить августѣйшаго шурина своего ученіемъ одной кавалерійской дивизіи. Но здѣсь произошелъ такого рода казусъ. Наканунѣ Государь, отдавая лично приказаніе фельдмаршалу о выводѣ этой дивизіи съ ея артиллеріею на учебное мѣсто, приказалъ присоединить къ ней и не принадлежащую ей донскую конную батарею. Это приказаніе Паскевичемъ было передано для исполненія по обыкновенію князю Горчакову, но забыто о донской батарее. Пріѣзжаетъ Царь съ Королемъ къ дивизіи; видитъ, что этой батарее въ строю нѣтъ и всею силою гнѣва обратился на Горчакова; оторопѣлый бѣдный князь молча выдержалъ бурю, не промолвивъ ни одного слова для своего оправданія; но фельдмаршалъ, послѣ вснышки Царя и сдѣланнаго уже невинному Горчакову нагоняя, дерзнулъ доложить, что онъ виноватъ и позабылъ князю отдать приказаніе о выводѣ батареи. Государь смолчалъ, но и ни одного слова не сказалъ Горчакову; и все это происходило при Королѣ, изъ приличія отбѣхавшемъ въ сторону и съ кѣмъ то разговаривавшимъ. За то на обѣдѣ у Императора Его Величество обнялъ Горчакова и произнесъ: „я люблю тебя, какъ душу“!

13 числа. Въ присутствіи Ихъ Величествъ и военныхъ генераловъ въ придворной церкви совершена была обѣдня по случаю воскресенья. Предъ обѣдней и не входя еще въ церковь, вынесенъ былъ списокъ лицамъ, коимъ Король пожаловалъ ордена. Сколько явилось претендентовъ, чарочкою обнесенныхъ, и каждый изъ нихъ выставялъ заслуги и право на награду! И жалко было и смѣшно!

14 числа. Король, пресыщенный по горло солдатскими муштрами, которыхъ онъ вообще не долюбливалъ, простился съ Августѣйшими своими хозяевами и готовился оставить Варшаву, какъ, неожиданно для него, явились къ нему подъ предводительствомъ Императора въ парадной формѣ всѣ тѣ лица, которые вчера получили прусскіе

ордена, для принесенія его королевскому величеству благодарности. Король былъ одинъ одиноконекъ въ комнатѣ и, какъ извѣстный словоохотливостію витія, въ сказанной имъ по французски рѣчи распространился въ похвалахъ о потушеніи въ 1849 году бунта въ Венгріи, карѣ постигшей мятежниковъ и пр. пр., но въ это время явился изъ свиты его какой то полковникъ и добрый Король смѣшался, не продолжалъ своего разглагольствованія и откланялся, вѣроятно изъ опасенія, чтобы полковникъ не выдалъ его.

На другой же день Государь Императоръ вмѣстѣ съ Королемъ изволилъ выѣхать чрезъ Ловичъ въ Ольмуцъ для свиданія съ Австрійскимъ Цезаремъ, взявъ съ собою и Паскевича, равно офицера, унтеръ-офицера и рядового съ лошадыи уланскаго фельдмаршала Радецкаго полка, для представленія ихъ сему старцу въ Ольмуцѣ. Въ Ловичѣ показывалъ королю войска 2 пѣхотнаго корпуса; зятя фельдмаршала, флигель-адъютанта князя Лобанова-Ростовскаго, за перевранное отданное ему приказаніе войскамъ, разъ изволилъ назвать *оуракомъ*, а въ другой разъ *розиню*; полкового командира Развадовскаго посадилъ на гауптвахту и за тѣмъ съ Королемъ выѣхалъ изъ Ловича, не совсѣмъ въ хорошемъ расположеніи духа.

Разказывали послѣ, что Радецкій весьма былъ тронуть вниманіемъ къ нему русскаго Царя; офицеру выпросилъ у своего кесаря орденокъ, а унтеръ-офицера и рядового обдарилъ золотыми часами.

17 числа. Приказано было всѣмъ генераламъ въ 8 часовъ утра быть у обѣдни въ придворной церкви. Возрадовались мы, полагая, что Императрица отпрапляется въ Питеръ,—не тутъ то было: послѣ обѣдни Ея Величество совершила церемоніальный намъ поклонъ, сѣла въ карету и поѣхала въ Пулавы повидаться съ Александринскимъ Институтомъ благородныхъ дѣвицъ. Истинное мученіе составляло для генераловъ приглашеніе въ придворную церковь. И для чего только военныхъ?

Царь возвратился изъ Ольмуца, а царица изъ Пулавъ и 21 числа, въ день тезоименнства Велик. Князя Константина Николаевича и Вел. Кн. Елены Павловны, Ихъ Величества и генералы находились при богослуженіи въ придворной церкви; послѣ обѣдни генералы, перейдя во дворецъ, имѣли счастье представляться Императрицѣ и лобызать ея руку.

Послѣ 21 числа въ Варшаву прибыли новые высокіе гости: Велик. Князя Николай и Михайлъ Николаевичи и родной братъ Императрицы Принцъ Вильгельмъ, нынѣшній Императоръ Германскій и король Пруссіи.

27 числа. Въ праздникъ Св. Троицы по обыкновенію при собраніи

военныхъ генераловъ Ихъ Величество и Высочество присутствовали при богослуженіи въ придворной церкви; Императрица пожаловала послѣ уже херувимской.—Предъ началомъ молебна придворные служители на подносахъ присутствовавшимъ разнесли крохотные букетики цвѣтовъ. Я замѣтилъ, что при цѣлованіи креста великими князьями и руки священника,—и этотъ послѣдній лобызалъ ихъ руку.—Подобаетъ ли? Послѣ богослуженія и удаленія Императорской фамиліи во внутренніе покои, Принцъ Прусскій остался въ церкви, подходилъ къ каждому изъ знакомыхъ ему генераловъ, подавалъ руку и удостоивалъ разговорами. Онъ далеко выше ростомъ своего царственного брата и на лицахъ обоихъ выказывалось добродушіе, а въ обращеніи патріархальность. Въ этотъ день у Царя былъ парадный обѣдъ, а вечеромъ придворный театръ.

28 числа,—день сошествія Св. Духа. Всѣ войска варшавскаго гарнизона утромъ находились въ строю на Улязовскомъ плацѣ, гдѣ сперва совершенно было богослуженіе, а потомъ прохожденіе церемониальнымъ маршемъ. Императоръ попростился съ войсками, оставляя Варшаву. На этомъ парадѣ Его Величество изволилъ гнѣваться на то, что народъ или зрители лезли впередъ и во время богослуженія разбѣжали по аллеѣ экипажи, и сказалъ варшавскому военному генералъ-губернатору князю Горчакову, что *у него худая въ городѣ полиція и что „въ Варшавѣ Я, болѣе чѣмъ гдѣ ибудь, долженъ быть уважаемъ“*.

Такъ какъ Государь, по московскому суевѣрію, понедѣльникъ считалъ днемъ худымъ, то выѣхалъ изъ Варшавы послѣ полуночи, т. е. 29 числа, а послѣ него оставили Варшаву Императрица и прочія высокія особы.

Іюнь. Здоровье моей жены по наружности пришло въ нормальное положеніе, она стала выходить, выѣзжать и бывать въ обществѣ; благодареніе Богу и ея крѣпкой натурѣ! опасность миновала; но корень болѣзни, *затверденіе печени*, не уничтоженъ и по совѣту доктора слѣдовало искать этого уничтоженія у Карлсбадскихъ источниковъ. Я самъ хотѣлъ сопровождать ее въ Карлсбадъ и получилъ уже отпускъ на 2 мѣсяца, но жена настаивала на томъ, что бы я остался дома при дѣтяхъ и я покорился; затѣмъ снабдилъ ее деньгами (25 червон. 100 полуимперіалами и 600 руб. сер. бумажками и письменнымъ наставленіемъ) и отслужилъ напутственный молебенъ; 6 Іюня она по желѣзной дорогѣ отправилась въ путь; я сопровождалъ ее до границы, гдѣ и простился, умоляя при усиленіи болѣзни тотчасъ писать ко мнѣ. Въ Карлсбадѣ жена пила минеральныя воды изъ источниковъ: Мильбрунъ и Шпрудель, брала горячія вонны и ни что не помогло,—какъ поѣхала, такъ и возвратилась въ Варшаву 26 Августа съ затвердѣ-

лостію печени. Въ ея отсутствіе часто посѣщала меня княгиня Горчакова за справками о женѣ и здоровьѣ моихъ дѣтей. За такое вниманіе и участіе вѣчная ей моя признательность.

Іюль. Пріѣхалъ въ Варшаву литовскій генераль-губернаторъ Бибиковъ; я часто у него бывалъ, по старому знакомству; разъ я просидѣлъ у него битыхъ два часа, слушая его болтовню, особенно о фельдмаршалѣ, котораго онъ называлъ „хитрымъ штукаремъ“. Между прочаго разсказалъ, что братъ Бибикова безрукій Дмитрій, знаменитый кievскій генераль-губернаторъ, при сужденіи о зависимости отъ министерства, когда замѣтилъ, что *теперь такое время, что можно легко слетѣть съ мѣста, неизвестно за что, по одному капризу министра*, то Паскевичъ съ нимъ согласился; но на возраженіе Бибикова, что съ фельдмаршаломъ сего не можетъ случиться, такъ какъ онъ находится *въ особомъ положеніи*,—его свѣтлость сослался на Павла и несправедливомъ его гнѣвѣ на Суворова и ссылкѣ этого полководца въ деревню и присовокупилъ, что „и меня могутъ сослать въ Сибирь“.—Этотъ многозначительный разговоръ происходилъ, когда Бибиковъ (Кievскій) былъ здѣсь въ 1850 году, проѣздомъ за границу, и откуда онъ уже не возвращался къ своему мѣсту.

Августъ. Ничего не случилось замѣчательнаго, кромѣ возвращенія моей жены отъ Карлсбадскихъ водъ, что для меня было радостнымъ событіемъ, и еще того, что въ одинъ изъ высокаторжественныхъ дней, когда въ соборѣ совершался молебень и при чтеніи архіепископомъ молитвы всѣ стали на колѣни, а французскій консулъ сего не сдѣлалъ, то присутствующій въ церкви Варшавскій военный генераль-губернаторъ князь Горчаковъ вѣжливо попросилъ его исполнить этотъ обрядъ, и консулъ повиновался.

Сентябрь. Генераль-лейтенантъ Липранди разсказывалъ мнѣ, что Государь Императоръ, осматривая его дивизію въ Луцкѣ и Брестъ-Литовскѣ, видѣлъ многихъ поляковъ съ бородами и гнѣвался за то; а за обѣдомъ у себя, обвиняя вообще всѣхъ ихъ въ неблагодарности, сказалъ, что *ихъ надобно строго держать*.

Княгиня Варшавская, увидя жену мою въ первый разъ по возвращеніи изъ Карлсбада, поздоровалась съ нею, долго всматривалась въ лицо и заплакала, вспомя о умершей своей старшей дочери Балашевой, которая была ровестница моей женѣ, подругою въ дѣтствѣ и которая называлась также, какъ и жена моя, Александрою. Балашовъ, сынъ бывшаго министра полиціи, состоялъ адъютантомъ у Паскевича, былъ чахоточный, привилъ эту болѣзнь женѣ своей, которая вышла за него противу своей воли и скончалась въ цвѣтущихъ лѣтахъ, упрекая свою мать.

Октябрь. Этотъ мѣсяцъ я считаю для насъ злосчастнымъ. 1 Ок-

тября я съ 14 лѣтнимъ старшимъ сыномъ Александромъ выѣхалъ въ Петербургъ, для опредѣленія его въ Михайловское артиллерійское училище, въ которое однако же не могъ попасть по несвоевременности и неизмѣннѣю вакансіи и потому я отдалъ его предвѣрительно въ пансіонъ къ состоящему при томъ училищѣ полковнику Дыхову, для приготовленія и помѣщенія его туда, а самъ въ послѣднихъ числахъ возвратился въ Варшаву. Жена моя, отпуская сына въ Петербургъ, дала ему шерстяной шарфъ на шею и когда я привезъ этотъ шарфъ назадъ, бѣдная мать, закрывъ имъ свое лицо, горько зарыдала отъ впечатлѣнія, когда бы этотъ шарфъ она получаетъ послѣ смерти своего дѣтища. Это было предчувствіе! Спустя 2¹/₂ года нашъ дорогой сынъ уже не существовалъ! Такъ, видно, угодно было Богу наказать собственно меня за мои грѣхи и непредусмотрительность!

Я также привезъ княгинѣ Горчаковой неутѣшительныя вѣсти о ея сынѣ Николаѣ, служившемъ тогда въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ у Гильфердинга. Юноша ни чего не дѣлалъ, билъ баклуши и не ходилъ въ департаментъ подъ тѣмъ предлогомъ, что княжескому сыну не долѣветъ сидѣть въ одной комнатѣ съ не титулованными чиновниками. Бѣдная княгиня плакала.

Ноябрь. Воронцовъ, утомленный управленіемъ Закавказскаго края и находившимися тамъ войсками, равно страдавшій болязнію глазъ, просилъ Государя Императора назначить ему помощника съ тѣмъ, что послѣдній будетъ имѣть свое мѣстопробываніе въ Тифлисѣ и завѣдывать дѣлами края и войскъ, а онъ, Воронцовъ, переѣдетъ въ Крымъ и оттуда будетъ давать дѣламъ надлежащее направленіе. Императоръ посему спрашивалъ фельдмаршала Паскевича: — не имѣетъ ли онъ въ своихъ войскахъ способнаго генерала для назначенія къ Воронцову въ помощники? Его свѣтлость предложилъ этотъ постъ сперва генералу Панютину, который имѣлъ благоразуміе отказаться, а потомъ генералу Реаду, который и принялъ его и былъ назначенъ помощникомъ, а при отѣздѣ изъ Варшавы получилъ на подъемъ 10 т. руб. сер. не смотря на то, что онъ былъ холостъ и съ значительнымъ достаткомъ. Реадъ не былъ ни стратегъ, ни администраторъ; онъ въ Крымскую войну убитъ.

Вышли награды, по представленію фельдмаршала Паскевича, но князь Горчаковъ ничего не получилъ, между тѣмъ какъ фельдмаршалъ о наградѣ его повергалъ „Высочайшему воззрѣнію“. Это крайне смутило князя, особенно огорчило самую княгиню Горчакову, которая увѣряла мою жену, что князь былъ бы доволенъ какимънибудь похвальнымъ рескриптомъ и что послѣ такого афронта она уговаривала мужа подать въ отставку, но князь не согласился, — и конечно поступилъ благоразумно. Горчаковъ полагалъ, что Царь гнѣвается на него за то, что онъ не пріѣхалъ изъ Остенды, гдѣ купался, когда Импе-

раторъ былъ въ Варшавѣ. Спустя слишкомъ мѣсяць послѣ вышедшихъ наградъ, безъсомнѣнія по ходатайству Паскевича, и князю Горчакову 6 Декабря пожалованы браліанты къ ордену Андрея Первозваннаго; и скорбь у сіятельной четы исчезла и души наполнились радостію.

Денабръ. Въ увеселительномъ загородномъ заведеніи Ома въ числѣ прислужницъ находилась дальняя его родственница вѣмка — колонистка, двѣца статная, съ красивымъ лицомъ, лѣтъ 20-ти. Генераль-штабъ докторъ арміи тайный совѣтникъ и фаворитъ Паскевича г. Четыркинъ влюбился въ красотку, взялъ ее изъ заведенія назадъ тому года полтора, помѣстивъ ее въ семейство одного своего подчиненнаго медика, приставивъ къ ней гувернантку, далъ учителей и послѣ пѣкоторой шлифовки и полученнаго ею свѣтскаго лоска женился на ней, хотя ему было около 50 лѣтъ. Теперь эта чета произвела на свѣтъ Божій ребенка; крестнымъ отцемъ былъ свѣтлѣйшій его патронъ фельдмаршалъ Паскевичъ, а кумою жена генерала Викинскаго, и заданъ былъ обѣдъ, на которомъ, разумѣется, присутствовалъ и самъ Юпитеръ варшавскій съ присными ему; по возвращеніи же домой послѣ трапезы онъ получилъ изъ Гомеля депешу, что дворець его со всѣми рѣдкостями сгорѣлъ *).

Въ день тезоименитства Государя Императора 6 Декабря у фельдмаршала былъ официальный обѣдъ, на которомъ находились и кавалерственныя дамы. Я попалъ за особый столъ, гдѣ были вина и яства очень посредственныя, а лоховину подъ соусомъ, по испорченности ея, никто не ѣлъ. Разумѣется о такомъ мизерномъ угощеніи и протухлой рыбѣ его свѣтлости не было извѣство.

Закончу этотъ годъ разсказомъ мнѣ генераль-лейтенанта Липранди. Разъ, лично съ глазу на глазъ, доводя до свѣдѣнія фельдмаршала о предосудительно-явномъ поведеніи военнаго начальника Плоцкой губерніи генераль-маіора Гостомилова (побочный сынъ князя Сакена) и о злоупотребленіяхъ, совершенныхъ люблинскимъ губернаторомъ генераль-маіоромъ Альбертовымъ (грекомъ, племянникомъ графа Куруты), о чемъ было извѣстно и Императору, — Липранди находилъ необходимымъ назначить на мѣсто ихъ другихъ лицъ. — „Да кого же“? спросилъ фельдмаршалъ. Липранди указалъ на меня. — Его свѣтлость отвѣчалъ: *„онъ здѣсь нуженъ, а Альбертова я буду защищать и долженъ защищать потому, что онъ губернаторомъ у меня 15 уже лѣтъ“!* — Фельдмаршалъ давно уже сказалъ и повторяетъ: *„у меня нѣтъ безпорядковъ и злоупотребленій“!*

*) На исправленіе сгорѣвшаго дворца Императоръ пожаловалъ фельдмаршалу 100 тыс. руб. сер. — Какъ не помочь бѣдняку! *Прим. автора.*

1852 годъ.

И въ этомъ году Варшава сподобилась счастья лицедрѣть въ стѣнахъ своихъ Августѣйшую чету, прибывшую 20 апрѣля въ 6 часовъ по полудни, тогда какъ ожидали её гораздо позже, и потому ни фельдмаршаломъ, ни варшавскимъ генераль-губернаторомъ, сидѣвшими за обѣденною трапезою, къ крайнему ихъ ужасу, не была встрѣчена.

23, въ день тезоименитства Императрицы, богослуженіе совершено было въ придворной Лазенковской церкви въ присутствіи Ихъ Величествъ, генераловъ и сенаторовъ, которые послѣ обѣдни удостоились во внутреннихъ комнатахъ дворца быть представленными и лобзать десницу дорогой имянинницы, а 24 числа въ 7 часовъ по полудни державные гости выѣхали по чугункѣ сперва въ Берлинъ, а оттуда, кажется, въ Палермо.

Между тѣмъ къ Варшавѣ стягивались войска, усердно производилась имъ муштра и приготовленіе ихъ къ представленію Императору. И вотъ, 15 мая вечеромъ возвращается изъ заграницы Царь съ племянникомъ Царицы гусарскимъ офицеромъ принцемъ Фридрихомъ — Карломъ прусскимъ (нынѣ фельдмаршаломъ) и едва оставилъ вагонъ. обрушился гнѣвомъ на фельдмаршала и князя Горчакова, какъ на предсѣдателя комитета желѣзной дороги въ царствѣ, за неисправность дороги. Несчастный случай, грозившій жизни Государя и его спутникамъ, заключался въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ были гнилыя перекладины подъ рельсами, не выдержали мчавшагося на всѣхъ парахъ царскаго вагона, — вагонъ вышелъ изъ колеи, потащился и упалъ на бокъ, но, къ счастью, расторопный кондукторъ отцѣпилъ тендеръ, а Императоръ, перекрестившись, выскочилъ благополучно изъ вагона и никто не потерпѣлъ отъ этого приключенія, кромѣ придворнаго служителя, у котораго была переломлена рука. Было за что вспылить! Директора чугунки генер.-маіора Авреджіо Его Величество арестовалъ на одинъ мѣсяць со внесеніемъ штрафа въ послужной его списокъ, а самолюбивый старикъ Паскевичъ такъ былъ пораженъ суровыми словами Царя, что, возвратившись домой, при свидѣтелѣ одномъ генералѣ, вопилъ о сдѣланномъ ему предъ всѣми афронть, колотил себя въ грудь, вспоминалъ о своей 50 лѣтней службѣ, объ услугахъ оказанныхъ имъ Россіи и пр. и пр.

Кстати, я здѣсь изложу мнѣніе фельдмаршала объ Императорѣ. Разъ, разсуждая о характерѣ Его Величества съ княгинею Горчаковою, онъ серьезно, но шопотомъ, сказалъ ей: *„что вы думаете? Онъ и меня и мужа вашего въ состояніи въ минуту вспылки запрягать на гауптвахту; Онъ часъ отъ часу дѣлается раздражительнѣе и..... напоминаетъ Павла“*.

Въ другой разъ, толкуя о томъ же съ княгинею, рассказалъ ей: „однажды я обѣдалъ во дворцѣ; въ виду Государя я всегда какъ на иголвахъ, а во дворцѣ и пуще того; подають говядину; я взялъ кусокъ, положилъ на тарелку и по торопливости опрокинулъ ее къ себѣ на колѣни; тарелка упала на полъ и разбилась; я совершенно растерялся; наслѣдница, видя меня смущеннымъ, сказала, что это предвѣщаетъ счастье; ободренный этими словами, я оживился и отвѣчалъ, что оно означаетъ постоянную доброту Вашего Высочества и мою неловкость. — Императоръ улыбнулся“.

Добродушная фельдмаршалша не разъ говорила княгинѣ Горчаковой: „мой Иванъ Федоровичъ предъ Государемъ какъ мокрая курица“.— Еще бы!

18 мая, въ день Св. Троицы, Государь присутствовалъ у обѣдни въ придворной церкви, куда приглашены были только одни военные генералы. Послѣ обѣдни фельдмаршалъ представилъ 30 чел. шляхтичей—недорослей Люблинской губерніи, пожелавшихъ поступить въ военную службу. Императоръ сказалъ имъ по французски назидательно-похвальное слово, а губернскому предводителю дворянства, графу Езерскому, за ретивое усердіе, явленное имъ при вербовкѣ этой шляхты, пожаловалъ орденъ Св. Анны 1-й ст.

Съ возвращеніемъ Государя въ Варшаву на первомъ планѣ его пребыванія являлись смотры войскъ, маневры, ученья—массами и отдѣльными частями, съ пальбою, и безъ пальбы, совѣми при такой муштрѣ обычными послѣдствіями, какъ то: арестами, выговорами, замѣчаніями и тому подобными суспиціями. Такъ, бригаднаго генерала Веселитскаго и полковыхъ командировъ Тулубева и Масловскаго посадилъ на гауптвахту, послѣднаго за то, что на одномъ солдатѣ его полка мундиръ былъ худо сшитъ и не пригнатъ; Варшавскому коменданту далъ крѣпкій нагоняй за неисправное отправленіе войсками гарнизонной службы; одного ученика, не скинувшаго предъ Его Величествомъ шапки, Государь повелѣлъ въ назиданіе другимъ наказъ розгами; нагрянувъ неожиданно въ заведеніе младенца Иисуса и узнавъ отъ доктора, что мамки кормятъ по 2 и по 3 ребенка и это происходитъ отъ злоупребленія администраціи, Императоръ потребовалъ къ себѣ Паскевича, и что онъ говорилъ ему, того мы не вѣдаемъ, но знаемъ, что его Свѣтлость разругалъ доктора за неумѣстную его откровенность предъ Царемъ, а затѣмъ приняты и мѣры къ уничтоженію безпорядковъ въ заведеніи.

Наконецъ, Его Величество 31 мая, къ радости всѣхъ служащихъ, особенно „отца командира“, какъ часто называлъ Государь фельдмаршала, изволилъ выѣхать въ Петербургъ въ вождельномъ здравіи.

Памятникомъ двухнедѣльнаго пребыванія Императора въ Варшавѣ

осталось Высочайшее повелѣніе, объявленное 4 іюня за № 51 въ словесномъ приказаніи фельдмаршала слѣдующаго содержанія:

„Государь Императоръ, въ бытность—Его Величества въ Варшавѣ, Высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобы ученики здѣшнихъ казенныхъ заведеній снимали фуражки при встрѣчѣ съ военными офицерами.— при этомъ офицеры должны отвѣчать приличнымъ поклономъ, прилагая руку въ каскѣ“.

„Господинъ главнокомандующій арміею изволилъ приказать: наблюдать, дабы это всѣми безъ изъятія г.г. офицерами непременно исполнялось“.

Вскорѣ фельдмаршалъ былъ утѣшенъ: онъ получилъ отъ нѣкоего Василія Кошкодамова напечатанные въ 1851 году въ Вѣнѣ: 1) патриотическія стихотворенія и 2) *стихи къ портрету его святлости*, посвященные *Россійскому христомлюбивому побѣдоносному воинству*, съ такимъ предисловіемъ: „*съ трепетомъ любви и благовенія посвящаетъ смиренный сочинитель обожатель его. Дань удивленія и хвалы принссимая Вождю блистательныхъ побѣдъ, есть прямая дань побѣдоносному воинству, водимому Геніемъ нашего времени*“.— Эти стихи къ портрету содержатъ въ себѣ 448 строкъ и начинаются такъ:

„Блажимъ и славимъ мы Героя,
„Великаго Вождя побѣдъ!
„Великъ онъ духомъ среди боя;
„Великъ онъ славой среди бѣдъ;
„Великъ любовью у Бога,
„Великъ любовью Царя,
„Великъ любовью народа—
„У бѣдняка и богача,—
„У всѣхъ гражданъ во всякомъ родѣ
„Великъ онъ славою меча!

„Сія любовь завоевала
„Ему всѣ доблія сердца—
„Его Суворовымъ назвала,
„Плѣняясь красой его вѣнца!

„Въ палатахъ барскихъ позлащенныхъ
„И въ комнатахъ простыхъ людей—
„Вездѣ найдете ликъ священный
„Сего Героя нашихъ дней“

и проч. и проч. и проч.

Старикъ фельдмаршалъ, разумѣется, былъ очень доволенъ виршами къ портрету и наградилъ своего обожателя 300 гульденонъ.

Англичанинъ Веллингтонъ отошелъ къ предкамъ своимъ норманамъ и въ силу Русскаго фельдмаршальскаго его званія и въ память его заслугъ Высочайше повелѣно всѣмъ русскимъ войскамъ облечься на

три дня трауромъ, нося его на лѣвомъ рукавѣ; разумѣется, это не казалось нижнихъ чиновъ, которымъ не изъ чего и не для кого издерживаться на покупку траурнаго матеріала. Назадъ тому нѣсколько недѣль выбылъ изъ списка живыхъ и другой фельдмаршалъ, князь Волконскій, въ честь котораго былъ приказанъ подобный же трехдневный трауръ; а за смертію этихъ двухъ фельдмаршаловъ остался *пока*, до перваго наитія, въ Русской арміи одинъ здравствующій *трех-жезловый* фельдмаршалъ, князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій. Вскорѣ по полученіи извѣстія о наложеніи траура по британцѣ по Высочайшему повелѣнію отправлены въ Лондонъ делегатами для присутствованія въ процессіи погребенія свѣтлѣйшаго Герцога, отъ *арміи* — князь Горчаковъ и *отъ полка* имени умершаго — офицеръ, унтеръ-офицеръ и рядовой, съ отпускомъ имъ на издержки 5 т. червонныхъ изъ государственнаго казначейства.

Въ Лондонѣ за обѣдомъ въ военномъ клубѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Высочества Герцога Кембрижскаго, послѣ снѣха за здравіе Государя Императора, князь Горчаковъ въ отвѣтъ на то произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь, излагаемую здѣсь въ плохомъ русскомъ переводѣ:

„Господа! благодарю васъ за предложенный вами тостъ. Ваше Высочество! примите выраженіе моей признательности и позвольте выразить Вамъ благодарность за радушное гостепріимство, съ какимъ приняли насъ въ Англіи. А теперь дозвольте, господа, сказать нѣсколько словъ о знаменитомъ полководцѣ, котораго вы потеряли. Герцогъ Виллингтонъ былъ великій воинъ и великій гражданинъ. Нашъ Августѣйшій Императоръ Николай, достойный соревнователь Петра Великаго, питалъ къ нему особенное уваженіе. Мое здѣсь присутствіе служить тому доказательствомъ. Постоянное попеченіе о благѣ солдата, чрезвычайная осторожность въ военныхъ операціяхъ, смѣлость и энергія при нанесеніи рѣшительныхъ ударовъ, — таковы правила герцога Веллингтона. Ссылаюсь въ этомъ на ваше свидѣтельство, господа; вы были его товарищами на полѣ битвъ; ссылаюсь на моего достойнаго товарища графа Ностица *), который храбро сражался при Блюхерѣ возлѣ герцога Веллингтона. Военная система Герцога была наилучшая для нашей эпохи. Она принята и оправдана знаменитѣйшими полководцами настоящаго времени: — въ Россіи князь Варшавскимъ, въ Австріи графомъ Радецкимъ и въ Англіи виконтомъ Гордингомъ.“

„Еще разъ благодарю васъ, господа, за выраженіе вашихъ братскихъ чувствъ; позвольте вамъ отъ всей души повторить: да здрав-

*) Генераль графъ Ностицъ при погребеніи былъ делегатомъ отъ прусской арміи.

„ствуетъ Королева Англїи и царственный ея домъ! да здравствуетъ Англійская армія! да здравствуетъ англійская морская сила и до-стойный представитель ея Герцогъ Нортумберландъ! наконецъ, да здравствуетъ навсегда старая и знаменитая Англїя“!

Этотъ поѣздкою въ Лондонъ и оказаннымъ тамъ вниманіемъ Горчаковъ остался чрезвычайно доволенъ. Не то было съ Паскевичемъ: самолюбивый старецъ гнѣвался на оратора застойной рѣчи за то, что онъ навязалъ ему систему Веллингтона, тогда какъ онъ имѣлъ собственную свою систему, и за то, что его, Паскевича, поставилъ въ уровень никакими подвигами не ознаменованнаго виконта Гординга.

Въ мартѣ мѣсяцъ въ Варшавѣ, на пути въ Петербургъ, останав-ливался Черногорскій Владыка, — еще юный, безъ усовъ, въ красной епанчѣ на плечахъ и въ мѣховой шапкѣ на головѣ. Паскевичъ его угощалъ и возилъ въ театръ. — Онъ ѣхалъ для ставленія въ митрополиты.

8 іюля жена моя вновь отправилась за границу къ Карлсбадскимъ водамъ и возвратилась 10 октября съ едва замѣтнымъ облегченіемъ отъ болѣзни. Вскорѣ послѣ ея выѣзда въ городѣ появилась холера и въ продолженіи времени разрослась до ужасавшихъ размѣровъ. Правительство оставалось вполне равнодушнымъ къ посѣтившему жителей бѣдствію и не принимало никакихъ мѣръ; особенно евреи подвергались большой смертности. Замѣчательно, что при началѣ холеры, какъ въ Варшавѣ, такъ и въ провинціяхъ Царства, главный директоръ внутреннихъ дѣлъ, пресловутый Викинскій, отъ страха посѣпшилъ оставить свой постъ и отправился въ отпускъ въ Россію.

Закончу этотъ 1852 годъ скандаломъ, случившимся на балѣ у фельдмаршала. Одна дама уронила носовой платокъ; австрійскій консулъ, дряхлый старикашка и зятянутый въ рямочку, посѣпшилъ поднять платокъ, нагнулся и во всеуслышаніе..... Окружавшіе за-смѣялись, а его Свѣтлость сострилъ, сказавъ: *„эта первая ав-стрійская пушка, выстрѣлившая въ русскіихъ“*. Смѣхъ умножился, къ великому смущенію консула.

Прибавлю еще, что въ память совершившагося 26 ноября совер-шеннолѣтія Великаго Князя Михаила Николаевича и данныхъ имъ двухъ присягъ: одной Государю Императору, а другой на службу, — 14 декабря въ варшавскомъ православномъ соборѣ было молебствіе и предъ тѣмъ читанъ манифестъ, а потомъ архіепископъ угостилъ пи-рогомъ. Отъ радости сердца, 26 ноября Царь произвелъ въ полные генералы 11, въ генераль-лейтенанты 14, и въ генераль-маіоры 49 счастливицевъ. Количество изумительное!

Конецъ сего года замѣчателенъ былъ тѣмъ, что стали говорить о войнѣ съ турками и начали дѣлать кой—какія приготовленія.

1853 годъ.

Въ первый день на торжественномъ богослуженіи въ соборѣ военщина вмѣсто молитвъ неустанно толковала о войнѣ, которая, впрочемъ, ни радовала, ни смущала насъ,—одни только поляки сильно ею занимались и строили химерныя надежды на воскресеніе своей ойчизны. Еще до новаго года Паскевичъ вызванъ былъ въ Петербургъ, вѣроятно на совѣтъ. Между тѣмъ 6 января, въ день Крещенія, совершенъ былъ крестный ходъ на Иорданъ на р. Вислу, при многочисленномъ стеченіи зрителей—поляковъ; а послѣ того эта же вдвое или втрое умножившаяся, толпа участвовала при пышныхъ похоронахъ Презеса Голландіи, сенатора графа Франца Потоцкаго, замѣчательнаго тѣмъ, что онъ былъ во время оно адъютантомъ Наполеона I-го и, живя на распаху въ Парижѣ, имѣлъ удовольствіе промотать принадлежавшее ему богатое мѣстечко Броды, и послѣ паденія своего патрона возвратился сюда съ искусственно приставленнымъ носомъ и гугнявымъ голосомъ, —подарками Венеры.

Преданіе генеральному военному суду подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала Паскевича 6-ти генераловъ Комитета, учрежденнаго 18 августа 1814 года, за не оказавшіяся суммы, — крѣпко всѣхъ озадачило и принесло намъ ту пользу, что Паскевичъ поручилъ князю Горчакову лично повѣрить всѣ суммы въ армейскомъ интенданствѣ; а въ послѣдствіи всѣ казенныя деньги изъ всѣхъ военныхъ въ Варшавѣ управленій переведены и хранились въ казначействѣ польскаго банка что очень не нравилось тѣмъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ до того находились эти суммы.—Послѣ окончанія суда Паскевичъ возвратился въ Варшаву 24 марта и при общемъ приѣмѣ сказалъ генераль-аудитору: „ну, я изучилъ законы; на одинъ предметъ приискано 13 законовъ“.

31 мая изволила проѣздомъ изъ заграницы остановиться здѣсь Королева Нидерландская Анна Павловна; для встрѣчи Ея приказано было всему наличному генералитету собраться на бангофѣ; но Ея Величество не захотѣла никакой встрѣчи и мы, благодаря Ей, остались дома; на другой день удостоились приглашенія къ Ея столу одни только полные генералы, которыхъ было всего три единицы, а на третій день Она отправилась въ Питеръ.

Въ концѣ Іюня былъ изданъ манифестъ о занятіи нашими войсками придунайскихъ княжествъ подъ предводительствомъ князя Горчакова и этотъ манифестъ былъ провозглашенъ въ соборѣ 1 іюля въ день рожденія Государыни Императрицы, въ честь коей архіепископъ угостилъ насъ завтракомъ, а фельдмаршалъ официальнымъ обѣдомъ.

8 Сентября вечеромъ изволили прибыть въ Варшаву Государь Им-

ператоръ, Наслѣдникъ и Великіе Князья—Николай и Михаилъ; прѣхалъ также и канцлеръ Нессельроде. На другой день Августѣйшіе посѣтители слушали обѣдню въ придвойной Лазенковской церкви и потомъ были въ соборѣ, 10 числа мы лицезрѣли Его Величество въ придворномъ театрѣ; а 11 числа Государь въ сопровожденіи фельдмаршала и канцлера отправились въ Ольмуцъ, гдѣ были собраны австрійскія войска для маневровъ и находился самъ Цесарь.

Предъ отъѣздомъ канцлеръ, между разговорами, объявлялъ княгинѣ Горчаковой, что чрезъ 8 дней долженъ быть подписанъ мирный трактатъ Оттоманскою Портою, но что ожидаютъ въ Константинополѣ революціи.— Его нѣмецкое сіятельство было въ пріятномъ заблужденіи: ни того, ни другого не случилось; при Портѣ усердно ратовали противу Николая I-го наши враги: французскій и англійскій посланники.

По возвращеніи Государя изъ Ольмуца прѣхали къ нему Австрійскій Императоръ и Прусскій Король, коимъ 22 сентября Его Величество представилъ дрянной 2 пѣхотный корпусъ Панютина, которому не менѣе того пожаловалъ аренду на 12 лѣтъ по 5 тыс. рублей въ годъ. По отбытіи нѣмецкихъ вѣнценосцевъ изъ Варшавы Императоръ и самъ отправился въ Берлинъ, вѣроятно для отдачіи визита Королю; при отъѣздѣ Его Величество сказалъ провожавшимъ Его генераламъ, *что бы они каждую минуту готовы были къ войнѣ.*

Наконецъ, объявленъ и манифестъ о войнѣ съ турками, который и былъ читанъ здѣсь въ соборѣ 1 ноября. Паскевичъ, разсуждая разъ объ этой войнѣ, полагалъ, что ее надобно бы продолжать года на три, набрать или составить войско изъ молдаванъ, валаховъ и болгаръ, возбудить сербовъ и тогда успѣхъ былъ бы несомнѣнный и Царьградъ былъ бы взятъ, не опасаясь ни французовъ ни англичанъ. Можетъ быть оно и справедливо! По его словамъ, это предположеніе онъ выразилъ и Императору, но Его Величество изволилъ отвергнуть какъ средство, не соотвѣтственное *рыцарскому* Его характеру. Много бы можно было сказать объ этомъ рыцарствѣ, — но покойника судить Богъ.

20 ноября, при торжественномъ богослуженіи въ день возшествія на престоль, къ молебну не соблаговолили явиться консулы французскій и англійскій, но зато присутствовали на официальной трапезѣ у фельдмаршала и должны были осушать кубки за здравіе Его Величества.

28 ноября по телеграфу изъ Вѣны дано знать Паскевичу о славной побѣдѣ Нахимова надъ турецкимъ флотомъ подъ Синопомъ и его Свѣтлость ни слова о томъ не сказалъ гостямъ, бывшимъ у него тогда на вечерѣ; а 13 декабря совершенно было благодарственное за эту побѣду молебствіе съ колѣно-преклоненіемъ. 20 же числа новое молебствіе за побѣду одержанную въ Азіи княземъ Бебутовымъ, за ко-

тору ю этотъ храбрый армянинъ, будучи генераль-лейтенантомъ, не въ примѣръ другимъ получилъ богатую награду, именно—орденъ Св. Андрея. Такъ блистательно для русскаго оружія кончился 1853 годъ.

1854 годъ.

13 января неожиданно прибылъ въ Варшаву шефъ жапдармовъ графъ Орловъ, остановился у фельдмаршала въ королевскомъ замѣѣ и 15 числа отправился въ Вѣну и Берлинъ, а 28 числа возвратился и на другой день выѣхалъ обратно въ Петербургъ. Какъ изъ Варшавы до границы, такъ и обратно, сопровождалъ графа директоръ желѣзной дороги генераль-маіоръ Шеншинъ, который и передалъ мнѣ слышанный имъ отъ Сіятельнаго отрывчатый слѣдующій рассказъ, объяснявшій цѣль его посольства. Орловъ говорилъ, что аудіенція у австрійскаго Кесаря продолжалась полтора часа; что кабинетъ его охотно готовъ бы помогать намъ противу французовъ и англичанъ и аристократическая публика на нашей сторонѣ, но никакъ не въ состояніи сего сдѣлать потому, что въ Австріи нѣтъ денегъ и финансы въ страшномъ разстройствѣ, и потому еще, что Венгрія безпокойна и вновь можетъ взбунтоваться, если вывести оттуда войска; въ такомъ же подозрительномъ положеніи находится и Ломбардія, словомъ,—опасность для Австріи явная и неизбѣжная, если бы она согласилась намъ помогать,—и отъ Фринціи и отъ своихъ провинцій;—что на запросъ французскаго кабинета—прусскій кабинетъ отвѣчалъ, что Пруссія рѣшительно ни въ авангардѣ, ни въ арьергардѣ, ни въ кордебаталь съ русскими не будетъ; что Прусскій Король человекъ добрый и къ намъ доброжелательный, но руководствуемъ другими и не имѣетъ своей воли, какъ, напротивъ того, наслѣдникъ его, Принцъ Прусскій, по вліянію на него жены его Августы, родной племянницы нашего Императора, насъ не долюбиваетъ. А давно ли, этотъ, какъ выразился Орловъ, *рыжий Принцъ*, цѣловалъ руку у нашего Государя и непонятно, за что эта Принцесса съ давнихъ поръ сильно ненавидитъ русскихъ? Наконецъ, что послѣ не успѣха въ Вѣнѣ и полученныхъ свѣдѣній о категорическомъ отвѣтѣ прусскаго кабинета французскому, ему, Орлову, незачѣмъ было ѣхать въ Берлинъ.—Графъ сказалъ еще, что напрасно мы 20 лѣтъ дружились и угождали нѣмцамъ, лучше бы было обратиться къ славянамъ; охуждалъ за скряжничество нашего бывшаго посланника при Портѣ Титова, называя его титулярнымъ совѣтникомъ; спрашивалъ Шеншина о нѣкоторыхъ нашихъ генералахъ, хвалилъ Лидерса, а о Горчаковѣ сказалъ, что онъ часто бываетъ боленъ и всякая бездѣлица можетъ его разстроить; вспомнулъ о своемъ

въ началѣ 1831 года посланничествомъ къ графу Дибичу съ собственноручными 37 замѣтками Императора, въ заголовкѣ коихъ стояло, что бы онъ удостовѣрился о физическомъ и нравственномъ состояніи фельдмаршала, и въ заключеніе гр. Орловъ о своихъ отношеніяхъ ко двору сказывалъ: „*я скорѣ переломлюсь, чѣмъ покорюсь*“.

Между тѣмъ, какъ безуспѣшно зывали о помощи, которую русское правительство искони безъ расчета и толку, во вредъ Россіи, — расточало нѣмцамъ, — мы безъ объявленія войны туркамъ ратовали уже съ ними въ Азіи и Придунайскихъ княжествахъ; въ послѣднихъ не весьма удачно; такъ, подѣ Калафатомъ свирѣпый ренегатъ Омеръ-Паша поколотилъ отрядъ генер.-адъютанта Анрепа; а Паскевичъ съ своими прихвостниками взвалилъ въ томъ вину на Горчакова, что онъ-де разбросалъ войска свои по всей Валахіи; — Горчаковъ же осмѣлился возражать, что важною причиною этой разбросанности войскъ было удержаніе жителей отъ возстанія.

При войскахъ Горчакова не было главнаго инженера и ему назначили такового изъ арміи Паскевича, генерала Шильдера. При отъздѣ изъ Варшавы этотъ храбрый, но не много взбалмошный, 60 лѣтній старецъ, къ изумленію, перешелъ изъ протестанства въ православіе; увѣряли, что такое обращеніе онъ совершилъ не по убѣжденію въ чистотѣ православія, а велѣдствіе совѣта *юмовскихъ* шутовскихъ фокусовъ, въ которые Шильдеръ слѣпо вѣровалъ. — При осадѣ Силлистріи этому генералу оторвало ногу и онъ тамъ скончался.

2 февраля фельдмаршалъ по вызову отправился въ Петербургъ. — Княгиня Горчакова была въ отчаяніи отъ предчувствія, что онъ вызванъ затѣмъ, что бы принять командованіе надъ войсками ея мужа, и предчувствіе ее не обмануло.

28 февраля въ соборѣ читанъ былъ манифестъ о прерваніи сношеній съ Франціею и Англіею и послѣ молебна архіепископъ угостилъ завтракомъ и шампанскимъ. Было чему радоваться и голосить ура!

Вслѣдъ за тѣмъ Высочайшими указами объявлены состоящими въ военномъ положеніи: Екатеринославская губ. и Таганрогское градоначальство, Эстляндская, Лифляндская, С.-Петербургская и Архангельская губерніи; равно Царство Польское и губерніи: Курляндская, Ковенская, Виленская, Гродненская, Волынская и Подольская, Бессарабская область и часть Херсонской губ. на правомъ берегу Буга, съ подчиненіемъ послѣднихъ Князю Варшавскому съ тѣмъ, чтобы Царство Польское и губерніи Курляндская, Ковенская, Виленская и Гродненская, *въ отсутствіи Князя Варшавскаго изъ Царства*, состояли въ подчиненіи командующаго гренадерскимъ, 1 и 2 пѣхотными корпусами графа Ридигера.

Ночью съ 13 на 14 марта возвратился изъ Петербурга и фельд-маршалъ и на другой же день, какъ страстный обожатель лицедѣйства, появился въ театрѣ; прѣхалъ въ Варшаву также и графъ Ридигеръ, къ которому, какъ къ старому моему начальнику, я явился и былъ принятъ очень любезно; отъ него зашелъ къ виленскому военному губернатору генерал-адъют. Ильѣ Бибикову. Этотъ меня облобызаль, посадилъ и, между прочимъ, разсказаль, что Паскевичъ въ уныніи, и неохотно ѣдетъ на Дунай, не потому, что бы страшился неудачи въ войнѣ, а *боится умереть отъ тамошняго климата*; это-то опасеніе и мучить его; что, по словамъ фельдмаршала, нашихъ войскъ въ княжествахъ очень достаточно; что къ барону Сакену послано Высочайшее повелѣніе, если явятся предъ Одессою и другими городами англійскій и французскій флоты и будутъ высаживать десантъ, то жечь все начистоту, что бы ни чѣмъ не могли поживиться; еще Бибиковъ говорилъ, что фельдмаршалъ не жалуется корпуснаго командира Лидерса,—а за что,—мнѣ не объяснилъ.

23 марта его свѣтлость далъ прощальный обѣдъ генераламъ; 26 числа посѣтилъ княгиню Горчакову и утѣшилъ ее извѣстіемъ: мужу ея, за блистательный переходъ чрезъ Дунай, Императоръ пожаловаль свой портретъ, украшенный брилліантами, и что войны можетъ быть и не будетъ, потому что султанъ согласился на требованія Англій и Франціи о дарованіи правъ христіанамъ его подданнымъ. Въ ночь на 28 число нашъ „Малборугъ въ походъ поѣхаль“ на Дунай съ многочисленною свитою нужныхъ и ненужныхъ лицъ.

Паскевичъ, прибывъ къ войскамъ, засталъ ихъ осаждающими Силлистрію и вступилъ въ командованіе ими; оставшіяся здѣсь вмѣсто его графъ Ридигеръ строжайше воспретилъ всякія разсужденія объ осадѣ и мы никакихъ свѣдѣній не имѣли, что творится на Дунаѣ. Прошло два мѣсяца, какъ отправился изъ Варшавы фельдмаршалъ и толкался около крѣпости, какъ вдругъ мы узнаемъ, что въ концѣ мая или въ началѣ іюня, его свѣтлость *контуженъ* и отправился въ Яссы. Вообще,—недоумѣніе! За чѣмъ въ Яссы за 300 верстъ отъ войскъ и Силлистріи, а не въ Букарестъ въ 100 верстахъ лежащій? Много было разнообразныхъ толковъ. Между тѣмъ 22 іюня Ридигеръ *по секрету* объявилъ княгинѣ Горчаковой, что Императоръ два раза предлагаль фельдмаршалу для пользованія отъ контузіи и отдыха два пункта: Кіевъ или Умань съ его великолѣпнымъ садомъ и живительнымъ климатомъ, но онъ избралъ свое имѣніе Гомель и съ Высочайшаго разрѣшенія переѣхаль туда.

При первомъ извѣстіи о контузіи, супруга немедленно отправилась къ своему мужу, который однако же, какъ говорили, прѣздомъ ея былъ не очень доволенъ.

Пока возились съ ковтуженнымъ вождемъ, проѣзжалъ чрезъ Варшаву на конференцію въ Вѣну министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ; отъ него то здѣсь узнали, что 15 іюня назначено было штурмовать Силистрію, но фельдмаршалъ изъ Яссы прислалъ повелѣніе командовавшему войсками кн. Горчакову объ отбѣнѣ штурма; министръ эту отбѣну назвалъ большою ошибкою, говоря, что если бы взята была крѣпость, — въ успѣхѣ чего онъ и не сумнѣвался, — то и переговоры въ Вѣнѣ приняли бы другое значеніе и были бы болѣе благопріятны для насъ.

Въ концѣ іюля графъ Ридигеръ официально возвѣстилъ и войскамъ, и городскимъ обывателямъ о возвращеніи въ Варшаву главнокомандовавшаго арміею и намѣстника Князя Варшавскаго и пригласилъ радоваться сему счастливому событію, хотя въ кругу своихъ сателетовъ изъявлялъ крайнюю досаду и недовольство этому возвращенію, лишавшему его здѣсь верховенства, и грозившему отбѣздомъ его къ своему мѣсту въ государственннй совѣтъ. И точно, 31 іюля фельдмаршалъ прибылъ въ свою резиденцію и на другой день принималъ поздравленіе отъ военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ властей и вечеромъ посѣтилъ театръ.

Вопросъ; почему его свѣтлость по своемъ выздоровленіи не возвратился на поле битвъ съ турками къ оставленнымъ имъ на Дунаѣ войскамъ, а явился по Высочайшей волѣ здѣсь, разрѣшался злокозвенными дѣйствіями Австріи и опасеніемъ нашествіемъ ея войскъ въ Царство Польское, — нашествіемъ вѣроятнымъ, въ ожиданіи коего и Александровская цитадель успѣшно приводилась въ оборонительное положеніе и куча домовъ близъ нея была уже снесена. Но если эта вѣроломная держава и не вторгнулась въ Царство, за то вошла въ союзъ съ Англіею и Франціею и заставила русскія войска снять осаду Силистріи, перейти обратно Дунай, очистить княжества, которыя она сама заняла подъ видомъ ихъ охрапенія, и вступить или удалиться на свою территорію, въ Бессарабію. Разсказывали очевидцы, что при снятіи нами осады офицеры и нижніе чины до такой степени подняли ропоть, требуя вести ихъ въ бой противу врага, что командовавшій войсками князь Горчаковъ вынужденъ былъ явиться предъ ними, обходить ряды и успокоивать ихъ. Слѣдуетъ-ли сумнѣваться, что бы при такомъ духѣ штурмъ крѣпости не удался?

10 сентября въ первый разъ я услышалъ о высадкѣ французоангличанъ въ Крымъ; узналъ такъ же отъ самовидца, какъ *доволенъ* былъ фельдмаршалъ *успѣшностію* этой *высадки*. Не хочется вѣрить такому неестественному чувству. Позднѣе, родной племянникъ Паскевича на вопросъ: почему онъ извѣстенъ, что въ Крыму дѣла наши идутъ *худо*? — экспромтомъ отвѣчалъ: „да по веселому и довольному лицу моего дяди“.

Наконецъ князь Горчаковъ Высочайшимъ приказомъ 26 сентября назначенъ *главнокомандующимъ южною армію*, т. е. тѣхъ войскъ, которыя съ нимъ были въ княжествахъ и на Дунаѣ. Это назначеніе сдѣлало его самостоятельнымъ и вызволило его изъ подъ команды Паскевича.

Въ половинѣ октября мѣсяца начальникъ дивизіи Панютинъ изъ Люблина донесъ, что австрійцы собираются и сближаются къ границѣ Царства; фельдмаршалъ встрепенулся, тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ нашихъ войскъ, расположенныхъ на широкихъ квартирахъ, и донесъ о всемъ томъ Императору. Его Величество отвѣчалъ, что Онъ не думаетъ, что бы австрійцы вторгнулись въ царство, но что Онъ за всѣмъ тѣмъ сдѣланное распоряженіе утверждаетъ. — На повѣрку вышло, что тревога была фальшивая.

Князь Горчаковъ въ двухъ письмахъ къ своей женѣ писалъ, что кн. Меньшиковъ, ратоборствовавшій противу враговъ въ Крыму, такія совершалъ ошибки, какія не сдѣлалъ бы и зять Горчакова, камеръ-юнкеръ Панкратьевъ. Гораздо позже, именно въ ноябрѣ, фельдмаршалъ между разговорами сказалъ княгинѣ Горчаковой, что онъ отдалъ бы подъ судъ Меньшикова за его дѣйствія въ Крыму и что онъ, Паскевичъ, писалъ къ Императору и давалъ совѣты, какъ должно поступить въ Крыму, но Его Величество отвѣчалъ, что Меньшиковъ нашелъ переданные ему совѣты неудобными для исполненія.

Потребованъ изъ Варшавы въ Петербургъ командиръ гренадерскаго корпуса Николай Муравьевъ. Одни полагали, что онъ будетъ назначенъ въ Крымъ вмѣсто Меньшикова, которымъ Императоръ будто бы не доволенъ; другіе, — что онъ будетъ назначенъ главнокомандующимъ и намѣстникомъ въ Грузію вмѣсто уѣхавшаго за границу по болѣзни графа Воронцова. Последнее предположеніе оправдалось и неизвѣстно почему *удивило* фельдмаршала. При этихъ гаданіяхъ графъ Ридигеръ говорилъ, что онъ отказался бы отъ мѣста Воронцова, но охотно бы принялъ постъ Меньшикова.

Прежде или послѣ этого, навѣрно не могу опредѣлить времени, Паскевичъ получилъ собственноручное отъ Государя письмо, бывшее въ рукахъ даровитаго секретаря фельдмаршала г. Очкина и читанное имъ моему пріятелю генер.-маіору Шеншину. По словамъ послѣдняго, мнѣ переданнымъ, Его Величество писалъ, что Наполеонъ и англичане противу него ожесточились, а австрійцы, хуже чѣмъ іезуиты; ему измѣнили, что дѣла идутъ плохо и не знаетъ, какой будетъ результатъ дѣйствіямъ Меньшикова въ Крыму; что Государь очень доволенъ поступкомъ князя Горчакова, пославшаго самъ собою изъ Бессарабіи къ Меньшикову въ Крымъ одну пѣхотную дивизію, и въ заключеніе изволилъ начертать: „*да не упадемъ мы духомъ!*“ Прежде или послѣ

этого письма, графъ Ридигеръ *по секрету* объявилъ княгинѣ Горчаковой, что фельдмаршалъ предлагалъ Царю самаго себя на мѣсто Меншикова, но Его Величество не приняло этого предположенія, сказавъ, что бы онъ поберегъ себя *до весны*.

Закончился этотъ 1854 годъ провозглашеніемъ въ соборѣ на другой день Рождества Христова Высочайшаго манифеста, издавнаго 14 декабря, предварающаго или приготовляющаго къ *сильнѣйшему ополченію* противу враговъ слѣдующими краснорѣчивыми словами: „Мы „всѣ, Царь и подданные, повторяя слова Императора Александра I, „провзнесенныя Имъ въ подобную нынѣшней годину искушенія, съ „желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ, — станемъ передъ рядами враговъ на защиту драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ блага: безопасности и чести отечества“!

И многочисленное ополченіе явилось въ 1855 году съ пиками и топорами въ рукахъ и съ крестами на шапкахъ; но оно не защитило *ни безопасности, ни чести отечества*; оно почти все, не видѣвъ врага, *легло костями* отъ голода, холода и болѣзней, — отъ неразумія и злоупотребленій, — этихъ вѣчныхъ спутниковъ нашей администраціи; одна только Бурская рать, заключенная въ Севастополѣ, храбро дралась съ врагомъ и безропотно умирала. Доселѣ мы не имѣемъ описанія этой Восточной войны; есть только официальные реляціи и мелкія газетныя статейки, недостаточныя для написанія полной и *правдивой* исторіи

Въ этомъ 1854 году справедливое провидѣніе покарало меня за мои грѣхи тяжкимъ ударомъ, отъ котораго и доднесь точится кровь изъ сердца: оно лишило насъ, старшаго сына, умершаго 4 мая въ цѣлующихъ лѣтахъ (16 л. 8 м. и вѣсколько дней), и содѣлало жизнь нашу безотрадною, страдальническою до гроба. Нахожу нѣкоторое облегченіе въ скорби, повторяя слова праведнаго Іова: „Господь даде, „Господь отъя, яко Господеви изволися, тако и бысть; буди имя „Господне благословенно“!

1855 годъ.

Смерть сына — была смертію и моею, нравственною, душевною; я не жилъ, а только двигался, прозябалъ безсознательно, бессмысленно; добрая, невинная моя жена много терпѣла отъ моихъ вѣдѣныхъ, безразсудныхъ выходокъ и нареканій относительно потери сына, ея любимца; между тѣмъ, какъ моя недалковидность, небрежность и не

сообразительность и были причиною нашего несчастія; совѣсть терзала меня: зачѣмъ я отправилъ его въ этотъ пагубный, треклятый Петербургъ? Я такъ былъ несчастенъ, такъ упалъ духомъ, что не притворно желалъ смерти!

Этотъ годъ богатъ событіями и прискорбными и радостными; *изъ первымъ* относится: кончина Императора Николая I, потеря Севастополя и Черноморскаго флота, болѣзнь и предсмертная агонія знаменитаго и постоянного побѣдоносца, нашего Стратига, и другія; *изъ послѣднимъ*, оставляющимъ въ тѣни первыя — вступленіе на престолъ благодушнаго Александра II и начало возрожденія Россіи, подъ державнымъ скипетромъ Его, къ новой жизни.

Фельдмаршалъ Паскевичъ около 10 февраля возвратился изъ Петербурга, куда вызванъ былъ для военныхъ совѣщаній; онъ не привезъ ничего утѣшительнаго.

Вслѣдъ за его пріѣздомъ полученъ и читанъ былъ въ православномъ соборѣ манифестъ о составленіи въ Россіи ополченія и ужасавшемъ наборѣ въ оное, по 23 чел. съ 1000 д. не моложе 20 и не старѣе 45 лѣтъ. По провозглашеніи манифеста совершенно было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ о дарованіи побѣды надъ врагами, которой однако же, увы! Создателемъ даровано не было.

Вынужденное оставленіе нашими войсками придунайскихъ княжествъ, занятіе ихъ австрійцами и вообще непріязненное поведеніе этого вѣроломнаго правительства или кабинета — поселило въ фельдмаршалѣ убѣжденіе о вторженіи австрійцевъ, безъ объявленія намъ войны, въ Царство Польское и потому онъ вызвалъ въ Варшаву корпусныхъ командировъ: Паяютина и Лабинцева, и предложилъ имъ для сужденія вопросъ: не нужно-ли тѣмъ войскамъ ихъ, кои расположены на правомъ берегу Вислы, благовременно перевести на лѣвый, дабы, въ случаѣ наступленія австрійцевъ, они не были отрѣзаны и затруднены переправою? Паскевичъ во всеуслышаніе объявилъ, что при вторженіи австрійцевъ въ Царство, онъ, по недостаточности у него войскъ, долженъ будетъ очистить край и отступить за Бугъ. — Къ счастью, опасенія не сбылись, австрійцы и не предполагали вторгаться въ Царство; но не менѣе того, мы находились въ тревожномъ состояніи, по примѣру нашего верховнаго вождя.

Между тѣмъ, какъ все это совершалось, Императоръ Николай заболѣлъ 10-го и скончался 18-го февраля.

О ходѣ Его болѣзни было объявлено въ русскихъ газетахъ слѣдующіе 4 бюллетеня, подписанные пользовавшимися Императора придворными медиками: Мандтомъ, Енохинымъ и Кареллемъ:

№ 1... 17 февраля.

Болезнь Его Импер. Велич. началась легким гриппом; съ 10-го февраля, при слабых подагрических припадкахъ, обнаружилась лихорадка.

Вчера, съ появленіемъ страданія въ правомъ легкомъ, лихорадка была довольно сильна. — Ночь Его Велич. провелъ безъ сна.

Сегодня лихорадка нѣсколько слабѣе и изверженіе легочной мокроты свободнѣе.

№ 2... въ 11 часовъ вечера.

Лихорадка Его Велич. къ вечеру усилилась. Отдѣленіе мокроты изъ нижней доли пораженнаго праваго легкаго сдѣлалось труднѣе.

№ 3... 18 февраля въ 4 часа по полуночи.

Затруднительное отдѣленіе мокротъ, коимъ страдалъ вчера Госуд. Импер., усилилось, что доказываетъ ослабляющую дѣятельность легкихъ и дѣлаетъ состояніе Его Величества весьма опаснымъ.

№ 4... въ 9 часовъ по полуночи.

Угрожающее Его Велич. параличное состояніе легкихъ продолжается, и вмѣстѣ съ тѣмъ происходящая отъ того опасность.

Съ своей стороны прусскій повѣренный при русскомъ дворѣ графъ Мюнстеръ сообщалъ своему двору въ Берлинъ слѣдующія телеграммы, здѣсь излагаемыя въ переводѣ съ нѣмецкаго:

17 февраля 1 часъ 25 мин.

Вчера открылся сильный лихорадочный припадокъ и правое легкое оказалось пораженнымъ. Лихорадка не переставала всю ночь и препятствовала сну. — Отхаркиваніе было легко. Замѣченъ припадокъ подагры. Ослабленіе Импер. видимо увеличивается и, по мнѣнію медиковъ, положеніе Его очень серьезное.

4 часа и 4 мин.

Состояніе Его Велич. ни въ чемъ не улучшилось; Императрица чувствуетъ трепетаніе сердца, но впрочемъ довольно здорова.

9¹/₂ часовъ вечера.

Состояніе Императора хуже; отхаркиваніе сдѣлалось затруднительнѣе и означаетъ сильное пораженіе легкихъ; должно опасаться, что онъ парализованъ; докторъ Каррель весьма встревоженъ. — Наслѣдникъ, по желанію медика, просилъ Царя о принятіи Св. Таинъ.

11¹/₂ часовъ вечера.

Императоръ отказался сегодня отъ принятія Св. Таинъ и хочетъ исполнить это завтра. — Онъ видитъ только Императрицу и Наслѣдника. Императрица знаетъ опасность и повелѣла отдать мнѣ приказаніе извѣститъ Его Величество Короля.

18 февраля 6 часовъ утра.

Императоръ выслушалъ хладнокровно и спокойно слова доктора Мандта, объявившаго Ему, что должно опасаться паралича легкихъ. Императоръ спросилъ: „когда я буду парализованъ“? — а потомъ у доктора Каррелля: „когда я задохнусь“? — Доктора не могли отвѣчать положительно. — Императоръ принялъ Св. Причастіе; простился съ своей супругою и дѣтьми, благословилъ каждого изъ нихъ, а также внучатъ своихъ, голосомъ твердымъ, съ полнымъ присутствіемъ духа и съ величайшимъ спокойствіемъ.

Пульсъ бился еще очень сильно, но однако же дали приѣмъ мускуса. Императрица Его поддерживаетъ и ко всему приготовлена.

Послѣдняя депеша Пруссакаго повѣреннаго извѣщаетъ о кончинѣ Императора.

Дополнимъ эти свѣдѣнія извлеченіемъ изъ пространной статьи, напечатанной въ № 41 „Сѣверной пчелы“ подъ заглавіемъ: „*последнія минуты Императора Николая*“.

„Императоръ еще 27 января заболѣлъ гриппомъ, но занимался дѣлами, а 9-го февраля, чувствуя себя лучше, вопреки пользовавшихся Его врачей, послѣ отслушанія обѣдни, при 23 градусахъ мороза, въ часъ по полудни, осматривалъ въ Эрцгаузѣ Инженернаго замка нѣкоторыя войска, не взявъ даже предосторожности (не смотря на убѣжденіе Цесаревича и просьбы близкой своей прислуги) одѣться потеплѣе обыкновеннаго. — Послѣ смотра, заѣзжалъ къ Вел. Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и къ больному Военному Министру; возвратясь же домой, почувствовалъ себя хуже чѣмъ наканунѣ. Кашель и одышка увеличились; ночью не имѣлъ сна; не смотря однако же на то, на

другой день, т. е. 10 февраля, вновь былъ въ Эрцаугузъ и осматривалъ войска и съ сего дня всѣ болѣзненные припадки начали усиливаться и Государь уже не выходилъ изъ комнаты; 11 февраля слегъ въ постель и вечеромъ болѣзнь оказалась очевидно тяжелою и признаки опасности начали развиваться съ непомѣрною быстротою, но Императоръ не покидалъ занятій дѣлами и только 12 февраля, по настоянію врачей, рѣшился предоставить сей трудъ Цесаревичу. 17 февраля Императрица сказала Своему Супругу: „хотя состояніе „здоровья Твоего вовсе не опасно, но сколько примѣровъ, что съ „принятіемъ Св. Таинъ, Богъ посылаетъ страждущимъ облегченіе“. Императоръ отвѣчалъ: „нѣтъ, я не могу приступить къ такому великому таинству въ постелѣ, не одѣтый; лучше тогда, когда буду въ силахъ совершить это приличнымъ образомъ“. Императрица замолчала.—Вскорѣ Онъ замѣтилъ на глазахъ Ея слезы: „Ты плачешь? — Нѣтъ, это отъ насморка“. Черезъ нѣсколько минутъ, Императрица тихо начала читать: „Отче нашъ“. — „Ты читаешь молитву, зачѣмъ? „спросилъ Императоръ; „Я молюсь о Твоемъ выздоровленіи“ отвѣчала Государыня. „Развѣ я въ опасности?“ — „Нѣтъ“ отозвалась Императрица; у Нея не достало духа отвѣчать утвердительно.—Тогда больной сказалъ Ей: „но ты очень разстроена; Ты устала; „поди, успокойся“ — и Императрица удалилась.

18 февраля около 3 часовъ ночи Государь спросилъ доктора Мандта: „скажите мнѣ откровенно, какая у меня болѣзнь? Вы знаете, „что и прежде Я всегда вамъ приказывалъ предупредить Меня во „время, если заболѣю тяжело, чтобы не упустить исполненія христіанскаго долга“. „Не могу скрыть предъ Вашимъ Величествомъ“ отвѣчалъ Мандтъ — „что болѣзнь Ваша становится серьезною: у Васъ „поражено правое легкое“. — „Вы хотите сказать, что ему угрожаетъ „параличь. Если болѣзнь не уступитъ нашимъ усиліямъ“ — отвѣчалъ докторъ — „то конечно это можетъ послѣдовать; но мы того еще не „видимъ и не теряемъ надежды на Ваше выздоровленіе“. — А, теперь „Я понимаю Мое положеніе; теперь я знаю, что Мнѣ дѣлать“. — Отпустивъ Мандта, Государь позвалъ Наслѣдника и спокойно объявилъ Ему о безнадежности Своего положенія, промолвивъ: „надѣюсь. Ты ничего еще „не сказалъ и не скажешь Матери; прикажи позвать „духовника“. — Духовникъ Бажаповъ тотчасъ явился; вошла Императрица. — Когда духовникъ началъ читать предшествующія исповѣдныя молитвы, Государь благословлялъ стоявшихъ у постели Его на колѣняхъ Императрицу и Наслѣдника. — За симъ Они вышли.

По окончаніи исповѣди, Государь, перекрестившись, произнесъ „Молю Господа, чтобы Онъ принялъ Меня въ Свои объятія“. Причащеніе принялъ въ присутствіи Императрицы и Цесаревича; молитву: „вѣрую Господи и исповѣдую“ — прочиталъ довольно твердо.

голосомъ.—Послѣ сего обряда, кончившагося въ 3^{1/2} часа утра, Императоръ позвалъ къ Себѣ все Свое семейство, проводившее всю ночь безъ сна въ сосѣднихъ комнатахъ; съ твердостію объявилъ ему о близкой своей кончинѣ; со всѣми простился и всѣхъ благословилъ.—Императрица воскликнула: „Боже! для чего Я не могу умереть вмѣстѣ съ Тобою!“—„Ты должна жить для нихъ“—отвѣчалъ Императоръ.—Обратившись къ Цесаревичу, Онъ сказалъ: „Ты знаешь, что всѣ мои пощеченія, всѣ усилія стремились къ благу Россіи; Я хотѣлъ продолжать трудиться такъ, чтобы оставить Тебѣ Государство благоустроенное, огражденное безоопасностію извнѣ, совершенное спокойное и счастливое; но Ты видишь, въ какое время и при какихъ обстоятельствахъ Я умираю.—Видно такъ угодно Богу; тяжело Тебѣ будетъ! Залившійся слезами Цесаревичъ отвѣчалъ: „Если уже суждено Мнѣ Тебя лишиться, то Я увѣренъ, что Ты и тамъ будешь молиться Ему о Россіи, о Насѣ всѣхъ, о святой Его Мнѣ помощи, понести тяжкое бремя, Имъ же на Меня возлагаемое“.—„Да, Я всегда молился Ему за Россію и за всѣхъ васъ“—отвѣчалъ умирающій—„буду, буду молиться и тамъ. Вы же,—обращаясь къ Своему семейству, и указывая на Императрицу,—останьтесь на всегда, какъ было доселѣ, въ тѣсномъ союзѣ любви семейной“.—Послѣ сего Государь потребовалъ къ себѣ графа Адлерберга (министра двора), графа Орлова (Шефа Жандармовъ) и князя Долгорукова (военнаго министра), благодарилъ ихъ за службу, поручилъ ихъ Наслѣднику, благословилъ и простился.—За сими, снова обращаясь къ Наслѣднику и Адлербергу, отдалъ послѣднія приказанія на счетъ своихъ похоронъ; Самъ назначилъ комнату во дворцѣ, гдѣ должны быть выставлены смертные его останки и могилу для нихъ въ Петропавловскомъ соборѣ, требуя, чтобы погребеніе совершенно было съ возможно меньшею роскошью, безъ пышнаго катафалка, безъ всякихъ великолѣпныхъ въ залѣ и церкви убранствъ, для избѣжанія напрасныхъ издержекъ.—Наконецъ приказалъ позвать къ себѣ ближайшихъ служителей, благодарилъ ихъ, благословилъ и простился.

Императоръ находился еще въ полной памяти, когда духовникъ приступилъ къ чтенію отходной и повторялъ за нимъ молитвы, хотя слабымъ уже голосомъ, но покойно. Вскорѣ голосъ Его пересѣкъся; Онъ знаками подозвалъ къ Себѣ духовника, пожалъ ему руку, поцѣловалъ наперстный его крестъ и движеніями руки и глазъ показывалъ на Императрицу и Наслѣдника, какъ бы желая сказать, чтобы онъ за Нихъ молился.—До послѣднихъ минутъ жизни не покидалъ Онъ рукъ Императрицы и Цесаревича, вѣрно жалъ ихъ и скончался *въ двадцать минутъ перваго часа по полудни*, а 5 марта положенъ на вѣчное успокоеніе въ Петропавловскомъ соборѣ“.

Неожиданная смерть Императора поразила насъ недоумѣніемъ и страхомъ; здѣсь, въ Варшавѣ, едва вѣрили разнесемуся, Богъ вѣсть отъ кого, слуху о кончинѣ сѣвернаго волоса; но полученная фельдмаршаломъ телеграмма возвѣстила какъ о смерти Отца, такъ и о начавшемся новомъ царствованіи Его Сына. Какъ рассказывали, кончина Николая поразила Паскевича въ двухъ отношеніяхъ: онъ терялъ земное божество, вознесшее, возвеличившее и обогатившее его; онъ не зналъ, что будетъ съ нимъ. Въ минуту полученія телеграммы изъ Петербурга, нѣсколько лицъ находилось въ приемной: одни ради поклоненія, другіе — по службѣ. Вышедшій изъ кабинета генерал-квартирмейстеръ Фроловъ объявилъ содержаніе телеграммы и воскликнулъ: „*Sic gloria transit*“. Велѣдъ за нимъ явился и фельдмаршалъ, сильно разстроенный, и дрожащимъ отъ волненія голосомъ едва переводя дыханіе, подтвердилъ высказанное уже Фроловымъ, разумѣется безъ латинской цитаты.

Не знаю, какъ отозвались враждебныя намъ иностранныя газеты о смерти Императора Николая, но извѣстно, что англійскія, особенно „Таймсъ“ наполнены были ругательными статьями о усопшемъ; послѣдняя не устыдилась напечатать, что Онъ жилъ преступленіями, злодѣянiami и уподобила Его Вальтазару. — Въ одномъ изъ Лондонскихъ театровъ, при объявленіи со сцены о смерти Николая, публика изъявила неистовую радость и заставила лицедѣевъ пропѣть свой народный гимнъ

Хотя нѣкоторыя нѣмецкія газеты воздали хвалу *рыцарскому характеру* покойнаго, однако же, мы россияне, положавъ руку на сердце, должны быть справедливы и сказать, что рыцарскій характеръ Николая не только не принесъ существенной пользы Россіи, но служилъ ей во вредъ и что въ его, около 30 лѣтъ, царствованіе, — Россія, покрыта была мглою и дышать было тяжело.

Наконецъ, фельдмаршалъ, мучившійся неизвѣстностію о самомъ себѣ, получилъ отъ посланнаго изъ Петербурга генер.-адъютанта Ефимовича Манифестъ и Высочайшій приказъ ко всемъ войскамъ Имперіи о кончинѣ Импер. Николая и вступленіи на престолъ Александра и собственноручное Его Величества письмо, при чтеніи котораго, по словамъ Ефимовича, старикъ просіялъ и выказалъ не притворную, не удержанную радость.

Помѣстимъ здѣсь въ копіяхъ сперва письмо, а потомъ приказъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

19 февраля 1855 года.

„Зная, любезный Князь ваши неизмѣнныя чувства къ Нашему незабвенному Государю и благодѣтелю, хочу передать вамъ еще Его послѣднія слова къ своему отцу Командиру. — Вотъ онѣ:

„Душевно благодарю Князя Варшавскаго за его искреннюю преданность и дружбу, и за тѣ геройскіе подвиги, коими возвеличилъ славу Нашею оружія и попрадъ имѣну“.

Слова эти вѣрно глубоко отзвуются въ вашемъ благородномъ сердцѣ. Да будутъ онѣ залогомъ, и Моихъ, собственныхъ чувствъ къ вамъ, искренней привязанности и уваженія къ вашимъ заслугамъ Царю и отечеству. — Да подкрѣпитъ Насъ Богъ въ теперешнюю годину испытанія.

Обнимаю васъ отъ глубины сердца. Васъ искренно любящій,

АЛЕКСАНДРЪ.

П Р И К А З Ъ

РОССІЙСКИМЪ ВОЙСКАМЪ

19 февраля.

Храбрые воины, вѣрные защитники Церкви, Престола и Отечества! Всемогущему Богу угодно было испытать Насъ самою горестною, тяжкою потерей. Мы лишились общаго нашего Отца и Благодѣтеля.

Среди неусыпныхъ заботъ о благоденствіи Россіи и славѣ Русскаго оружія, Любезнѣйшій Родитель Мой, Государь Императоръ Николай Павловичъ, перешелъ въ жизнь вѣчную.

Послѣднія Его слова были: „благодарю славную, вѣрную Пвардію, „спасшую Россію въ 1825 году, равно храбрые и вѣрные Армію и „Флотъ; молю Бога, что бы сохранилъ въ нихъ навсегда тѣ же доблести, тотъ же духъ, коими при Мнѣ отличались. Поеуда духъ сей „сохранится, спокойствіе Государства и внѣ и внутри обезпечено, и „горе врагамъ его! Я ихъ любилъ какъ дѣтей своихъ, старался, какъ „мать, улучшить ихъ состояніе; ежели не во всемъ успѣлъ, то не отъ „недостатка желанія, но отъ того, что или лучшаго не умѣлъ при- „думать, или не могъ болѣе дѣлать“.

Да хранятся въ сердцахъ вашихъ эти незабвенныя слова, какъ доказательство искренней Его къ вамъ любви, которую я раздѣляю въ полной мѣрѣ, и какъ залогъ вашей преданности Мнѣ и Россіи.

АЛЕКСАНДРЪ.

*)

Не будемъ разсуждать о предсмертныхъ словахъ Николая, о любви Его къ Россіи, о моленіи объ ней, о желаніи сдѣлать ее счастливою,

*) Въ оригиналѣ приложенъ печатный экземпляръ манифеста о восшествіи на престолъ Императора Александра II. Въ воспроизведеніи его нѣтъ надобности. *Ред.*

о томъ, что Онъ воиновъ любялъ, какъ своихъ дѣтей, et cetera; это дѣло исторіи,—но мы повторимъ: тяжело было дышать въ его царствованіе и у всѣхъ уста были замкнуты.

На другой же день полученія манифеста, именно 24 февраля, въ православномъ соборѣ, въ присутствіи фельдмаршала, генералитета и главныхъ начальниковъ частей войскъ и управленіи арміи провозглашенъ былъ манифестъ, потомъ прочитана присяга, послѣ коей совершилось цѣлованіе евангелія и креста и рукоприкладство на присяжномъ листѣ. По исполненіи сего, архіепископъ и прочее духовенство сняли свѣтлыя ризы, облеклись въ печальныя и отслужили панихиду по скончавшемся Императорѣ. — Такъ совершились въ Варшавѣ: актъ вступленія на престолъ Императора Александра II, благодушнаго и милостиваго Монарха и Самодержца Россіи, и первая панихида о упокоеніи души усопшаго Владыки Николая I. — Какъ-то на душѣ сдѣлалось легче и всѣ раздѣхались и разошлись съ довольными лицами.

Ефимовичъ подъ рукою рассказывалъ, что.

Императоръ въ послѣднія минуты жизни приказалъ Наслѣднику тотъ-часъ объявить Себя Императоромъ и привести къ присягѣ высшихъ чиновъ

Кажется за день до полученія Паскевичемъ манифеста и письма, проѣхалъ чрезъ Варшаву посланный изъ Вѣны съ письмомъ отъ австрійскаго Императора эрцъ-герцогъ Вильгельмъ — Францъ Карлъ; онъ пробылъ здѣсь около двухъ часовъ и въ 3 часа утра отправился въ Питеръ. — Встрѣчавшій на границѣ эрцъ-герцога и сопровождавшій его до Варшавы директоръ желѣзной дороги генер. Шеншинъ, не могъ нахвалиться любезнымъ съ нимъ обращеніемъ и его разговорами; принцъ спрашивалъ о причинѣ болѣзни и смерти Николая, но ни однимъ словомъ не коснулся до военныхъ дѣлъ и вѣроломномъ вынужденіи насъ очистить Молдавію. Между тѣмъ его Апостолическое Величество соизволилъ отдать слѣдующій приказъ по своимъ войскамъ, въ плохомъ переводѣ здѣсь излагаемый.

П Р И К А З Ъ. — ^{22 февраля}/_{3 марта.}

„Дабы сохранить навсегда въ Моей арміи достославную память Его Величества Императора Николая I и выразить благодарное вниманіе за помощь, данную Имъ Миѣ и Моей Имперіи съ благородною и дружественною готовностію въ эпоху тяжкихъ испытаній и важныхъ затрудненій, — повелѣваю Кирасирскому № 5 полку, носящему Августѣйшее Имя почившаго Монарха, сохранить оное навсегда и по-

крыть крепость знамена его въ продолженіи четырехъ — недѣльнаго предписаннаго траура“.

Францъ Іосифъ.

Въ тоже время, въ одной австрійской газетѣ было напечатано, что (будто бы) австрійскій Императоръ кому то сказалъ, что „Онъ не можетъ свыкнуться съ мыслию, что лишился испытаннаго во всѣхъ случаяхъ друга и въ особенности, что этотъ ударъ постигъ Его въ такую минуту, когда Его Величество надѣялся доказать на дѣлѣ свою вѣрность. „Почти являю, Императору, что онъ (Францъ Іосифъ), надѣется, что Императоръ Александръ приметъ, какъ часть наслѣдія своего, ту дружбу, о коей Его Величество сохранить вѣчную память; что онъ горько сожалѣетъ о томъ, что лишился случая доказать Императору Николаю, что онъ (Францъ Іосифъ) возвратился на прежній путь; что онъ убѣжденъ, что Императоръ Александръ явитъ въ дѣлахъ возстановленія мира такую же возвышенность и твердость видовъ, какъ Его Августѣйшій Предшественникъ“.

При какихъ обстоятельствахъ и кому произнесены были эти вѣрбывыя слова, газета не объяснила. Францъ Іосифъ воспитанникъ Іезуитовъ!

Между тѣмъ какъ упомянутое выше совершилось въ Варшавѣ, Меньшиковъ — по словамъ его: адмиралъ, никогда не служившій во „флотѣ и Главнокомандующій въ Крыму морскихъ и сухопутныхъ силъ, „не имѣющій ихъ“ — ратовалъ подъ Севастополемъ противъ врага. — Фельдмаршалъ еще до кончины Императора Николая, вскорѣ по возвращеніи изъ Петербурга, сильно и весьма сильно осуждалъ дѣйствія Меньшикова, говоря, что союзная армія, особенно англійская, въ разстройствѣ отъ холода, голода и болѣзней, а мы все имѣемъ и числительностію сильнѣе, и за всѣмъ тѣмъ дали врагу укрѣпиться и пробавляемся ни къ чему неведущими вылазками. Это осужденіе едва ли сираведливо, но безъ сомнѣнія послѣдствіемъ сего было то, что на третій день воцаренія Императора, т. е. 20 февраля, вѣроятно еще по предначертанію Николая, — Главнокомандующій южною арміею князь Горчаковъ назначенъ Главнокомандующимъ и въ Крыму, вмѣсто Меньшикова. Надобно сознаться, назначеніе было неудачное, по отношенію его характера и частымъ болѣзненнымъ припадкамъ.

Любопытны разглашенныя причины, по коимъ Наполеонъ яко бы питалъ злобу на Императора Николая и воздвигнулъ на Россію войну, именно:

1) Со дня вступленія Наполеона на престолъ Императоръ Николай въ своей перепискѣ съ нимъ не называлъ его братомъ, какъ это принято между государями.

2) Разъ, при путешествіи Вел. Княг. Маріи Николаевны супруги

Герцога Лейхтенбургскаго, когда она должна была остановиться въ Страсбургѣ и Наполеонъ сдѣлалъ приготовленія для Ея приѣма и свиданія; какъ съ женою своего двоюроднаго брата, то Императоръ Николай, узнавъ о томъ, чрезъ фельдъегеря воспретилъ своей дочери быть въ Страсбургѣ.

3) По духовному завѣщанію Герцогъ Лейхтенбергскій поручалъ дѣтей своихъ покровительству Короля Баварскаго и Наполеона; о чемъ уведомилъ ихъ предсмертными своими письмами; но Императоръ Николай всѣмъ этимъ дѣтямъ далъ фамилію *Романовъ* и тѣмъ устранилъ всякое виѣшательство и вліяніе Наполеона.

4) Императоръ Николай разстроилъ женитьбу Наполеона на принцессѣ Ваза.

20 марта, въ день Вербнаго Воскресенія, въ православномъ соборѣ, послѣ литургіи, читано было воззваніе Синода, приглашавшее всѣхъ русскихъ возстать противу враговъ и послѣ совершенно было молебствіе о испосланіи свыше побѣды надъ ними. Это воззваніе имѣло одинъ недостатокъ, оно было длинно и веледѣливо.

Предъ тѣмъ черезъ Варшаву проѣзжалъ въ Петербургъ вызванный изъ за границы принцъ Дарыштатскій Александръ, родной братъ нашей царствующей Императрицы.

Этотъ принцъ состоялъ въ нашей службѣ, но вслѣдствіе исторіи съ фрейлиною графинею Гаукъ и женитьбы на ней, по данному имъ честному слову, — былъ Императоромъ Николаемъ уволенъ изъ службы, долженъ былъ оставить Россію и вступилъ въ австрійскія войска. — Высокаго посѣтителя встрѣчалъ на нашей границѣ и сопровождалъ до Варшавы, сидя съ нимъ въ одномъ вагонѣ, генералъ Шеншинъ; отъ него-то я слышалъ, что принцъ, между прочимъ, говорилъ ему, что австрійскій Кайзеръ весьма расположенъ къ Императору Александру, но президентъ Совѣта графъ Боуль, питаетъ ненависть къ Россіи, усиливающуюся еще его злобою на Николая I, который въ 1849 году обошелся съ нимъ въ Варшавѣ холодно и оскорбилъ его какими-то рѣзкими замѣчаніями.

Въ апрѣлѣ мѣсяцъ возвращался изъ Петербурга чрезъ Варшаву за границу наслѣдный Датскій принцъ, посланный отъ своего Короля съ поздравленіемъ къ Императору Александру. Тотъ же Шеншинъ сопровождавшій принца, былъ въ восхищеніи отъ его обхожденія и разговоровъ. Онъ посѣщалъ и Москву; осматривалъ въ ней древности и заведенія: московскій воспитательный домъ, университетъ, духовную академію и другія; отзывался съ уважительною похвалою о митрополитѣ Филаретѣ, съ которымъ объяснялся по латыни, о престарѣломъ герое Ермоловѣ, который представилъ ему два вооруженные баталіона московскаго ополченія и у коего, независимо, отъ общаго визита,

вечеромъ просидѣлъ болѣе 3-хъ часовъ и пилъ чай; но о генералъ-губернаторѣ Закревскомъ ни слова не упомянулъ. Принцу чрезвычайно по своей оригинальности понравилась Москва, въ которой онъ прогостилъ пять дней.—Принцъ такъ же разсказалъ, какъ послѣ взятія Бомарзунда, англичане на корабляхъ тащили плѣнныхъ нашихъ офицеровъ, ограбля ихъ и даже снявъ съ нихъ сапоги, и когда Датское правительство хотѣло снабдить ихъ одеждою и иными вещами въ натурѣ, то англичане въ томъ отказали, а потребовали деньги съ тѣмъ, что эти торгаши сами пожелали одѣть и обуть своихъ военнопленныхъ.—Вообще принцъ, по словамъ Шеншина, оскорбительно отзывался объ англійскомъ народѣ и правительствѣ, ругалъ Наполеона III, но болѣе Австрію, чести правительство ея и самого Императора подлымъ и неблагодарнымъ.

Съ новымъ воцареніемъ настало время преобразования и устройства Россіи.—Началось съ войскъ—это любимый конекъ Императора и донныѣ. Въ концѣ марта объявлено о новой формѣ обмундирования для всѣхъ оружій. Въмѣсто мундировъ съ голубиными хвостиками, даны покойные кафтаны; вмѣсто бѣлыхъ штановъ и ботфортовъ, генераламъ даны шаровары и т. п.

Конгрессъ въ Вѣнѣ кончился ничѣмъ; Турція отвергла предложенія и война по прежнему продолжалась въ Крыму. Повелѣно гренадерскій и 2-й пѣхотный корпуса вывезти изъ Царства въ Волынскую и Подольскую губерніи.—Это распоряженіе сдѣлано безъ предварительнаго согласія фельдмаршала Паскевича и старикъ крайне былъ имъ недоволенъ, ожидая со дня на день нашествія австрійцевъ и крѣпко разгнѣвался на своего приближеннаго секретаря Очкина, успокоивающаго владыку отъ напраснаго страха.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше повелѣно: составить двѣ арміи съ присоединеніемъ къ нимъ ополченцевъ: одну—*западную* въ Царствѣ Польскомъ, подъ командою генералъ-юдьютапта Сумарокова, — другую—*среднюю*, на Волыни и Подоли, подъ начальствомъ генерала Паниютина, съ тѣмъ, чтобы Паскевичъ изъ своего главнаго штаба составилъ необходимые штабы для тѣхъ двухъ генераловъ.—Назначеніе лицъ въ эти штабы происходило въ величайшей тайнѣ. Въ число ихъ попались и два члена полевого аудиторіата: я и генералъ Левицкий—Леонтьевъ, предназначенные Паскевичемъ въ исправленію должности дежурныхъ генераловъ.—Я узналъ однако же о томъ; мнѣ приходилось отправиться къ Паниютину на Волынь, оставить Варшаву, разстаться, можетъ быть на всегда, съ больною женою и могилою моего сына, къ которой я былъ прикованъ душею и тѣломъ, а сверхъ того, я и нравственно и физически былъ потрясенъ потерей моего первенца и мнилъ себя неспособнымъ принять новыя обязанности, требовавшія

энергіи и дѣятельности, и съ честію исполнять ихъ,—я во всемъ этимъ причинамъ, чрезъ дежурнаго генерала Заблоцкаго испросилъ дозволеніе у фельдмаршала оставить службу, которое и было имъ дано съ неудовольствіемъ и гнѣвомъ, а затѣмъ Высочайшимъ приказомъ 21 мая я былъ уволенъ за болѣзнію съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ 840 р. сер. въ годъ.—Надобно сознаться, что послѣ я сожалѣлъ о сдѣланной мною опрометчивости и много потерялъ, оставаясь въ отставкѣ 4 года и 2 мѣсяца.

Состоя на службѣ, я *volens nolens* бывалъ въ обществѣ, зналъ и слышалъ, что дѣлалось въ свѣтѣ, зналъ злобу дня:—вышедъ въ отставку, я уже ни гдѣ не являлся, не желалъ поддерживать знакомства и связей, и потому воспоминанія мои не могутъ быть ни любопытны, ни многочисленны.

Проѣзжавшій чрезъ Варшаву за границу состоявшій при князѣ Горчаковѣ дипломатическій чиновникъ Коцебу рассказывалъ, что князь, ратующій подъ Севастополемъ, постоянно боленъ поносомъ и упадкомъ силъ и что наканунѣ приступа врага 6 іюня онъ былъ въ постели, но при штурмѣ явился однако же предъ войсками.—Самъ же князь писалъ сюда, что Меншиковъ поставилъ его между *безчестіемъ* и *смертію*.

Распространились слухи: 1) что знаменитый защитникъ Севастополя, генералъ Тотлебенъ, тяжело раненъ и прекратилъ свою столь полезную дѣятельность,—этотъ слухъ подтвердился; 2) что будто бы на югѣ формируется новая сильная армію изъ дружинъ 6-ти губерній, строевыхъ поселенныхъ тамъ войскъ и малороссійскихъ казачьихъ полковъ, подъ командою генерала графа Никитина, и что передовыя ея колонны должны прибыть въ Перекопъ къ 1 августа; этотъ слухъ оказался выдумкою и 3) во что не было выдумкою, это то, что дѣйствительно архіепископъ Херсонскій, славный витія Иннокентій, былъ въ Севастополь и укрѣплялъ духъ сражавшихся русскихъ воиновъ.

Въ концѣ іюля пріѣхала изъ Петербурга въ Варшаву княгиня Горчакова, супруга главнокомандующаго въ Крымъ. Превозносилась лестнымъ пріемомъ ея при Дворѣ и назначеніемъ двухъ дочерей ея фрейлинами. Она прибыла на время погостить въ городѣ близко ей знакомомъ и вѣжно ею любимомъ, не предчувствуя, что чрезъ пять мѣсяцевъ сіятельная пара, т. е. мужъ и жена, не только въ Варшавѣ, но и во всемъ Царствѣ Польскомъ будутъ лицами, по выраженію гостинодворцевъ, *перваго сорта* и разыгрывать первыя роли.

Фельдмаршалъ не замедлилъ явиться съ визитомъ къ гостѣ и въ дружеской бесѣдѣ, между откровенными изліяніями, коснулся Императора Николая, о которомъ,—по словамъ княгини, говорилъ много,

рѣзко и не совсѣмъ уважительно.— А вѣдь Августѣйшій былъ его благодѣтелемъ и покровителемъ!

Черезъ нѣсколько времени, княгиня Горчакова изъ подъ Севастополя получила отъ своего мужа письмо, въ которомъ онъ писалъ, между прочимъ, что положеніе обѣихъ враждующихъ арміи столь *натянута*, что ожидается между ими *кровавое столкновение*.— И точно, вскорѣ послѣ этого письма, распространился слухъ, подтвердившійся въ послѣдствіи, о кровавомъ столкновеніи 4 августа на Черной рѣчкѣ, близъ Севастополя, вызванномъ самими нами, гдѣ наши войска хотя и сражались храбро, но сильно были побиты и потеряли убитыми своего корпуснаго командира Реада и еще двухъ генераловъ.— На первыхъ порахъ русскіе въ Варшавѣ утверждали, что французы о нашемъ наступленіи заранѣе знали отъ перебѣжчиковъ—поляковъ, приготовились встрѣтить и побили насъ, но это мнѣніе несправедливо. Неусиѣхъ нашъ былъ просто напросто слѣдствіемъ непростительнаго недоразумѣнія и безтолковости князя Горчакова и Реада.— Можно бы спросить сіятельнаго, зачѣмъ онъ держалъ при себѣ начальника главнаго штаба Коцебу и генераль-квартирмейстера Бутурлина и не послалъ одного изъ нихъ къ Реаду? Но Горчаковъ давно уже въ могилѣ; его обвинялъ и Паскевичъ,—и былъ правъ.

Еще живо и горячо разсуждали о пораженіи нашемъ на злосчастной Черной рѣчкѣ, какъ 29 или 30 августа Паскевичъ получилъ телеграмму изъ Петербурга объ оставленіи нами Севастополя 27 августа и объ отступленіи горнизопа за бухту на Сѣверную сторону, послѣ ужаснаго врагами бомбандированія наканунѣ и приступа на 6 пунктовъ укрѣпленій, которые впрочемъ были мужественно отбиты, и взятія французами 7 укрѣпленія, называемаго Малаховымъ курганомъ,— что и рѣшило насъ, послѣ кровавой рѣзни, очистить Севастополь. По разсказу очевидца, Паскевичъ, прочитавъ депешу, съ злорадствомъ произнесъ: „*пусть поплачутся Горчаковы*“. Потомъ добавилъ: „*теперь мнѣ приходится защищать Крымъ*“. Между тѣмъ княгиня Горчакова отъ этого извѣстія переходила изъ отчаянія къ отчаянію; но фельдмаршалъ сжалился и объявилъ ей, что самъ Императоръ писалъ къ нему, что послѣ адскихъ бомбандированій Севастополь неменуемо долженъ пасть.

Всѣ носившіе русскій мундиръ въ Варшавѣ были смущены весьма этимъ неожиданнымъ событіемъ; одни только поляки радовались постигшему насъ несчастію, шушукали, что кн. Горчаковъ застрѣлился и имѣли веселія и довольныя лица, — Надобно сознаться, — Богъ каралъ Россію за гордыню покойнаго Вѣнценосца; Онъ убѣжденъ былъ въ своей силѣ и могуществѣ и не предпринималъ никакихъ мѣръ къ лучшему устройству и снабженію военной части, и потому-то бѣдственная война нашла насъ безъ усовершенствованнаго оружія и безъ до-

статочнаго количества поража, артиллерійскихъ снарядовъ и другихъ предметовъ, усѣхъ обезпечивающихъ. — Мы мнили себя быть непобѣдимыми и горько въ томъ разочаровались. — Врага *мы не закидали шапками*, какъ пророчилъ это сдѣлать тупоголовый генералъ Кирьяковъ, въ сраженіи на Альмѣ.

И теперь не рѣшенъ еще вопросъ: оставленъ ли Севастополь нами, какъ мы утверждаемъ, или взятъ штурмомъ, какъ говорятъ и пишутъ хвастливые французы? Но дѣло въ томъ, что мы его не отстояли и должны были выдти изъ него.

Въ память своей побѣды, въ Парижѣ выбита была бронзовая медаль, на одной сторонѣ которой изображенъ Наполеонъ III-й съ мечемъ въ рукѣ, идущій на приступъ Севастополя, а на другой слѣдующая подпись: „взятіе Севастополя союзными арміями Франціи, Англіи, Пьемонта и Турціи 9 сентября 1855 года“ — Къ чему тутъ изображеніе проходимца, авантюриста?

Въ Бельведерскомъ дворцѣ покойный Великій Князь Цесаревичъ Константинъ занималъ свою особую верхніе покои; тамъ стояла и его походная кровать съ одѣяломъ изъ толстаго сѣраго солдатскаго сукна, на которой онъ и спалъ; тамъ застигло его возмущеніе въ ноябрѣ 1830 года; туда вломились ночью безбородные ученики академіи и юнкерской школы для умершвленія Цесаревича; оттуда, пробужденный отъ сна камердинеромъ, онъ скрытъ былъ, кажется, на чердакѣ; тамъ, наконецъ, всѣ жилища комнаты Его Высочества увѣшаны были портретами многихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ всѣхъ родовъ оружія бывшей польской арміи во всемъ полномъ ихъ вооруженіи. Послѣ покоренія въ 1831 году Варшавы, всѣ эти рисованные воины были отправлены въ Петербургъ, но возвращены по приказанію царствующаго Императора въ Варшаву, кажется, въ августѣ мѣсяцѣ и заняли прежнія свои стѣнные позиціи въ Бельведерѣ; присылка же этихъ портретовъ произошла отъ предполагавшагося пріѣзда сюда Царя, который однако же не пріѣхалъ, по причинѣ потери Севастополя. Между тѣмъ поляки ликовали возвращенію намалеванныхъ своихъ родяковъ, подлинники которыхъ въ 1830--31 годахъ сражались противу насъ.

По оставленіи нами Севастополя, князь Горчаковъ издалъ 31 августа приказъ, сочиненный генер. квартирм. его Вутурлинымъ. Этотъ приказъ былъ многорѣчивъ, длиненъ, какъ коломенская верста и написанъ стилемъ канцелярскимъ, дѣловымъ; онъ воздастъ хвалу отъ генерала до послѣдняго фурмана; въ тоже время, Горчаковъ, въ письмѣ къ женѣ своей, *очень радуется, что*

благополучно выбрался из мышеловки; а спустя мѣсяць пишетъ къ ней жс, что онъ *надѣется* кончить настоящую компанію съ *честію*; да и Паскевичъ увѣрялъ его, что *онъ теперь находится въ счастливомъ положеніи*. Паскевичъ имѣлъ свою причину такъ увѣрять; онъ полагалъ, что союзники нападутъ и возьмутъ и сѣверныя укрѣпленія Севастополя и тогда австрійцы объявятъ намъ войну и вторгнутся въ Царство, гдѣ число войскъ яко бы было недостаточно для борьбы съ ними и потому его свѣтлость желалъ часть войскъ Горчакова возвратить къ себѣ и писалъ о томъ Государю; но Царь посовѣтывалъ успокоиться и не думать объ австрійцахъ. Съ другой стороны фельдмаршалъ былъ убѣжденъ, что его отправить въ Крымъ и ожидать съ часу на часъ повелѣнія, котораго однако-же не послѣдовало.

Между тѣмъ, объявленъ рекруткѣй наборъ по 10 челов. съ 1000 душъ съ тѣмъ, что бы этотъ наборъ былъ конченъ къ 15 декабря.

По оставленіи нами Севастополя Императоръ изволилъ посѣтить Москву. Кажется въ одно время въ журналѣ „Москвитинъ“ напечатана была слѣдующая многознаменательная статья издателя журнала Погодина: „Севастополь показалъ въ полномъ блескѣ все, что есть прекраснаго въ русской природѣ, но тамъ же увидѣли мы и многіе существенныя наши недостатки, особенно въ отношеніи къ Европейской искусственности, или вообще къ образованію, которое по всеѣмъ частямъ необходимо должно быть у насъ уравнено съ нашими врагами. Не ставемъ стыдиться гласнаго сознанія въ этихъ недостаткахъ, напротивъ, будемъ благодарны за всякое благонамѣренное указаніе, не будемъ обвинять никого, а всѣ, соединенными силами, приложимъ стараніе объ ихъ отстраненіи и предадимся спокойно въ волю Божию“.

Въ первыхъ числахъ октября Паскевичъ заболѣлъ, но ему не вѣрили, однако же болѣзнь усилилась до того, что приглашенъ былъ изъ Берлина королевскій лейбъ-медикъ, которому король приказалъ оставаться въ Варшавѣ, пока фельдмаршалъ не поправится и не минуетъ опасность. У больного въ желудкѣ оказался скирръ и лейбъ-медикъ, пробывшій несколько дней и давши наставленія, отправился во свояси, получивши за свой визитъ 300 полуимперіаловъ. Варшавскіе же доктора въ мнѣніяхъ своихъ расходились: одни утверждали, что фельдмаршалъ еще долго проживетъ, другіе—что не долго продлится его существованіе; но достовѣрно то, что старецъ, отъ переносимыхъ имъ страданій и боли, предавался ужасной ярости и запальчивости; его пользовалъ и гомеопатъ, отставной польской службы подпоручикъ, но безуспѣшно; онъ даже намѣревался прибѣгнуть къ помощи овчара—крестьянина, лѣчившаго своихъ больныхъ травами и соками.

Между тѣмъ какъ маститый фельдмаршалъ боролся съ своею болѣзнію, получены были изъ Крыма весьма прискорбныя извѣстія о томъ, что Императоръ въ бытность свою въ войскахъ Горчакова, остался крайне недоволенъ злоупотребленіями чиновниковъ, посланныхъ изъ Петербурга для раздачи раненымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ пожертвованныхъ вещей и денегъ, равно открылись безпорядки и хищничества въ интенданствѣ по продовольствію войскъ и госпиталей, подтвердившіеся формальнымъ слѣдствіемъ, произведеннымъ по окончаніи войны, и генераль интендантъ Затлеръ съ комп. былъ преданъ военному суду и подвергнутъ заслуженному наказанію со всеми своими клеветами.

Въ послѣднихъ числахъ октября и въ первыхъ ноябрю прибыли въ Варшаву дружины Ярославскаго и Костромскаго ополченій. Грустно было смотрѣть на эту толпу брадатыхъ защитниковъ, оторванныхъ отъ своихъ семействъ. Педантъ Сумароковъ былъ крайне недоволенъ фронтowymъ образованіемъ Костромской дружины и грубо выговаривалъ за то начальнику ея дѣйствительному статскому совѣтнику Васькову. Этотъ помѣщикъ справедливо ему замѣтилъ, что онъ привелъ не солдатъ, а мужиковъ и не для воинскихъ парадовъ и церемоній, а что бы драться съ врагами и что тогда только Сумароковъ можетъ дѣлать выговоры, когда увидитъ, что ополченцы будутъ худо драться съ врагами и въ заключеніе Васьковъ присовокупилъ, что онъ начальникомъ ополченцевъ избранъ всемъ дворянствомъ и взялъ съ собою, на службу отечеству 4-хъ сыновей и 2-хъ зятевъ, чего не можетъ сказать другой о самомъ себѣ. Но Сумароковъ таки доѣхалъ Васькова, и, какъ говорили, чрезъ 2 мѣсяца умеръ отъ нападковъ и огорченій.

17-го ноябрю проявилось не бывалое явленіе въ Варшавѣ. По Высочайшему повелѣнію, при собраніи войскъ и прочихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, на Саксонской площади, гдѣ воздвигнуть еще при Николаѣ I-мъ памятникъ въ честь павшихъ при возмущеніи 17 ноября 1830 года поляковъ, имена которыхъ вырѣзаны на доскахъ памятника, совершены были сперва благодарственное молебствіе о усмиреніи польскаго мятежа, а потомъ и павихида по Александрѣ I, Цесаревичѣ Константинѣ и павшихъ вѣрныхъ долгу своему упомянутыхъ поляковъ. Какой смыслъ имѣла эта церемонія по прошествіи столькихъ лѣтъ, — осталось не разгаданнымъ.

Едвали не въ этотъ же день или наканунѣ, Паскевичъ исповѣдался и приобщился, повторилъ тоже и 19 числа, такъ былъ близокъ къ смерти, находясь въ непрерывномъ усыпленіи. При одномъ изъ своихъ пробужденій, онъ позвалъ находившагося на дежурствѣ своего адъютанта Протасова и поручилъ ему благодарить всѣхъ прочихъ своихъ товарищей за ихъ службу при немъ; въ это время вошелъ къ

нему приближенный его шевтунъ и сплетникъ генераль штабъ докторъ арміи Четыркинъ, коего фельдмаршалъ ту же секунду выгналъ вонъ.

Возвратилась и супруга больного изъ Берлина, гдѣ она пользовалась уже нѣсколько мѣсяцевъ у тамошнихъ докторовъ отъ какой то болѣзни и которую мужъ ея сильно желалъ видѣть. Встрѣчавшій ея на границѣ и сопровождавшій до Варшавы директоръ желѣзной дороги генералъ-маіоръ Шеншинъ рассказывалъ мнѣ, что онъ нашелъ эту добрую женщину въ весьма болѣзненномъ состояніи, она была печальна, уныла и предавала жизнь свою и мужа своего въ волю Божию; говоря о послѣднемъ, прямо осуждала его за то, что онъ къ несчастію, имѣлъ около себя людей безнравственныхъ и безчестныхъ, довѣрялъ имъ и смотрѣлъ ихъ глазами, а въ заключеніе сказала: *каковъ онъ въ прочемъ ни есть, а вспомнятъ и объ немъ*; говорила еще о вниманіи, которымъ она пользовалась въ Берлинѣ отъ королевскаго семейства и что король при прощаніи съ нею поручилъ передать поклонъ ея мужу и при томъ сказалъ, что Его Величество считаетъ его другомъ и что онъ прекрасно правилъ Царствомъ Польскимъ и въ 1848 году не допустилъ его до возмущенія тогда, какъ онъ, король, не успѣлъ сего сдѣлать съ своими польскими провинціями.

Произнесенное мнѣніе фельдмаршалшею о томъ, что *вспомнятъ* и объ ея Иванѣ Федоровичѣ, высказала только другими словами и наслѣдница Виртембергскаго королевства Великая Княгиня Ольга Николаевна въ отвѣтномъ письмѣ къ пріятельницѣ своей, жевѣ полковника Ильгестрома, состоящемъ при Паскевичѣ; она между прочимъ выразилась такъ, что *еще будутъ сожалѣть о фельдмаршалѣ, когда его не станетъ и что напрасно не слушали его совѣтовъ*“.

Вызванный изъ Вѣны знаменитый лейбъ-медикъ Овербекъ объявилъ, что у фельдмаршала во внутренности не скирръ и не ракъ, а формируются злокачественные нарывы, лишаящіе всякой надежды на успѣхъ леченія и выздоровленія, хотя онъ ипогда оставлялъ постель свою и становился на ноги.

27-го сентября, страдавшій старецъ получилъ милостивую телеграмму отъ вдовствующей Императрицы Александры Θεодоровны и собственно ручное письмо отъ Государа Императора, въ коемъ Его Величество между прочимъ изволилъ написать, что Онъ, Государь, и Его Супруга молятъ Бога о его выздоровленіи; о выздоровленіи его же при богослуженіи въ замкѣ, въ церкви читалась во всеуслышаніе и длинная молитва. Вниманіе иучастіе Царя обрадовало и какъ будто оживило страдальца, но развитіе боіѣзни шло своимъ чередомъ.

Но еще за нѣсколько дней до полученія этого письма членъ Администраціоннаго Совѣта генераль-адъютавтъ графъ Красинскій вступилъ въ управленіе Царствомъ.

Въ первыхъ числахъ декабря получено было насъ обрадовавшее извѣстіе о сдачѣ Карса и 6-го числа совершенно благодарственнаго молебствіе, равно пѣтъ былъ молебенъ по случаю тезоименитства Цесаревича Николая и длиннѣйшее богослуженіе завершено панихидою по Императорѣ Николаѣ I-мъ.

Между тѣмъ по маленьку преобразование по военному вѣдомству совершилось; такъ гражданскимъ чинамъ того вѣдомства, для придачи имъ воинственности, дозволено носить *усы!*

Въ концѣ декабря я видѣлся здѣсь съ генераль-адъютантомъ Бибиковымъ, принявшимъ меня весьма любезно и къ моему изумленію отъ прѣхавшаго съ нимъ довѣреннаго чиновника, мнѣ хорошо знакомаго коллежскаго совѣтника Розетти, узналъ, что Бибиковъ не Литовскій уже генераль-губернаторъ и получилъ увольненіе отъ сей должности вовсе неожиданно, на канунъ его отъѣзда сюда изъ Вильны за слѣдующее прегрѣшеніе: новый министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, вступивъ въ исправленіе своей должности, издалъ циркуляръ, напечатанный во всѣхъ газетахъ, къ губернаторамъ, коимъ онъ, какъ благвоспитанный вельможа, приглашалъ ихъ познакомиться съ собою все дворянство губерній, доводить до его свѣдѣнія всѣ ихъ нужды, желанія и проч. и проч. Литовское дворянство при первомъ свѣздѣ въ Вильно, потолковало, пошумѣло, по обычаю польщины, и на основаніи упомянутаго циркуляра изявило свои нужды и желанія, особенно о возстановленіи по прежнему въ Вильно университета, составило адресъ къ Императору и представило его Бибикову, а этотъ близорукій агентъ препроводилъ адресъ къ Ланскому и вскорѣ затѣмъ получилъ строгій выговоръ и удаленіе отъ должности. А вѣдь сколько лѣтъ толкался при Дворѣ и не научился мудрости!

Заканчиваю этотъ годъ тѣмъ, что фельдмаршалъ близился къ концу своихъ дней; онъ терпѣлъ неизмѣримыя страданія, не въ состояніи былъ ни поднять руки, ни шевельнуть ногою и до изумительности съежился. По словамъ находившагося при немъ доктора Загорскаго страдалецъ однажды просилъ *убить* его.

Въ тоже время, когда фельдмаршалъ взывалъ и молил о смерти, проживавшая въ Варшавѣ жена генерала Сухозанета получила отъ своего мужа изъ Крыма письмо, приказывающее ей передать княгинѣ Горчаковой, что *она вымолила у Бога*. Разгадка этихъ словъ выяснилась чрезъ нѣсколько дней въ письмѣ князя Горчакова къ своей супругѣ, которымъ онъ извѣщалъ, что Государь Императоръ по смерти фельдмаршала назначаетъ его и намѣстникомъ въ царствѣ и главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, — и притомъ приказываетъ ей это держать въ секретѣ. Разумѣется это не осталось въ тайнѣ, княгиня безмѣрно возликовала и разболтала и съ тою же безмѣрною

нетерпѣливостію ожидала исхода души кончавшагося страдальца. Въ обществѣ однако же говорили, что когда Паскевичъ слегъ уже въ постель и не сталъ управлять царствомъ польскимъ, то Государь Императоръ предлагалъ сперва графу Киселеву, а потомъ князю Орлову званіе наместника въ царствѣ, но оба отъ этой чести уклонились.

1856 годъ.

Первый день новаго года былъ замѣчательнъ тѣмъ, что всѣ чины вѣдомствъ, военнаго и гражданскаго царства польскаго, которые до болѣзни фельдмаршала въ дни официальные, высокаторжественныя, являлись къ нему на селямъ безраздѣльно, — теперь раскололись на двѣ половины и принесли свои поздравленія и пожеланія: военные — временно командующему арміею генералу Сумарокову, а гражданскіе, — тоже временно управляющему гражданской частію въ царствѣ члену администраціоннаго совѣта генералъ-адъютанту графу Красинскому.

На другой день былъ полученъ Высочайшій приказъ, подписанный еще 27 декабря о назначеніи генерала Лидерса главнокомандующимъ южною въ Крыму арміею на мѣсто князя Горчакова, *получившаго*, какъ сказано въ приказѣ, *другое назначеніе*, но какое? О томъ въ приказѣ не сказано.

Разумѣется, многіе знали, изъ письма Горчакова къ своей женѣ, о какомъ другомъ назначеніи возвѣщаетъ приказъ. Но княгиня Горчакова сильно встрѣвожилась прочитавъ принесенный ей услужливымъ дежурнымъ генераломъ Паскевича Заболоцкимъ тотъ приказъ и не видя въ немъ *прямого* назначенія своего мужа вмѣсто умирающаго фельдмаршала, какъ онъ и предворялъ се своимъ письмомъ, и не сообразивъ, что было бы безтактно и не человѣчно, когда еще живъ былъ Паскевичъ, назначить гласно ему наследника. При такой душевной тревогѣ, сіятельная спросила мнѣнія Заболоцкаго, который отвѣчалъ ей примѣромъ Кутузова, который послѣ заключенія мира съ турками въ 1812 году былъ отозванъ изъ арміи и потомъ назначенъ вновь главнокомандующимъ. Слова Заболоцкаго успокоили княгиню. Приказъ этотъ однакоже, былъ скрытъ отъ фельдмаршала и поступлено благо-разумно.

Между тѣмъ Паскевичъ то умиралъ, то оживалъ; въ минуты нестерпимой боли, изрыгалъ ругань и проклятія; при облегченіи занимался предметами суетнаго свѣта; такъ интересовался и распрашивалъ о появившейся на театральныхъ подмосткахъ знаменитой балеринѣ Богдановой.

Наконецъ фельдмаршалъ трехъ великихъ державъ: Россійской, Австрійской и Прусской, князь Варшавскій, графъ Иванъ Федоровичъ—Эриванскій, 20 января, въ день преподобнаго Евфимія великаго, въ пятницу, послѣ 3 часовой страшной агоніи, въ 10 часовъ утра, предалъ безсмертную душу свою на судъ Всемогущаго и Вседлагаго Бога!

Объ этой кончинѣ тотчасъ дано было знать по телеграфу въ Петербургъ и тѣмъ же путемъ чрезъ нѣсколько часовъ полученъ отвѣтъ: что-бы онъ былъ похороненъ, согласно его желанію, въ пожалованномъ ему Императоромъ Николаемъ Ивановскомъ селѣ, близъ Ивангородской крѣпости и что бы всѣ издержки на погребеніе обратить на счетъ казны Царства; въ то же время, Высочайше повелѣно гвардіи и арміи въ память усопшаго носить трауръ 9 дней, а полкамъ имени его 6 недѣль; наконецъ, сынъ умершаго генераль-маіоръ Паскевичъ за заслуги его отца, назначенъ генераль-адъютантомъ.

Другою депешою изъ Петербурга князь Горчаковъ назначенъ Намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ и главнокомандующимъ арміями: Западною — Сумарокова и среднею — Паниютина, вкорѣ затѣмъ принявшими одно названіе: дѣйствующей. Княгиня Горчакова возликовала до пошлости и радостно принимала поздравленія, а самолюбивый парикъ—Сумароковъ, мнѣвшій быть главнокомандующимъ, былъ взбѣшенъ до неистовства.

Съ послѣднимъ вздохомъ Намѣстника были воспрещены всѣ общественныя увеселенія: театры, балы и маскарады; что было не по душѣ полякамъ, такъ какъ у нихъ наступили послѣдніе дни бѣшенаго ихъ карнавала.

21 числа тѣло фельдмаршала было анатомировано, и, какъ говорили, въ желудкѣ его оказались сильнѣйшіе три рака и по обѣимъ сторонамъ желудка два отверстія, величиною въ серебряный рубль; потомъ тѣло набальзамировали.

23 числа перенесено тѣло во гробъ изъ его покоевъ въ военно-походную церковь, въ томъ же замкѣ устроенную и соединяющуюся съ комнатами; была отслужена панихида и заупокойная литургія; съ сего же числа при гробѣ днемъ и ночью назначалось на дежурство, — съ военной стороны: 2 генераль-лейтенанта и 1 генераль-маіоръ, а съ гражданской: тайный совѣтникъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и статскій совѣтникъ, кромѣ нѣсколькихъ оберъ-офицеровъ.

Въ этотъ же день получена была изъ Петербурга депеша, что бы бумаги Паскевича были опечатаны и вскрыты по прибытіи въ Варшаву Горчакова въ его присутствіи.

27 числа гробъ усопшаго съ подобающею пышно-торжественною церемоніею, при многочисленнѣйшемъ кортежѣ, перевезенъ въ православный соборъ, а 28 числа съ такою же церемоніею вывезенъ изъ собора до р. Вислы и потомъ отправленъ въ Ивановское село *).

Православный архіепископъ Варшавскій Арсеній предписалъ церквамъ своей епархіи въ продолженіи года, творить поминовение при богослуженіи о скончавшемся бояринѣ — фельдмаршалѣ.

Еще гробъ усопшаго вождя стоялъ въ церкви замка и семейство съ больною вдовою занимало все намѣстническое помѣщеніе, въ ожиданіи окончательнаго погребенія, какъ новый намѣстникъ, князь Горчаковъ, чрезъ фелдъегеря далъ знать Варшавскому коменданту Тутчеку, что онъ Горчаковъ пріѣдетъ *прямо въ замокъ* и что бы очистили собственно для него и его семейства нѣсколько комнатъ. Объ этомъ 24-го января и писалъ женѣ своей, приказывая ей, по назначеніи помѣщенія комендантомъ тотчасъ переѣхать въ замокъ и добавивъ, что все это *необходимо* и это слово для большого вниманія подчеркнул. Княгиня изумилась и тому, что мужъ ея пріѣдетъ *прямо въ замокъ*, когда прежде онъ сего не предполагалъ вовсе, и его

*) П Р И К А З А Н І Е .

Вывозъ тѣла покойнаго Господина Генералъ-Фельдмаршала изъ Замка въ Соборъ, назначается въ Пятницу 27 Января въ 1 часъ по полудни.

Всѣми войсками, имѣющими быть при выносѣ въ парадѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія, назначенъ командовать Генералъ-Адъютантъ, Генералъ отъ Кавалеріи Дьяковъ.

Въ парадѣ семь будутъ находиться всѣ войска Варшавскаго гарнизона, кромѣ частей вступающихъ въ караулъ въ тотъ день и смѣняющихся съ онаго, а именно: а.) Карабинерная рота Егерскаго Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго полка, съ хоромъ Саперной музыки. б.) Резервный Пѣхотный полкъ 7-й Пѣхотной дивизіи, за исключеніемъ двухъ ротъ, находящихся въ форть Сливидкій. в.) Резервный Егерскій полкъ той же дивизіи. г.) Дружина No. 136 Ярославскаго Ополченія. д.) Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА конвой. е.) Эскадронъ Жандармскаго полка. ж.) Сводный Л.-Гв. Казачій полкъ. з.) Полъ сотни Донскаго Казачьяго No. 33 полка. и.) Двѣ сотни Закавказскаго Конно-Мусульманскаго полка. к.) Дивизіонъ Резервной No. 2 батареи 3-й Артиллерійской дивизіи. л.) Донская Резервная No. 2 батарея.

Войскамъ быть построенымъ къ 1-му часу пополудни на мѣстахъ, указанныхъ Офицерами Генеральнаго Штаба и имѣть во взводахъ сколь можно болѣе рядовъ.

Эскадронъ Варшавскаго Жандармскаго дивизіона будетъ слѣдовать впереди процессіи, до Собора; (1) пройдя же Соборъ, эскадронъ сей по Длугой улицѣ возвратится на свои квартиры.

(1) Для сего эскадронъ сей долженъ собраться къ часу по полудни на Саксонской площади.

приказанію туда переѣхать, когда еще стоялъ тамъ гробъ Пасаевича и жило его семейство. По всему этому сѣятельная заключила, что безъсомнѣніа мужъ ея получилъ приказаніе или совѣтъ *свыше*— что было внѣ всякаго вѣроятія. Когда же комендантъ явился въ замокъ для назначенія комнатъ новому намѣстнику, то фельдмаршалша и особенно ея некрасивая дочь княгиня Волконская подняли такой вопль, что ихъ *изъонлютъ*, что комендантъ поспѣшилъ убраться и до того напугали княгиню Горчакову, что она, какъ передо мною выразилась, перейдетъ въ замокъ не иначе, какъ когда потащутъ ее на веревкѣ; однако же и старая фельдмаршалша по настоятельному требованію ея сына, начала укладываться и 29 января выѣхала въ Ивановское для погребенія своего мужа; при чемъ княгиня Волконская захватила съ собою и нѣкоторыя казенныя вещи. Предъ отъѣздомъ свѣтлѣйшая пригласила къ себѣ графовъ: Красинскаго и Потоцкаго и горько жаловалась, что ей теперь негдѣ приклонить голову, потому что Ивановское принадлежитъ ея сыну; что она называется кн. *Вар-*

Въ конвоѣ за гробомъ, сзади трехъ траурныхъ каретъ, будутъ слѣдовать отъ Замка: 5-я Карабинерная рота имени Генераль-Фельдмаршала полка съ хоромъ Саперной музыки впереди роты. Эскадронъ Жандармскаго полка и Донская Резервная № 2-го батарея.

По прибытіи процессіи къ Собору, рота Его Свѣтлости полка выстраивается на Длугой улицѣ лицомъ къ Собору, Эскадронъ Жандармскаго полка на Красивской площади, также фронтомъ къ Собору, а Резервная Донская №. 2-го батарея, сзади сего эскадрона.

Войскамъ одѣтымъ бытъ въ походной парадной формѣ, пѣхотѣ безъ ранцевъ, въ установленномъ траурѣ (о снабженіи коимъ всѣхъ войскъ предписано уже Генераль-Маіору Вурмейстеру) и въ шинеляхъ въ накидку, кои на время прохождения процессіи снять, сложивъ за войсками, а по минованіи въ оной опять надѣтъ.

Взводу пѣшей Артиллеріи, который будетъ находиться въ караулѣ въ Замкѣ стать къ 11 часамъ утра на верху новаго сѣзда и бытъ въ готовности произвести 6 холостыхъ выстрѣловъ для сигнала: въ 12 часовъ три выстрѣла одинъ послѣ другаго, для сбора лицъ назначенныхъ въ шествіе;— въ половинѣ 1 часа два выстрѣла одинъ за другимъ для построенія всѣхъ означенныхъ лицъ и смыканія въ должный порядокъ, — и въ часъ по полудни одинъ выстрѣлъ для начатія шествія; выстрѣлы производить по особому каждый разъ въѣдомленію Генераль-Лейтенанта Тутчека.

При слѣдованіи процессіи баталіонамъ отдавать честь установленнымъ порядкомъ т. е. брать по баталіону на караулъ, знаменамъ салютовать, музыкантамъ играть и барабанщикамъ бить полный походъ.

По прохожденіи процессіи войска идутъ по квартирамъ, по указаннымъ имъ улицамъ.

Жалонерамъ и линейнымъ унтеръ-офицерамъ прибыть для занятія мѣстъ въ 12 часовъ утра.

Отъ всѣхъ войскъ, имѣющихъ бытъ въ парадѣ, представить строевыя записки 25 Января въ Дежурство Западной Арміи, гдѣ по составленіи общей строевой записки, представить оную Г. Генераль-Адъютанту Дьякову.

иавскою и должна потому здѣсь имѣть пристанище, а между тѣмъ мужу ея не подаренъ отъ Императора въ Варшавѣ домъ, какъ это сдѣлано съ Чернышевымъ и Меньшиковымъ, коимъ въ Петербургѣ были пожалованы дома и пр. и пр. Ей, этой *казанской сиротѣ*, имѣвшей слишкомъ 2 т. крестьянъ, была назначена пенсія изъ казны Царства 25 т. р. и другая изъ Государственного Казначейства, но сколько, — мнѣ неизвѣстно.

Изъ Ивановскаго свѣтлѣйшая отправилась въ Берлинъ для продолженія лѣченія и тамъ 30 апрѣля мирно отошла на рукахъ сына и дочери Лобановой — Ростовской, перевезена и положена о бокъ своего знаменитаго супруга въ Ивановскомъ. При отпѣваніи тѣла, въ Берлинѣ, протоіерей при нашей миссіи, обратившись къ дѣтямъ усопшей, произнесъ слѣдующія слова:

При прохожденіи печальной процессіи, войсками командовать для отданія чести: на Краковскомъ предмѣстьи — Генераль-Маіору Радіонову, на Саксонской площади — Полковнику Гассанъ-Веку, на Верхбковой и Бѣланской улицахъ — Полковнику Пенкину, а на улицѣ Длугой — Полковнику Листовскому.

Вѣрно: Исправляющій должность Генераль-Квартирмейстера Западной Арміи, Полковникъ *Семена*.

П Р И К А З А Н І Я.

Въ Субботу, 28 го Января, назначенъ выносъ тѣла покойнаго Господина Генераль-Фельдмаршала изъ Собора, по улицамъ, Длугой Фрета и Закрочимской къ спуску при переправѣ чрезъ Вислу, для дальнѣйшаго провозженія къ Иваницоруду

Всѣми войсками, имѣющими быть при выносѣ въ парадѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія будетъ командовать Генераль-Адъютантъ, Генераль отъ Кавалеріи Дьяковъ.

Въ парадѣ семь будутъ находиться всѣ войска Варшавскаго гарнизона, за исключеніемъ частей вступающихъ въ тотъ день въ караулъ и смѣняющихся съ оного, а именно: а.) 5-я Карабинерная рота имени Его Свѣтлости полка, съ хоромъ Саперной музыки. б.) Резервнаго Пѣхотнаго полка: 5-й баталіонъ Смоленскаго, и 5 и 6-й баталіоны Могилевскаго Пѣхотныхъ полковъ. в.) Резервный Егерскій полкъ 7-й Пѣхотной дивизіи. г.) Дружина N. 149 и 1 половина дружины N. 146 Костромскаго Ополченія. д.) Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА конвой. е.) Эскадронъ Жандармскаго полка. ж.) Сводный Л-Гв. Казачій полкъ. з.) Полъ сотни Донскаго Казачьяго No. 33 полка. и.) Двѣ сотни Закавказскаго Конно-Мусульманскаго полка. к.) Дивизіонъ Резервной No. 2 батареи 3-й Артиллерійской дивизіи л.) Донская Резервная No. 2 батарея.

Изъ числа сихъ войскъ, назначенные въ конвой за гробомъ сзади 3-хъ траурныхъ каретъ: Карабинерная рота Его Свѣтлости полка съ хоромъ Саперной музыки, эскадронъ Жандармскаго полка и Донская Резервная N. 2 батарея, — должны прибыть къ 11 часамъ утра, для построенія на Красинской площади; а всѣмъ прочимъ войскамъ быть на указанныхъ имъ мѣстахъ, въ 12 часовъ по полудни, — для чего жалонерамъ и линейнымъ унтеръ-офицерамъ прибыть для занятія мѣстъ въ 11 часовъ утра.

„По гласу св. церкви, приступите ко гробу вашей родительницы, твердою и не боязненною христіанскою стопою. Дайте послѣднее цѣлованіе той, которая дала вамъ жизнь вѣчную. Скажите ей: вѣжная, родительница наша! Миръ праху твоему; блаженъ путь, въ онъ же ты идеши, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія. Мы вѣруемъ ему, какъ христіане; но скорбимъ о тебѣ, матеръ наша, какъ дѣти твои. Ты родила насъ въ мукахъ рожденія; теперь мы страдаемъ въ нашу очередь, и сердцами, полными любви къ тебѣ, уязвляемся лютою печалію, рождая тебя для жизни небесной. Скорбите, имевитыя дѣти свѣтлѣйшей матери, но не прогнѣвите благодати Христовой. Скорбите, но не какъ языцы, не имущіе упованія. Скорбите, но и вѣруйте, что Господь, воскресшій изъ мертвыхъ и смертію своею, поправшій смерть, представилъ вашу родительницу, сокрывшую животь свой со Христомъ въ Бозѣ, для лучшей жизни. Пусть плоть, отъ земли взятая, возвратится въ землю и истлѣетъ въ нѣдрахъ ея, что бы возстать въ силѣ, славѣ и духѣ“!

Наконецъ утромъ 1 февраля, прибылъ въ Варшаву и новый на мѣстникъ, князь Горчаковъ, и остановился не въ замкѣ, куда былъ уже свободный доступъ, а на квартирѣ своей супруги. Во 2-мъ часу пополудни, пріѣхала за моею женою и *собственно* за мною дочь Горчаковыхъ, Ольга. Я не хотѣлъ было ѣхать, но она объявила, что ей приказано именно привезть меня и безъ меня она не поѣдетъ; и такъ я волею — не волею отправился и былъ принятъ Горчаковымъ наилучбизнѣйшимъ и радушнымъ образомъ. Изъ всего того, что онъ мнѣ говорилъ, я помню дружескій совѣтъ его не предаваться скорби

Части 6-го баталіона Смоленскаго Пѣхотнаго полка расположенныя въ Фортѣ Сливцикій, не занятыя караулами, должны находиться при переправѣ на правой сторонѣ Вислы, для встрѣчи и отданія чести гробу.

Эскадронъ Варшавскаго Жандармскаго дивизіона будетъ слѣдовать впереди процессіи, для чего эскадронъ сей долженъ прибыть къ 12 часамъ по полудни на улицу Длугую, между Соборомъ и улицею Фрета.

Войскамъ имѣть во взводахъ сколь возможно болѣе рядовъ. — Одѣтымы быть въ походной парадной формѣ, пѣхотѣ безъ ранцевъ, въ установленномъ траурѣ и въ шинеляхъ въ накидку, кои на время прохожденія процессіи снять, сложивъ за войсками, а по минованіи оной опять надѣть.

При слѣдованіи процессіи баталіонамъ отдавать честь установленнымъ порядкомъ, т. е. брать по баталіонно на караулъ, знаменамъ салютовать, музыкантамъ играть и барабанщикамъ бить полной походъ; а по минованіи процессіи войскамъ расходиться по казармамъ.

Отъ всѣхъ войскъ, имѣющихъ быть въ парадѣ, представить строевыя записки 26 Января въ Дежурство Западной Арміи, гдѣ по составленіи общей строевой записки, представить оную Г. Генераль-Адъютанту Дьякову.

При прохожденіи печальной процессіи, командовать войсками для отданія чести на улицѣ Длугой и Фрета — Полковнику Пепкину, а при выходѣ изъ

о смерти сына, превозмочь и возобладать собою; что онъ любитъ меня и знаетъ какъ честнаго и способнаго офицера; увѣренъ также, что и я его люблю, и наконецъ, обѣщаль, поосмотрѣвшись, дать мнѣ мѣсто. Я былъ доволенъ этимъ свиданіемъ и возвратился домой.

Жена оставалась тамъ до полуночи и передала мнѣ слѣдующее ею слышанное:

Что когда князь Меньщиковъ прислалъ изъ подь Севастополя къ князю Горчакову въ Кишиневъ морскаго офицера съ какимъ то требованіемъ и Горчаковъ въ одну бессонную ночь, думая о Севастополь, коего онъ вовсе не зналъ, вставъ съ постели, призвалъ къ себѣ упомянутаго офицера и приказалъ ему начертить укрѣпленія южной стороны и тогда то увидѣлъ всю ихъ недостаточность, тотчасъ послалъ за молодымъ инженеромъ, въ то время еще не знаменитымъ Тотлебенемъ, долго разсуждалъ съ нимъ и на другой же день, больной Тотлебенъ былъ уже на пути въ Севастополь; но Меньщиковъ, принявъ

Закрочинской улицы: пѣхотою — Полковнику Листовскому, а Кавалеріею — Генераль-Маіору Радіонову.

Вѣрно: Исправляющій должность Генераль-Квартирмейстера Западной Арміи, Полковникъ *Семека*.

КОМИТЕТА, УЧРЕЖДЕННАГО ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ

ЦЕРЕМОНИАЛА ПОХОРОНЪ

НАМѢСТНИКА ЕГО ИМПЕРАТОРСКО-ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ,

ГЕНЕРАЛЬ-ФЕЛЬДМАРШАЛА

СВѢТЛѢЙШАГО КНЯЗЯ ВАРШАВСКАГО

Г Р А Ф А П А С К Е В И Ч А

ЭРИВАНСКАГО,

О В Ъ Я В Л Е Н І Е.

Выносъ изъ Замковой въ Соборную Кафедральную Церковь тѣла усопшаго Князя, въ порядкѣ, опредѣленномъ составленнымъ симъ Комитетомъ и утвержденнымъ Управляющимъ Гражданскою частію Царства Церемоніаломъ, имѣеть послѣдовать 27 Января (8 Февраля) въ 1 часъ по полудни.

Посему назначенные въ печальную процессію Особы и Чинovníки, въ помянутый день должны собраться на мѣста, опредѣленные для каждаго отдѣленія Церемоніала слѣдующимъ росписаніемъ: 1. Особы и Чинovníки I го отдѣленія, у Ордонансъ-гауза. 2. Особы и Чинovníки II-го отдѣленія занимаютъ мѣсто отъ Ордонансъ-гауза до Почтамта. 3. Чинovníки III-го отдѣленія, отъ Почтамта до дома, принадлежащаго Обществу Благотворительности. 4. Чинovníки IV-го отдѣленія, отъ дома Общества Благотворительности до Замка. 5. Лица, назначенныя въ V-омъ отдѣленіи Церемоніала, собираются: а) Предводитель Дворянства съ Депутатами и дворянами въ офицерской залѣ Замка-б) Губернаторъ и чины Губернскаго Правленія, и Управленія Генераль-Губернатора въ залѣ Билиардную называемой. 6. Особы и Чинovníки VI-го отдѣле-

его за шпиона, Горчаковымъ прислапнаго, долго не принималъ и не видалъ его и только по настоянію адмирала Корнилова принялъ его и съ симъ послѣднимъ началъ работать и болѣе укрѣплять южную сторону Севастополя.

Что наступленіе на непріятели 4го 16 августа 1855 года, — послѣдствіемъ коего было пораженіе насъ на Черной рѣчкѣ, — было произведено по настоянію Государя Императора и Его совѣтодателей.

Что Горчаковъ полагаетъ причиною непреслѣдованія непріятели, когда мы, послѣ штурма Севастополя, оставляли южную сторону и перебирались по одному только мосту на сѣверную, — не мины, какъ писали о томъ въ иностранныхъ газетахъ, — каковыхъ минъ вовсе и не было, а опасеніе Пелисье, что отступающіе, будучи лишены средствъ переправы, разбитіемъ моста и оставался на южной сторонѣ принертыми, съ отчаянія стануть драться до послѣдней крайности.

нiя въ Желтой Залѣ. 7. Лица, назначенныя къ носенію орденовъ, въ большой залѣ. 8. Въ церкви будутъ находиться: Управляющій Гражданскою частію въ Царствѣ Польскомъ, Командующій дѣйствующею арміею, Члены Совѣта Управленія, Сенаторы, Генералы, Члены Сената, Управляющіе отдѣльными частями, иностранные Генералы и Консула.

Всѣ Чины Гражданскаго вѣдомства должны быть въ мундирахъ, а имѣющіе малые въ таковыхъ, въ черныхъ панталонахъ, бѣлыхъ галстукахъ, форменныхъ шляпахъ, надѣтыхъ на голову, въ полномъ траурѣ, и при шествіи могутъ быть въ шинеляхъ.

Для устройства Церемоніальнаго шествія, предупрежденія всякаго замѣшательства и для наблюденія, чтобы между отдѣленіями сохраняемо было должное разстояніе, Главныя Начальства имѣютъ избрать по каждому вѣдомству Чиновникомъ, коимъ приказать явиться къ Предсѣдателю Комитета на кануны выноса тѣла для полученія нужныхъ наставленій.

По данному сигналу тремя пушечными выстрѣлами одинъ за другимъ съ ряду, собираются на назначенныя мѣста.

По второму сигналу двумя пушечными выстрѣлами одинъ за другимъ съ ряду, устроятся на среднѣй улицы и смыкаться такъ, чтобы небыло значительныхъ промежутковъ.

По третьему сигналу, сдѣланному однимъ пушечнымъ выстрѣломъ, начать шествіе.

Съ приближеніемъ шествія къ Соборной Церкви, когда 1, 2, 3 и 4 отдѣленія будутъ равняться съ главнымъ входомъ, не входя въ Церковь, располагаются напротивъ оной на Красинской площади, и по роспускѣ по домамъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, а равно всѣхъ ремесленныхъ цеховъ и благотворительныхъ заведеній, чиновника означенныхъ отдѣленій могутъ войти въ Церковь.

Отдѣленія V и VI проходятъ по улицѣ Долгой и минуя Церковь останавливаются на той же улицѣ, въ ожиданіи пока гробъ будетъ внесень въ Церковь, послѣ чего входятъ въ оную.

Отдѣленіе VII, не останавливаясь входитъ въ Церковь и лица несущія медали, ордена и регалии, съ ассистентами слагаютъ ихъ на назначенныя мѣста;

Что по оставленіи нами южной стороны Севастополя, Государь Императоръ писалъ къ Горчакову, что Его Величеству совѣтуютъ оставить Крымъ и вывести отсюда всё войско и по сему требовалъ мнѣнія Горчакова, но послѣдній былъ не согласенъ; такъ и отвѣчалъ и Крымъ остался за нами.

Что по пріѣздѣ Горчакова въ Петербургъ, послѣ сдачи арміи Лидерсу, Государь Императоръ отменно принималъ его милостиво и во все пребываніе его тамъ изволилъ быть къ нему внимателенъ; что возбуждало зависть въ окружающихъ Его Величество, особенно въ военномъ министрѣ князѣ Долгоруковѣ, и эта зависть, какъ полагалъ Горчаковъ, непременно должна отразиться на немъ при дальнѣйшей его службѣ, тѣмъ болѣе въ настоящихъ его высокихъ званіяхъ.

Что Императоръ спрашивалъ его два раза, не нуждается ли онъ въ деньгахъ, но Горчаковъ отвѣчалъ, что ему достаточно содержанія его и благодарилъ за милость Его Величества.

послѣ сего въ Церкви остаются тѣ лица, которыя несли орденъ, а ассистенты ихъ выходятъ.

Особы женскаго пола, желающія находиться въ Соборной Церкви, должны быть въ траурѣ и прибыть въ Церковь до начала шествія процессіи; ибо послѣ начатія, экипажи вовсе не будутъ пропускаемы.

ЦЕРЕМОНИАЛЬ

В Ы Н О С А Т Ъ Л А У С О П Ш А Г О

ГЕНЕРАЛЬ-ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ ВАРШАВСКАГО

Г Р А Ф А П А С К Е В И Ч А

ЭРИВАНСКАГО,

НАМѢСТНИКА ЕГО ИМПЕРАТОРСКО-ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

Впереды печальнаго шествія слѣдуютъ: 1) Эскадронъ Варшавскаго Жандармскаго дивизиона 2) Конные жандармы того же дивизиона ѣдутъ верхомъ, для соблюденія порядка по бокамъ шествія. 3. Печальное шествіе будетъ слѣдовать изъ бывшаго Королевскаго Замка чрезъ Краковское Предмѣстье, Саксонскую площадь, Вержбовую Вѣлянскую и Долгую улицы, до Православнаго Собора Св. Троицы.

Вдоль помянутыхъ улицъ и площадей будутъ разставлены войска Варшавскаго Гарнизона по одной сторонѣ.

Порядокъ печальнаго шествія слѣдующій:

І. ОТДѢЛЕНІЕ.

Оберъ-Полиціймейстеръ съ чинами своего Управленія, по три въ рядъ, включительно до 8-го класса.

ІІ. ОТДѢЛЕНІЕ.

а) Президентъ города Варшавы съ членами Варшавскаго Магистрата, по три въ рядъ. б) Депутаты отъ купцовъ города и почетные обыватели, по назначенію Президента, по три въ рядъ. в) Ремесленные цехи съ своими знаками, обтянутыми крепою, по три въ рядъ.

Въ заключеніе, жена мнѣ сообщила, что вообще она замѣтила въ Горчаковѣ какую то унылость и задумчивость, — что подтвердила ей и сѣятельная супруга, добавивъ, что князь сказалъ ей: *„годи бы два прослужить, лишь бы дочерей пристроить, а тамъ и отдохну.“*

2 февраля было официальное представленіе военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Князь явился предъ публикою съ веселымъ и довольнымъ лицомъ, былъ развязенъ въ своихъ движеніяхъ, каждого изъ знакомыхъ привѣтствовалъ ласковымъ словомъ, или какою либо любезностію, или подавалъ руку. На другой день въ официальной газетѣ объ этомъ представленіи было напечатано слѣдующее:

„Во время сего представленія, его сѣятельство обратился къ „присутствующимъ, выразивъ сперва радость свою, что Его Императ. „Вел. благоволилъ удостоить его столь высокимъ довѣріемъ и что онъ „вновь находится между нами. Потомъ онъ помянулъ, что здѣшніе

III. ОТДѢЛЕНІЕ.

Члены Главнаго Попечительнаго Совѣта благотворительныхъ заведеній съ депутаціею отъ сихъ заведеній и съ содержимыми въ оныхъ питомцами и сиротами, избранными по вѣсколку изъ cadaго здѣшняго заведенія, по три въ рядъ.

IV. ОТДѢЛЕНІЕ.

Воспитанники и ученики здѣшнихъ казенныхъ училищъ, по избранію Г. Попечителя Варшавскаго Учебнаго Округа.

V. ОТДѢЛЕНІЕ.

а) Предводителя дворянства съ дворянскими депутатами и съ дворянствомъ, кто пожелаетъ. б) Варшавскій Гражданскій Губернаторъ съ чинами Губернскаго Правленія, включительно до 8-го класса, по три въ рядъ. в) Управление Варшавскаго Военнаго Генералъ-Губернатора съ подвѣдомственными чинами, включительно до 8-го класса, по три въ рядъ.

VI. ОТДѢЛЕНІЕ.

Чины нижеслѣдующихъ вѣдомствъ, включительно до 8-го класса, по три въ рядъ: Чины Варшавской Складочной Таможни. Чины Главнаго Управленія, по рекрутскому набору. Правительственная Коммисія Юстиціи съ подвѣдомственными оной Судами и Прокураторіею Царства. Высшая Счетная Палата. Правительственная Коммисія Финансовъ съ чинами своими. Польскій Банкъ. Кредитное Земское Общество. Лотерейная Администрація и прочія подвѣдомственные помянутой Коммисіи мѣста. Варшавскій Учебный Округъ съ подвѣдомственными оному чиновниками Правительственная Коммисія Внутреннихъ и Духовныхъ дѣлъ съ чинами своими. XIII Округъ Путей Сообщенія съ чинами и Управленіе Варшавско-Вѣпской Желѣзной Дороги. Почтовый Округъ Царства Польскаго. Управление Императорскими дворцами: Лазенками и Бельведеромъ, а также Княжествомъ Ловичскимъ. Оберъ-Секретари, Докладчики Сената, Оберъ-Прокуроры, Члены Герольдіи. Чиновники для особыхъ порученій при Намѣстникѣ. Канцеляріи: Намѣстника, Совѣта Управленія, и Эмеритальная Коммисія. Помощникъ Статсъ-Секретаря и Статсъ-Секретарь. Дипломатическая Канцелярія, штабы всѣхъ военныхъ Управленій.

„уроженцы, находящіеся въ рядахъ южной и Крымской арміи, сражались храбро и что многіе изъ нихъ стали въ ряды отличнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ нашихъ офицеровъ. При семъ его сіятельство изволилъ наименовать нѣкоторыхъ изъ нихъ. Далѣе упомянулъ, что онъ употребитъ всѣ усилія, дабы смягчить скорбь послѣ потери знаменитаго мужа, котораго недавнюю кончину оплакиваемъ и что онъ питаетъ сильное убѣжденіе, что нашъ Августѣйшій Монархъ будетъ всегда имѣть поводъ быть довольнымъ нашимъ усердіемъ и совершенною преданностію къ службѣ Его Величества“.

Эти слова, такъ или иначе сказанныя Горчаковымъ, были обращены къ гражданскимъ лицамъ царства польскаго, родовитымъ полякамъ, собравшимся въ особой залѣ, гдѣ не было военныхъ, и сказаны на французскомъ языкѣ. Въстилъ же онъ въ ряды отличнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ нашихъ офицеровъ генералъ-адъютантовъ: князя Радзивила и графа Ржевусскаго, ровно ничемъ не отличившихся.

Возвышеніе Горчаковыхъ измѣнило или повліяло и на наше положеніе; мы сдѣлались предметомъ вниманія, заискиваній и угрожденій многіхъ лицъ, до того обходившихъ насъ. По ихъ мнѣнію мы были близки къ новымъ свѣтиламъ, были свои, имѣли свободный доступъ

VII. ОТДѢЛЕНІЕ.

ЗНАКИ ОТЛИЧІЯ И ОРДЕНА:

1) Турецкій Луны. 2) Орденъ Персидскій Льва и Солнца 1-й степени на золотой цѣпи. 3) Пармскій Св. Людовика 1-й степени. 4) Саксенъ-Веймарскій Сокола 1-й степени. 5) Виртембергскій за военныя достоинства 1-й степени. 6) Датскій Слона. 7) Баварскій военный Максимилиана Юсифа, большой крестъ. 8) Нидерландскій Вильгельма за военныя заслуги 1-ой степени. 9) Неаполитанскій военный орденъ Св. Фердинанда 1-ой степени. 10) Прусскій Краснаго Орла 1-ой степени. 11) Прусскій Чернаго Орла, алмазами украшенный. 12) Австрійскій Св. Стефана 1 ой степени, алмазами украшенный. 13) Австрійскій Маріи Терезіи 1-ой степени.

СЕРЕБРЯННЫЯ МЕДАЛИ:

14) За усмиреніе Венгріи и Трансильваніи 1849 года. 15) Въ память порокенія Варшавы 1831 года. 16) За Персидскую и Турецкую войны 1826, 1827, 1828 и 1829 годовъ. 17) За взятіе Парижа 1814 года. 18) Въ память 1812 года. 19) Принадлежащій Царству Польскому знакъ отличія за военныя достоинства 1-ой степени. 20) Знакъ отличія безпорочной службы за L лѣтъ.

ОРДЕНА:

21) Св. Станислава 1 ой степени. 22) Св. Анны 1-ой степени, алмазами украшенный. 23) Бѣлаго Орла. 24) Св. Александра Невскаго, украшенный алмазами. 25) Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1-ой степени, большой крестъ. 26) Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 1-го класса, большой крестъ. 27) Св. Апостола Андрея Первозваннаго, алмазами украшенный. 28) Фельдмаршальскіе жезлы.

и свободное слово, я, въ кабинетъ князя по долговременномъ, прежнему моему служенію при немъ и женидѣбѣ на ихъ воспитанницѣ; жена моя— въ салонъ и спальню княгини. Но эти искатели и искательницы заблуждались на мой счетъ; правда, я пользовался расположеніемъ князя и только, кабинета же его не зналъ и въ помышленіи не имѣлъ добиваться свободнаго въ него входа. Да и зачѣмъ? Жена же моя точно была своею въ семействѣ Горчаковыхъ; особенно ея мнѣнія, ея голосъ уважались княгинею, которая имѣла въ ней нужду, какъ въ благоразумномъ проводникѣ въ отношеніи ея строптивыхъ дочерей, часто огорчавшихъ слабую свою мать. Жена моя была съ княгинею въ постоянныхъ сношеніяхъ, почти ежедневно видались другъ съ другомъ; она была постоянно спутницею съ неопытною княгинею по сиротскимъ заведеніямъ и пріютамъ и чрезъ нее то я узналъ о всемъ происходившемъ и совершавшемся въ замкѣ. Самъ князь, этотъ мизогинъ, уважалъ мою жену.

19-го февраля, въ день восшествія на престолъ, былъ первый официальный пріемъ всѣхъ сословій у намѣстника для поздравленія и первый его официальный обѣдъ, который однако же и по сервировкѣ и по искусству кухмейстера, стоялъ далеко ниже бывшихъ у фельдмаршала; и я фигурировалъ на этомъ выходѣ и обѣдѣ, и удостоился вниманія и привѣтствія его сіятельства, равно любезной предупре-

VIII. ОТДѢЛЕНІЕ.

Пѣвчіе Замковые и Соборные, за ними вся Духовная Процессія въ порядкѣ, какой устанавливается будетъ Его Высокопреосвященствомъ. Печальная колесница, запряженная въ 8 лошадей, которыя поведутъ 8 рейткнехтовъ; при кистяхъ 4 е Полковника, а при штатгахъ 4 Капитана изъ Адъютантовъ и состоявшихъ при покойномъ Генераль-Фельдмаршалѣ. Около колесницы идутъ 36 человекъ съ факелами въ глубокомъ траурѣ и распушенныхъ шляпахъ За колесницею слѣдуетъ Семейство покойнаго Генераль-Фельдмаршала. Верховая лошадь покойнаго Генераль-Фельдмаршала въ траурѣ, которую ведутъ два рейткнехта въ глубокомъ траурѣ.

IX. ОТДѢЛЕНІЕ.

Управляющій Гражданскою частію въ Царствѣ Польскомъ Генераль-Адъютантъ. Командующій Дѣйствующею Арміею Генераль Сумарок. Гр. Красинск. Всѣ Члены Совѣта Управленія, Сенаторы и Члены Сената, Генералы, высшіе иностранные Чины, Консула и Главные Начальники отдѣльныхъ Управленій. Три траурные кареты

X. ОТДѢЛЕНІЕ.

Рота Егерскаго Имени Генераль-Фельдмаршала Князя Варшавскаго полка, со знаменемъ и хоромъ музыки Эскадронъ Жандармскаго полка. Батарея конной Артиллеріи.

Въ день отпѣванія въ Соборѣ Св. Троицы, Чинамъ и Чинovníкамъ всѣхъ Управленій, находящихся въ городѣ Варшавѣ, собратся по повѣсткѣ въ Соборъ и присутствовать при отпѣваніи, по совершеніи коего, слѣдовать за дорожною колесницею до Вислы.

дательности отъ такихъ знакомыхъ лицъ, которыя прежде едва меня узнавали, — такъ столь сильный при Паскевичѣ, Викинскій, враждовавшій противъ меня и мой кумъ, подалъ мнѣ руку и крѣпко стиснулъ мою.

Вскорѣ послѣ сего этотъ самодуръ *долженъ* былъ подать въ отставку и на его мѣсто главнаго директора правительственной комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ (послѣ министра), былъ представленъ и назначенъ попечитель варшавскаго учебнаго округа дѣйствительный статскій совѣтникъ Павелъ Мухановъ, съ производствомъ въ тайные совѣтники и съ оставленіемъ при сей послѣдней должности. Удивленію и нарѣканію на это назначеніе не было конца въ обществѣ и особенно въ служебной іерархіи. По словамъ прибывшей изъ Петербурга графини Толстой, родной племянницы княгини Горчаковой, изумлялись о томъ же и въ аристократическихъ салонахъ столицы. Самъ князь Горчаковъ объяснялъ поводъ назначенія Муханова тѣмъ, что онъ опасался опредѣленія къ столь высокой должности директора прямо изъ Петербурга, гдѣ множество у него завистниковъ и недоброжелателей готовыхъ всѣми средствами ему вредить и потому онъ рѣшился назначить Муханова, хотя и интригана, но который ему не будетъ здѣсь вредить и противу его интриговать, ради собственныхъ своихъ интересовъ и почувству признательности къ Горчакову.

И такъ Мухановъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ, но въ той комиссіи состоялъ на службѣ старше его въ чинѣ и далеко опытнѣе въ дѣлахъ директоръ отдѣленія промышленности и художествъ тайн. совѣт. Бруевичъ, къ коему не благоволил и самъ Горчаковъ и который по сему не могъ оставаться на службѣ въ комиссіи. Мухановъ предложилъ мнѣ это мѣсто, но я отказался; потомъ самъ князь предложилъ должность Варшавскаго оберъ-полицеймейстера, но я также ее не принялъ, по чувству отвращенія къ полицейскимъ обязанностямъ; съ своей стороны я просилъ назначить меня директоромъ намѣстнической канцеляріи, но князь уклонился, высказавъ и причины своего отказа, которыя я созналъ дѣйствительно уважительными, а затѣмъ я по-прежнему остался *„сидѣть у моря и ждать погоды“*.

Ночью съ 18 на 19 марта, Горчаковъ, кажется изъ Берлина, получилъ отъ нашего посланника телеграфическую депешу о заключеніи мира съ воевавшими державами. По отзыву князя, *этотъ миръ для Россіи былъ униженъ*. Первые плоды сего мира здѣсь были отрадны; они заключались въ распущеніи по домамъ взятыхъ изъ царства польскаго въ рекруты людей и отправленія нашихъ брадатыхъ дружинъ на родину, для возвращенія ихъ въ свои сѣмѣйства.

30 апрѣля, въ день католическаго праздника Св. Духа, въ Бѣлянахъ, близъ Варшавы, было обычное народное гулянье, удостоенное

присутствіемъ намѣстника съ семействомъ. При этомъ обратило на себя вниманіе одно *новшество*; это происходившее отъ князя угощеніе чаемъ и мороженымъ извѣстныхъ особъ, — чего при Паскевичѣ никогда не было, — да безъ сомнѣнія эта вѣжливость выдумана и не самимъ Горчаковымъ.

10-го мая изволили прибыть въ Варшаву Государь Императоръ и великая княгиня Ольга Николаевна съ супругомъ — Наслѣднымъ Виртембергскимъ принцемъ и остановились въ Вельведерѣ. Утромъ другаго дня представлялись Его Величеству военныя и гражданскія чины. При представленіи губернскихъ дворянскихъ предводителей Императоръ между прочимъ сказалъ имъ, что онъ любитъ Польшу точно такъ, какъ Россію, но чтобы поляки не увлекались мечтами. Безъсомнѣнія этотъ совѣтъ былъ вызванъ полученнымъ предъ тѣмъ Горчаковымъ письмомъ отъ одного изъ представлявшихся, дворянскаго предводителя графа Езерскаго, того самаго, который въ 1830 году, при возмущеніи въ Варшавѣ, былъ съ княземъ Любецкимъ посланъ въ Петербургъ и который теперь въ своемъ письмѣ изложилъ свои ляхскія надежды и *мечты*, прося довести ихъ до свѣдѣнія Царя.

12-го числа Горчаковыми данъ былъ большой вечеръ съ танцами, который удостоили своимъ присутствіемъ Государь Императоръ и великая княгиня съ супругомъ; они прибыли въ 10¹/₂ час., а въ 12 часовъ сѣли уже за ужинъ, потому столь рано, что по словамъ великой княгини Государь спѣшилъ домой для какихъ то важныхъ занятій. На этомъ вечерѣ въ одномъ разговорѣ съ княгинею Горчаковою о трудности выбора лицъ къ должностямъ (вѣроятно шло дѣло о Мухановѣ) великая княгиня между прочимъ сказала: „*истинное достоинство всегда скромно, не высказывается наружу; его надобно отыскивать*“. Это мнѣ напоминаетъ иной разговоръ и въ другое время княгини Горчаковой съ великою княгинею Еленою Павловною объ обязанности жены къ мужу. Когда первая по какому то поводу сказала, *что жена много можетъ помогать своему мужу*, послѣдняя отвѣчала: „*особенно много можетъ вредить*“ — не въ бровь, а прямо въ глазъ!

На другой день къ женѣ моей явилась пройдоха генеральша Мансурова и горько плакалась на княгиню Горчакову пропустившую ее представить на своемъ вечерѣ вмѣстѣ съ другими Ея Высочеству и умоляла склонить княгиню представить ее великой княгинѣ на балъ, который данъ будетъ городомъ 15 числа; эта неграмотная дама такъ же плакалась и на самого князя, который на своемъ вечерѣ, очищая кругъ столпившихся дамъ около Царя, безцеремонно *толкнулъ* ее, Мансурову, назадъ.

И я былъ на этомъ пресловутомъ вечерѣ, но уѣхалъ прежде ужина, а на городской балъ данный въ ратушѣ 15 числа не поѣхалъ.

Разъ Императоръ въ гостинной великой княгини, разговаривая съ Горчаковою о польскихъ дамахъ, изволилъ сказать, что безспорно онѣ умны, любезны и очаровательны и что съ ними надобно также быть вѣжливыми и внимательными, но не должно допускать ихъ до короткости и входить въ тѣсныя сношенія, какъ, на примѣръ, покойная княгиня Варшавская въ своемъ салонѣ была съ ними груба, а между тѣмъ въ будуарѣ повѣрляла графинѣ Розаліи Ржевусской такія тайны, которыя вредили Россіи. При чемъ великая княгиня добавила, что графиня женщина европейская, но и коварная. Эта лекція вѣнецнаго дектора была нужна именно для сіятельной княгини, привлекавшей къ себѣ польскихъ дамъ и пренебрегавшей дамами русскими.

16 мая Императоръ изволилъ выѣхать въ Берлинъ къ своей родительницѣ и имѣлъ обѣденный столъ въ Скерневицахъ не во дворцѣ, а на самой станціи желѣзной дороги; спрашивалъ сопровождавшаго его директора той дороги генераль-маіора Шеншина, занималъ-ли дворецъ Паскевичъ и отправился далѣе. При этой поѣздкѣ пожаловалъ 4-мъ дорожнымъ чиновникамъ по бриліантовому перстню, а прислугѣ 300 руб. По словамъ Шеншина, слышаннымъ имъ отъ окружающихъ Царя, Его Величество имѣлъ будто-бы съ собою для расходовъ 2 т. руб. золотомъ. Не хочется вѣрить этимъ словамъ, но нѣтъ причинъ и не вѣрить.

Съ Императоромъ изъ Петербурга прибылъ и министръ статсъекретарь Царства Польскаго Туркулъ; векорѣ по пріѣздѣ онъ тяжело заболѣлъ, 30 мая скончался и 2 іюня совершенно погребеніе съ пышностію подобающе министру, на которое отпущено было отъ казны 8 т. руб. Туркулъ былъ благоразумный полякъ безъ польскихъ мечтаний и истинно преданный слуга царскій. Онъ очень уважалъ князя Горчакова, за его прямой и благородный характеръ, но осуждалъ его за неудачные выборы и назначенія людей къ должностямъ и еще за то, что князь въ засѣданіяхъ Администраціоннаго Совѣта, не допускалъ присутствующихъ много распространяться по предлагаемымъ дѣламъ и большею частію рѣшалъ ихъ самъ съ плеча, по примѣру Паскевича, въ школѣ котораго онъ находился не одинъ десятокъ лѣтъ и вынесъ уроки самодурства.

На мѣсто Туркула министромъ статсъекретаремъ Царства Польскаго назначенъ Тымовскій.

Одинъ изъ близкихъ къ Туркулу лицъ, между прочимъ, рассказывалъ мнѣ слышанное отъ него, что будто бы, по заключеніи мира, Императоръ намѣренъ былъ назначить посланникомъ къ французскому двору оберъ-камергера, бывшаго военнаго министра, князя Долгорукова, но министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ сему воспротивился, находя его не достаточно прозорливымъ быть представленнымъ при

хитромъ и коварномъ Наполеонѣ и потому назначенъ туда графъ Киселевъ.

Послѣ отъѣзда изъ Варшавы Августѣйшихъ особъ прибыла изъ Петербурга вдовствующая Нидерландская Королева Анна Павловна и, пробывъ здѣсь два дня, отправилась за границу. Сопровождавшій ее директоръ желѣзной дороги Шеншинъ передалъ мнѣ, что обращеніе Королевы съ своею свитою было холодно, повелительно и флегматическіе голландцы съ нѣкіимъ подобострастіемъ держали себя и услуживали. На станціи „граница“, гдѣ она имѣла ночлегъ, отведено было не выгодное помѣщеніе, въ которое Ея Величество изволила шествовать мимо конюшни и ретораднаго мѣста и вѣзмъ этимъ до того была недовольна, что, войдя въ комнату, она съ гнѣвомъ бросила зонтикъ, разбившій стекло у окна, при чемъ объявила, что будетъ писать о томъ своему царствующему племяннику. Горчаковъ смертельно былъ перенуганъ не довольствомъ Королевы, а виновать былъ генераль Абрамовичъ, пославшій вмѣсто себя на „границу“ для приготовленія помѣщенія Королевѣ и ея свитѣ, — своего секретаря. Замѣчательно, что въ двухдневное пребываніе въ Варшавѣ за обѣдомъ вмѣсто супа подавали Ея Величеству *уху изъ ершей*.

Въ концѣ іюля генераль Муравьевъ Карскій уволенъ отъ званій главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и Кавказскаго намѣстника и мѣсто его заступилъ князь Борятинскій, фаворитъ Царя. Это неожиданное увольненіе Муравьева поразило робкаго князя Горчакова, который по сему случаю сказалъ женѣ своей: *„не знаешь, что съ тобою будетъ завтра; какойнибудь мальчишка и воръ А....., что хочетъ то и дѣлаетъ“*. Вскорѣ затѣмъ нравственный трусъ, успокоенный и обрадованный Высочайшимъ приглашеніемъ, отправился въ Москву на коронацію съ полною надѣждою возвратиться съ фельдмаршалскимъ жезломъ; но этимъ жезломъ былъ пожалованъ одинъ только посѣдѣлый на военномъ и гражданскомъ поприщахъ князь Воронцовъ, который однако же недолго носилъ фельдмаршалское званіе, съ небольшимъ два мѣсяца, и мирно опочилъ, оставивъ вакансію фельдмаршала въ сухопутномъ Россійскомъ воинствѣ; Горчакову же, имѣвшему уже портретъ на груди, кажется Императора Николая, при коронаціи пожалованъ или вѣрнѣе замѣненъ другимъ портретомъ, изображавшимъ лики Императоровъ и Николая, и царствующаго Александра вмѣстѣ, чѣмъ сіятельный крайне былъ недоволенъ, а суруга его еще больше.

Разсказывали, что на одномъ балѣ въ Московскомъ дворцѣ, Царь князю Меншикову поручилъ составить французскому послу Морни партію въ карты изъ извѣстныхъ лицъ; но свѣтлѣйшій острословъ будто бы отвѣчалъ Императору: *развѣ князя Горчакова?* но, Го-

сударь, онъ хорошо *сдаеть*, но худо *играеть*; разумѣя здѣсь сдачу Севастополя и плохую защиту.

На эту же Коронацію вызванъ былъ и Варшавскій архіепископъ Арсеній, которому на издержки въ пути и въ Москвѣ выдано было изъ казны 1000 руб., а сверхъ того пожалованъ ему при коронаціи брилліантовый крестъ на клобукъ. При поздравленіи моемъ съ этою Царскою милостію, владыко удивился, что я еще не въ службѣ, и насказалъ много лестныхъ фразъ на счетъ моихъ способностей и честности; справедливо замѣтилъ, что князь Горчаковъ напрасно занимается мелкими предметами; назвалъ покойнаго фельдмаршала очень хитрымъ человѣкомъ. При прощаніи благословилъ меня просфорю и хрустальнымъ пузырькомъ съ почаевою водою.

И мы здѣсь въ Варшавѣ день коронаціи праздновали 26 августа: богослуженіемъ въ соборѣ, официальнымъ обѣдомъ въ замкѣ, на счетъ Горчакова, бесплатнымъ театромъ и плохую иллюминацію. Для угощенія же народа, на Уяздовской площади разставлены были столы съ водкою, пивомъ, булками, мясомъ и колбасами; рога у быковъ были вызолочены. Ожидали пріѣзда Варшавскаго военнаго генераль-губернатора Панютина, но онъ замедлилъ, а устроитель угощенія не хотѣлъ долге его ожидать и по его мановенію бросившійся народъ всѣ столы мгновенно очистилъ отъ яствъ и питій.

Бывшій въ южной, а потомъ въ Крымской арміи у князя Горчакова, мой пріятель дежурный генераль Ушаковъ разсказывалъ мнѣ:

1) Что при требованіи Австрійскимъ правительствомъ очищенія Придунайскихъ княжествъ отъ нашихъ войскъ, мы въ Букарестѣ имѣли въ госпиталяхъ больныхъ и раненныхъ до 3 т. человѣкъ и въ магазинахъ до 50 т. четв. провіанта и овса. Горчаковъ, призвавъ къ себѣ его Ушакова и генераль-интенданта Затлера, приказалъ въ теченіи двухъ сутокъ пріискать средства для поднятія тѣхъ больныхъ и провіанта, нагрузить подводы и двинуться въ Бессарабію; ему представляли о не возможности исполненія его приказанія въ столь короткій срокъ, онъ настаивалъ на своемъ; наконецъ дерзнули ему замѣтить, что подобная поспѣшность какъ въ выводѣ войскъ изъ княжествъ, такъ и въ вывозѣ всѣхъ тяжестей и больныхъ, приметъ видъ бѣгства, а не добровольнаго очищенія княжествъ.

2) Что еще до назначенія Горчакова въ Крымъ на мѣсто Меншикова, равно и по назначеніи его туда, онъ Горчаковъ былъ убѣжденъ и говорилъ: что *мы будемъ разбиты*,—и это пророчество дѣйствительно исполнилось.

3) Что послѣ отбытія штурма (кажется въ Іюль 1855 г.) большая часть начальствующихъ заявили мнѣніе взорвать южную часть Сева-

стополя и перейти на Сѣверную и тамъ защищать, но Горчаковъ, поддержанный морскими вождями, на отступленіе это не согласился.

4) Что въ концѣ того же мѣсяца изъ Петербурга присланный генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій привезъ повелѣніе отъ двора о наступленіи на непріятеля. Собранъ былъ совѣтъ; разсуждали, спорили, доказывали и по большинству голосовъ рѣшено сдѣлать наступленіе, которое по диспозиціи могло быть и большою только рекогносцировкой и формальною атаккою, но усмотрѣнію главнокомандующаго; послѣдствіемъ сего наступленія и недоразумѣнія, происшедшаго отъ отданнаго чрезъ адъютанта приказанія, было сраженіе на 4 августа на Черной рѣчкѣ, на которомъ мы были сильно побиты.

Военный министръ кн. Долгоруковъ въ партикулярномъ письмѣ Горчакову между прочимъ замѣтилъ, что съ столь важнымъ приказаніемъ слѣдовало послать не адъютанта, а другое болѣе извѣстное и опытное лицо. Горчаковъ этимъ замѣчаніемъ обидѣлся и будто бы отвѣчалъ, что если оно сдѣлано отъ имени Императора, то онъ Горчаковъ принимаетъ его какъ вѣрнопопавшій, но если оно идетъ отъ лица его, военнаго министра, то вовсе не умѣстно, такъ какъ Горчаковъ носитъ званіе главнокомандующаго и сверхъ того въ чинѣ старше его.

По словамъ Ушакова, — а ему нельзя не вѣрить, какъ бывшему дежурному генералу, въ сраженіи на Черной рѣчкѣ существовалъ беспорядокъ: одна дивизія вовсе не была въ дѣлѣ, другая дивизія не попала въ назначенное ей мѣсто; да и въ самомъ главномъ штабѣ Горчакова не было единодушія и существовала какая то таинственность. — Онъ, Ушаковъ, на канунѣ сраженія говорилъ начальнику штаба, Коцебу, что мы будемъ разбиты, — и были разбиты — и

5) Что наканунѣ штурма 27 августа мы всѣ были убѣждены въ общемъ на другой день приступѣ, такъ и случилось.

Изъ 7 укрѣпленій отъ 6 враги были отбиты, остальные — именно „Малаховъ курганъ“, — взяты и оставался въ рукахъ непріятеля; онъ взятъ былъ въ расплохъ и не возвращенъ по неимѣнію подкрѣпленій. Тогда Горчаковъ приказалъ всему горнизону переходить на сѣверную сторону и мы 90 полевыхъ орудій, ввезенныхъ прежде въ Севостополь, должны были потопить. По словамъ Ушакова во время этого штурма у насъ не было головы, которая бы распорядилась отбитіемъ врага.

Ушаковъ со всею убѣдительностію и непогрѣшимостію въ свое мнѣніе въ заключеніе мнѣ объявилъ, что при другомъ главнокомандующемъ, болѣе опытномъ и съ характеромъ и не столь суетливомъ, — успѣхъ войны былъ бы несомнѣнный.

Между тѣмъ и я сталъ выдвигаться на общественное служеніе обѣдствующему человѣчеству. Въ отсутствіи князя Горчакова въ Москву на коронацію, Мухановъ, стакнувшись съ княгинею, какъ главный директоръ Правительственной Комиссіи внутреннихъ дѣлъ, представилъ меня *въ члены главнаго Почетительнаго Совета благотворительныхъ заведеній* и Администраціонный Совѣтъ утвердилъ меня членомъ. Объ этомъ узналъ я только по полученіи о томъ официальной бумаги и вовсе не порадовался такимъ назначеніемъ, которое, по правдѣ сказать, было и странно и бесполезно для меня, однако же изъ приличія я благодарилъ генер. Муханова, возвѣстившаго мнѣ при семъ случаѣ, что онъ и не такую штуку еще выкинетъ, а большую, именно назначить меня предсѣдателемъ тѣхъ благотворительныхъ заведеній, прибавивъ, взявъ за руку *„мы должны помогать другъ другу“*. Въ послѣднихъ словахъ мнѣ обрисовался весь Мухановъ.

Въ концѣ сентября изволила чрезъ Варшаву прослѣдовать за границу вдовствующая Императрица; въ Скерневицкомъ дворцѣ имѣла, по распоряженію генер.-маіора Абрамовича обѣдненный столъ, къ коему были приглашены какъ Абрамовичъ, такъ и сопровождавшій Ея Величество директоръ желѣзной дороги Шеншинъ; въ распросахъ своихъ о покойномъ фельдмаршалѣ, Императрица выказала живое о утратѣ его сожалѣніе и участіе къ нему; обоимъ генераламъ подарила по табакеркѣ, украшенной брилліантами, съ своимъ шифромъ.

Въ началѣ ноября посѣтилъ меня свиты Его Величества генералъ-маіоръ графъ Толстой, сынъ известнаго графа Петра Александровича; женатый на родной племянницѣ княгини Горчаковой, княжнѣ Варварѣ Трубецкой; онъ служилъ въ одномъ отрядѣ подъ Анапю съ моими братьями Николаемъ и Капитономъ и зналъ ихъ. Это предобрѣйшая душа; безъ той глупой надменности, которою отличался покойный его старшій братецъ; за то говорунъ, до пота лица; въ продолженіи двухчасоваго его нахожденія у меня, онъ наговорилъ съ три короба; изъ всѣхъ его разказовъ осталось у меня въ памяти о смерти Павла. По его словамъ, слышаннымъ отъ отца, графъ Паленъ былъ подкупленъ англичанами, что бы извести Павла и тѣмъ расторгнуть союзъ его съ Наполеономъ I, что самъ отецъ Толстова видѣлъ кучу гиней у Палена и даже сямъ послѣднимъ былъ приглашаемъ имѣть столько же золота, если только.....но отецъ Толстова убѣждалъ отъ искуссителя.

Нашъ посланникъ въ Парижѣ графъ Киселевъ, по своему благодушію, представилъ мнѣніе о прощеніи всѣхъ эмигрантовъ поляковъ и возвращеніи ихъ въ ойчизну съ отдаченіемъ имъ конфискованныхъ имѣній. Потребовано было по сему предмету заключеніе Горчакова который не согласился съ мнѣніемъ Киселева и поступилъ весьма основательно.

Съ упраздненіемъ названій западной и средней армій, слившихся въ прежнее наименованіе дѣйствующей, подъ начальствомъ князя Горчакова, — командовавшій средней арміей генераль-адъютантъ Панютинъ, по представленію Горчакова былъ назначенъ Варшавскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ и членомъ Администраціоннаго Совѣта съ правомъ предѣлательствовать въ Совѣтѣ въ случаѣ отсутствія на мѣстника. Въ числѣ членовъ Совѣта состоялъ и главный директоръ Мухановъ. Въ отсутствіе князя Горчакова въ Москву на коронацію, между добрякомъ Панютинымъ и интриганомъ но далеко его умѣйшимъ и опирающимся на расположеніе Горчаковыхъ — Мухановымъ проявилось несогласіе и раздоръ, усиливавшійся все болѣе и болѣе и послѣ возвращенія Горчакова въ Варшаву дотакій степени, что Панютинъ грозилъ оставить службу. Князь, узнавъ о томъ отъ жены своей, на другой же день отправился къ Панютину и упросилъ его остаться по прежнему при своихъ должностяхъ; но не умѣлъ помирить враждующихъ. Это первая непріятность отъ кичливаго Муханова.

Въ праздникъ Рождества Христова я торчалъ на выходѣ, князь освѣдомился о моемъ здоровьѣ; нѣмецъ сладенькій Коцебу и вертлявый генераль Вутурлинъ подали мнѣ руки и были со мною любезны; послѣ богослуженія въ соборѣ завтракали у архіепископа, который извинялся, что давно не былъ у меня.

27 числа я и жена обѣдали у Горчаковыхъ; предъ обѣдомъ я говорилъ князю, что проведенная изъ Вислы въ фонтаны вода въ настоящее время крайне не чиста, а лѣтомъ изобиловала вшами, — что очень его удивило.

За столомъ, не помню съ какого повода, зашла рѣчь, о покойномъ генералѣ Красовскомъ, у коего Горчаковъ нѣкоторое время былъ начальникомъ корпуснаго штаба. Сіятельный заслуженнаго и достойнаго сего генерала честилъ мужикомъ, хвастуномъ, лгуномъ и это было высказано при родномъ племянникѣ Красовекаго, адъютантѣ Горчакова, который не посовѣтился поддакивать своему патрону о своемъ дядѣ. Съ нами также раздѣлялъ трапезу Калугинъ, женатый на дочери родного брата Горчакова, князя Петра. Предъ тѣмъ онъ былъ Волынский губернаторомъ и имѣлъ отличную репутацію: способнаго и дѣятельнаго агента, но князь — намѣстникъ, кажется соблазнилъ его посулами и будущею карьерою и назначилъ въ комиссію Муханова директоромъ одного изъ отдѣленій. Онъ не поладилъ и не могъ поладить съ Мухановымъ, оставилъ службу и въ послѣдствіи былъ назначенъ Харьковскимъ губернаторомъ.

Назначеніе экспромтомъ Варшавскимъ оберъ-полиціймейстеромъ ген. маіора Аничкова, было крайне не удачно; это былъ человекъ лѣнивый, неподвижный и любившій поѣсть, испить и поспать.

1857 годъ.

Обычный порядокъ перваго дня новаго года: поздравленія, пожеланія, богослуженіе въ соборѣ и завтракъ у владыки; балъ у Горчаковыхъ, на который я не поѣхалъ по нездоровью жены; къ ней прїѣзжала сама княгиня за утѣшеніями; мужъ ея получилъ изъ Петербурга какія то не прїятныя бумаги и отъ нихъ былъ внѣ себя; все его смущаетъ, все тревожитъ, отъ всего трусить. Несчастливая натура!

Вскорѣ послѣ новаго года изданъ по войскамъ Высочайшій приказъ, дабы генералы, штабъ и оберъ офицеры, вышедшіе въ отставку въ продолженіи минувшей войны, не были опредѣляемы вновь въ военную службу. Нельзя отрицать справедливости такого распоряженія: хотя я и подходилъ къ категоріи упомянутыхъ лицъ, но предписанное воспрещеніе ни какого не сдѣлало не прїятнаго во мнѣ впечатлѣнія потому что я едвали и желалъ вновь надѣть служебную лямку и оставался вполнѣ равнодушнымъ къ отданному приказу, зная впрочемъ, что мое опредѣленіе зависить не отъ приказа, а отъ Горчакова, могущаго его обойти, что въ послѣдствіи имъ и сдѣлано.

Князь исходатайствовалъ у Императора архіепископу Арсенію близъ Новогоргіевской крѣпости усадьбу съ каменнымъ домомъ, хозяйственными строеніями, фруктовымъ садомъ и паркомъ; захотѣлось владыкѣ имѣть еще и луга, но Горчаковъ на отрѣзъ отказалъ, въ видахъ интереса казны, которой, правду сказать, онъ былъ строгій оберегатель.—Тогда преосвященный взялся за ханжу—княгиню; въ постный день пригласилъ ее откушать съ нимъ глазъ на глазъ ушицы изъ ершей и кулебяки съ сигомъ и угостилъ на славу и всунулъ въ ея руку записку о просимыхъ лугахъ, сказавъ ей съ любезностію, что она имѣетъ рѣшительное вліяніе на достойнаго своего супруга и все можетъ сдѣлать; но тутъ же вдался въ безтактную откровенность и передалъ ей много такихъ прїятныхъ слуховъ о управленіи *достойнаго ея супруга*, что, по выраженію княгини, въ тотъ же день мнѣ высказанному, *у ней за обѣдомъ куски засыдали въ горлы*. Княгиня чрезвычайно была огорчена переданными ей святымъ отцомъ слухами о ея мужѣ; рассказывая мнѣ о томъ, она едва не плакала; въ утѣшеніе ея я далъ ей для прочтенія № сѣверной пчелы, одна статья въ которомъ заключала хвалебные гимны ея супругу; а чтобы еще болѣе ослабить прискорбное впечатленіе, произведенное словами архипастыря, я прочиталъ ей корреспонденцію изъ Варшавы въ одну изъ Краковскихъ польскихъ газетъ и перепечатанную въ одной изъ здѣшнихъ польскихъ газетъ, въ которой корреспондентъ самымъ наглымъ и клеветническимъ перомъ описалъ покойнаго Паскевича и его

управленіе Царствомъ. Княгиня окончательно успокоилась, находя статью справедливою, перестала тревожиться и куски свободно могли проходить въ желудокъ, не останавливаясь въ горлѣ.

Говорили что ругательная корреспонденція о Паскевичѣ избрѣтена Мухановымъ, что бы подслужиться Горчакову; едвали это вѣрно; князь по благородству своего характера не принялъ бы такой подлости.

Между тѣмъ, князь Горчаковъ отправился на Пасху въ Петербургъ, откуда, между прочимъ, писалъ Коцебу, что его сіятельство дворомъ принять былъ такъ, какъ не ожидалъ и *не заслуживалъ*. Последнее наивное слово вызвало смѣхъ нѣмца Коцебу, а названіе дурака отъ княгини. Но этотъ дуракъ не оставялъ мечтать о фельд-маршальскомъ жезлѣ и надѣялся украситься имъ въ первый день Пасхи, — но увн! получилъ двѣ малахитовыя огромныя вазы, вовсе ему не нужныя и для него бесполезныя; правда, подобные подарки дѣлалъ Императоръ Николай Паскевичу, но послѣдній имѣлъ въ Гомелѣ свой дворецъ, а у Горчакова же не было ни кола — ни двора. Онъ поступилъ не расчетливо, уклонившись отъ возможности полученія предлагаемыхъ ему нѣсколькихъ тысячъ десятинъ земли въ Самарской губерніи. Горчаковъ во истинну былъ Демьяномъ безсребренникомъ!

28 марта было торжественное присоединеніе къ православію католички жены русскаго подполковника Колышкина; побужденіемъ къ этому переходу было то, что на исповѣди ксензь — фанатикъ объявилъ ей, что умершія ея дѣти въ православіи непременно будутъ въ аду, и что это исповѣданіе хуже жидовскаго. Безумный ксензь отдѣлался однимъ выговоромъ и временнымъ воспрещеніемъ исповѣдывать.

10-го апрѣля у кн. Горчаковой обѣдали архіепископъ Арсеній, Мухановъ и я; первый наставительно разглагольствовалъ и все изъ Вожественнаго писанія; второй буфонилъ и при одномъ случаѣ проварился; рассказывая, какъ на дняхъ одинъ поваръ въ бѣшенствѣ поднялъ руку съ ножомъ на своего поваренка, Мухановъ уподобилъ его Аврааму, намѣревающемуся поразить своего сына Исаака взнесенною рукою съ ножомъ; архіепископъ очень вѣжливо замѣтилъ ему неприличіе его уподобленія и отнесъ это къ кощунству, — и былъ правъ.

Спустя нѣсколько дней, неожиданно ввалился ко мнѣ едва знакомый отставной генералъ-маіоръ князь Любомірскій, женатый на какой то графинѣ Толстой, принявшей потомъ латинскую вѣру. Онъ узналъ отъ сенатора Старынкевича, что я имѣю въ рукописи отчетъ Барклая Императ. Алексан. I о своихъ дѣйствіяхъ въ 1812 году противу французовъ, въ которомъ авторъ, между прочими интригованными лицами, вывелъ на сцену и Любомірскаго, тогда бывшего

флигель-адъютанта, и потому его сіятельство домогался дать ему для прочтенія упомянутую рукопись, но я рѣшительно отказалъ изъ опасенія накликать на себя бѣду отъ огласки не напечатаннаго того отчета.

15 мая возвратился изъ Петербурга князь Горчаковъ и сказалъ женѣ моей, что объ опредѣленіи меня на службу и назначеніи вмѣсто генерала Соболева онъ говорилъ съ военнымъ министромъ и надѣется въ будущемъ пребываніе здѣсь Императора кончить обо мнѣ дѣло, не ручаясь впрочемъ за успѣхъ. Къ этому извѣстію я оставался совершенно равнодушнымъ.

Черезъ недѣлю по пріѣздѣ Горчакова, именно 21 мая, по случаю исполнявшейся 50 лѣтней его службы въ офицерскихъ чинахъ, утромъ военные и гражданскіе чины въ парадномъ одѣяніи, собрались въ Бельведерскій дворецъ и принесли князю поздравленіе, — тогда же онъ объявилъ во всеуслышаніе и о помолвкѣ младшей своей дочери Ольги съ дипломатическимъ 23 лѣтнимъ чиновникомъ Барономъ Мейендорфомъ, котораго мать невѣсты въ минуты досады отъ неудовлетворенныхъ гордости и тщеславія, честила писаремъ, а Великій Князь Николай Николаевичъ одинъ разъ, при разговорѣ съ Княз. Горчаковымъ, назвалъ его тряпкою. Потомъ въ 4 часа по полудни, задалъ былъ юбиляру роскошный обѣдъ по подпискѣ, на которомъ присутствовало все семейство и сродники князя въ числѣ 12 душъ. По обыкновенію были произнесены спичи въ честь и похвалу юбиляра; первый началъ Варшавскій военный генералъ-губернаторъ Панютинъ; но что онъ шепталъ, о томъ зналъ только Его Высочайшепревосходительство, даже и тѣ, кои сидѣли подлѣ него, не могли ни разслышать, ни понять его рѣчи; витія былъ старъ, глухъ и безъ зубовъ. Въ свою очередь и Князь не отличился своимъ краснорѣчіемъ; въ русскимъ отвѣчалъ по русски, а къ полякамъ по французски; между прочимъ онъ упоминалъ о Крымѣ, Севастополѣ и о благосостояніи Царства Польскаго. За этимъ же обѣдомъ Князь получилъ изъ Петербурга телеграмму, которою Государь Императоръ то же поздравляетъ Князя, назначаетъ его шефомъ той гвардейской батареи, въ которую онъ поступилъ первоначально на службу и жалуетъ ему на 12 лѣтъ аренду въ 5 т. руб. сер. ежегодно; но увы! Фельдмаршальскаго жезла, на коего Князь рассчитывалъ, а мы прибавимъ, и заслуживалъ, — не получилъ!

Пріѣхавшая изъ Петербурга дочь князя Горчакова г-жа Столыпина, мнѣ рассказала, что при представленіи ея отцомъ Муханова въ главные директоры внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Царства Польскаго (должность министра) съ производствомъ его въ тайные совѣтчики, — Государь Императоръ изволилъ сказать: „осуждали Па-

„скевича за выборъ къ должностямъ лицъ неспособныхъ и даже не- „достойныхъ, а и Горчаковъ начинаетъ тоже дѣлать“.—Къ этому Столыпина добавила, что было одно такое время, когда въ Петербургскихъ салонахъ трубили, что Царствомъ управляетъ кн. Горчакова и что самъ князь близокъ былъ къ паденію; это мнѣ подтвердилъ и будущій зять, баронъ Мейендорфъ.—Надобно сказать, есть въ сихъ извѣстіяхъ много правды.

11 іюня мы отправились за границу въ Карлсбадъ и Теплицъ и возвратились 15 сентября; воды женѣ мало принесли пользы.

По пріѣздѣ первый мой визитъ былъ къ архіепископу Арсенію, я поднесъ ему заграничный гостинецъ Богемскаго хрустала расписанный красками бокалъ; онъ былъ доволенъ и подарочкомъ и моимъ вниманіемъ; приглашалъ на будущее лѣто всѣхъ насъ къ себѣ въ Почаевскую Лавру на богомолье; между разговорами онъ мнѣ рассказалъ, что когда назначенный Императоромъ Николаемъ въ оберъ прокуроры Синода гусарскій полковникъ графъ Протасовъ явился въ Синодъ въ полной формѣ и съ саблей на боку, то митрополитъ Серафимъ, въ полномъ присутствіи, перекрестившись, воскликнулъ: Господи Боже мой, въ первый разъ вижу здѣсь вооруженнаго съ нами сопредседателя! Отпуская меня, преосвященный спрашивалъ: не привезъ ли я русскихъ книжекъ, печатаемыхъ въ Лондонѣ подъ названіемъ „Голоса изъ Россіи“, которыя онъ очень хотѣлъ бы прочесть,—но я отвѣчалъ отрицательно.

26 сентября прибыли изъ заграницы Императоръ и Императрица, а 28 числа удостоили своимъ посѣщеніемъ балъ, данный для Ихъ Величествъ Горчаковыми, на этомъ балѣ была и графиня Потоцкая, жена Августа, женщина гордая, ненавидящая русскихъ и все русское и которую поляки называютъ *Польскою Королевою*; и эта та патріотка, когда на балѣ у Императрицы сдѣлалось что то съ башмакомъ, *добровольно поспѣшила принять роль горничной и приступить исправлять обувь*—Во время же пребыванія Августѣйшихъ гостей въ Варшавѣ, Императрица пожелала видѣть графа Андрея Замойскаго, но князь Горчаковъ отклонилъ это желаніе докладомъ, что Замойскій отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія назначить дочь его во фрейлины.

Изданъ Высочайшій Указъ Сенату о неповтореніи присяги въ продолженіи службы на чины. До этой отмѣны, при полученіи каждаго чина, надобно было присягать и платить священнику за труды; такъ наприм. отъ прапорщика до полковника, включительно, надобно было *восемь* разъ присягнуть.

О другомъ Указѣ, болѣе важномъ, именно, объ устройствѣ крестьянъ

въ губерніяхъ: Ковенской, Виленской и Гродненской, — мы въ Варшавѣ узнали изъ иностранныхъ газетъ. — Не странно ли?

Въ день Рождества Христова у князя Горчакова не было *селями*, онъ простудился, слегъ въ постель и для развлеченія ему читаютъ пресловутаго Поль-де-кока; сіятельный вообще любитель грязныхъ сочиненій подобныхъ авторовъ.

Послѣдній день 1857 года ознаменовался пышными похоронами главнаго начальника почтоваго вѣдомства въ царствѣ кн. Александра Голицына, умершаго отъ апоплексическаго удара. Этотъ князь извѣстенъ былъ тѣмъ, что воспитывался у іезуитовъ, былъ ими возвращенъ въ католицизмъ и за то (?) святые отцы подверглись преслѣдованію и изгнанію изъ Россіи, такъ какъ онъ былъ родной племянникъ Голицына, — любимца Александра I.

1858 годъ.

Въ день новаго года намѣстникъ по болѣзни не выходилъ и никого не принималъ. Тотчасъ былъ распушенъ слухъ, что будто бы онъ страдаетъ размягченіемъ мозга, но это выдумка его благопріятелей, которыхъ у него таки накопилося достаточно.

Въ концѣ января съѣхались сюда все губернаторы съ проектами отчетовъ за минувшій годъ о состояніи управляемыхъ ими губерній. — По заведенному еще при Паскевичъ порядку, эти проекты предварительно были рассмотрѣны намѣстникомъ, исправлены, выглажены, обращены въ официальные донесенія и въ такомъ безупречномъ видѣ представлены Государю Императору. По совершеніи этой процедуры на прощанье съ губернаторами, князь Горчаковъ 1-го февраля задалъ имъ и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ обѣдъ. Между застольною болтовнею присутствовавшій за трапезою сенаторъ генералъ-лейтенантъ графъ Толстой разсказывалъ о выборныхъ явствахъ на обѣдахъ Императ. Александра I и вообще о прихотливомъ его вкусѣ и въ заключеніе сказалъ: „что же касается до *незабвеннаго*, то онъ вовсе не зналъ толку въ кушаньяхъ“. Никто не возражалъ, а отъ слова: *незабвеннаго* (т. е. Императора Николая), названнаго такъ въ манифестахъ царствующаго Государя, Гарчакова сильно покорило. Родной дядя этого графа былъ оберъ-гофмаршаломъ при Александрѣ I.

Ходила молва о безпокойномъ и крутомъ характерѣ В. К. К. Н.

.

День восшествия на престолъ былъ начать торжественнымъ богослуженіемъ въ соборѣ и обильнымъ завтракомъ у архіепископа, а кончился бесплатнымъ театромъ и сально-вонючею иллюминаціею. — князь Горчаковъ еще прежде отправился въ Петербургъ, а Панютиа, какъ военный генералъ губернаторъ, получающій репрезентабельныя деньги, не заблагоразсудилъ ни угостить официальнымъ обѣдомъ, ни повеселить публику баломъ или даже дешевенькимъ раутомъ.

Нежданно - негаданно главный директоръ юстиціи (при Александрѣ I-мъ министръ), графъ Скарбекъ, назначенъ былъ презесомъ герольдіи, *безъ права засѣдать въ Администраціонномъ Совѣтѣ*. Такой афронтъ, такое униженіе въ уничтоженіи права засѣдать въ Совѣтѣ, взволновали умы и языки всей бюрократическо-польско высшей интеллигенціи, а самаго графа привело въ бѣшенство. — Никто не зналъ причины; каждый судилъ по своему; одинъ только Скарбекъ могъ догадываться. Настоящею же причиною, было слѣдующее обстоятельство: городъ, по предложенію главнаго директора внутреннихъ дѣлъ Муханова, приторговалъ зданіе для богадѣльни; Мухановъ внесъ въ Администраціонный Совѣтъ докладъ, испрашивающій разрѣшенія на покупку того зданія и устройства въ немъ богадѣльни. — Всѣ члены Совѣта и намѣстникъ согласились, одинъ только Скарбекъ, заклятый врагъ Муханова, не согласился, говоря, что лучше выстроить новое зданіе за городомъ, нежели имѣть его въ срединѣ города, приводя къ тому и причины; при завязавшемся спорѣ, каждый остался при своемъ мнѣніи; въ такомъ видѣ составленъ былъ протоколъ и по заведенному порядку, чрезъ министра статсъ-секретаря, представленъ на Высочайшее усмотрѣніе; Императоръ протокола не утвердилъ, но повелѣлъ вновь разсмотрѣть и обсудить предложенный предметъ. Шляхетный графъ, при новомъ обсужденіи, не выдержалъ своего убѣжденія, согласился со всеми прочими и подписалъ съ ними новый протоколъ, конечно съ заднею мыслію, ибо въ тоже время пустилъ къ министру статсъ-секретарю письмо, прося его доложить Царю, что хотя онъ подписалъ протоколъ, но остается при прежнемъ мнѣніи, не покупать зданія въ городѣ для богадѣльни, а выстроить новое за городомъ. По приѣздѣ Горчакова въ Петербургъ это письмо министръ передалъ ему и было какое то объясненіе князя Императору, а потомъ и назначеніе Скарбека презесомъ герольдіи съ оскорбительнымъ воспрещеніемъ *засѣдать въ Совѣтѣ*. Спустя мѣсяца два вельможный графъ съ лашекими мечтаніями и несказываемою ненавистью къ Россіи, какъ и слѣдовало ожидать, вышелъ въ отставку и на его мѣсто, презесомъ, по вліянію княгини Горчаковой, назначенъ графъ Коссаковскій, женатый на урожденной графинѣ Лавоулъ, родной сестрѣ жены жалкаго диктатора декабристовъ князя Трубецкаго.

Въ послѣднихъ числахъ марта, проѣзжалъ по пути въ Парижъ

чрезъ Варшаву добрый мой знакомый и давній сослуживецъ по полку Псковскій помѣщикъ Креницынъ. — Я видѣлъ у него и читалъ собственноручное письмо известнаго Александра Бестужева (Марлинскаго) къ Ксенофону Полевому, писанное изъ Дербента въ 1832 году. — Оно, по своему содержанію, было столь интересно, что я съ дозволенія владѣльца письма сдѣлалъ выписку изъ него, здѣсь излагаемую. Бестужевъ говоритъ: „солдатъ нашъ очень не охотно идетъ въ огонь, но хорошо стоитъ въ немъ отъ того, что не умѣетъ уйти и лезетъ на вѣрную смерть отъ того, что не смѣетъ ослушаться. „Впрочемъ, русскій солдатъ доступенъ всѣмъ высокимъ чувствамъ, „еслибъ умѣли ихъ возбуждать заранѣе (чего увы! нѣтъ и въ заводѣ). „Примѣръ и красное слово увлекаетъ ихъ, и чудная вещь имя полка, имя роты, известной искони храбростію, какъ будто перерождаетъ трусовъ въ безстрашныхъ. Впрочемъ я зналъ многихъ солдатъ, „которые также радостно идутъ въ дѣло, какъ въ кружало“. — Далѣе Бестужевъ пишетъ о пресловутомъ партизанѣ — пѣтѣ Денисѣ Давыдовѣ: „онъ болѣе выписалъ, чѣмъ вырубилъ себѣ славу храбреца. „Между прочимъ, я былъ друженъ съ Николаемъ Бедрягою, который „служилъ съ Денисомъ въ 1812 году. Онъ говоритъ, что они могли бы въ тысячу разъ быть полезнѣе, если бы Бахусъ не мѣшалъ Марсу. Денисъ ввѣрился слишкомъ какому то Храповицкому и занялся болѣе маскератомъ за чаркою, чѣмъ дѣломъ. — Бедряга уѣхалъ изъ отряда Давыдова за то, что онъ велѣлъ перерѣзать на честное слово сдавшихся ему французовъ. Я очень люблю его, но онъ принадлежитъ исторіи, — а исторія есть нагая истина“.

Сверхъ этого письма, я читалъ у Креницына злостные стихи на ген.-адъют. Ростовцева, присланные ему по городской почтѣ, въ день празднованія имъ юбилея. Онъ же мнѣ рассказывалъ о новомъ своемъ Псковскомъ губернаторѣ Муравьевѣ, который, по прибытіи, тотчасъ наложилъ на винный откупъ въ свою пользу денежный налогъ, тогда какъ предмѣстникъ его Черкасовъ былъ чуждъ этого налога. О подобномъ съ виннаго откупа налогѣ, существующемъ едвали не во всѣхъ губерніяхъ, знало само правительство; всѣ и каждый имъ пользовался и считалось *безгрѣшнымъ доходомъ*.

Князь Горчаковъ 1 апрѣля возвратился изъ Петербурга; на другой день, я, по приглашенію, былъ у него и удостоился поцѣлуя; при разговорѣ объ опредѣленіи моемъ на службу и назначеніи къ должности, онъ какъ будто извинялся въ своей медленности; разсыпался похвалами о моей честности и способности и наконецъ сказалъ, что дѣло, по коему я долженъ получить назначеніе, поступило уже въ Государственный Совѣтъ и полагаетъ видѣть его оконченнымъ и Высочайше утвержденнымъ къ августу мѣсяцу. Я вовсе ненадѣялся наскорое

окончаніе, зная по опыту, сколь медленно производятся у насъ дѣла, и — необманулся.

Вслѣдъ за пріѣздомъ князя, здѣшними любителями въ пользу богоугодныхъ заведеній сыграны были двѣ польскія піесы; — въ одной изъ нихъ дѣйствовавшее лицо произнесло: „дай Боже, что бы въ нашей „ойчизнѣ не осталось ни одного иноземца“. — Раздались неистовыя, оглушительныя рукоплесканія поляковъ и полекъ, разумѣвшихъ подъ словомъ „иноземца“ ненавистнаго имъ „москаля“, москвца; и это произошло въ присутствіи намѣстника, генераль-губернатора и многихъ русскихъ, тотчасъ появившихъ причину рукоплесканій; мнѣ говорили, что нѣкоторые и изъ русскихъ, по своей простотѣ и глупости, присоединились къ полякамъ.

Въ пребываніе Горчакова въ Петербургѣ онъ получилъ изъ Варшавы отъ члена полеваго аудиторіата генераль-маіора Іолинина (пройдохи на всѣ руки) письмо о назначеніи его управляющимъ какою либо комиссаріатскою комиссіею. — Горчаковъ передалъ это письмо лично военному министру Сухозанету, который и обѣщалъ, коль скоро получитъ официальное отъ него представленіе; князь и сдѣлалъ это по прибытіи въ Варшаву, но получилъ отъ Сухозанета отказъ: потому-де, Іолининъ не можетъ получить просимаго имъ мѣста, что ему уже 60 лѣтъ, а въ эти лѣта нѣтъ энергіи для службы. Чистая нелѣпость! Настоящая же причина была та, что Іолининъ бьетъ на поживу, такъ какъ онъ ясно и безъ обиняковъ въ томъ письмѣ имѣлъ глупость выразить, что съ испрашиваемымъ имъ мѣстомъ ему *легче будетъ пристроить своихъ взрослыхъ дочерей*.

Въ маѣ мѣсяцѣ чрезъ Варшаву проѣхалъ въ Бельгію Псковской губерніи мужичекъ, что бы посмотрѣть и приглядѣться къ тамошней обработкѣ льна; онъ запаса и рекомендательными письмами; здѣсь тайная полиція хотѣла видѣть въ немъ нѣчто другое, но разуверилась и оставила въ покоѣ.

13 мая отправилась жена моя на воды въ Карлсбадъ и Теплицъ, а 16 числа я обѣдалъ у Горчаковыхъ въ Бельведерскомъ дворцѣ. — И предъ столомъ и за столомъ и послѣ стола, сіятельные супруги были очень внимательны ко мнѣ и распрощались со мною наидружественнымъ образомъ; они то же выѣзжаютъ за границу, поручивъ моему попеченію двухлѣтнюю дочь свою Анну и весь свой, здѣсь оставаемый, скарбъ.

Братъ княгини Горчаковой гофмейстеръ Бахметевъ назначенъ кураторомъ Московскаго учебнаго округа. — Богатый вельможа и хлѣбосоль, онъ для этой должности имѣетъ тотъ недостатокъ, что крайне вспыльчивъ и срывчивъ на руку.

Въ началѣ іюня были пышныя похороны отставнаго бывшихъ польскихъ войскъ генер.-лейтенанта и сенатора Курнатовскаго.— По Высочайшему повелѣнію, его хоронили со всѣми воинскими почестями, подобающими служащему генералу.

Въ среднихъ числахъ того же мѣсяца проѣзжалъ чрезъ Варшаву за границу князь Трубецкой— тотъ Трубецкой, который въ 1826 г., въ минуту возмущенія въ С.-Петербургѣ, именуясь диктаторомъ, бросилъ изъ трусости своихъ сторонниковъ и валился у ногъ Императора Николая.— Здѣсь сенаторъ Феньшъ, бывшему диктатору задалъ объѣдъ, на которомъ присутствовалъ и Варшавскій военный генераль-губернаторъ Пякутинъ.— У подгулявшихъ господъ развязался языкъ и пошли разныя расказы и были. Такъ одинъ разказалъ, что въ одной бѣсѣдѣ, гдѣ находился и князь Меншиковъ, разсуждали, какой бы дать эпитетъ 25-лѣтнему царствованію Николая? Сторонникъ покойнаго Императора, отъявленный фронтовикъ, сказалъ: „мудраго“ на что свѣтлѣйшій острословъ возразилъ: „развѣ мудренаго“.

Проѣзжавшіе чрезъ Варшаву за границу изъ Петербурга лица распустили слухъ, что будто бы ради предосторожности отъ возмущенія въ Россіи крестьянъ, когда объявятъ ихъ свободными отъ крѣпостничества, правительство предположило назначить 16 генераль-губернаторовъ и слишкомъ 600 военныхъ уѣздныхъ начальниковъ. Надобно сказать, что многіе изъ русскихъ и вообще всѣ поляки, были убѣждены, что бунтъ не избѣженъ въ Россіи, при свободѣ сѣраго люда. Объ этомъ предположеніи о назначеніи генераль-губернаторовъ и уѣздныхъ начальниковъ изъ военныхъ, генераль Дивовъ получилъ изъ Петербурга извѣстіе почерпнутое якобы *изъ вѣрнаго источника*.

Генераль интендантъ арміи генераль-лейтенантъ Мельниковъ имѣтъ маіоратъ, приносящій ежегоднаго дохода до 4 т. руб. имѣтъ аренду на 12 лѣтъ по 1500 р. въ годъ, имѣтъ недавно купленный въ Варшавѣ каменный за 60 т. р. домъ, отдаваемый имъ въ наймы и самъ помѣщающійся въ великолѣпной казенной квартирѣ и наконецъ, имѣтъ казеннаго содержанія въ годъ до 4 т. р. (не казеннаго же нельзя опредѣлить) и за всѣмъ этимъ, при отлукѣ своемъ за границу къ водамъ, выпросилъ у Горчакова въ пособіе изъ интендантскихъ суммъ 600 руб.!— Невѣрится, а это такъ.

Знакомый мнѣ гвардейской артиллеріи полковникъ Бѣляевъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, между прочимъ разказывалъ мнѣ, что царствующая Императрица чрезвычайно благочестива и любима народомъ; что самъ Императоръ, хотя и преданъ охотѣ, но дѣятельно занимается дѣлами и читаетъ все печатающееся въ Лондонѣ Герценомъ и когда министромъ иностранныхъ дѣлъ, княземъ Горчаковымъ, былъ добытъ списокъ лицамъ, кои посылаютъ Герцену статьи свои о Россіи и

представленъ Государю, то Его Величество изволилъ его разорвать и всё узнавшіе о такомъ великодушіи Монарха, были въ восторгѣ, славя Его милосердіе и доброту. — Я порадовался всёми этимъ свѣдѣніямъ.

27 іюля возвратилась жена изъ за границы и привезла мнѣ двѣ запрещенныя книжки: „*тюрьма и ссылки*“ соч. Искандера и „*нѣмцы и Дунай*“ соч. Менькова.

Прочелъ отчетъ министра просвѣщенія за 1857 годъ. — Онъ вѣщаетъ намъ радостную вѣсть о восстановленіи во всёхъ русскихъ университетахъ права европейскихъ державъ, закрытыхъ при Императорѣ Николаѣ I въ 1848—1849 годахъ по случаю событій, совершившихся тогда во многихъ западныхъ державахъ, и преобразованій нѣкоторыхъ правительствъ и объ отмѣнѣ изданнаго въ 1849 году Высочайшаго повелѣнія о не допущеніи на публичное защищеніе диссертациі лицъ, не извѣстныхъ университетскому начальству. — Тяжело было русскому народу подъ пятою Незабвеннаго!

Послѣ Крымской войны и уменьшенія войскъ, премножество осталось генеральства безъ мѣстъ; куда ихъ не расписываютъ, а все остается въ излишествѣ; наконецъ начали назначать ихъ въ низшія должности: такъ Высочайшимъ приказомъ 15 іюля одинъ генераль-майоръ назначенъ „чиновникомъ особыхъ порученій V кл. при генераль-квартир-мейстерѣ главнаго штаба Его Императорскаго Величества“. — Чиновникомъ и V класса! Этого никогда не бывало.

Почтеннѣйшій мой знакомецъ и не пошлякъ генераль-лейтенантъ Веселицкій, командовавшій подъ Севастополемъ дивизіею, для моего убѣжденія, что солдаты были къ нему привязаны и готовы были за нимъ идти въ огонь и воду, серіозно выставилъ такой примѣръ: что изъ какого то полка, изъ котораго назначено было для него отпускать мясо, постоянно получалъ *лучшее, а иногда и съ прибавкою въ вѣсъ*. — Этой наивности я посмѣялся, — а Веселицкій вѣдь былъ не дуракъ.

Въ августѣ управляющій здѣшними Императорскими дворцами генераль-лейтенантъ Абрамовичъ ѣздилъ въ Данцигъ для отправленія отсюда въ С.-Петербургъ оранжереи рѣдкихъ деревьевъ и растений, купленной Государемъ Императоромъ у Прусскаго князя Радзивила за 60 т. руб.

17 августа возвратился изъ за границы и князь Горчаковъ съ своимъ семействомъ. — На другой день дочь его княжна Софія рассказала женѣ моей, какъ ея сятельный отецъ въ откровенно-дружеской бесѣдѣ съ своимъ зятемъ барономъ Мейендорфомъ, говоря о Севастополѣ и вообще о Крымской войнѣ, причислилъ себя къ *вели-*

кимъ генераламъ. Я не вѣрю сему; черты самовосхваленія вовсе не въ характерѣ князя.

Начальникъ инженеровъ въ арміи генер.-лейтенантъ Бухмееръ, за то, что у него *рыльце въ пушку*, неожиданно получилъ увольненіе отъ должности, но съ полнымъ содержаніемъ. — Онъ однако же оказалъ несомнѣнную услугу; построивъ въ одну ночь мостъ въ Севастополѣ для перехода нашего гарнизона съ южной на сѣверную сторону, послѣ взятія крѣпости союзниками. Еще до удаленія Бухмеера, князь Горчаковъ предлагалъ его мѣсто Тотлебену.

Въ № 257 газеты: Ind. Bel. напечатана корреспонденція изъ Петербурга, въ которой сильно осуждаются характеръ, поведеніе и способности покойнаго Паскевича и особенно правленіе его царствомъ польскимъ, и въ противоположность тому, рисуется радужными красками характеръ и способности настоящаго наместника князя Горчакова и управленіе его царствомъ, съ весьма однакоже легкимъ замѣчаніемъ его легкаго недостатка, именно нѣкотораго его пристрастія *къ прежнимъ своимъ сослуживцамъ.*

Этотъ намекъ относится къ генераль-маіору барону Иксулю, который по ходатайству князя принять изъ отставки въ службу и назначенъ членомъ въ Администраціонный Совѣтъ царства. Далѣе корреспондентъ не на шутку увѣряетъ газету, что князь блестящимъ образомъ кончилъ Крымскую войну и вслѣдъ за этою ложью воздается похвала княгинѣ и происхожденію ея изъ какого то высокаго рода (отецъ отставной гвардейскій прапорщикъ Бахметевъ, а мать княжна Несвицкая), а въ заключеніе авторъ увѣряетъ, что начальникъ главнаго штаба Горчакова — *Кочеву* и главный директоръ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ царствѣ — *Мухановъ*, пользующіеся особымъ довѣріемъ князя, будутъ непременно удалены отъ своихъ должностей. При этомъ я одно замѣчу, что эти два сторонника Горчакова: вѣнецъ и русскій, были враги между собою, состоя на службѣ на разныхъ почвахъ.

11 сентября Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Варшаву; послѣ кратковременнаго отдыха посѣтилъ сперва православный соборъ, гдѣ были уже собраны чины и дамы православнаго исповѣданія, потомъ и католическій соборъ, въ которомъ также находились чины католическаго исповѣданія. При пріѣздахъ въ Варшаву покойнаго Императора Николая I-го, Его Величество посѣщалъ одинъ только православный соборъ, куда собирались чины *обоихъ* исповѣданій и ни разу не былъ въ католическомъ безъ сомнѣнія потому, что римскій прелатъ, по своимъ каноническимъ правиламъ, не цѣловалъ руки у Царя послѣ прикладыванія къ кресту.

На другой день Императоръ на бангетѣ встрѣтилъ и привѣтствовалъ родного своего дядю принца прусскаго; за нимъ стали наѣзжать въ Варшаву и другіе иностранные принцы, между коими находился и не уклюжіи *красный* принцъ Наполеонъ, а за тѣмъ пошли смотры и ученія войскъ, обѣды, балы и другія увеселенія.

Появленіе принца Пломъ-Плома въ Варшавѣ замѣчательно тѣмъ, что онъ привезъ пожалованный Императоромъ Наполеономъ князю Горчакову, какъ главнокомандовавшему подъ Севастополемъ, орденъ почетнаго Легіона большого креста; по словамъ Горчакова, онъ съ окончаніемъ войны одно только имѣлъ истинное удовольствіе, когда получилъ этотъ орденъ. — Принцъ Наполеонъ привезъ отъ Императора и другой орденъ того же названія для генерала Коцебу и отправилъ его къ нему съ двумя депутатами, но Коцебу не принялъ ордена, находя его ниже чина и званія, имъ носимаго. — Принцъ лично извинился предъ Коцебу, обѣцалъ доложить о сдѣланной ошибкѣ Императору и Коцебу вскорѣ получилъ удовлетвореніе въ присланномъ орденѣ почетнаго Легіона 2 ст. со звѣздой.

Показывая принцу Наполеону войска, Императоръ подѣхалъ къ княгинѣ Горчаковой, отпустилъ ей нѣсколько любезностей и очень пріятныхъ на счетъ службы ея мужа и въ заключеніе сказалъ: „дай Богъ, что бы онъ былъ здоровъ и намъ увидѣться въ будущемъ году“. — Осчастлививъ своимъ присутствіемъ даяннй Горчаковымъ балъ, на которомъ было 650 особъ, и позабавившись на скорую руку устроенною охотою шталмейстеромъ графомъ Августомъ Цотоцкимъ въ лѣсахъ Патолинскихъ и Вилановскихъ, Государь Императоръ, послѣ семидневнаго пребыванія, оставилъ Варшаву, пожаловавъ многимъ награды, въ томъ числѣ и запускателю рукъ въ казну Бухсееру аренду на 12 лѣтъ по 2 т. въ годъ. — Есть отъ чего призадуматься.

Въ Вильнѣ охоту для Императора устроилъ тамошній богачъ графъ Тышкевичъ. Рассказываютъ, что эта охота была изумительна своею обстановкою. — Палатка, приготовленная для отдохновенія, была убрана древними вещами какого-то Саксонско-Польскаго короля Августа, страстно любившаго охоту; эту палатку и совѣтъ ея убранствомъ Тышкевичъ приобрѣлъ за дорогую цѣну въ Дрезденѣ. — Государю Императору, какъ палатка, такъ и украшавшія ее охотничьи вещи, очень понравились, угодливый графъ предложилъ ихъ, Государь принялъ и приказалъ отправить въ С.-Петербургъ.

Состояній при министрѣ статсъ-секретарѣ царства дѣйств. статс. совѣтникъ Соломонъ Старынкевичъ, мой старый и давній пріятель, между прочимъ рассказалъ мнѣ, что когда Паскевичъ находился въ безнадежномъ положеніи, при дворѣ составилось два мнѣнія о назначеніи на мѣсто умиравшаго намѣстникомъ; одно было за графа Шли-

селева, другое за князя Горчакова и съ первымъ былъ согласенъ Самъ Государь Императоръ; но военный министръ князь Долгорукий по убѣжденію министра статсъ-секретаря царства Туркула, взявъ на себя представить Его Величеству о Горчаковѣ и на докладной запискѣ послѣдовала резолюція: „согласенъ, но генераль-губернаторомъ“. Потомъ вновь былъ докладъ и тогда только Горчаковъ названъ *на-мѣстникомъ*, но уже *послѣднимъ*, какъ изволилъ выразиться Императоръ. За что купилъ, за то и продаю.

По отъѣздѣ Императора изъ Варшавы, распространился слухъ, что князь Орловъ и министръ юстиціи графъ Павинъ, состоятъ въ опалѣ за сопротивленіе по дѣлу освобожденія крестьянъ изъ неволи и что на мѣсто Орлова, председателемъ Государственного Совѣта назначается князь Горчаковъ. Молва ничѣмъ не подкрѣпленная и выдуманная правдыми *всезнайками*.

Одна изъ крупныхъ и утѣшительныхъ мѣръ, для благосостоянія Россіи Правительствомъ изданныхъ—это было уничтоженіе военныхъ поселеній. Сколько казны и крови стоили эти злосчастныя поселенія! Тяжелымъ укоромъ онѣ лежатъ на памяти Александра I и вызываютъ проклятія на Аракчеева.

Въ среднихъ числахъ ноября скончался генераль-адъютантъ графъ Красявскій 77 лѣтъ.—Это былъ человѣкъ богатый, образованный, завзятый говорунъ и развязчикъ, и къ сожалѣнію лгуны; онъ нѣкогда служилъ во французскихъ войскахъ, былъ лично извѣстенъ Наполеону I и потомъ послѣ низверженія этого войнолюбца поступилъ въ нашу службу. Выносъ тѣла графа изъ собственнаго его дворца въ католическій соборъ происходилъ со всею пышностію и церемоніею, подобающими высокому званію умершаго и его милліонамъ. — Предшествовали погребальной колесницѣ: капуцины, реформаты, бернардины, францискане, кармелиты босые, кармелиты въ обуви, тринитаріи, августіане, доминиканцы и ксендзы миссіонеры, а за ними бѣлое духовенство съ архиепископомъ во главѣ; заканчивался кортежъ 4-мя эскадронами уланъ и 6 артилерійскими орудіями. Самъ намѣстникъ съ членами Администраціоннаго Совѣта, сенаторами и прочими военными и гражданскими чинами, участвовали въ погребальной процессіи. Послѣ похоронъ Паскевича, Варшава еще не видала болѣе великолѣпныхъ и много-народныхъ.

Въ Московскомъ университетѣ студенты произвели какой то скандалъ противу одного профессора.—Попечитель учебнаго округа и кураторъ университета Бахметевъ, явившись предъ юнными шалунами, сказалъ имъ: „какъ вамъ господа не стыдно *дурачиться*!“ На это одинъ изъ толпы отвѣчалъ: „какъ намъ не дурачиться, когда у насъ попечитель *дуракъ*!“ Такъ рассказывается и такъ могло быть.

Послѣдовало Высочайшее повелѣніе, дабы рядовые изъ евреевъ не были производимы въ унтеръ офицеры. — Интересно было бы знать настоящую причину этого запрещенія; вѣдь не вѣроисповѣданіе тутъ вмѣшалось.

Заключивъ 1858 годъ разскажемъ изумительнаго давно прошедшаго факта, доказывающаго близорукость и упорное самообольщеніе покойнаго Императора Николая I о совершенствѣ устройства нашихъ войскъ и ихъ непобѣдимости. — Дѣло въ томъ, что командиръ Варшавскаго арсенала генераль-маіоръ Шеншинъ 29 января 1849 года подалъ начальнику артиллеріи въ арміи генералу Гиленшмидту докладную записку о томъ, что фельдмаршалъ Паскевичъ поручилъ ему Шеншину передѣлать нѣсколько солдатскихъ ружей по образцу новыхъ штуцеровъ, именно съ нарѣзкою въ стволѣ и съ стержнемъ въ казенникѣ; что одно изъ передѣланныхъ подвергнуто было испытанію и оказалось, что ружье, которое едва только могло стрѣлять съ вѣрностію на 350 шаговъ, можетъ быть употреблено такъ же хорошо, какъ и англійскій штуцеръ на 600 шаговъ; что это испытаніе ведеть къ мысли, что и орудія артиллерійскія могутъ быть устроены на подобныхъ же основаніяхъ, т. е. съ нарѣзкою. Этой запискѣ Шеншина не дано ходу въ ожиданіи пріѣзда Государя Императора въ Варшаву. Прибыль и грозный владыко; представили ему передѣланное ружье и при немъ произвели пробную стрѣльбу, показавшую достоинство ружья. — Не въ духѣ былъ Николай, произнесъ пагубное слово: „вздоръ“ и никто и самъ даже фельдмаршалъ не дерзнули возражать и чрезъ четыре года, съ нашимъ негоднымъ оружіемъ, русскіе солдаты поведены на убой союзниковъ въ Молдавію и Крымъ.

1859 годъ.

День новаго года, а въ Варшавѣ почти не замѣтно движенія, потому что князь — Намѣстникъ въ Петербургѣ, а исправляющій его должность Варшавскій военный губернаторъ Панютинъ, изъ экономіи, сказался больнымъ; поляки же держатся новаго календаря и 13 дней какъ отпраздновали свой новый годъ.

Бывшій генераль-интендантъ южной и крымской арміи, генераль-маіоръ Затлеръ отданъ подъ военный судъ за безпорядки и злоупотребленія по провіантской части. Бывшій его главнокомандовавшій кн. Горчаковъ, разсуждая съ женою своею о предстоявшей судьбѣ Затлера, между прочимъ сказалъ: „кровь Затлера падеть на мою голову; мнѣ должно было его защитить, или подать въ отставку; но мое семейство, мое семейство“! При первомъ письмѣ къ Горчакову Затлера, я, зная хорошо князя, сказалъ Затлеру, что онъ не получитъ отъ него просимой защиты, и, дѣйствительно, Горчаковъ отрекся отъ него. Защита

князя должна была состоять въ личномъ объясненіи съ Императоромъ; для чего надобно имѣть много твердости и рѣшительности, а этихъ то качествъ и лишень Горчаковъ *самою природою*. Впрочемъ, какая бы судьба ни постигла Затлера, — ужь конечно оставленію или исключенію изъ службы, не болѣе, а онъ гораздо *обезпечилъ* себя, какъ подобаеть предусмотрительному и разумному чиновнику въ Россіи.

Разсказываютъ, что въ Петербургѣ предположено воздвигнуть памятникъ Императору Николаю на разстояніи 235 шаговъ отъ памятника Петра *Великаго* и что по этому случаю ходятъ по рукамъ французскіе стишки: „отъ *великаго* до смѣшного не одинъ шагъ, а 235 шаговъ“. — Ужь конечно Николай не былъ смѣшнымъ.

Извѣстно, что послѣ открытія Крымской войны мы не имѣли въ достаточномъ количествѣ свинца и для дѣланія пороха селитры и должны были пріобрѣтать и выписывать эти матеріалы изъ Пруссіи. — Въ 1855 году тоже возложено было и на начальника артиллеріи (нынѣшняго военнаго министра) Сухозанета, который и заключилъ контрактъ здѣсь съ жидами на значительную сумму, но при сей вѣрной оказіи и себя не забылъ, положивъ въ свой карманъ 14 тысячъ рублей. Такъ говорятъ многіе, и даже сами жиды. Начальникъ арсенала Горбуновъ также платилъ ему давъ. Послѣ сего вѣрь его безкорыстію и умиляйся его рѣчами!

Первая телеграмма отъ Горчакова, изъ Петербурга полученная, была о томъ, что генераль-квартирмейстеръ арміи, генераль-лейтенантъ *Бутурлинъ*, по его просьбѣ, отчисленъ отъ сей должности и на мѣсто его назначенъ генераль-маіоръ Семека. — Удивленію объ этомъ отчисленіи не было конца въ кругу военныхъ и каждый изобрѣталъ свою причину къ тому, а оно произошло такимъ образомъ. Съ самаго начала Крымской войны Бутурлинъ состоялъ генераль-квартирмейстеромъ армій, предводительствуемыхъ Горчаковымъ въ Молдавіи и Крыму; по окончаніи войны, Горчаковъ назначенъ былъ главнокомандующимъ войсками, въ Царствѣ Польскомъ расположенными, вмѣсто умершаго Паскевича; съ нимъ одновременно поступилъ и Бутурлинъ въ томъ же званіи генераль-квартирмейстера. Князь Горчаковъ былъ очень расположенъ къ нему и хотѣлъ, чтобы онъ, какъ ближайшій свидѣтель Крымской войны и его совѣтникъ, описалъ эту войну, но Бутурлинъ, какъ лѣнивѣйшее созданіе, отыѣкивался то тѣмъ, то другимъ; это охладило расположеніе къ нему князя. Потомъ французскій генераль Ниедь издалъ описаніе Севастополя союзниками и выставилъ наши ошибки и промахи и, между прочимъ, сказалъ, что „выдалось такое время для союзныхъ войскъ, въ которое князь Горчаковъ и его генералы могли бы ихъ задавить“. Горчаковъ, задѣтый живое Ниедемъ, поручилъ Бутурлину написать возраженіе, но тотъ отвѣчалъ, что ему *нельзя и что онъ завилелъ дѣлами*. Раздосадованный князь та-

кимъ отказомъ и зная по опыту, что въ мирное время генераль-квартирмейстеръ почти свободенъ отъ дѣлъ, сказалъ ему: „*позвольте въ этомъ усумниться*“ — и не въ мѣру самолюбивый Бутурлинъ оскорбился сими словами; на другой день сказался больнымъ, а на третій подалъ рапортъ объ отчисленіи его въ запасныя войска; рапортъ княземъ былъ принятъ и Бутурлинъ отчисленъ съ должности генераль-квартирмейстера арміи. Этотъ Бутурлинъ, женатый на княжнѣ Гагариной, братъ которой перешелъ въ католицизмъ и сдѣлался іезуитомъ, — обезславилъ себя доносомъ на своего шурина въ видахъ полученія его имѣнія, — но не имѣлъ успѣха. Онъ же родной братъ автора исторіи войны Наполеона I въ 1812 году въ Россіи.

При отъѣздѣ Бутурлина изъ Варшавы данъ былъ прощальный обѣдъ, съ рѣчами и стихами.

Камеръ-юнкеръ Панютинъ, неразлучный спутникъ Паскевича, бывшій съ нимъ на царскомъ смотру при Вознесенскѣ, передалъ мнѣ, что Императоръ Николай, осматривая 4 пѣхотный корпусъ генерала Чеодаева, остался имъ недоволенъ и послалъ сказать ему, что онъ не приглашается на тотъ разъ къ столу Его Величества, а послѣ обѣда, обучая собранныхъ унтеръ офицеровъ, со многихъ споролъ галуны и наказалъ палками. — Это ужъ не по царски! — Чеодаевъ, извѣстенъ былъ скупостію и сдѣлками съ подрядчиками мяса для его войскъ.

Я видѣлъ у князя Тенишева рѣдкую вещь, именно: монету, выбитую въ память сооруженія въ Петербургѣ памятника Императору Александру I Императоромъ Николаемъ I. Она серебряная, величиною и вѣсомъ въ рубль; на одной сторонѣ выбитъ тотъ памятникъ и вокругъ слова: „*Александру I благодарная Россія*“, а на другой сторонѣ вычеканено: „*монета рубль*“. По словамъ Тенишева, Николай хотѣлъ, чтобы эта дивная вещь ходила какъ деньги, но это не удалось и потому она скрылась и осталась только у нумизматовъ. Не то ли случилось и съ платиновыми деньгами?

Образованіе въ Варшавѣ „*Земледѣльческаго Общества*“ подъ предсѣдательствомъ графа Андрея Замойскаго и Высочайше утвержденный для него уставъ преисполнилъ измѣническія сердца ляховъ радостію. Долго князь Горчаковъ противился этому образованію въ предчувствіи будущихъ отъ него для правительства золъ, — которыя и сбылись, но постоянныя къ нему подступы вліятельнаго Муханова съ убѣжденіями о пользѣ для страны, равно и самой княгини Горчаковой, заставило князя склониться, но съ тѣмъ, чтобы при каждомъ засѣданіи Общества всегда присутствовалъ для порядка жандармскій офицеръ. Оно распространило было свои отдѣленія и по провинціямъ, но это было воспрещено.

Прочелъ напечатанную за границую на русскомъ языкѣ брошюру,

подъ заглавіемъ: „*Описание селскаго духовенства*“. Въ ней авторъ выводитъ наружу весь деспотизмъ, тиранію нашихъ святителей, безпорядки и злоупотребленія консисторіи, приниженность нашего селскаго духовенства и требуетъ радикальнаго преобразованія; такъ же совѣтуетъ о уничтоженіи діаконовъ, какъ людей ненужныхъ и вредныхъ. Говорятъ, что авторъ этой брошюры въ 166 страницъ есть селскій священникъ; что Святѣйшій Синодъ намѣревался было лишить его сана, но Государь не допустилъ сего. Брошюра напечатана въ 1858 г. Мы съ кн. Тенишевымъ разсуждали и обсуждали наше самодержавіе современъ Петра I. При этомъ случаѣ онъ разсказалъ слѣдующую быль: „покойный графъ Петръ Александровичъ Толстой говаривалъ своимъ друзьямъ: „какая, братецъ, притча, живешь бывало заграницею, ну и расхрабрился, и думаешь: вотъ что скажу, вотъ что сдѣлаю. Поѣдешь въ возвратный путь и станешь чувствовать себя по маленьку таме и тише. На границѣ начнетъ тебя какъ будто коробить, а переступилъ порогъ въ зимнемъ дворцѣ и *поползъ на четверенькахъ*“.

А вотъ и еще разсказъ въ другомъ родѣ, слышанный мною отъ генеральши Карловичъ. Когда она съ своимъ мужемъ, бригаднымъ командиромъ, квартировала въ г. Ригѣ, — генераль-губернаторъ Головинъ всегда давалъ балъ въ послѣдній день масляницы; танцуютъ, бѣснуются; часы начинаютъ бить полночь, является трубачъ, и при оглушительномъ трубномъ его звукѣ музыканты перестаютъ играть, танцы мигомъ прекращаются, хозяинъ раскланивается и уходитъ, а гости сѣшать развѣхаться. Головинъ такъ чтилъ начало поста, къ тому же онъ былъ ханжа и сектаторъ — ученикъ известной Татаринной.

Въ первыхъ числахъ марта, жена моя спросила возвратившуюся изъ Петербурга княгиню Горчакову, поѣдетъ ли нынѣшнею весною вдовствующая Императрица за границу? Княгиня отвѣчала, что нѣтъ и что Ея Величество объявила, что, прочитавъ въ „Колоколѣ“ осужденіе за трату денегъ при путешествіи, она ужъ болѣе не хочетъ ѣздить за границу, опасаясь новаго осужденія. Хоть набать „Колокола“ въ этомъ отношеніи принесъ пользу. — Въ самой вещи, всѣ заграничныя поѣздки вдовствующей Императрицы, сопровождались изумительною расточительностію.

6 марта возвратился князь Горчаковъ изъ Петербурга; на другой день я у него обѣдалъ; увидя меня, онъ подаль руку и сказалъ, что Государь Императоръ на назначеніе мое начальникомъ рекрутскихъ наборовъ въ Царствѣ Польскомъ изволилъ согласиться; что онъ, Горчаковъ, ожидаетъ въ скоромъ времени утвержденія проекта о тѣхъ наборахъ, и по полученіи его прикажетъ спросить меня, желаю ли я быть назначеннымъ, и тогда надобно подать на Высочайшее Имя

прошеіе о принатіи меня въ военную службу; что я буду получать, кромѣ жалованья, еще столовые по окладу бригаднаго командира т. е. 1400 руб. въ годъ и что я буду знать только его одного и имѣть дѣло съ нимъ однимъ и въ заключеніе отпустилъ мнѣ пошлый комплиментъ. — Я поклонился и ни слова не отвѣчалъ. За обѣдомъ я рассказалъ, что одной изъ русскихъ газетъ напечатано отомъ, что въ нѣкоемъ губернскомъ городѣ, помилости виннаго откупа, иногда вовсе не бываетъ въ продажѣ уксуса, а когда и есть, то отъ самаго откупа и прескверный; причеъъ я замѣтилъ, что все это происходитъ въ глазахъ губернатора. На мой рассказъ князь отвѣчалъ, *что не слѣдовало бы допускать это печатать*. Князь очень неблаговолитъ къ гласности. За этимъ же обѣдомъ я сообщилъ его сіятельству, что въ Петербургѣ составлены проекты о судоустройствѣ и судопроизводствѣ и о полиціи. Я желалъ вызвать какія либо замѣчанія, но Князь не проронилъ ни одного словечка и оставался равнодушнымъ.

Съ 1 января въ Петербургѣ издавалась польская газета: „Słowo“ (Слово); издателемъ и редакторомъ ея былъ чиновникъ полякъ Огрызко. Неизвѣстно, какими темными путями онъ достигъ вниманія Государыни Императрицы Маріи Александровны и особенно Великой Княгини Елены Павловны; разумѣется всѣ поляки, служащіе и неслужащіе, сильные и безсильные, были сторонниками этой газеты и ей покровительствовали; даже много русскихъ, а болѣе Петербургскихъ, нѣмцевъ были на сторонѣ газеты. Вышло 14 номеровъ ея, вышелъ и № 15 въ то время, когда Горчаковъ находился въ Петербургѣ. Въ этомъ номерѣ превознесенъ былъ похвалами Лелевель, и объявлялось, что этотъ ученый мужъ, пребывавшій въ Брюсселѣ, согласился снабжать своими статьями польскую газету. А какъ Лелевель былъ однимъ изъ главныхъ коноводовъ возмущенія въ 1830 году въ Варшавѣ, изъ первыхъ подписалъ актъ отрѣшенія Императора Николая отъ польскаго престола и Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ приговоренъ къ смертной казни, — что утверждено и Импер. Николаемъ, то какимъ же образомъ о подбномъ лицѣ „Слово“ разсыпалось похвалами и могло оно участвовать въ газетѣ? Близорукое Петербургское правительство спохватилось, прозрѣло, наложило на изданіе газеты запрещеніе и довело до Высочайшаго свѣдѣнія. Горчаковъ тотчасъ телеграммою предписалъ Варшавскому военному губернатору конфисковать № 15, если будетъ присланъ въ Варшаву, и подалъ мнѣніе въ Совѣтѣ министровъ Огрызко посадить на одинъ мѣсяць на гаубвахту въ Петропавловскую крѣпость, что утверждено и Императоромъ. Но для Горчакова исторія еще не кончилась; онъ узналъ, что упомянутыя выше Августѣйшія Особы недовольны имъ за его мнѣніе объ Огрызкѣ, перепугался, испросилъ у нихъ аудіенціи и успѣлъ оправдаться и претворить гнѣвъ на милость, сказавъ, что если бы и сынъ его былъ

редакторомъ и напечаталъ подобную статью, то и для него онъ подалъ бы такое же мнѣніе, т. е. посадить его въ крѣпость. По словамъ князя, благочестивѣйшая, кроткая Царица приняла благодушно приведенныя имъ причины и выслушала ихъ спокойно, но трудно было совладать съ Еленою Павловною и дѣлаемыми ею возраженіями.

Вскорѣ послѣ этой исторіи Варшавскіе литераторы и газетчики задумали совершить всенародно павихиду по недавно умершемъ заграницею знаменитомъ поэтѣ Мицкевичѣ; но какъ и онъ считался, и дѣйствительно былъ, врагъ Россіи, то Мухановъ не допустилъ исполниться этой тризнѣ.

Кажется въ одно время съ запрещеніемъ газеты „Слово“ была запрещена и русская газета „Искра“ за то, что въ напечатанной ею статьѣ объ извѣстномъ, уже покойномъ, живописцѣ Ивановѣ, выставленъ нѣкій самодуръ вельможа, который, пришедшаго къ нему артиста съ просьбою о покупкѣ ко Двору его картины, принялъ свысока, со всею надменностію временщика и упрекалъ его въ отношеніи носимой имъ бороды и усовъ. Хотя въ статьѣ и не названъ этотъ вельможа, сіяющій при Дворѣ, и въ рисунокѣ не было на немъ генеральскихъ эполетъ и тѣма-тѣмущихъ орденовъ, а одѣтъ былъ въ партикулярное платье, но лицо его и вся эта исторія ясно давала уразумѣть, что охаянный вельможа былъ А.....

Разъ, бесѣдуя съ архіепископомъ Арсеніемъ, я услышалъ отъ него, что съ отобраніемъ при Екатеринѣ II-й отъ монастырей имѣній взятъ также и все ихъ капиталы, но куда послѣдніе поступили, совершенно неизвѣстно и вовсе не видно по дѣламъ, какъ Арсенію объявилъ бывшій товарищъ министра Государственныхъ имуществъ Гамалѣя. — Куда поступили? Да въ карманы фаворитовъ Императрицы, а ихъ было таки не мало. Перечисляешь и ужасаешься: Понятовскій, Салтыковъ, Орловъ, Васильчиковъ, Новосильцевъ, Потемкинъ, Зоричъ, Корсаковъ, Завадовскій, Ланской, Мамоновъ, Ермоловъ и Зубовъ.

Жена читаетъ: *La cour de la Russie il ya cent ans 1725—1783* год. и мѣстами переводитъ мнѣ. Какой развратъ, какія злоупотребленія и беспорядки существовали при нашемъ Дворѣ; сама Великая Екатерина II, будучи Великою Княгинею, получала пенсію отъ англійскаго правительства; а бояре, вельможи, — подлець на подлець, мерзавецъ на мерзавцѣ. Надобно отнести особенному промыслу Божию, что Россія не погибла въ конецъ!

Въ одной изъ сдѣшнихъ русскихъ книжныхъ лавокъ были выставлены каррикатуры изъ Гоголевскаго „Ревизора“, печатанныя въ Петербургѣ; особенно одна замѣчательная изъ нихъ, представляющая

полицейскихъ. Хозяина лавки попросили снять каррикатуры съ окна и держать ихъ внутри лавки, и каррикатуры послѣ такого запрещенія тотчасъ были раскуплены.

Въ день рожденія Государя Императора 17 Апрѣля вышелъ указъ на имя военнаго министра о прибавкѣ жалованья отъ прапорщика до генерала включительно, равно медикамъ, аудиторамъ и проч. о назначеніи столовыхъ ротнымъ и эскадроннымъ командирамъ, объ отпускѣ деньщикамъ казеннаго одѣянiя, объ учрежденіи особой эмеритальной пенсіонной кассы и другія милости, означенныя въ томъ указѣ.

Генералъ-интендантъ арміи Мельниковъ при одномъ изъ своихъ докладовъ наговорилъ дерзости главнокомандующему князю Горчакову и получилъ отъ него приказаніе подать въ отставку, а не задолго предъ тѣмъ князь назначилъ ему въ награду изъ интендантскихъ суммъ 10 тысячъ рублей. Мельниковъ, побочный сынъ вѣскаго Беклемишева, друга Паскевича, былъ подъ особымъ покровительствомъ сего послѣдняго, за покупку для него Гомельскаго имѣнія; послѣ того былъ полковымъ командиромъ, надѣлалъ дерзости предъ фронтомъ бригадному своему командиру Шиллингу, по Высочайшему повелѣнію преданъ военному суду, разжалованъ въ рядовые, но чрезъ два мѣсяца, по ходатайству Паскевича, возвращенъ ему чинъ полковника.

Нимало не тревожась о томъ, что такъ долго замедлялось мое опредѣленіе на службу, я, съ вѣдома однако же князя, съ женою и сыномъ 23 мая отправились къ Карлсбадскимъ и Теплицкимъ водамъ и возвратились въ Варшаву 17 іюля.

По возвращеніи моемъ узналъ я, что Горчаковъ еще въ маѣ официально относился къ военному министру объ опредѣленіи меня на службу съ назначеніемъ въ испрашиваемую должность, а въ іюнѣ повторилъ о томъ же въ частномъ своемъ письмѣ.

22 іюля, по случаю тезоименитства Императрицы, въ соборѣ совершено было торжественное богослуженіе; Горчаковъ, увидѣвъ меня, подаль руку, отвелъ въ сторону и сказалъ о посланномъ своемъ письмѣ къ военному министру о скорѣйшемъ опредѣленіи меня на службу съ тѣмъ, что если Сухозанецъ встрѣчаетъ въ томъ затрудненіе, то чтобы не докладывалъ Императору, а онъ самъ Горчаковъ лично доложить, когда Его Величество въ первыхъ числахъ октября изволитъ быть въ Варшавѣ. На другой день т. е. 23 іюля, я имѣлъ честь обѣдать у князя; онъ, взявъ меня за руку, любезно извинился, что я вчера не былъ приглашенъ къ официальной его трапезѣ, — за что я несколько и не претендовалъ, и послѣ обѣда столь же любезно и неожиданно подаль мнѣ сигару. 29 же іюля князь прислалъ ко мнѣ полковника Старынкевича съ объявленіемъ, что я принять въ военную службу и

того же дня я получилъ отъ дежурнаго генерала печатный Высочайшій приказъ, подписанный 18 іюля, который гласилъ: *такой-то*, принять въ военную службу съ состояніемъ по армейской пѣхотѣ и назначеніемъ *инспекторомъ по военной переписи и набору рекрутъ въ Царствѣ Польскомъ*.

Прощай моя спокойная, безмятежная жизнь, моя блаженная лѣнь свободныя мои занятія, мое отчужденіе отъ свѣта и людей; прощай покойное, на распахну, польто, широкія безъ штрипокъ шаровары, легкая пастушеская шляпа, сапоги безъ шпоръ, зонтикъ отъ дождя и ручная палка отъ собакъ и жидовъ; прощай, прощай моя свобода и независимость дѣйствій, словъ и мысли! Я вновь на государственной службѣ, вновь закабалить себя начальству; его прихотямъ и капризамъ, дисциплинѣ, табели о рангахъ, официальнымъ молебнамъ и панихидамъ, явкамъ на выходы въ замѣкъ, встрѣчамъ и проводамъ, отдацію чести рукою къ козырьку, узкой военной одеждѣ, столь часто измѣняемой и пр. и пр. Вновь украсюсь металлическимъ колпакомъ съ государственнымъ гербомъ и бѣлымъ перомъ, позлащенными эполетами, серебряннымъ поясомъ, тупою саблею и красными штанами!

На другой день я ѣздилъ, къ Горчакову благодарить за опредѣленіе въ службу и назначеніе къ должности. — „Очень радъ, отвѣчалъ онъ, „что я сдѣлалъ пріятное и для васъ и для себя и для службы“. Я тутъ же спросилъ: въ чемъ состоитъ главная моя обязанность? „Въ томъ“, сказала онъ, „что бы не было пропусковъ по рекрутскимъ спискамъ и не мошенничали“. Легко сказать: „не мошенничали“. — Это язва хроническая, не излѣчимая, для нея нѣтъ врача!

Вскорѣ я получилъ и Высочайше утвержденное еще 3 марта „положеніе о рекрутской повинности въ Царствѣ Польскомъ и штатъ инспекторскому управленію“ на русскомъ и польскомъ языкахъ. По этому штату инспекторъ могъ быть въ генераль-майорскомъ и въ генераль-лейтенантскомъ чинахъ и ему назначалось жалованье по чину и столовыхъ по 1401 руб. въ годъ. Мнѣ забавно показалась эта единица 1; почему бы не назначить круглымъ числомъ 1400 р.? Вѣрно, однако же имѣлось какое нибудь основаніе, какой нибудь финансовой расчетъ; но какииъ соображеніемъ руководствовалось наше правительство, — когда былъ въ ходу кнутъ, — назначать 101 ударъ, а не ровно 100?

Далѣе, по штату къ инспектору назначается чиновникъ для писмоводства, писарь, 3 старшіе помощника изъ военныхъ штабъ-офицеровъ (въ чинѣ подковника или подполковника), или изъ гражданскихъ чиновниковъ VI класса и 6 младшихъ помощниковъ изъ военныхъ или гражданскихъ чиновъ VIII класса. На канцелярскіе расходы опредѣлено 300 руб. Въ матеріальномъ отношеніи штатъ

былъ довольно удовлетворителенъ; но столовыхъ инспектору назначено маловато. Князь поскупился.

Еще за долго до утверждения правилъ о рекрутскомъ наборѣ знали уже, что князь Горчаковъ хлопочетъ о назначеніи меня инспекторомъ и учрежденія особаго Управленія и потому со всѣхъ сторонъ и мужской женскій полъ, русскаго, польскаго и нѣмецкаго происхожденія, принялись осаждать меня словесными и письменными просьбами, прошениями, письмами и записками о помѣщеніи рекомендуемыхъ ими лицъ въ Инспекторское Управленіе, а между тѣмъ я и самъ не зналъ о составѣ этого управленія и не былъ еще увѣренъ, буду ли принять на службу, и какъ водится, всѣ эти личности, о коихъ просили, были выставлемы съ отличной стороны. — Но съ обнародованіемъ штата Управленія повторились и новыя явились искательства, крайне меня измучившія, и я на все махнулъ рукою и предалъ себя на волю Провидѣнія.

Заявившись организаціею моего Управленія и изученіемъ изданныхъ правилъ о рекрутской повинности, съ тѣмъ вмѣстѣ, я, по желанію князя, приступилъ къ составленію для себя инструкціи. А какъ по моей должности я входилъ въ соприкосновеніе съ комиссіею внутреннихъ дѣлъ, то однажды зашелъ къ Муханову, переговорилъ съ нимъ по нашему общему дѣлу и выслушалъ его жалобу на Горчакова за его скудость, которая будто бы поставляетъ его въ отношеніи подчиненныхъ въ непріятное положеніе, присовокупивъ, что если бы онъ, Мухановъ, не питалъ дружбы и преданности къ князю, то потребовалъ бы увольненія отъ должности главнаго директора, — чему я никакъ не вѣрилъ. Тутъ же онъ мнѣ разсказалъ, что будто бы Государь Императоръ одному родственнику Герцена, издателя „Колокола“ сказалъ: „скажите Герцену, чтобы онъ не бранилъ меня, иначе я не буду абонироваться на его газету“.

Вмѣсто Мельникова, который однако же не подалъ въ отставку, — назначенъ генераль-интендантомъ арміи генераль-лейтенантъ Синельниковъ.

На официальномъ обѣдѣ у Варшавскаго воен. губ. Панютина, 30 августа, комендантъ Александровской цитадели Ермоловъ очень худо отзывался о генералѣ Шейдеманѣ и говорилъ, что Георгія 3-й ст. онъ получилъ въ то время, когда Сухозаветъ, — у коего Шейдеманъ былъ нѣсколько лѣтъ адъютантомъ и шентуномъ, — былъ назначенъ военнымъ министромъ, — а прежде Георгіевская дума отказала ему въ этомъ крестѣ и присудила къ Владиміру 3-й ст.

8 сентября происходило торжество по случаю рожденія и совершеннолѣтія Цесаревича Николая Александровича и Намѣстникъ задалъ

балъ, на которомъ однако же мы не соблаговолили явиться. И на сей разъ ожиданія кн. Горчаковымъ фельдмаршальскаго жезла не осуществились, за то начальникъ главнаго штаба арміи, Коцебу, произведенъ въ полные генералы.

При ожидаемомъ прїездѣ Государя Императора княгиня Горчакова задумала угостить Его Величество баломъ съ ужиномъ и *живыми картинами* и для постановки послѣднихъ вызвала знатока по этой части и большого любителя, Презуса герольдіи графа Коссаковского, находившагося въ отпуску въ своемъ имѣніи Динабургскаго уѣзда.

4 октября изволилъ прибыть Императоръ; на другой день посѣтилъ соборы: православный и римско-католическій.

Корпусный командиръ Липранди, — этотъ всезнайка, — увѣрялъ меня, что на коронаціи Императоръ имѣлъ съ собою три фельдмаршальскихъ жезла: для Воронцова, Меньшикова и Горчакова, и только первый получилъ его.

Въ пребываніе Императора въ Каменецъ-Подольскій, собравшееся туда дворянство съ своими предводителями повергли къ стопамъ Его Величества слѣдующую меморію: 1) чтобы въ тамошнихъ училищахъ преподаваемъ былъ польскій языкъ; 2) чтобы во всѣхъ гражданскихъ учрежденіяхъ дѣлопроизводство было на польскомъ языкѣ; 3) чтобы всѣ судебныя и администраціонныя чины были избираемы дворянствомъ; 4) чтобы отмѣненъ былъ законъ, по коему дѣти, рождаемые родителями разныхъ исповѣданій, были крещаемы въ православіе и 5) чтобы Владимірска-Кіевскій университетъ былъ перенесенъ въ Кременецъ. Разумѣется, Императоръ съ негодованіемъ отказалъ. Это требованіе поляковъ было лишь прологомъ къ будущимъ Варшавскимъ демонстраціямъ и вооруженному мятежу.

На балѣ у Горчаковыхъ обратила на себя Царское вниманіе молоденькая и прехорошенькая бабенка, жена дряхлаго сенатора Лубенскаго и удостоилась съ Нимъ говорить. Кончивъ разговоръ, эта дама почувствовала припадокъ честолюбія и стала, ни съ того, ни съ другаго, просить о возведеніи мужа своего въ графское достоинство. Императоръ, не отвѣчая ни слова, повернулся къ ней спиною и оставилъ ее смущенною. Эта прекрасная полька послѣ смерти мужа вышла за главнаго директора Муханова.

Бромъ бала, Государь самъ изволилъ напроситься на обѣдъ къ Горчакову. Здѣсь высказалась, или выяснилась въ князѣ во всей полнотѣ его суетливость. — Не смотря на то, что Императоръ сидѣлъ за столомъ и обѣдъ еще не кончился, Горчаковъ поторопился встать, за нимъ поднялись и всѣ и самъ Государь. На вопросъ графа Киселева, почему онъ, не дождавши разноса десерта, всталъ отъ стола

и еще въ присутствіи Царя, Горчаковъ отвѣчалъ, что ему показалося, что Царю хотѣлось скорѣе кончить обѣдъ и потому онъ, Горчаковъ, и поспѣшилъ предупредить Его желаніе. — Императоръ отъ души сему смѣялся и при прощаньи поцѣловалъ у княгини руку.

Въ пребываніе здѣсь, Императоръ ѣздилъ въ Бреславль для свиданія съ роднымъ своимъ дядею, принцемъ Прусскимъ — регентомъ.

Наконецъ 15 октября Его Величество изволилъ отправиться въ Петербургъ, ниразу не посѣтивъ никакого общественнаго учрежденія, не бывъ даже и въ Александровской цитадели.

О подозрительности Импер. Александра I. Графъ Киселевъ разсказалъ княгинѣ Горчаковой бывшій съ нимъ слѣдующій случай При разводѣ, онъ, Киселевъ, и Орловъ, когда были еще флигель-адъютантами, стояли сзади поодаль отъ Государя, разговаривали о чемъ то и смѣялись; Его Величество замѣтилъ этотъ смѣхъ, подозвалъ Киселева и свазалъ: *„развѣ я не знаю, что вы смѣетесь надъ моею сутуловатостію“*. По словамъ Киселева, это замѣчаніе Императора какъ варомъ его обварило и онъ хотѣлъ бы въ ту минуту провалиться сквозь землю. Между тѣмъ у нихъ и въ помышленіи не было смѣяться надъ царскою сутуловатостію.

Разсказывали за достовѣрное, что архіепископъ Арсеній, ожидая посѣщенія Императоромъ Почаевской Лавры, располагалъ встрѣтить Его, въ случаѣ пріѣзда ночью, съ рюмкою шампанскаго въ рукѣ, но, по совѣщаніи съ Лаврскою братією, отмѣнилъ мудрое свое намѣреніе. Не хотѣлъ ли онъ подражать Теофану Прокоповичу, встрѣтившему во время пирушки Петра Великаго съ рюмкою вина въ рукѣ и съ возгласомъ: *„се женихъ грядетъ во полунощи“* и пр.? — Тотъ же Арсеній здѣсь, въ Варшавѣ, при представленіи къ Государю, подалъ Ему записку о томъ, что католическое духовенство Царства обращаетъ уніатовъ въ католицизмъ; но Владыкѣ замѣтили, что ему слѣдовало обратиться къ намѣстнику Царства.

Генеральный военныхъ судъ, подъ предсѣдательствомъ Муравьева-Карскаго, надъ Затлеромъ конченъ и онъ приговоренъ къ разжалованію въ рядовые; но Императоръ по милосердію своему повелѣлъ только исключить его изъ службъ.

„Со свѣтомъ Мишка распрощался
Въ берлогу теплую забрался,
И лапу съ медомъ тамъ сосетъ,
Да у моря погоды ждетъ“.

И дождался! Спустя 4—5 лѣтъ, по ходатайству графа Берга,

Затерть, какъ будто очищенъ отъ преступленій и назначенъ пену-
жный ему пенсіонъ!

Князь Барятинскій произведенъ въ генераль-фельдмаршалы „за
важныя заслуги, оказанныя имъ Престолу и Отечеству съ самаго на-
чала принятія предводительства надъ войсками Кавказской арміи“.
Такъ сказано въ Высочайшемъ приказѣ. Князь Горчаковъ принялъ
это извѣстіе молча, съ болѣзненной улыбкою, но его супруга — рветъ
и мечетъ и на чемъ свѣтъ стоитъ честить виновника награды; кро-
вавою обидою для себя считаетъ это производство. Безумно — често-
любивая баба! Тѣмъ болѣе она неистовствуетъ, что прочитала въ газетѣ
Nord корреспонденцію изъ Петербурга, что князь Барятинскій назна-
чается намѣстникомъ въ Царство Польское, а князь Горчаковъ по-
лучаетъ мѣсто въ Россіи соотвѣтственное нынѣ имъ занимаемому. Все
это чистый вздоръ!

Заклѣчу 1859 годъ словами изъ моего дневника:

„Чѣмъ болѣе размышляю о томъ инспекторствѣ и созданномъ
Управленіи, чѣмъ болѣе разбираю, что называется по косточкамъ, о
моихъ и помощниковъ моихъ обязанностяхъ и занятіяхъ, тѣмъ болѣе
убѣждаюсь въ грязности, (?) безтолковости и совершенной бесполезности
моего инспекторства и его жалкаго Управленія“.

1860 годъ.

Первый день высокоснаго года встрѣтилъ я какъ начальникъ, власть
имушій и принялъ почтительныя поздравленія отъ чиновъ моего едва
народившагося Управленія, а съ тѣмъ вмѣстѣ одному изъ нихъ вольно-
любившему капитану сдѣлалъ „репремантъ“ за то, что онъ стоялъ
съ отставленною въ сторону ногою и засунутою рукою въ карманъ
своихъ штановъ. На дисциплинѣ зиждется порядокъ; дисциплина
прежде всего. — Потомъ я самъ сталъ нырять къ начальству съ по-
добающими поклонами и за усталостію не былъ на балѣ у кн. Гор-
чакова.

Распространенъ слухъ, и я самъ слышалъ отъ двухъ генераловъ, —
изъ коихъ одинъ носилъ голубой мундиръ, — что будто бы въ Петер-
бургѣ между гвардейскими офицерами составилось общество, для
испрошенія у Государа Императора для Россіи конституціи, и что для
уничтоженія этого общества вызванъ фельдмаршалъ князь Барятинскій.
Откуда могутъ подобныя нелѣпости? Но я убѣжденъ, главные выдум-
щики — поляки; это ихъ прирожденное ремесло.

Въ одномъ изъ номеровъ Герценовской газеты „Колоколь“ за 1858 годъ напечатано слѣдующее о князѣ Горчаковѣ: „Изъ сильныхъ, но нечистыхъ рукъ Паскевича управление перешло къ Михаилу Горчакову, тяжелому, скучному, чловѣку честному, но бездарному и выжившему изъ ума. Вѣчно занятый мелочами, Горч..... заваливаетъ себя пустыми бумагами и за множествомъ дѣлъ не можетъ добраться до дѣла, предоставляя собственно управление Муханову.—Почетитель Варшавскаго округа вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдываетъ внутренними и духовными дѣлами.—Учебныя заведенія, цензура, почты, театры, дороги все находится подъ его начальствомъ“. —Много не пререкаемой правды въ этой статьѣ.

По обязанности моей службы я былъ съ визитомъ у статсъ-секретаря Администраціоннаго Совѣта Карницкаго, который между прочимъ мнѣ сказалъ, что Государь Императоръ въ письмѣ къ Горчакову увѣдомилъ его, что рекрутскаго набора на сей годъ не будетъ, — чему я отъ души порадовался.

Родная сестра генерала Копьева, созданіе вѣтренное, легкомысленное, рассказываетъ о самой себѣ слѣдующее: еще въ царствованіе Николая, будучи въ маскарадѣ, гдѣ находилась и вся Августѣйшая фамилія, она стала разсуждать о томъ, почему бы Великую Княжну Ольгу Николаевну не выдать замужъ за князя Барятинскаго, тогда какъ В. К. Марью Николаевну выдали же за Герцога Лейхтенбергскаго, а происхожденіе перваго, ни чѣмъ не ниже послѣдняго. — На другой же день эту болтунью, не прошенную сваху, пригласили въ III отдѣленіе къ генер. Дубельту, который высказалъ ей все неприличіе вчерашняго ея разсужденія; — затѣмъ топнулъ ногою, опуская дверь съ стоявшею на ней грѣшницею опустила и она получила розги. И по дѣломъ, если только это справедливо. При Екатеринѣ II Шешковскій подобное сѣченіе дамъ совершалъ рано утромъ, когда онѣ были въ постели.

Издано новое преобразование цензуры; членами Главнаго Управленія назначены три военные генерала, изъ коихъ одинъ отъявленный ретроградъ — жандармъ Тимашевъ; каждому опредѣлено по 4 тысячи рублей содержанія въ годъ. — Задавать нашу едва народившуюся гласность и всякую благую мысль на пользу Россіи!

6 февраля удостоился обѣдать у Горчакова въ избранномъ обществѣ; были Варш. военный губернаторъ, начальникъ Главнаго Штаба арміи, гражданскіе губернаторы, губернскіе предводители дворянства, главные директоры правительственныхъ комиссій и статсъ-секретарь Совѣта Управленія; изъ дамъ были хозяйка и ея дочь.

Князь Горчаковъ въ разговорахъ съ своею женою, которая и спитъ видитъ, какъ бы дочь свою выдать за *богатаго* русскаго князя или

помѣщика, сказалъ ей, что дворянство, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, ничѣмъ неспособно заняться. Едва ли мнѣніе не несправедливо.

Оберъ-прокуроръ сената Енохъ, крови израильской, дѣятельный и хитрый, какъ всѣ дѣти народа Божія, подбился къ князю и находится у него въ велицей милости. Отъ Горчакова онъ представленъ дѣ дѣйст. стат. совѣтники и, получивъ телеграмму о производствѣ его, поспѣшили поздравить запискою, назвавъ его: *Мотшеръ ами.*

Въ мартѣ мѣсяцѣ въ Варшавѣ учредилось Варшавско-Общественное Собраніе, преимущественно для военно-служащихъ, съ цѣлю прпровожденія свободнаго времени *въ пристойныхъ разговорахъ*, дозволенныхъ играхъ, чтеній книгъ и періодическихъ изданій, какъ гласитъ уставъ. И я подписался въ члены и внесъ 40 руб. Учредители въ проектѣ устава наименовали было его *клубомъ*, но Горчаковъ вычеркнулъ это страшное для него слово и замѣнилъ словомъ „Собраніе“.

Того же мѣсяца я отъ князя Горчакова получилъ такого рода повелѣніе, что какъ членъ Полеваго Аудиторіата генер.-лейт. Багго, вѣтъ уволенъ въ годовой отпускъ, а въ настоящемъ году не предвидится набора рекрутъ въ Царствѣ и занятія по занимаемой мною должности еще не могутъ быть значительны, то сверхъ этихъ занятій чтобы я исполнялъ должность и члена Полеваго Аудиторіата. Я былъ очень радъ такому назначенію, освобождаясь отъ томительной недѣятельности.

Въ этомъ же мѣсяцѣ, Императоръ, подобно какъ въ минувшемъ году, разрѣшилъ изъ резервнаго капитала отчислить 100.000 руб. на пособіе семейнымъ чиновникамъ, получающимъ жалованья въ Варшавѣ не свыше 450, а въ провинція не свыше 300 руб.—При разверткѣ этой суммы и моему Инспекторскому Управленію досталось получить 65 руб., кои я и подѣлилъ между дѣлопроизводителями и писаремъ.

Князь Горчаковъ снаряжается въ Питеръ съ отчетами и разными проектами по устройству арміи и Царству Польскому, и потому онъ находится въ возбужденномъ состояніи: ходя по комнатѣ изъ угла въ уголь, онъ шепчетъ, разговариваетъ и машетъ руками; но словами княгини, это наводитъ на нее ужасъ. Я успокоилъ ее, разъяснивъ, что это напряженіе ума, занятаго дѣлами, нисколько не опасно и пр. и пр. Черезъ нѣсколько дней потомъ, именно 17 марта, князь отправился въ Петербургъ.

Въ день пасхи Горчаковъ получилъ въ даръ отъ Императора какія то двѣ драгоценныя вазы — совершенно для него ненужныя и беспо-

лезныя, прибавку къ получаемому намѣстническому содержанію изъ доходовъ Царства 30 тыс. руб. еще 20 тыс. руб. Это не дурно, но сіательная крайне недовольна.

Нѣмецкія газеты протрубили о какомъ то заговорѣ противу Императора, что хотѣли его убить и стрѣляли, но только тяжело ранили; простой случай обратили въ ужасный, изъ мухи сдѣлали слона. Дѣло вотъ въ чемъ: на охотѣ флигель-адъютантъ князь Горчаковъ стрѣлялъ изъ ружья дробью и по несчастной осторожности угодилъ нѣсколькими дробинами въ эполеты Царя, и никакой раны не было.

Въ отсутствіи князя получена была на имя его отъ военнаго министра такого содержанія бумага, что изъ медицинской академіи и другихъ заведеній выпущено много молодыхъ людей въ медики, и вакансій нѣтъ и они остаются безъ мѣстъ и все получили образованіе соотвѣтственно современной наукѣ, а потому Императоръ, желая доставить имъ должности въ войскахъ, предложилъ всѣхъ медиковъ, выслужившихъ 35 и болѣе лѣтъ и *сльд.* имѣющихъ право на полныя пенсіи, уволить отъ службы, но предварительно желаетъ знать мнѣніе его, — князя Горчакова, какъ главнокомандующаго арміею. Идея Императора полезна; въ самой вещи, изъ числа военныхъ медиковъ есть много старыхъ и дряхлыхъ и, еще болѣе, прежняго образованія, не слѣдившихъ за наукою.

1 мая, въ полной парадной формѣ военщина представлялась въ Бельведерѣ Горчакову, приносила поздравленіе съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ Петербурга и потомъ была у обѣдни въ Лазенковской придворной церкви. Князь, улучивъ время, обѣщалъ черезъ двѣ недѣли отдать долгъ 1800 руб. занятыя у меня его женою, или предоставить въ мою собственность отданные мнѣ вчера три билета штиглицкаго займа. Старикъ обезденежился валичностью.

Прочиталъ брошюру Шипова „Россія и Польша, связь ихъ и взаимныя отношенія“. Весьма дѣльная брошюра; но ручаюсь головою, она не отучитъ поляковъ отъ ихъ безразсудныхъ *мечтаній*.

Генераль Липранди раскалъ мнѣ причину удаленія отъ должности бывшаго Московскаго генераль-губернатора графа Закревскаго. Онъ замужней своей дочери, графинѣ Нессельродъ далъ письменное разрѣшеніе выдти замужъ за нѣкоего Смоленскаго князя Друцкаго-Соколинскаго, съ которымъ она съ давнихъ поръ была въ связи, а Смоленскій архіерей, соблазненный 10 тыс. руб. тоже съ своей стороны благословилъ на этотъ бракъ. — Но Императоръ Николай иначе посмотрѣлъ на этотъ скандалъ и Закревскій и святыи владыка слетѣли съ своихъ мѣстъ. Отвѣтственность за правду лежитъ на Липранди.

30 мая происходило погребеніе 85 лѣтней вдовы Совинской, жены

бывшихъ польскихъ войскъ полковника и директора военной анцикаціонной школы, во время штурма 1831 года Варшавы защищавшаго Вольское укрѣпленіе (гдѣ нынѣ устроено православное кладбище) и убитаго въ тамошнемъ костелѣ, обращенномъ потомъ въ церковь.— Покойница была ярою патриоткою и утѣшительницею заграницу бѣжавшихъ поляковъ, собирая для нихъ деньги,— но угованилась послѣ угрозы Паскевича запрятать ее въ монастырь. Гробъ сопровождался безчисленнымъ множествомъ народа и значительныхъ лицъ,— особенно много было учениковъ учебныхъ заведеній; послѣ опущенія гроба въ могилу евангелическаго кладбища (она была протестантка) школьная молодежь отправилась на за версту отстоящее православное кладбище, ворвалась туда силою, ходила и бѣгала по могиламъ, наругалась надъ нѣкоторыми „здѣ лежащими“, оскорбила священника уговаривавшаго ихъ оставить „Божію ниву“, нарвала охапку цвѣтовъ съ могилъ, которыми послѣднія были украшены, возвратилась на евангелическое кладбище; возложила эти цвѣты на могилу Совинской и съ шумомъ и гамомъ вошла въ Варшаву. Очевидно, эта дебошъ была политическая; Горчаковъ перепугался, приказалъ произвести слѣдствіе, которое однако же по вліянію Муханова кончилось ничѣмъ, назвавъ ее „ученическою шалостію“.

16 іюня въ 5¹/₂ часовъ утра все генеральство, въ Варшавѣ почующее, въ полной формѣ собралось на дебаркадеръ желѣзной дороги и раскланялось съ княземъ Горчаковымъ, отбѣзжавшимъ заграницу къ водамъ. Его сіятельство даже и не поблагодарилъ за сдѣланную нами рабскую вѣжливость.— Эти встрѣчи и проводы составляютъ для меня истинную пытку.

Разсказываютъ, что Сухозанецъ при назначеніи его военнымъ министромъ требовалъ совѣта у генерала Ермолова: принять или не принять это званіе? Ермоловъ будто бы, подумавши, отвѣчалъ: „*принимай, братецъ, а то еще худшаго назначатъ*“.— Зло!

29 іюня по приглашенію Муханова былъ у него на имянинномъ пирогѣ и обѣдѣ; всего находилось 14 человекъ и въ томъ числѣ начальникъ медицинской академіи (будущій лейбъ-медикъ) Цициринъ. Это была личность образованная и *не въ мѣру* предъ начальствомъ похлебствующая, такъ, напр., на этомъ обѣдѣ онъ просилъ позволенія у Муханова дать его собачкѣ крылышко цыпленка. Сверхъ того, онъ былъ извѣстенъ за хвостуна и лжеца.

Въ августѣ мѣсяцъ Варшавскій архіепископъ Арсеній произведенъ въ Кіевскіе митрополиты; послѣ обѣдни сказалъ своей паствѣ прощальную длянную рѣчь по тетрадкѣ; вмѣсто его въ Варшавскую епархію назначенъ Саратовскій владыка Іоанникій.— Доселѣ богатая Почаевская лавра состояла въ полной зависимости Варшавскихъ епис-

коновъ, которые потому и пользовались значительными отъ нея доходами; теперь же она отошла къ Волынскому епархіату; Арсеній зналъ это и, не смотря на то, при своемъ отъѣздѣ посвятилъ въ архимандриты Лавры здѣшнее лицо.

Въ полевомъ аудиторіатѣ слушали дѣло объ одномъ солдатѣ-грабителѣ; оно замѣчательно тѣмъ, что этотъ преступникъ, при его обыскѣ, проглотилъ два полуймперіала разомъ.

3 сентября князь Горчаковъ и со всѣмъ своимъ семействомъ возвратился изъ заграницы и на другой день мы являлись съ поздравленіемъ. — Княгиня жаловалась мнѣ на Цибурина за совѣтъ ея мужу пользоваться водами Виши; князь это и исполнилъ, но получилъ отъ воды какую то внутреннюю болѣзнь. Не она ли въ маѣ 1861 года свела его въ могилу?

Прибылъ и архіепископъ Іоанникій; лицо доброе и кроткое; послѣ перваго его богослуженія мы были у него на завтракъ; онъ пріѣзжалъ и къ намъ съ визитомъ; меня не было дома и жена моя приняла и была обворожена имъ. Іоанникій (получилъ?) отъ синодскаго обер-прокурора письмо, предупреждавшее его о не совсѣмъ приличномъ поведеніи Варшавскаго духовенства, особенно соборнаго протоіерея Новицкаго. Въ самой вещи, этотъ святой отецъ ведетъ себя какъ язычникъ.

Послѣ ропота въ минувшихъ годахъ на недостаточность разнѣной мелкой монеты, нынѣшняго года въ обращеніи появилось множество *пятироковъ* и *десятоковъ*, т. е. 5 и 10 грошевиковъ мѣдныхъ — высеребрянныхъ съ штемпелемъ 1840 года. Меня удивилъ этотъ давно прошедшій годъ и столь поздній выпускъ, но мнѣ объяснили, что здѣшній монетный дворъ давно уже не дѣйствуетъ, но что, по недостаточности разнѣной монеты, Варшавское правительство испрашивало разрѣшенія у Петербургскаго о выбитіи тѣхъ пятерокъ и десятоковъ на здѣшнемъ бывшемъ монетномъ дворѣ на миллионъ золотыхъ и оно дозволило, но съ тѣмъ, чтобы штемпель на нихъ выбить былъ 1840, а не 1859 годъ. Когда послѣдовало разрѣшеніе, эти новенькія, что называется съ иглочки, монетки, величипою въ наши серебрянные пятачки и гривенники, красивы и удобны для кошельковъ; въ послѣдствіи Петербургъ сталъ высылать сюда свою россійскую тяжело-увѣсно-уродливую мѣдную монету, годную только для крестьянскихъ кошель.

Мухановъ, — этотъ 60 лѣтній старецъ, задумалъ жениться на 23 лѣтней вдовѣ Лубенской, той самой, которая, какъ въ своемъ мѣстѣ было сказано, просила Императора на балѣ пожаловать мужа ея сенатора въ графы. — Сколько княгиня Горчакова ни убѣждала Му-

ханова не дѣлать сего, — все было напрасно; когда же она о томъ свѣсному мужу объявила, первыя слова князя были: „онъ пропалъ для меня!“ а потомъ: „если ужъ старикъ влюбится, то самъ дьяволь не разувѣритъ его, что онъ дѣлаетъ худо“. Черезъ дня три самъ князь говорилъ о томъ же съ Мухановымъ, но безъ успѣха; когда же замѣтили, что онъ чрезъ свою женитбу можетъ потерять мѣсто, а Мухановъ, потупя глаза, отвѣчалъ: „да будетъ, что угодно Богу“, тогда Горчаковъ сказалъ: „почтеннѣйшій, если бы вы исполняли свой долгъ, то ваши слова были бы хороши; а какъ вы пускаетесь на глупость, въ такомъ случаѣ они неумѣстны. Но не смотря на это и продолжавшіяся другія препятствія со стороны князя, равно и католическаго духовенства, отказавшагося, въ силу какой то тайной папскѣй бревны, вѣнчать православнаго Муханова съ католичкою Лубенскою, — цѣль Мухановымъ достигнута, бракъ совершенъ вѣнчаніемъ въ одной только православной церкви и я былъ свидѣтелемъ и подписалъ вѣнчальный актъ.

Но случаю ожидаемаго посѣщенія Варшавы Императора и иностранныхъ гостей, дѣлаются распоряженія о размѣщеніи сихъ послѣднихъ. Вместе съ тѣмъ потребованы въ Варшаву командиры полковъ гренадерскаго австрійскаго Императора Франца Іосифа и пѣхотнаго принца Прусскаго, — для представленія ими своихъ ординарцевъ ожидаемыхъ сюда Императору Австрійску и регенту принцу Прусскому. Приглашеніе Франца Іосифа въ Варшаву осуждается военными.

Въ бесѣдѣ князя Горчакова съ моею женою 27 сентября о ззорномъ поведеніи своего сына, онъ высказалъ убѣжденіе, что онъ, Горчаковъ, *не проживетъ больше года*. При такомъ убѣжденіи, менѣе ретивый оставилъ бы службу и искалъ покоя за границею, но не таковъ былъ князь, онъ трудился до истощенія силъ, до предсмертнаго обморока, что и случилось съ нимъ чрезъ 7 съ небольшимъ мѣсяцевъ.

Кто то сказалъ: „чуждое государство Русское! Народъ представилъ полное право своимъ царямъ издавать законы; но чиновничья раса присоединила *условіе*, исполнять ихъ или не исполнять, смотря по обстоятельствамъ, — что и дѣлается въ Россіи“. Не въ силу ли этого пагубнаго условія министръ финансовъ въ прошломъ 1859 г. въ тихомолку выпустилъ въ народное обращеніе 100.000.000 рублей кредитными билетами, какъ видно изъ рѣчи его, произнесенной имъ сего года въ засѣданіи совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій. 100 мил. въ одинъ годъ! Да такая цифра, еще разъ повторенная въ выпускѣ, поведетъ государство прямо къ банкротству! — Эта рѣчь еще замѣчательна его же жалобою *на растрапу огромныхъ суммъ за границею нашими соотечественниками*. — Да, это

хроническая язва нашихъ милыхъ Россовъ, которая, если не совсѣмъ изцѣлится, то пооблегчится отъ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостнаго ига.

Пріѣхалъ и князь Горчаковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ; при свиданіи съ княгинею Горчаковою онъ сказалъ ей въ шуточномъ тонѣ: „я какъ Христосъ долженъ спасти Россію“, — намекая симъ на сѣвѣдъ вѣнценосцевъ и на ожидаемыя переговоры.

Наконецъ, въ 4 часа по полудни 8 октября изволилъ прибыть Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ престола, Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, и остановился въ Бельведерскомъ дворцѣ, бывъ встрѣченъ всѣмъ генералитетомъ.

Въ 10¹/₄ часа утра 9 октября пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ заграницы регентъ Прусскій принцъ (нынѣшній Императоръ Германскій). — На дебаркадерѣ встрѣтилъ Его Высочество племянникъ Его, Государь Императоръ окруженный сотнею военныхъ лицъ и, сѣвъ съ нимъ и Цесаревичемъ въ экипажъ, отправился въ Бельведеръ, а генеральство послѣдшило въ Лазенковскій дворецъ, гдѣ князь Горчаковъ представилъ послѣ обѣдни Цесаревичу первостепенныхъ гражданскихъ лицъ и всѣхъ генераловъ. — На мою долю достался обыкновенный отъ Наслѣдника вопросъ: „давно ли вы въ этой должности“? Его Высочество былъ въ уланскомъ мундирѣ; онъ прекрасный юноша, еще не сложившійся; за нимъ, по пятамъ слѣдовалъ попечитель его графъ Строгановъ, съ костылемъ въ рукѣ.

10 октября такая же церемоніальная встрѣча была и Австрійскому Императору, отвезенному Царемъ изъ баркадера въ Лазенковскій дворецъ. Съ Австріакомъ пріѣхалъ и его министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Рербергъ. — Достоверно, что Государь вовсе не имѣлъ намѣренія видѣться съ Австрійскимъ Императоромъ, памятуя враждебность его политики противу Россіи, но Австріакъ и его коварное министерство искало и желало сего свиданія и достигло своей цѣли побочными путями и тогда Царь долженъ былъ пригласить и регента принца Прусскаго.

11 октября у Горчаковыхъ балъ и ужинъ на 400 персонъ. — Я долго всматривался въ лицо австрійскаго Кесаря и нашелъ въ немъ нѣчто коварное, іезуитское, предательское; графиня Нессельродъ преслѣдовала безъ застѣнчивости Гаусбурга, хотя она была уже не первой молодости. — Министръ, графъ Рербергъ, имѣлъ фizioномію отталкивающую. — Нашъ благодушный Императоръ мало занимался его Апостолическимъ Величествомъ; но много и тихо на сторонѣ говорилъ сперва съ роднымъ братомъ своей Августѣйшей супруги, принцемъ Александромъ Гессенъ-Дармштатскимъ, а потомъ, — прямо

перейдя отъ него, — съ министромъ княземъ Горчаковымъ. — Изъ разговоровъ съ этими двумя особами нѣкоторые поодаль стоявшія лица слышали только слѣдующія слова, произнесенныя Государемъ къ Горчакову, возвысивши голосъ: „я имъ нѣсколько разъ намекалъ“. Кому и о чемъ? осталось не разъясненнымъ. — Бальные политики полагали, что эти слова относились до политики и союза съ Австрійцами. Можетъ быть, — да, — а можетъ быть — и нѣтъ.

На 14 октября въ 4¹/₂ часа по полудни назначенъ обѣдъ въ замкѣ, на 300 особъ; къ этому Высочайшему столу еще наканунѣ были разосланы приглашенія; но ночью Государь изъ Петербурга получилъ телеграмму о томъ, что вдовствующая Императрица, Его родительница, умираетъ и Августѣйшій Ея сынъ съ Наслѣдникомъ престола, въ 2 часа по полудни, отправился въ Петербургъ, а за нимъ разъѣхались и всѣ заграничные гости, и обѣдъ не состоялся.

Не состоялась такъ же и по той же причинѣ и приготовленная для гостей въ Скерневицахъ охота. Эта охота имѣла памятна изрѣченіемъ циническимъ сенатора графа Толстаго. Когда его приглашали на охоту, онъ отказался, сказавъ: „вотъ, если бы охота была на Императоровъ, я бы поѣхалъ за тѣмъ, чтобы подстрѣлить или наповаль убить Австріака“. — Подобное чувство ненависти къ Австріаку существовало не у одного Толстаго.

Министръ, князь Горчаковъ, въ разговорѣ съ княгиней Горчаковою о бывшихъ переговорахъ съ австрійцами, сказалъ ей; „надѣюсь, что Россія будетъ мною довольна; жаль только, что у меня, въ присутствіи двухъ Императоровъ, болѣло горло и я не могъ свободно и громко говорить, какъ бы хотѣлось“.

Говорили, что въ послѣдній день переговоровъ министръ Рербергъ 6 разъ приходилъ къ нашему Императору, а въ 7 Его Величество не принялъ его и что министръ, князь Горчаковъ при одномъ случаѣ кому то сказалъ: „я какъ гладиаторъ, вымазанный масломъ для борьбы, всевозможными средствами старался выскользнуть изъ рукъ“.

Въ день пріѣзда Франца Іосифа въ Варшаву разбросаны были по улицамъ ругательные памфлеты на его милость; а въ день переѣзда его изъ Лазенковского дворца на баркадеръ, въ толпѣ парада слышны были *въ честь* его же свистки.

Получена изъ Петербурга телеграмма о кончинѣ вдовствующей Императрицы 20 октября въ 8¹/₂ часовъ утра, а 22 числа совершена здѣсь въ православномъ соборѣ торжественно-официальная панихида, при стеченіи многочисленныхъ чиновъ: военныхъ и гражданскихъ, и теменѣ многихъ дамъ; всѣ были въ траурѣ глубокомъ. — Замѣчательна скупость княгини, выразившаяся при этомъ печальномъ случаѣ;

она бюстъ покойной Императрицы, стоявшій въ замѣкъ на виду всѣхъ, покрыла своимъ чернымъ истасканнымъ вуалемъ: я бы и не обратилъ на это вниманія, по мнѣ указалъ на пенриличную сію покрывшу генераль-интендантъ Синельниковъ, формалистъ и строгій сторонникъ всѣхъ родовъ приличій.

17 ноября вечеромъ и всю ночь полиція была на ногахъ и въ движеніи и заставляла дворниковъ преждевременно затворять и запираить въ домахъ ворота. — Эта предосторожность сдѣлана изъ опасенія, чтобы поляки, памятуя о 17 ноября 1830 года, въ которое они произвели въ Варшавѣ возмущеніе, — не покусились на то же и теперь. Но подобная мѣра, никогда прежде не бывавшая, по моему мнѣнію, лишь унижала правительство и доказывала его безсиліе.

Почти въ то же время дочь генерала графа Нессельроде г-жа Калляржіа, гостившая у своего дяли канцлера, писала къ своему отцу въ Варшаву, что Россія стоитъ *на вулканѣ* и ожидаетъ страшнаго варыва, что множество въ Петербургѣ *красныхъ*, къ которымъ принадлежатъ и оба зятя канцлера, Титовъ и Хреbtовичъ; что въ Петербургѣ существуетъ непонятное свободо-мысліе: — что думаютъ, то и говорятъ и печатаютъ и пр. Этотъ упоминаемый взрывъ, да еще и страшный, думали видѣть отъ сближавшагося объявленія о свободѣ крестьянъ.

3 декабря, обѣдая у Горчаковыхъ, я видѣлъ князя въ тревожномъ положеніи; онъ едва прикасался къ блюдамъ, шепталъ и бормоталъ себѣ подъ — носъ, водилъ рукою по лицу, клалъ голову на руку и не разъ принимался читать лежавшую предъ нимъ записку. — Все безмолствовало. — Встали изъ — за стола, князь взялъ руку своей супруги и всѣ мы за ними вошли въ гостинную, гдѣ намъ подали кофе; но сіятельные супруги отдалились отъ насъ, сѣли въ уголъ, и говорили и разсуждали довольно долго съ жестикуляціями и передавалъ изъ рукъ въ руки записку; потомъ князь всталъ и отправился въ кабинетъ, мимоходомъ приказавъ дежурному адъютанту тотчасъ послать за Мухановымъ, а затѣмъ и мы всѣ разошлись, не понимая въ чемъ дѣло. Только на третій день княгиня объяснила мнѣ причину суматохи; князь, идя къ столу, получилъ отъ генераль-губернатора Папютила секретную записку, заключавшуюся въ томъ, что вчера, при разыгрываніи аматерами — поляками піесы подъ названіемъ „Поэтъ“ въ пользу бѣлыхъ, игравшій эту роль молодой графъ Коссаковскій, воспитанникъ іезуитовъ, вздумалъ отъ себя сказать, что здѣшняя цензура вымарываетъ статьи въ иностранныхъ газетахъ, здѣсь получаемыхъ, и шляхетная публика наградила взрывомъ рукоплесканій графа за его смѣлость. — Эта-та вздорная исторія и была причиною смущенія и растерянности Горчакова. Она кончилась при-

звонъ графа къ князю и замѣчаніемъ, ему сдѣланнымъ, о неприличіи его постука.

Вмѣсто Аничкова, этого увальня, любившаго повѣжиться, поспать и покушать, назначенъ въ Варшаву оберъ-полицеймейстеромъ жандармскаго корпуса полковникъ Треновъ, будущій знаменитый С.-Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ.

Вскорѣ послѣ женитьбы Муханова появилась въ обращеніи карикатура, представлявшая погребеніе Муханова; за гробомъ шествуетъ 21-лѣтняя его вдова, а за нею на костыляхъ, столь же старыя, какъ и умершій, его кандидаты — Фондуклей и Ленскій.

Разсказываютъ, что Государь Императоръ, будучи недоволенъ своимъ министромъ финансовъ, предложилъ это мѣсто генералу Чевкину. Умный горбунъ отвѣчалъ, „что министръ финансовъ долженъ быть или гений или дуракъ, а онъ, Чевкинъ, не считаетъ себя ни тѣмъ, ни другимъ“.

Заключимъ этотъ высокосный годъ изложеніемъ знаменій, показывавшихъ тревожно-болѣзненное состояніе Варшавы и близкое наступленіе открытыхъ беспорядковъ и возмущенія, сперва въ городѣ, а потомъ и въ провинціяхъ Царства Польскаго. Они состояли:

- 1) Въ посрамленіи православнаго кладбища при погребеніи Савинской, о чемъ изложено выше.
- 2) Въ разбрасываніи въ театрѣ вонючихъ снадобій въ присутствіи двухъ Императоровъ.
- 3) Въ появленіи на головахъ поляковъ конфедератовъ.
- 4) Въ битвѣ ночью стѣколъ въ домахъ, гдѣ жили русскіе.
- 5) Въ осмотрѣ 16 декабря кн. Горчаковымъ войскъ, разставленныхъ по улицамъ Варшавы для того, чтобы обыватели видѣли нашу силу.
- 6) Въ увѣренности черни о наступающей революціи. Такъ, когда я 27 декабря проходилъ мимо сберегательной кассы и увидѣлъ толпы народа, пришедшія за своими вкладами, и спросилъ: зачѣмъ берутъ деньги?—Мнѣ отвѣчали: будетъ революція.—Объ этой сценѣ я доложилъ князю и онъ только покачалъ головою; но за нѣсколько передъ тѣмъ часовъ, Горчаковъ совѣтовался съ Мухановымъ объ усиленіи гарнизона.
- 7) Въ вопросѣ князя у коменданта Александровской цитадели, Ермолова: все ли у него исправно въ крѣпости и достаточно ли соли?
- 8) Въ полномъ убѣжденіи Горчаковыхъ о близкомъ возмущеніи въ городѣ.

1861 годъ.

По принятому порядку въ первый день новаго года кланялись въ замкѣ, молились въ соборѣ, позавтракали у владыки и разошлись и развѣхались, каждый куда захотѣлъ, до бала у Горчаковыхъ.

Переданъ Австрію и привезенъ въ цитадель отставной изъ Ольвiопольскаго уланскаго полка полякъ Янковскій, обвиняемый зачинщикомъ всѣхъ безпорядковъ, здѣсь происшедшихъ и продолжающихся; ожидаютъ открытія имъ всѣхъ замысловъ эмигрантовъ на Царство Польское.

Стали носить булавки съ гербомъ приснопамятнаго королевства Польскаго, т. е. съ бѣлымъ орломъ, а одинъ молодой полякъ, бывшій изъ Парижа, вздумалъ въ общественный маскарадъ явиться въ одеждѣ невольника съ цѣпами на рукахъ и ногахъ и въ окровавленной маскѣ. Его тотчасъ вывели и посадили въ кутузку.

И Варшавскій комендантъ Тутчекъ, по доброй волѣ, оставилъ службу и произведенъ въ полные генералы. Онъ просилъ 4 т. десятинъ земли въ Самарской губерніи, но Императоръ отказалъ; за то получилъ двойную пенсію противъ того, что ему слѣдовало по закону. Въ должность же коменданта назначенъ, къ удивленію многихъ, генералъ-лейтен. Мельниковъ.

Князь Орловъ, при великолѣпномъ рескриптѣ, за болѣзнь, получилъ увольненіе отъ всѣхъ должностей, но никто не назначенъ вмѣсто него предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Петербургскіе заграничныхъ газетъ корреспонденты давнымъ давно, по слухамъ, назначали на это мѣсто намѣстника Царства, что тревожило и смущало князя Горчакова, а теперь и еще болѣе. Въ № 2 русской газеты „*Будущность*“, издаваемой за границей бѣглецомъ, — княземъ Долгоруковымъ, говорится, что люди образованные и патріоты желаютъ видѣть предсѣдателемъ Великаго Князя Константина, самодуры — графа Панина, а царская дворня — стараго графа Адлерберга

14 января князь Горчаковъ, въ интимныхъ разговорахъ съ своею супругою, сказалъ ей, что при предстоящей поѣздкѣ въ Петербургъ онъ будетъ просить соизволенія Императора по минованіи одного года оставить службу по причинѣ преклонности лѣтъ и чувствуемаго имъ утомленія; съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ просить о награжденіи его полнымъ двухгодичнымъ содержаніемъ и потомъ отправится за границу *на всегда*. Человѣческіе расчеты не всегда исполняются: часы князя были уже сочтены.

Удаленъ отъ должностей начальника тайной полиціи и предсѣдателя слѣдственной генер.-маіоръ маркизь Паулучи, за его лѣность и

бездѣтельность. — Этотъ проходимецъ получалъ значительное содержаніе и былъ сторонникъ поляковъ.

Въ концѣ января получено изъ Петербурга частное извѣстіе, что Государь Императоръ изволилъ подписать манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, который и будетъ объявленъ въ день восшествія на престолъ. По мнѣнію трусливаго князя Россія гибнетъ, погибаетъ!

Между тѣмъ княгиня Горчакова по секрету объявила моей женѣ, что изъ зимняго дворца все оружіе перевезено въ Петропавловскую крѣпость. Извѣстіе это я отнесъ къ нелѣпостямъ.

Февраль мѣсяцъ былъ началомъ явныхъ и открытыхъ враждебно-революціонныхъ движеній. Первая демонстрація изъ мужскаго и женскаго пола низшаго класса, совершена 13 февраля вечеромъ, и шествовала съ факелами, знаменемъ съ бѣлымъ орломъ и съ значками національныхъ цвѣтовъ, при шумѣ и гамѣ, отъ костела паулиновъ къ замку, но Варшавскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, посредствомъ конныхъ жандармовъ, была разсѣяна. На другой день всѣ дворянскіе предводители явились къ кн. Горчакову, и при объясненіяхъ замѣтили ему, что правительство знало уже о приготовлявшемся народномъ движеніи чрезъ налѣпленные назадъ тому два дня на стѣны плакаты, и потому слѣдовало бы ему принять предварительныя мѣры и не допустить ему совершиться.

Вторая демонстрація, болѣе многочисленная, буйная и дерзкая, была 15 числа. Съ толпами на площади Сигизмунда противъ замка ратовалъ тотъ же оберъ-полицеймейстеръ и успѣлъ разогнать ихъ, но получилъ ушибъ въ лобъ, камнемъ. Противъ же другихъ сборищъ дежурный генеральъ Заблоцкій вывелъ роту солдатъ, и когда въ нее стали бросать камнями, кирпичами и подѣньями, приказалъ (не имѣя разрѣшенія) открыть огонь, и отъ залпа изъ ружей убито было 5 человекъ, а всѣ прочіе разбѣжались; самъ же Заблоцкій получилъ сильный ударъ кирпичемъ въ спину и пролежалъ нѣсколько дней въ постели.

Послѣ сего и того же числа явилась депутація изъ 14 обывателей, и настоятельно потребовала отъ князя, удаленія отъ должности Варшавскаго оберъ-полицеймейстера, на что слабохарактерный Горчаковъ согласился и въ угоду депутаціи назначилъ завѣдывать полицією проходимца — итальянца, генераль-маіора маркиза Паулучи, сторонника поляковъ.

Кратковременная, энергическая служба Трепова въ Варшавѣ, достойная похвалы, вскорѣ щедро была вознаграждена Императоромъ производствомъ его въ генералы и назначеніемъ пожизненной пенсіи по 3750 руб. въ годъ.

Другая депутація была болѣе важною и вполнѣ политическою.

Она состояла изъ нѣсколькихъ значительныхъ членовъ—помѣщиковъ Земледѣльческаго Общества съ своимъ президентомъ, графомъ Андреемъ Замойскимъ, и представила Горчакову адресъ Государю Императору, который и былъ отправленъ въ Петербургъ съ статсъ-секретаремъ Совѣта Управленія, Карницкимъ.

адресъ (переводъ съ французскаго).

„Настоящія происшествія въ Варшавѣ, слѣдствіе взволнованныхъ умовъ, и глубокія чувства всеобщей скорби побуждаютъ насъ сдѣлать Вашему Императорскому Величеству нижеслѣдующее представленіе, въ той надеждѣ, что благородное сердце Вашего Величества не отвергнетъ голосъ несчастнаго народа“.

„Происшествія эти, отъ описанія коихъ мы удерживаемся, не есть порывъ мѣстныхъ страстей одного какого либо класса народа; это—пламенное, единодушное выраженіе заглушенныхъ чувствъ и неудовлетворенныхъ потребностей. Долговременныя страданія народа, впродолженіи многихъ столѣтій свободными постановленіями управлявшагося, и неимѣніе даже никакого законнаго органа для объясненія у подножія Престола желаній своихъ и потребностей, поставили край въ такое положеніе, что онъ можетъ возносить гелось свой только жертвами,—которыя и приносить. Въ душѣ каждаго жителя нашего края лежитъ сильное и горячее убѣжденіе, что онъ среди семьи народовъ Европы составляетъ отдѣльную народность. Этого убѣжденія истребить и даже ослабить не могли ни время, ни вліяніе различныхъ обстоятельствъ. Все, что оскорбляетъ его или протіводѣйствуетъ ему, глубоко потрясаетъ умы.—Край съ горестью видитъ, что неудовлетвореніе этой потребности породило недостатокъ довѣрія, необходимаго въ сношеніяхъ между правителями и управляемыми. Довѣрія этого не возстановитъ бесполезное употребленіе мѣръ насильственныхъ. Край нашъ, нѣкогда равнявшійся въ просвѣщеніи съ прочими краями Европы, не достигнетъ развитія своихъ моральныхъ и матеріальныхъ силъ до тѣхъ поръ, пока проистекающія изъ духа народа основанія, его традиціи и исторія не усвоятся церковію, законодательствомъ и публичнымъ воспитаніемъ; словомъ всѣмъ общественнымъ организмомъ. Край желаетъ этого тѣмъ болѣе, что одинъ только онъ изъ семьи народовъ европейскихъ лишень необходимыхъ условій существованія, безъ коихъ ни одинъ не можетъ достигнуть предназначенія, для котораго Провидѣніе даровало ему жизнь“.

„Повергая страданія и пламенные желанія наши къ подножію Престола, мы, убѣжденные въ великодушіи Монарха, имѣемъ съ пол-

ною върою надежду на высокое чувство справедливости Вашего Императорскаго Величества“.

Вѣрноподанные:

(подписи).

Но еще прежде поднесеннаго адреса вышло: 1) воззваніе намѣстника, коимъ приглашались обыватели не внимать подстреканіямъ враговъ порядка, старающихся возбудить волненіе въ публикѣ и 2) объявленіе, подписанное депутатами, о разрѣшенномъ кн. Горчаковымъ торжественномъ погребеніи пяти убитыхъ, убѣждая „во имя всего священнаго“, во время этого погребенія сохранить порядокъ и спокойствіе. И дѣйствительно, это погребеніе было 18 февраля по напечатанной въ газетахъ программѣ и совершено въ полномъ порядкѣ, при стеченіи едва ли не всего народо-населенія и при совершенномъ отсутствіи на улицахъ, какъ было приказано, военщины и полиціи. Въ процессіи участвовало и еврейское духовенство съ покрывалами на головахъ. По этимъ убитымъ 23 февраля исполнены торжественныя моленія во всѣхъ костелахъ, иновѣрческихъ храмахъ и синагогахъ.

Наконецъ, въ отвѣтъ на поданный Варшавянами адресъ, послѣдовалъ на имя намѣстника и Высочайшій рескриптъ, подписанный 25 февраля, слѣдующаго содержанія:

„Присланное Мнѣ вами прошеніе Я прочелъ. Я долженъ бы считать оное какъ бы вовсе не существовавшимъ, потому что нѣкоторое число лицъ, подъ предлогомъ безпорядковъ, возбужденныхъ на улицѣ, самовольно присвоиваетъ себѣ право оуждать всѣ дѣйствія правительства. Я хочу однако же видѣть въ этомъ только одно увлеченіе. Я посвящаю всѣ Мои заботы важнымъ преобразованіемъ, вызваннымъ въ Моемъ государствѣ временемъ и развивающимися потребностями. Мои подданные въ Царствѣ суть для Меня предметомъ такой же заботливости. Все, что можетъ способствовать ихъ благоденствію, не находитъ и не найдетъ Меня равнодушнымъ“.

„Я уже доказалъ имъ Мое желаніе, чтобы они участвовали въ благотѣніяхъ отъ улучшеній полезныхъ, существенныхъ, прогрессивныхъ. Я сохраняю тѣже намѣренія и тѣже чувства. Я вправѣ полагать, что онѣ будутъ оцѣнены и не будутъ ослаблены неумѣстными или преувеличенными желаніями, которыхъ Я не могъ бы согласить съ благомъ Моимъ подданныхъ. Я исполню всѣ Мои обязанности. Ни въ какомъ случаѣ Я не стерплю безпорядковъ. На этой почвѣ ничто не создается. Стремленія, которыя бы на ней искали опоры, тѣмъ самымъ уже заранѣе нашли бы свое осужденіе. Они уничтожили бы всякое довѣріе и встрѣтили бы съ Моей стороны

„строгое оужденіе потому, что остановили бы край, на пути правильнаго развитія, на которомъ Я неизвѣнно желаю удержатъ его“.

АЛЕКСАНДРЪ.

Но вмѣстѣ съ рескриптомъ Горчаковъ получилъ отъ Царя и письмо, извѣщавшее, что въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ распоряженіе о реформахъ по всѣмъ отраслямъ администраціи, и сверхъ того повелѣвалось немедленно распустить обывательскую ратушную делегацію, учрежденную изъ 24 обывателей для удержанія порядка и тишины въ городѣ, и закрыть ресурсъ, въ который собирались сословія, толковали объ общественныхъ дѣлахъ и произносили зажигательныя рѣчи.

Князь, того же дня, какъ получилъ сказанныя бумаги, пригласилъ къ себѣ въ замокъ митрополита Фіалковскаго, графа Андрея Замойскаго и другихъ значительныхъ лицъ, прочиталъ имъ рескриптъ, объявилъ о дарованной реформѣ и поздравилъ съ Монаршею милостію. Депутаты не возражали, казались довольными и оставили князя. Не того хотѣли поляки и по прежнему продолжали свои возмутительныя подступы и маневры.

Между тѣмъ и во многихъ городахъ обнаружилось враждебное движеніе, управляемое вожаками.

Итакъ, уступки сдѣланы, но эти уступки, если вѣрить словамъ переданнымъ мнѣ Мухановымъ, еще въ прѣздѣ по воцареніи Императора. Онъ намѣревался даровать Царству, но князь Горчаковъ отсрочивалъ, и тогда Его Величество произнесъ наставительныя слова полякамъ, чтобы они оставили свои *мечтанія*.

Мартъ мѣсяць былъ замѣчательенъ своими происшествіями.

Прокураторъ, Варшавскаго учебнаго округа, Мухановъ, по настоянію ожесточеннаго его врага, Коцебу, княземъ Горчаковымъ, подъ предлогомъ собственнаго его желанія, котораго вовсе не было, удаленъ отъ сей должности, и поручено исправленіе оной флотеру — поляку, сенатору Лацинскому. Такъ же начальникъ Варшавскаго жандармскаго округа, Колшинъ, вполне неспособный для настоящаго времени и нечистый на руку, смѣненъ съ должности, и на мѣсто его назначенъ ген.-лейт. Куцинскій, начальникъ Виленскаго жандармскаго округа, не принесшій пользы ни тамъ, ни здѣсь.

Новое воззваніе намѣстника, чтобы варшавяне отнюдь не собирались толпами на площадяхъ и улицахъ для какихъ либо манифестацій или процессій, и не вынуждали въ противномъ случаѣ употреблять противъ нихъ силу оружія.

Вскорѣ за удаленіемъ Муханова отъ должности куратору послѣ-

довало удаление его слабымъ, растерявшимся княземъ Горчаковымъ и отъ должности главнаго директора внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ по слѣдующему событію. Отъ ⁵/₁₇ марта Горчаковъ предписалъ Муханову „по случаю настоящихъ обстоятельствъ, поручить гражданскимъ губернаторамъ, дабы они вмѣнили въ обязанность уѣзднымъ начальникамъ, президентамъ и бургомистрамъ городовъ и войтамъ гминъ:

„1) Усугубить наблюденіе за разъѣзжающими по уѣзду лицами, и при малѣйшемъ подозрѣніи кого либо въ неблагонамѣренныхъ дѣйствіяхъ, немедленно доносить ему для доведенія до свѣдѣнія Его Сіятельства; въ случаѣ же важнѣйшихъ со стороны подобныхъ лицъ дѣйствій, арестовать ихъ, о чемъ одновременно доносить намѣстнику и губернатору“.

„2) Обратитъ особенное вниманіе на иностранцевъ, пребывающихъ въ Царствѣ и вновь сюда прѣзжающихъ; о тѣхъ же изъ нихъ, которые замѣнены будутъ въ предосудительныхъ поступкахъ или въ распространеніи вредныхъ слуховъ и въ разговорахъ недоброжелательныхъ правительству, немедленно доносить ему для исполненія приказанія Его Сіятельства“.

„3) Обращать особенное вниманіе на частныхъ лицъ, прибывающихъ изъ заграницы по иностраннымъ паспортамъ, и при малѣйшемъ подозрѣніи въ тождествѣ лицъ или по инымъ обстоятельствамъ, тотчасъ доносить ему для доведенія до свѣдѣнія Князя“.

„4) Внушить крестьянамъ, что правительство, особенно заботясь объ ихъ благосостояніи, ожидаетъ, что они не только не будутъ слушать подговорщиковъ къ беспорядкамъ, но что даже для сохраненія общественнаго порядка, всякаго появляющагося между ними или подговоровъ возмутителя будутъ задерживать и представлять ближайшему начальству“.

„5) У всѣхъ людей неизвѣстныхъ требовать паспортовъ или другихъ письменныхъ видовъ, и если же они не представятъ таковыхъ, то задерживать ихъ и доставлять къ ближайшимъ полицейскимъ, которымъ приказать, по доставленіи къ нимъ подобныхъ людей, тотчасъ подвергать ихъ допросамъ; но если они окажутся людьми, неизвѣстными лично, то отправлять ихъ подъ карауломъ въ города, а если бы при исполненіи этого встрѣчено было со стороны сихъ людей сопротивленіе и они оказали бы намѣреніе напасть въ толпахъ, противъ нихъ просить содѣйствія ближайшей военной силы.

„Словомъ, возложить на губернаторовъ и подчиненныхъ имъ чиновниковъ земской и городской полиціи самое бдительное наблюденіе за всѣми появляющимися въ краѣ подозрительными людьми и за ихъ дѣйствіями съ тѣмъ, чтобы при малѣйшемъ сомнѣніи принимаемы

„были самыя рѣшительныя мѣры; если же кто либо замѣченъ будетъ въ подстрекательствѣ къ беспорядкамъ или другихъ важныхъ дѣйствіяхъ, то арестовать его и донести князю намѣстнику“.

На основаніи этого повелѣнія, Мухановъ отъ себя отъ 6/12 марта далъ предложенія всѣмъ губернаторамъ съ изложеніемъ полного содержанія бумагами Горчакова, не прибавивъ ничего отъ себя. Члены — помѣщики Земледѣльческаго Общества спустя нѣсколько дней узнали о циркулярѣ Муханова къ губернаторамъ, признали его для себя опаснымъ, особенно содержаніе 4 пун., памятуя о страшной рѣзнь хлопамъ помѣщиковъ въ Галичинѣ, завопили и отправили къ князю депутацію при своемъ предсѣдателѣ гр. Замойскомъ, которая потребовала отъ Горчакова неотлагательнаго удаленія отъ должности Муханова, что безхарактернымъ намѣстникомъ и исполнено не смотря на то, что въ этой исторіи онъ самъ былъ виновенъ. Поляки, конечно, знали о томъ, но имъ нужно было свалить Муханова и они свалили. Удаливъ его отъ должности, князь дозволилъ отправиться ему за границу и напечатать въ официальной газетѣ ложь, что оставленіе Мухановымъ должности послѣдовало по собственному его желанію. Затѣмъ этотъ сановникъ, игравшій при князѣ значительную роль, 11 марта, въ темный вечеръ и тайнымъ образомъ, сопутствуемый своею юною беременною женою, отправился изъ Варшавы, не по желѣзной дорогѣ, на дебаркадерѣ которой ожидала его кошачья музыка, а въ экипажѣ до первой отъ города станціи, гдѣ уже пересѣлъ въ вагоны; въ Петроковѣ его провожали криками, ругательствами и камнями ученики гимназій. — Вскорѣ однако же Мухановъ назначенъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Во временное исправленіе должности главнаго директора вступилъ присланный изъ Петербурга генер.-лейтенантъ Гелевичъ. Почти въ то же время учреждена особая правительственная комиссія подъ дирекцію Маркіза Веліопольскаго для дѣлъ духовныхъ и народныхъ и народнаго образованія.

15 марта князь предлагалъ мнѣ для безопасности и ожидавшагося народнаго волненія и даже возстанія въ послѣдніе три дня передъ Пасхою, какъ это произошло назадъ тому нѣсколько десятковъ лѣтъ, при Игельстромѣ, — перевезти жену мою съ сыномъ въ замокъ; но я поблагодарилъ, оставивъ ихъ при себѣ на своей квартирѣ, и предназначенные три дня, благодаря обывателямъ — констаблямъ, прошли покойн и никакихъ беспорядковъ не было, хотя въ субботу (18 числа) вся Варшава была въ движеніи, и толпы народа сновали по костеламъ для поклоненія Гробу Спасителя.

Присланъ изъ Петербурга въ распоряженіе князя храбрый генерал-лейт. Хрулевъ, знаменитый защитникъ Севастополя; онъ помѣстился въ замкѣ, въ качествѣ коменданта онаго.

Въ первый день католической Пасхи ^{19/31} марта вышло отъ намѣстника слѣдующее воззваніе къ жителямъ Царства Польскаго“.

„Въ постоянной заботливости своей о благѣ народовъ, Его скипетру Провидѣніемъ ввѣренныхъ, Его Императорско-Царское Величество, Высочайшимъ Указамъ сего числа обнародованнымъ, даруетъ подданнымъ Своимъ Царства Польскаго милостивыя учрежденія, со введеніемъ которыхъ народное преуспѣяніе получить новое развитіе. Жители Царства восчувствуютъ эту высокую милость ихъ Государя, въ великодушномъ стремленіи своемъ не остановившагося, не взирая на безпорядки въ Варшавѣ послѣдовавшіе. — Зная вѣрность своихъ подданныхъ Царства, Онъ отличилъ ихъ отъ горсти зловредныхъ людей, эти безпорядки возбудившихъ.

„Всѣ сословія должны оправдать Его Императорско-Царскаго Величества къ нимъ довѣріе искреннею признательностью и сохраненіемъ полнаго спокойствія и порядка.

„Да будетъ нынѣшній торжественный день новымъ залогомъ благоденствія края подъ мудрымъ и великодушнымъ правленіемъ Императора и Царя Александра II“.

При этомъ воззваніи напечатанъ былъ и упоминаемый тамъ царскій указъ отъ ^{14/26} марта о дарованныхъ краю реформахъ, или, какъ говорили русскіе, о сдѣланныхъ полякамъ уступкахъ. — По правдѣ сказать, большая часть этихъ реформъ были уже даны Императоромъ Николаемъ въ органическомъ Его статутѣ послѣ возмущенія 1830 — 1831 годахъ, но не были приведены въ исполненіе тогдашнимъ намѣстникомъ Паскевичемъ, по извѣстнымъ причинамъ. Какъ бы то ни было, реформы даны, объявлены и вечеромъ того же дня делегаты, въ одной рукѣ съ воззваніемъ, а въ другой съ царскимъ указомъ, явились въ собраніе, бывшее изъ всѣхъ классовъ и вѣроисповѣданій обывателей. Одинъ изъ старшихъ делегатовъ торжественно сталъ вначалѣ читать воззваніе намѣстника, но едва произвезъ начертанныя въ немъ слова: „Онъ (Императоръ) отличилъ ихъ отъ горсти зловредныхъ людей, эти безпорядки возбудившихъ“, какъ въ собраніи поднялся шумъ, гамъ, крики, и полились оскорбительныя названія и упреки противъ князя Горчакова, а на делегатовъ вонили, что они измѣнники, достойные висѣлицы. Делегаты, видя такой неблагоприятный исходъ дѣла, съ трудомъ уцепились изъ буйнаго, мя-

тежнаго собранія, которое большею частью состояло изъ рьяныхъ *красныхъ*, съ ихъ жожаками. На другой же день вышло новое воззваніе намѣстника слѣдующаго содержанія:

„*П о л я к и!*“

„Важность настоящихъ обстоятельствъ побуждаетъ меня обратиться къ вамъ еще разъ словами успокоенія и благоразумія.“

„Учрежденія, Всемилостивѣйше дарованныя Царству Польскому, суть залогомъ всѣхъ интересовъ вашего отечества, интересовъ самыхъ дорогихъ для вашихъ сердецъ, именно вашей религіи и народности.“

„Его Величество желаетъ, чтобы учрежденія эти были припедены въ исполненіе сколь можно поспѣшнѣе и съ полною правотою.“

„Для осуществленія сего окажите ваше единодушное желаніе сохранить порядокъ и спокойствіе, и устранийтесь отъ безчинствъ, которыя правительство не потерпитъ и которыя всякое правительство укрощать обязано“.

Вслѣдъ за этимъ воззваніемъ намѣстникъ потребовалъ отъ собранія благодарственнаго адреса къ Императору за милостивый указъ, но какъ собраніе въ томъ отказало, то оно и было закрыто; а вмѣсто его учредился временный городской-совѣтъ подъ предсѣдательствомъ президента Варшавы изъ 12 обывателей разныхъ званій, въ томъ числѣ были и 2 ярые ксендза.

Первый день Пасхи знаменателенъ былъ небывалымъ угощеніемъ во имя *братства*: у достаточныхъ поляковъ на ихъ *свенцомахъ* были на сей разъ и ремесленники и работники, поляки и евреи; то же самое сочинили и достаточные сыны Израиля. Въ городѣ же Млавѣ еще поступлено курьезнѣе: тамъ поляки пригласили евреевъ въ костелъ, гдѣ они сидѣли въ шляпахъ, а потомъ и поляки присутвовали при богослуженіи въ синагогѣ. А въ другомъ городкѣ ксендзъ, пригласившій евреевъ въ костелъ, говоря зажигательную проповѣдь противъ русскихъ, въ заключеніе сказалъ: „что *Москвуцы хуже жидовъ*“.

Воззваній къ порядку не послушались, демонстраціи продолжались. Такъ, 23 числа была религиозная на Краковскомъ предмѣстьи въ виду замка, вблизи того мѣста, гдѣ 15 февраля пало пять жертвъ. Многочисленная толпа, колѣнопреклоненная предъ статуей Богоматери, хоромъ пропѣла три моленія: 1) Святыи Боже, Святыи Крѣпкій и прі, 2) о упокоеніи тѣхъ убитыхъ и 3) о воскресеніи Польши.

24 числа. Подобная же религиозная демонстрація въ 9¹/₂ часовъ утра предъ статуей Божіей Матери, сооруженной на Сенаторской улицѣ около костела реформатовъ и съ тѣми же хоральными моленіями.

26 числа. Религиозная народная процессія на Повонзковское кладбище и моленіе надъ могилою убитыхъ 15 февраля. Оттуда процессія пустилась къ зданію, занимаемому Кредитнымъ Земскимъ Обществомъ; вывѣсила на ономъ образъ Ченстоховской Богоматери, считаеомой поляками „Польскою Крулевою“ и гербъ польскаго королевства, и покрывъ крепомъ гербъ, государственный, совершила къ колѣно-преклоненіемъ молитвословіе съ пѣніемъ. Кончивъ это кощунство, вся эта громадная въ количествѣ процессія отправилась въ домъ гр. Замойскаго, вызвала его на балконъ, благодарила, какъ предѣдателя закрытаго Земледѣльческаго Общества и поднесла ему цвѣточный вѣнокъ. Отсюда часть толпы, взявъ съ собою образъ Богоматери, пошла за городъ на израильское кладбище, гдѣ обще съ евреями исполнила какое-то моленіе, а другая, многочислѣнная, часть направилась къ замку и, остановясь противъ оконъ намѣстника, стала шумѣть и кричать. Войска тотчасъ выступили изъ замка, и самъ появился князь на конѣ, увѣщевая разойтись, но былъ осмѣянъ и обвистанъ, и возвратился въ замокъ; а затѣмъ и мятежники, при возгласахъ побѣдоноснаго „ура!“, остановили свою позицію и разошлись.

На другой день т. е. 27 марта, издано было Совѣтомъ Управленія постановленіе, главная сущность коего заключалась въ томъ, что если при сборѣ сконищъ полицейскій чиновникъ трижды при барабанномъ боѣ провозгласитъ приказаніе разойтись, а толпы сего не исполнятъ, то употреблять противъ нихъ силу оружія. Но прежде, чѣмъ это постановленіе стало извѣстно въ городѣ, въ 6¹/₂ часовъ вечера многочисленныя толпы съ разныхъ сторонъ нахлынули къ замку и стали кричать и вопить, какъ бы намѣреваясь ворваться въ замокъ. Когда же послѣ троекратнаго полицейскимъ чиновникомъ съ барабаннымъ боемъ увѣщанія бунтовавшіе не удалились, но стали въ стоявшія войска бросать камни, кирпичи и полѣнья, то по приказанію замковскаго коменданта, ген.-лейт. Хрулева роты открыли ружейный огонь, а жандармы и казаки бросились въ атаку съ саблями и нагайками, и безмысленныя толпы, какъ стадо испуганныхъ барановъ, вовсе не ожидавшія такого конца, тотчасъ разсѣлись куда зря. При этомъ убито 10 человекъ, ранено 108 и задержано 70; съ нашей же стороны убито 2 и ранено 10 воинскихъ чиновъ.

28 марта вышло воззваніе намѣстника, который во *Имя Всевышняго* умолялъ жидовей Варшавы опомниться и угрожалъ объявить городъ въ осадномъ положеніи.

Убитые мятежники, не смотря на просьбы о дозволеніи торжественно ихъ похоронить, всѣ зарыты во рву Александровскоѣ цитадели при молитвахъ ксендза.

Послѣ кроваваго урока, бѣснованія на площадяхъ и улицахъ, подобныя предшествовавшимъ, прекратились, но были перенесены въ другомъ видѣ въ костелы; тамъ по окончаніи богослуженія всеми присутствовавшими воспѣвались гимны и возсылались мольбы объ избавленіи отъ ига московцевъ и воскресеніи *крулевства* польскаго.

Характерный отвѣтъ мнѣ далъ русскій купецъ Дутовъ, когда я спросилъ его: что онъ думаетъ о настоящихъ событіяхъ?—Дутовъ сказалъ: „правительство-то, ваше превосх. дѣйствовало слабенько и ужъ оченно было уступчиво; кабы повалило душъ 200, такъ не розѣвали бы рты“.

Въ этомъ же мартѣ мѣсяцѣ Совѣтъ Управленія въ Царствѣ, именемъ Императора, декретомъ упразднилъ учрежденное въ 1857 году зловредное Земледѣльческое Общество „за дѣйствія при настоящихъ обстоятельствахъ противныя уставу“, яенѣ, — за принятіе участіе въ волненіи и въ возбужденіи къ нему многими его членами помѣщиками.

Главный директоръ юстиціи Држевецкій, тихій, скромный, но безгласный юристъ и членъ въ Совѣтъ Управленія, по желанію маркиза Веліопольскаго и по личному приглашенію князя намѣстника, отказался отъ своей должности; началъ управлять ею самъ г. маркизь, а чрезъ нѣкоторое время назначилъ временно въ главные директоры оберъ-прокурора Воловскаго, который впоследствии былъ сосланъ въ одну изъ дальнихъ російскихъ губерній и тамъ умеръ.

По возникшимъ въ г. Люблинѣ беспорядкамъ на улицахъ, Люблинскій гражданскій губернаторъ Мицкевичъ бросилъ городъ, прибылъ въ Варшаву, и за то былъ Высочайше удаленъ изъ службы, яко невѣрный рабъ.

Наступилъ апрѣль мѣсяць. Не довѣряя варшавянамъ, войска расположились въ палаткахъ на главныхъ площадяхъ и улицахъ города; начались одиночныя на послѣднихъ убійства революціонными *красными* жандармами — кинжалщиками и вѣшателями.

Вельможный маркизь Веліопольскій, ненавидимый за свою надменность и суровость обѣими партіями, гр. Замойскаго и красными, переселился на временное жительство въ замокъ.

Съ своей стороны и я, въ виду ежедневной опасности, хотѣлъ жену мою съ сыномъ, по примѣру многихъ русскихъ дамъ, отправить въ Дрезденъ, но она не согласилась, говоря: „*умирать, такъ умирать вмѣстѣ!*“

Новое лицо прислано сюда изъ Петербурга въ распоряженіе князя Горчакова; это былъ генераль-адъютантъ князь Урусовъ, мой прежній товарищъ по службѣ у Горчакова, когда послѣдній состоялъ начальникомъ главнаго штаба арміи при Паскевичѣ. Теперь Урусовъ пріѣхалъ сюда въ надеждѣ быть военнымъ генераль-губернаторомъ и обманулъ. Онъ рассказывалъ мнѣ, что при отъѣздѣ изъ Петербурга, откланиваясь Императору, спросилъ: „не будетъ ли какого приказанія намѣстнику на счетъ мятежниковъ“? Его Величество ничего не отвѣчалъ, но только сдѣлалъ выразительный жестъ рукою, что по объясненію министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова означало: „не шадить“!

Послѣ побѣища 27 марта изданъ отъ 8 апрѣля приказъ по 1 арміи Горчаковымъ слѣдующаго содержанія:

„Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ объявить Высочайшую благодарность ген.-лейт. Хрулеву и бывшимъ подъ его командою 27 марта войскамъ за укрощеніе беспорядковъ, про зведенныхъ толпами взволнованнаго народа на площади Сигизмунда въ Варшавѣ“.

Кромѣ того, при отъѣздѣ изъ Петербурга назначеннаго помощникомъ къ Коцебу, генер. маіора Крыжановскаго, Императоръ словесно приказалъ отъ Его Имени благодарить войска за 27 марта, что Крыжановскимъ и было исполнено на дворѣ замкѣ при троекратномъ крикѣ: ура!

Начальникъ главнаго штаба арміи, Коцебу, отчисленъ отъ должности и уволенъ въ отпускъ за границу до излѣченія болѣзни. Князь Горчаковъ, въ отданномъ приказѣ по арміи выразилъ Коцебу „какъ первому и главному его помощнику, душевную признательность за то просвѣщенное содѣйствіе, которое онъ постоянно оказывалъ ему въ управленіи арміею, какъ въ военное, такъ и въ мирное время“. — Коцебу чистой крови нѣмецъ, умный, но хитрый интриганъ.

Вслѣдъ за нимъ и Варшавскій военный генераль-губернаторъ назначенъ членомъ въ Государственный Совѣтъ съ отчисленіемъ отъ должности. Онъ болѣе, чѣмъ добрякъ и совершенно здѣсь былъ безличенъ и бесполезенъ.

3 мая утромъ, по приглашенію князя, явился я къ нему, думая, по службѣ; но онъ, поздоровавшись со мною, прямо спросилъ: не желаетъ ли жена моя быть начальницею Александринскаго Института благородныхъ дѣвицъ, присовокупивъ, что кромѣ казенной квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, она будетъ получать 1800 руб. въ годъ жалованья. Отъ имени жены я отклонилъ предложеніе, зная мятежный духъ этихъ польскихъ шляхтянокъ и ненависть ихъ къ русскимъ. Отпуская меня, князь приглашалъ меня къ столу, когда мнѣ вздумается.

Помощникъ министра, статсъ-секретаря Царства Польскаго — Платоновъ, который занимался здѣсь съ другими лицами развитіемъ дарованныхъ Государемъ Императоромъ учрежденій для Царства. По окончаніи работы, Платоновъ съ выработанными проектами отправленъ въ Петербургъ; при чемъ князь Горчаковъ, по причинѣ своего нездоровья, просилъ прислать довѣренное лице для вступленія временно въ исправленіе Горчакова должностей, что и было исполнено, но не застало его уже въ живыхъ, какъ будетъ о томъ ниже сказано.

7 мая я обѣдалъ у князя; это было мое послѣднее съ нимъ свиданіе; за столомъ онъ былъ молчаливъ, грустенъ; страданіе написано было на его лицѣ.

8 числа у поляковъ день Сошествія Св. Духа; въ этотъ праздникъ обыкновенно бываетъ народное гулянье въ Бѣлянахъ; на сей разъ его не было, а толпы черни собрались на Повонковское кладбище и пропѣли на могилѣ пяти убитыхъ жалобный гимнъ Богородицѣ. — Не менѣе того, въ Бѣлянахъ гремѣли двѣ военныя музыки и заглянулъ туда на самое короткое время самъ намѣстникъ со свитою.

11 числа князь Горчаковъ переѣхалъ въ загородный Императорскій дворець Бельведеръ; вечеромъ встрѣчалъ на станціи желѣзной дороги свою супругу, возвращавшуюся изъ Штутгарта отъ своей дочери.

12 числа утромъ пріѣзжала къ намъ княгиня Горчакова, плакала о своемъ мужѣ, изъявляла сильное неудовольствіе на Царя, а за что — не пояснила, — разумѣется за неудавшееся фельдмаршалство, — и уѣхала, взявъ съ собою мою жену. По словамъ моей жены, за обѣдомъ князь былъ веселъ и разговорчивъ.

13 числа въ два часа по полудни мы получили извѣстіе, что князь, послѣ занятій съ докладчиками по дѣламъ, внезапно и опасно заболѣлъ, и что призванные два доктора изъявили опасеніе, чтобы эта болѣзнь не была параличемъ легкихъ.

Жена тотчасъ отправилась въ Бельведеръ и, возвратившись оттуда поздно вечеромъ, мнѣ рассказала, что у князя внезапно явились въ груди спазмы и онъ, столь терпѣливый, кричалъ благимъ матомъ: „спасайте меня!“ и приказывалъ послать за священникомъ.

Одинъ изъ докторовъ, — кажется, Циуринъ, — полагалъ, что причина спазматическаго припадка должна быть отъ какого либо *моральнаго* погрѣшенія. Стали отыскивать эту причину и нашли ее въ утреннемъ докладѣ о происшедшихъ въ п. Радомѣ безпорядкахъ. Настоящая же причина, рассказанная *по секрету* княгиню Горчакову женою моею, была слѣдующая. Мужъ ея чрезъ Платонова писалъ къ министру

иностранныхъ дѣлъ, князю Горчакову, что онъ уже старъ и немощенъ, и желалъ бы удалиться на покой за границу. На это письмо *вчера* въ 6 часовъ вечера онъ получилъ письмо отъ Александра Горчакова, (министра) что Государь Императоръ весьма доволенъ его службою, и въ отношеніи отпуска готовъ сдѣлать для него все, что онъ пожелаетъ; слѣдовательно, Государь его *не удерживаетъ*, и это-то самое, что его *не удерживаютъ, могутъ обойтись и безъ него*, по словамъ княгини и было причиною сперва сильнаго душевнаго страданія, а потомъ и явленія спазмъ. Значить, въ этомъ дѣлѣ было глубоко поражено, *самолюбіе* князя.

14 числа. Князь всю ночь страдалъ болью въ груди, вопилъ и обращался съ молитвами къ Богу.

15 числа. На посланную отсюда телеграмму о болѣзни князя, тѣмъ же путемъ полученъ изъ Петербурга отвѣтъ, что изъ Варшаву отправляется военный министръ Сухозанетъ, и что Императоръ душевно желаетъ, чтобы князь выздоровѣлъ.

16 числа. По Высочайшей волѣ вступилъ на время болѣзни князя въ исправленіе должности намѣстника начальникъ артиллеріи въ арміи Мержелевичъ, издалъ воззваніе къ варшавянамъ сохранять порядокъ и спокойствіе, предвѣщая, что въ случаѣ волненій и скопищъ, будетъ употреблена военная сила.

Замѣчательно, что въ этотъ же самый день, т. е. 16 мая, Государь Императоръ изволилъ собственноручно отвѣчать Горчакову письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Съ крайнимъ прискорбіемъ узналъ Я, любознѣй Михайлъ Дмитріевичъ, о вашемъ нездоровіи, и такъ какъ вы сами изъявили желаніе о присылкѣ довѣреннаго лица для вступленія временно въ вашу должность, то я рѣшился отправить съ этою цѣлью въ Варшаву военнаго министра. Онъ вамъ близко извѣстенъ, и вы знаете какъ онъ васъ лично любитъ и уважаетъ; при томъ, по прежней службѣ своей въ Варшавѣ, онъ тамъ многихъ знаетъ, и ему вполнѣ извѣстно все, что тамъ въ послѣднее время происходило. Онъ вамъ изустно передастъ подробный отвѣтъ на письмо ваше отъ 5 числа привезенное Платоновымъ“.

„Всѣ проекты новыхъ учрежденій для Царства были рассмотрѣны въ Моёмъ присутствіи въ Совѣтѣ Министровъ и Мною окончательно утверждены. Мнѣ остается только отъ души васъ благодарить за весь этотъ многосложный и добросовѣстный трудъ. Дай Богъ, чтобы приведеніе его въ исполненіе принесло ту пользу, которую Мы имѣли въ виду для края. Далѣе идти намъ невозможно; но я отъ себя не скрываю, что онъ можетъ быть далеко не удовлетворить желанія

„поляковъ, которыхъ *бредни*, какъ кажется, заходить все далье и далье. Намъ остается идти твердою ногою по указанному пути, и ни подь какимъ видомъ не позволять, чтобы отъ него отклонялись подь какимъ предлогомъ то ни было.

„Молю Бога о скоромъ вашемъ выздоровленіи и разрѣшаю вамъ загравиный отпускъ на столько времени, какъ вамъ будетъ нужно для отдыха и укрѣпленія вашихъ силъ.

„Обнимаю васъ, любезный князь, отъ всей души и еще разъ благодарю васъ искренно за ваши неутомимые труды и самоотверженіе, съ которымъ вы продолжали исполнять ваши трудныя обязанности, не смотря на совершенно разстроенное ваше здоровье. — Искренно васъ любящій и навсегда благодарный.

АЛЕКСАНДРЪ“.

Конечно, столь милостивое письмо Монарха утѣшило бы страдальца, если бы онъ былъ живъ, но оно было получено, когда князь покоился уже въ гробу и сдѣлалось достояніемъ семейства его.

17 числа. Князь Горчаковъ сподобился причастія Св. Тайны.

18 числа. Жена вчера весь день и ночь провела у Горчаковыхъ и возвратилась изъ Бельведера сегодня рано утромъ, оставивъ больного живымъ. Она рассказала намъ о вчерашнемъ днѣ, что князь не предчувствовалъ никакой для своей жизни опасности и много говорилъ, между прочимъ и о поѣздкѣ за границу; однажды онъ однако же сказалъ моей женѣ, что онъ чувствуетъ себя не въ полной памяти; у него дѣлались внезапные припадки отъ остановки обращенія крови, и при этомъ онъ какъ бы не жилъ; онъ больше сидитъ въ креслѣ, но воль скоро ляжетъ въ постель, дыханіе становится весьма затруднительнымъ; ему для развлеченія читали французскія книги, но выборъ ихъ княгинею былъ неудаченъ, и князь съ неудовольствіемъ ей сказалъ: „лучше бы Евангеліе“. Такъ, жена моя ночью читала ему какую-то пустѣйшую французскую театральную пьесу. Впрочемъ докторъ его, Цицуринъ, объявилъ, что если князь переживетъ эту ночь, то опасность миновала и можно ручаться за его жизнь. И ошибся! Дѣйствительно, князь пережилъ эту ночь, но ровно въ полдень предалъ душу Богу. — Ему было отъ роду 69 лѣтъ 3 мѣсяца и нѣсколько дней.

Княгиня не знала, что хранится въ двухъ шкатулкахъ, принадлежавшихъ покойному; а надобны были деньги на необходимыя издержки. При мнѣ и Верневичѣ и всемъ семействѣ отперли шкатулки, и въ нихъ оказалось: 1) духовное и особое завѣщанія, писанныя собственноручно княземъ. Душеприкащиками назначены были: шуринокъ князя Алексѣй Бахметевъ и Мухановъ. Въ особомъ завѣщаніи онъ

изъявилъ желаніе быть похороненнымъ въ Севастополь. 2) Государственныхъ процентныхъ бумагъ на 30 тысячъ рублей и наличныхъ 5 тыс. рублей. 3) Собственноручное на Высочайшее Имя письмо о призрѣніи послѣ его смерти семейства его и о погребеніи праха его въ Севастополь. Оно замѣчательно тѣмъ, что писано 19 октября 1859 года, на четвертый день отбытія Государя изъ Варшавы. Копія съ этого письма излагается ниже.

Пока дѣятельно хлопотали о приготовленіи тѣла къ выносу изъ Императорскаго дворца, изъ Петербурга телеграммоу Высочайше повелѣно:

а) Гробъ поставить въ придворной церкви Лазенковскаго дворца до отправления его въ Севастополь.

б) Погребеніе произвести по правиламъ устава, какъ полагается фельдмаршалу.

в) Всѣ издержки отнести на счетъ казны Царства.

Того же 18 мая объявлено приказаніе по войскамъ, при Варшавѣ собраннымъ, какъ о кончинѣ князя, такъ и объ отпр авленіи при тѣлѣ его ежедневно панихидъ: утромъ въ 11 и по полудни въ 7 часовъ.

Такъ прошелъ первый день кончины князя Горчакова; съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія военнаго министра.

Поляки начали благовѣстить, что князь отравленъ, подобно тому какъ будто бы былъ отравленъ Дибичъ Орловымъ. Я подаль мяѣне исправл. должность начальн. главн. штаба Крыжановскому, чтобы усоншаго анатомировать съ приглашеніемъ и польскихъ медиковъ; онъ согласился и сдѣлать распоряженіе, но княгиня сильно сему воспротивилась, и анатомированіе не состоялось, равно осталась неизвѣстною и настоящая причина смерти.

Вотъ копія съ упомянутаго выше письма:

„Всемилостивѣйшій Государь! Письмо это будетъ представлено „В. И. В. послѣ моей смерти. Посвятить жизнь службѣ незабвеннымъ „родителямъ Вашимъ и В. И. В., я мало заботился о собственныхъ „дѣлахъ, и со смертью моею оставляю довольно большое семейство въ „затруднительномъ положеніи. Изъ оного сынъ мой обезпеченъ пожа- „лованнымъ миѣ въ Царствѣ маюратомъ, который достанется ему по „наслѣдству отъ меня. Одна дочь, Наталья Столыпина, также обезпе- „чена, такъ какъ мужъ ея имѣетъ порядочное состояніе; но старшая „дочь моя, Панкратьева, коей мужъ разстроилъ небольшое состояніе „свое, содержится съ дѣтьми частью отъ ежегоднаго пособія, мною ей „даваемаго; младшая, Ольга, замужемъ за барономъ Мейендорфомъ,

„весьма бѣднымъ человѣкомъ, тоже содержится частью изъ получаемого отъ меня ежегоднаго пенсіона. Наконецъ, послѣдняя, Софія, не будучи замужемъ, находится вполнѣ на моемъ попеченіи.

„Жена моя имѣетъ 800 душъ родового имѣнія, которое заложено и приноситъ весьма малый доходъ. Не взирая на весьма большое содержаніе отъ щедротъ В. И. В. мнѣ назначенное, и на пожалованіе мнѣ 50 тыс. руб. за Крымскую войну, я не оставляю послѣ себя значительныхъ сбереженій, потому что репрезентация по занимаемому мною мѣсту и содержаніе большого семейства требовали большихъ расходовъ; едва ли послѣ моей смерти, считая капитализированіе аренды, очистится для моихъ дѣтей 50 т. руб.

„Въ такомъ положеніи я дерзаю прибѣгнуть къ В. И. В. съ просьбою о милостивомъ призрѣніи тѣхъ изъ моихъ дѣтей, которые останутся въ бѣдности. На счетъ моей жены я упокоенъ, будучи въ надеждѣ, что Вы изволите пожаловать ей пенсію, которая обезпечитъ ея послѣдніе дни. Но для трехъ дочерей моихъ: Варвары, Ольги и Софіи, не имѣющихъ права на пенсію за службу отца, осмѣливаюсь просить, въ видѣ особой милости пожизненнаго содержанія по прямѣру того, что сдѣлано для дочерей многихъ лицъ, продолжавшихъ здѣсь службу свою; какъ Вы изволите это усмотрѣть изъ прилагаемой у сего особой записки.

„Всеимлостивѣйшій Государь! Не отриньте сей послѣдней просьбы солдата, служившаго Царямъ и Россіи съ постояннымъ самоотверженіемъ, и довершите милость Вашу къ нему дозволеніемъ похоронить его тѣло на кладбищѣ сѣверной стороны Севастополя, подлѣ воиновъ, не допустившихъ враговъ нашего отечества перейти за рубежъ того мѣста, гдѣ теперь ихъ могила.

„Да благословитъ Господь царствованіе Вашего Императорскаго Величества“!

19 числа. Утромъ въ 11 часовъ панахида по усопшемъ князѣ въ Бельведерѣ; совершилъ оную архіепископъ Іоанннкій въ присутствіи семейства покойнаго и военныхъ чиновъ; тѣло, по неготовности еще гроба, покоилось на столѣ вполнѣ уже одѣтымъ.

Около 6 часовъ полудня послѣдовалъ выносъ гроба на рукахъ изъ Бельведера въ Дазенковскую придворную церковь, чрезъ садъ и безъ церемоніи: было духовенство, много военныхъ, мало статскихъ, вѣвчѣ и музыканты, въ церкви надъ гробомъ была совершена панахида, и вся эта церемонія кончилась поздно.

Наконецъ прибылъ изъ Петербурга военный министръ и 20 мая отдалъ приказъ по арміи слѣдующаго содержанія:

„Высочайшимъ приказомъ 16 сего мая мнѣ повелѣно вступитъ во

„временное управление Царствомъ Польскимъ на правахъ наместника, „и въ командованіи 1 арміею на правахъ главнокомандующаго, съ „оставленіемъ и во всѣхъ настоящихъ званіяхъ и должностяхъ. Объявляю о семъ 1-й арміи. Я не засталъ въ живыхъ генераль-адъютанта гв. Горчакова. Душевно, искренно скорблю о его кончинѣ и увѣренъ, что вся армія оплакиваетъ его вмѣстѣ со мною.

„Принявъ должность покойнаго князя, надѣюсь, что начальствующія „лица, всѣ с.г. офицеры и нижніе чины поведеніемъ своимъ и не „враждебнымъ обращеніемъ съ мирными жителями будутъ умѣть под- „держивать то уваженіе, которое всегда заслуживала русская армія, „какъ отъ друзей, такъ и отъ враговъ своихъ“. Генераль-адъютантъ Сухозанетъ.

Странность этого приказа заключается въ томъ, что Сухозанетъ какъ бы осуждаетъ поведеніе войскъ и обвиняетъ ихъ во враждебномъ обращеніи съ мирными жителями, тогда какъ онъ долженъ былъ знать, что враждебное настроеніе къ войскамъ прямо и непосредственно исходило отъ этихъ *мирныхъ* жителей и вызывало, мимо желанія покойнаго князя и многократныхъ его убѣжденій не безобразничать, употребленіе оружія.

При вступленіи въ должность наместника Сухозанетомъ не было издано никакого заявленія ни по Царству, ни по Варшавѣ.

Вечеромъ того же 20 мая, по приглашенію Сухозанета, я былъ у него съ Верневичемъ, управляющимъ маіоратомъ Горчакова. Генераль принялъ меня чрезвычайно любезно, интересовался о моемъ здоровьи, наставлялъ много комплиментовъ и, посадивъ подлѣ себя, распространялся о сочувственномъ расположеніи своемъ къ семейству покойнаго князя, и, узнавъ отъ насъ, что оказалось въ шкатулкахъ умершаго, спрашивалъ: „что будетъ выгоднѣе для трехъ его дочерей: назначить ли имъ пожизненную пенсію или одновременную выдачу какой либо суммы?“ Мы отвѣчали, что объ этомъ всего ближе узнать отъ княгини; и на семъ кончилось наше засѣданіе.

Сего же числа ночью гробъ покойнаго князя закрытъ и залитъ, такъ какъ тѣло начало разлагаться и производило нестерпимый смрадъ. Княгиня непомѣрно гнѣвалась на валиціе гроба.

21 мая, для составленія церемоніала и соображенія всѣхъ подробностей порядка погребенія тѣла умершаго князя Горчакова, составленъ комитетъ, въ который и я поступилъ. На всѣ издержки погребенія, какъ въ Варшавѣ, такъ и въ Севастополѣ, назначено къ отпуску въ мое распоряженіе изъ казны Царства Польскаго 15 тыс. руб. сар.

Этотъ комитетъ, собравшійся на другой день, долготѣ мучился въ разсужденіяхъ: 6 или 8 лошадей должны везти печальную колесницу.

съ гробомъ умершаго; 36-ли факельщиковъ должны идти по сторонамъ колесницы, какъ это было при погребеніи Паскевича или менѣе, и во фракахъ-ли и въ треуголкахъ быть погребальной прислугѣ, какъ заведено, или въ длинныхъ плащахъ и распущенныхъ шляпахъ; тремъ траурнымъ каретамъ быть въ процессіи, какъ при погребеніи Паскевича, или одной, принадлежащей самой княгинѣ Горчаковой? Эти вопросы представилъ комитетъ разрѣшенію высшей власти.

Составленъ церемоніаль. Все было готово къ вывозу тѣла, для чего назначено 27 мая. Всѣ чины, назначенные по церемоніалу, собрались въ Лазенковскую церковь въ 11 часовъ утра. Войска разставлены по улицамъ шествія кортежа; ими командовалъ генералъ Липранди; послѣ заупокойной обѣдни и панихиды, совершенныхъ архіепископомъ соборнѣ, гробъ съ подобающею церемоніею перевезенъ на желѣзную дорогу и отправился далѣе, чрезъ Вѣну и Галацъ въ Севастополь.

Съ прахомъ поѣхала и княгиня Горчакова съ нѣкоторыми изъ своихъ дѣтей. При гробѣ былъ до границы сильный караулъ; его сопровождали всѣ бывшіе адъютанты князя, изъ нихъ одному, подполковнику Мезенцову было поручено исправное доставленіе гроба до Севастополя и сохраненіе порядка, равно и веденіе расхода на всемъ пути и въ Севастополѣ, для чего я выдалъ ему 9 тыс. рубл. Вообще, погребеніе князя Горчакова стояло казнѣ 13800 руб., а Паскевича 25 тыс. руб. — разница огромная!

Спустя дня два, Сухозанетъ, по должности намѣстника, получилъ отъ министра статсъ-секретаря Царства Польскаго, Тымовскаго, подписанное имъ въ день совершившагося погребенія 27 мая изъ Петербурга отношеніе слѣдующаго содержанія:

„Государь Императоръ, обращая вниманіе на затруднительное положеніе трехъ дочерей, оставшихся послѣ скончавшагося намѣстника въ Царствѣ Польскомъ генералъ-адъютанта князя Горчакова, изъ коихъ одна еще не устроена; зная, что покойный, неимѣвшій никакаго состоянія, единственно изъ жалованья своего удѣлялъ имъ помощь, а съ тѣмъ вмѣстѣ оцѣняя важныя заслуги, оказанныя имъ въ продолженіи свыше 50-лѣтней службы, и въ особенности во время управленія Царствомъ въ званіи намѣстника; наконецъ, имѣя въ виду, что кончина его и слѣдовала въ то самое время, когда онъ, при изнеможенныхъ уже жизненныхъ силахъ, съ плачевнымъ усердіемъ посвящалъ себя важному труду для благосостоянія сего края развитіемъ дарованныхъ ему Его Величествомъ учрежденій, — независимаго отъ обезпеченія положенія вдовы его пожизненною пенсіею, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать тремъ дочерямъ его: Варварѣ Панкратъевой, баронессѣ Ольгѣ Мейендорфъ и княгинѣ Софіи

„Горчаковой, изъ суммъ общихъ Царства, въ единовременное пособіе, „каждой по 50000 руб. сер. безъ всякаго вычета.

„О вышеизображенной Монаршей волѣ имѣю честь сообщить Ваш „Высок. для надлежащаго къ исполненію оной распоряженія, покор- „нѣйше прося принять увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ почтеніи и „истинной преданности“.

Съ другой стороны бладушный Императоръ изволилъ назначить княгинѣ Горчаковой слѣдующія пенсіи: какъ вдовѣ главнокомандую- щаго 10 т. р. с. изъ государственнаго казначейства, и какъ вдовѣ намѣстника 25 т. р. с. изъ казны Царства.

Такъ какъ княгиня Горчакова предположила соорудить въ Сева- стополѣ памятникъ своему покойному супругу, то и взяла съ собою его мраморный бюстъ для поставленія его на томъ памятникѣ. Позднѣе она письмомъ уже изъ Севастополя душевно благодарила за мою преданность къ князю и увѣдомляла, что выдала на тотъ памятникъ 10 т. рублей.

Во все продолженіе пребыванія гроба въ Варшавѣ, никакихъ без- порядковъ и демонстрацій въ городѣ не было; но затѣмъ вновь стали возобновляться буйственные и самоуправные поступки: сборища и пѣснопѣнія, вызвавшія предостереженія отъ оберъ-полиціймейстера, и не смотря на это, по приказанію бладушествующаго Сухозанета, войска расположенныя съ марта на площадяхъ, для охраненія порядка и спокойствія, сняли свои палатки и вступили въ казармы.

Временный визирь объявилъ по секрету Липранди, что онъ не въ состояніи исправлять двѣ должности: намѣстника Царства и главно- командующаго арміею; при разговорахъ онъ подробно спрашивалъ о Муравьевѣ-Карскомъ, у котораго Липранди былъ начальникомъ штаба въ гренадерскомъ корпусѣ, вѣроятно думая о назначеніи его намѣст- никомъ и главнокомандующимъ; а между тѣмъ корреспонденція изъ Петербурга въ Ind. Belg. извѣщала, что Муравьевъ отъ этой пред- лагаемой ему чести отказался.

Съ 5 іюня въ правительственной газетѣ начали печататься новыя учрежденія, дарованныя Царемъ здѣшнему краю.—Званіе губернскихъ предводителей дворянства уничтожено.

Маркизь Веліопольскій напечаталъ во всѣхъ польскихъ газетахъ, дабы воспитанники учебныхъ заведеній при встрѣчѣ съ высшими ду- ховными, гражданскими и военными савонниками снимали фуражки, равно какъ носили никакой другой одежды, кромѣ форменной и не имѣли въ фуражкахъ наискъ. Разумѣется, этому заявленію посмѣялись и все осталось по прежнему; а правду сказать, училищная молодежь, при всѣхъ безпорядкахъ была на первомъ планѣ.

19 іюня, по Высочайшему повелѣнію прибылъ въ Варшаву московскій оберъ-полиціймейстеръ Потаповъ, для лучшаго устройства здѣшней полиціи. Дѣйствительно, при настоящихъ обстоятельствахъ будучи составлена изъ поляковъ, она неблагонадежна и попустительна для своихъ единоземцевъ.

Іюль мѣсяць начался предложеніемъ Сухозанета Варшавскому коменданту Мельникову должности генераль-провіантмейстера военнаго министерства, и съ тѣмъ вмѣстѣ директора провіантскаго департамента. Мельниковъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы ему назначено было такое содержаніе, какое получаетъ генераль-интендантъ арміи, Синельниковъ, который по особому Высочайшему повелѣнію и уваженію получаетъ 10 тыс. руб. въ годъ, и сверхъ того, чтобы ему, Мельникову, дано было на подъемъ 8 тыс. рублей. Сухозанеть изволилъ разгнѣваться, сказалъ, что онъ торгуется какъ жидъ. Мельниковъ, сямъ оскорбленный, подалъ въ отставку. Кого винить? Оба правы и оба виноваты.

По поводу смерти въ Парижѣ мишурнаго эмигрантскаго круля Польскаго, князя Адама Чарторижскаго, съ разрѣшенія Сухозанета въ здѣшнемъ католическомъ соборѣ совершена была митрополитомъ торжественно-официальная панихида; костелъ былъ переполненъ присутствовавшими, большею частью порядочными обоюго пола личностями; вся улица къ костелу была запружена народомъ. По окончаніи богослуженія митрополита въ экипажъ его везли на рукахъ до самой квартиры, гдѣ съ балкона его монсеньерство преподалъ колѣнопреклоненнымъ благословеніе и народъ спокойно разошелся. Это тоже была демонстрація отъ начала до конца, но демонстрація разрѣшенная правительствомъ. Того же дня огромнѣйшая толпа явилась предъ окнами англійскаго консула, просила его довести до свѣдѣнія англійскаго народа признательность поляковъ за заступничество и соучастіе къ нимъ и поднесли ему букетъ цвѣтовъ и цвѣточную корону.

Проѣхалъ чрезъ Варшаву въ Петербургъ находившійся за границею для излѣченія болѣзни генер. лейт. и генераль-адъютантъ графъ Ламбертъ. Громко толкують о назначеніи его намѣстникомъ въ Царствѣ и главнокомандующимъ арміею. Сухозанеть долженъ объ этомъ знать, но онъ молчитъ.

Въ день рожденія Императрицы въ главномъ костелѣ св. Яна, когда органы должны были заиграть извѣстный благодарственный гимнъ, толпа вломилась въ костелъ и пропѣла мятежную пѣсню и не дала окончить богослуженіе; потомъ, выйдя изъ костела, шумѣла, кричала и шѣла около замка; а предъ тѣмъ на Медовой улицѣ, у одного кондитера, не давшаго въ складку для какого-то костельнаго торжества 3 рубля, выбила стекла и разграбила сласти. На другой день,

28 іюля, войска вновь расположились на площадях и въ другихъ пунктахъ города, даже въ красинскомъ саду, въ палаткахъ.

Конецъ іюля завершился слѣдующимъ объявленіемъ по Варшавѣ, сдѣланнымъ Сухозанетомъ 30 числа:

„На многихъ домахъ въ здѣшнемъ городѣ замѣчены были при-
„клеенные плакаты, призывающіе жителей завтра, въ понедѣльникъ,
„31 іюля къ церковному празднованію народнаго торжества и къ боль-
„шой иллюминаціи.

„Почему объявляется къ общему свѣдѣнію, что завтрашній день,
„кромя предписаннаго по церковному уставу богослуженія, не будетъ
„допущено никакого другаго; а скопленіе народа для какой-либо де-
„монстраціи, какъ нарушающее общественное спокойствіе, будетъ задер-
„живаемо войскомъ при выходѣ изъ церквей, для поступленія съ
„виновными по всей строгости предоставленной мнѣ власти. Воспре-
„щается также запирать лавки подъ строгою личною отвѣтственностью
„торгующихъ, а равно устроить вечеромъ иллюминацію, за которую
„подвергнутся отвѣтственности какъ домовладѣльцы, такъ и жильцы,
„иллюминовавшіе свои квартиры.

„Противъ нарушителей сего распоряженія приняты будутъ неослаб-
„ныя мѣры.

„Предваряя о томъ всѣхъ жителей Варшавы, присовокупляю, что
„всякія пагубныя послѣдствія падутъ на ослушниковъ и нарушителей
„общественнаго спокойствія“.

Это празднество, затѣянное вожаками всѣхъ волненій въ Варшавѣ, было въ память соединенія Литвы съ Польшею при звѣробразномъ Ягеллѣ, и не смотря на много и некраснорѣчивое объявленіе Сухозанета и щедро размазанная угрозы, оно 31 іюля совершилось: всѣ костелы были биткомъ наполнены народомъ, пѣвшимъ излюбленные свои гимны; всѣ лавки и магазины были заперты и иллюминація горѣла. Когда на другой день были призывы къ Сухозанету почетные купцы и онъ осыпалъ ихъ упреками, они безъ церемоніи ему сказали, что не отъ правительства они обогащаются въ торговлѣ, а отъ публики народа. *Па убилы* же послѣдствія заключались въ арестованіи до 200 оборванцевъ, которые вскорѣ и были освобождены.

За обѣдомъ въ русскомъ клубѣ 3 августа Сухозанетъ, будучи уже навеселѣ, произнесъ рѣчь, въ которой воздалъ похвалу войскамъ за ихъ *терпѣніе* при настоящемъ волненіи въ Царствѣ и *кротость*, показываемую ими къ жителямъ. Это правда, что войска были терпѣливы и кротки не смотря на всѣ оскорбленія, которыми преслѣдовали ихъ бунтовщики. Далѣе, въ своей рѣчи высказалъ безцеремонно оказанныя имъ услуги въ званіи военнаго министра, говоря: *я уни-*

чтожилъ военныя поселенія; Я возвратилъ кантонистовъ отцамъ ихъ; Я сократилъ срокъ службы для солдатъ и т. п. Вездѣ Я и Я, какъ будто бы налѣ Я не было другой высшей власти и воли.

Наконецъ графъ Ламбертъ Высочайшимъ рескриптомъ отъ 6 августа назначенъ исправляющимъ должность намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, и Высочайшимъ приказомъ, того же числа отданнымъ командующимъ 1-ю арміею, съ нимъ вмѣстѣ дежурный генералъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества генералъ-лейтенантъ и генералъ-адъютантъ Герштенцвейгъ назначенъ Варшавскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и главнымъ директоромъ внутреннихъ дѣлъ; а затѣмъ старецъ Сухозанетъ, награжденный алмазными знаками ордена св. Андрея, уволенъ въ отпускъ за границу.

Вотъ упомянутый Высочайшій рескриптъ на имя Ламберта:

Графъ Карлъ Карловичъ!

„Назначая васъ исправляющимъ должность намѣстника Моего въ Царствѣ Польскомъ, и облакая васъ полнымъ довѣріемъ, Я поручаю вамъ принять все мѣры къ благоуспѣшному дѣйствию государственныхъ учрежденій, дарованныхъ Царству указомъ Моимъ 14 (26) марта сего года. Остаюсь въ этомъ въ твердой увѣренности, что жители Царства просвѣщеннымъ и здравымъ умомъ своимъ поймутъ, что только въ правильномъ развитіи этихъ учрежденій они могутъ обрѣсти залогъ дальнѣйшаго успѣха въ самобытности управленія и общественнаго благосостоянія, а не въ раздорѣ и народныхъ волненіяхъ, поставляющихъ преграды къ осуществленію лучшихъ Моихъ намѣреній и предначертаній. Призовите къ содѣйствію въ трудахъ вашихъ людей способныхъ и благомыслящихъ, дабы дѣйствительныя нужды любезныхъ Мнѣ подданныхъ восходили ко Мнѣ чрезъ посредство ваше, какъ законное выраженіе общихъ желаній, зрѣло обдуманыхъ въ кругу просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ согражданъ, а не въ видѣ заявленія обманчивыхъ увлеченій, внушаемыхъ врагами всякаго порядка. Возстановите спокойствіе въ краѣ, а Я, съ своей стороны, съ радостью готовъ предать забвенію минувшее, и на довѣріе ко Мнѣ и любви Польскаго народа отвѣчать всегда тѣмъ же“.

По прибытіи Ламберта въ Варшаву, онъ и Сухозанетъ, 11 и 12 августа, каждый самъ отъ себя, отдали приказы по арміи, первый о своемъ вступленіи въ командованіе ею, при увѣренности, что все чины ея будутъ отличаться тѣмъ же благороднымъ стремленіемъ къ чести и пользѣ службы, и будутъ съ тѣмъ же возвышеннымъ самоотверженіемъ исполнять свои обязанности, какъ исполняли ихъ

„до нынѣ“.—Послѣдній о своемъ отбытіи, и при томъ воздавъ хвалу арміи, въ заключеніе сказалъ: „что онъ признаетъ священнымъ долгомъ свидѣтельствовать предъ Императоромъ, что превосходная армія Его Величества, которую украшала всегда слава военная, служить вмѣстѣ съ тѣмъ образцемъ дисциплины, являя примѣры высокаго самоотверженія тамъ, гдѣ этого ожидаетъ отъ нея служба Е. И. В.“.

12 числа вся военщина въ полной парадной формѣ откланивалась Сухозанету и пожелала ему добраго пути; а отъ него одни только генералы отправились къ Ламберту и представились ему.

Первымъ дѣломъ новаго начальника было снять съ площадей и общественныхъ садовъ палатки и солдатъ. Но эта черта миролюбія не была оцѣнена жителями. Того же 15 числа графъ принималъ духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій, сенаторовъ, высшихъ администратіонныхъ чиновниковъ и консуловъ. Подъѣзжая изъ Бельведера къ замку, онъ увидѣлъ полицейскихъ и жандармовъ, разставленныхъ по обыкновенію для сохраненія порядка, и приказалъ ихъ снять и болѣе не ставить. — Эта такъ понравилось толпившемуся около замка народу, что Ламберту, возвращавшемуся въ Бельведеръ, кричали: ура!

При поѣздкѣ Сухозанета за границу 14 жандармовъ охраняли его особу, но не смотря на то, гдѣ-то за г. Петровкомъ, во время слѣдованія поѣзда, угостили его крикомъ и камнями, которые падали на стѣны его вагона, не причиняя впрочемъ ему вреда, но фельдъегерь, сидѣвшій въ другомъ вагонѣ, получилъ ушибы.

Разсказываютъ за достоверное, что при назначеніи графа Ламберта намѣстникомъ, въ совѣтѣ подъ предѣтельствомъ Императора было разсуждаемо: соединить ли съ симъ званіемъ и званіе командующаго арміей? Кромѣ исправ. должность военного министра Милютинъ, всѣ прочіе члены полагали раздѣлить эту власть, но Милютинъ опровергъ ихъ мнѣніе, Государь съ нимъ согласился и Ламбертъ назначенъ и намѣстникомъ и командующимъ арміею.

23 августа я былъ у Ламберта и вручилъ ему письмо отъ княгини Горчаковой, просившей его покровительства вдовѣ генер. Нементовскаго и интенданту замка Стечковскому. Графъ былъ чрезвычайно вѣжливъ.

По приглашенію разбросанныхъ вожаками красныхъ, плакатовъ о выдуманныхъ ими будто бы въ Вильнѣ и Бѣлостокѣ убійствахъ, совершенныхъ нашими войсками надъ поляками, большая часть здѣшнихъ жителей облеклась въ глубокой трауръ, наполнили костелы, молились о небывалыхъ убійствахъ и о карѣ москочцевъ; въ этотъ день всѣ лавки и магазины были заперты.

20 августа, по случаю тезоименитства Императора былъ официаль-

ный обѣдъ у Ламберта. За то въ католическомъ костелѣ народъ при молебнѣ, когда заигралъ органъ „Te Deum“ прервалъ его и затянулъ зажигательный свой гимнь. У многихъ русски хъ, кои вечеромъ освѣтили свои окна, были выбиты стекла.

Въ виду увеличивавшихся въ городѣ безпорядковъ и буйствъ злоумышленниками, и многократно воспрещавшихся на улицахъ и площадяхъ народныхъ скопищъ, 10 сентября съ утверженія графа Ламберта сдѣлано въ отношеніи войскъ подробное распоряженіе и наставленіе, главные мотивы коихъ суть слѣдующіе:

Всѣми войсками, въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ расположенными, командуетъ генераль-лейтенантъ Хрулевъ.

Варшава, въ отношеніи командованія войсками, раздѣляется на двѣ половины, на правую или Замковую и на лѣвую или Бельведерскую.

Одна половина Варшавы подчиняется начальнику 4 пѣхотной дивизіи, другая — его помощнику.

Варшава по прежнему оставляется, касательно циркуловъ, раздѣленною на четыре военные отдѣла, и въ каждомъ отдѣлѣ располагается одинъ пѣхотный полкъ съ полковымъ штабомъ.

Настоящее раздѣленіе Варшавы на двѣ половины и четыре военные отдѣла имѣетъ цѣлю — прекращеніе безпорядковъ и поддержаніе полиціи въ томъ случаѣ, когда дѣйствія ея окажутся безуспѣшными.

По требованію полиціи для прекращенія безпорядковъ начальникъ отдѣла немедленно высылаетъ достаточное число войскъ.

По прибытіи этихъ войскъ на мѣсто происшествія дѣйствія полиціи прекращаются.

Начальникъ отдѣла тоекратно съ барабаннымъ боемъ увѣщеваетъ скопище разойтись, предваряя, что въ случаѣ непослушанія, будетъ употреблена сила и приказываетъ прочитать слѣдующее

О ВЪ Я В Л Е Н І Е .

„Именемъ закона требую, дабы вы разошлись, ибо въ противномъ случаѣ противъ оказывающихъ упорство употреблено будетъ оружіе, не исключая стрѣльбы“.

Въ случаѣ неповиновенія употребить силу, дѣйствуя преимущественно бѣлымъ оружіемъ, а въ крайности прибѣгать къ дѣйствию огнемъ, стараясь захватить предводителей скопищъ, подстрекателей и зачинщиковъ. На начальниковъ войскъ возлагается внушить всѣмъ

офицерамъ и нижнимъ чинамъ, что въ этомъ состоитъ главная цѣль ихъ дѣйствій при разсѣяніи скопищъ, а не въ томъ, чтобы ранить и убивать людей.

Раненыхъ и убитыхъ войска обязаны подобрать, не оставляя ни одного изъ нихъ въ рукахъ возмутителей.

Только однимъ совокупнымъ и дружнымъ дѣйствіемъ полиціи, предупреждающей беспорядки, и войска, поддерживающаго полицію, можно достигнуть водворенія прочнаго въ городѣ спокойствія.

Если потребуется собрать войска, въ Варшавѣ и окрестностяхъ расположенныя, въ сборные пункты въ городѣ, подается для того сигналъ для тревоги съ одного изъ трехъ пунктовъ: изъ Бельведера, по распоряженію командующаго 1-ю арміею въ случаѣ его пребыванія въ Бельведерѣ; съ главной гауптвахты Саксонской площади, по распоряженію военнаго генералъ-губернатора и изъ замка по распоряженію генерала Хрулева, въ случаѣ не нахождения въ замкѣ командующаго арміею. Сигналъ для тревоги, данный въ одномъ пунктѣ, повторяется и въ остальныхъ двухъ.

Сигналъ для тревоги состоитъ изъ 6 ракетъ, послѣдовательно пуценныхъ съ каждаго изъ тѣхъ трехъ пунктовъ, и изъ 6 пушечныхъ выстрѣловъ съ форта Владиміръ.

По сигналамъ тревоги войска собираются на сборныя мѣста согласно диспозиціи, составленной генер.-лейт. Хрулевымъ.

Войска должны слѣдовать какъ можно послѣшнѣе, въ боевой амуниціи, безъ ранцевъ.

По выступленіи изъ мѣстъ расположенія или при первомъ удобномъ случаѣ начальникъ каждой части напоминаетъ ей вкратцѣ, какъ опасно и предосудительно для солдата предаваться грабежу и тому подобнымъ беспорядкамъ.

Ни что не должно остановить или замедлить слѣдованіе войскъ къ мѣстамъ сборовъ по назначеннымъ имъ дорогамъ.

Бездѣйствіе и нерѣшительность вѣняются въ вину.

Въ случаѣ, если во время слѣдованія караула или команды по улицамъ, изъ какого либо дома будутъ сдѣланы выстрѣлы или брошены камни, то на выстрѣлы и камни не отвѣчать пальбой, а замѣтить только домъ и донести о томъ начальству.

Если на караулъ или команду во время ихъ слѣдованія начнутъ бросать камни или подобное, такъ что нельзя будетъ далѣе слѣдовать безопасно, то открывать себѣ путь оружіемъ.

Затѣмъ нарядъ войскъ, размѣщеніе оныхъ въ городѣ, назначеніе сборныхъ пунктовъ на случай тревоги и слѣдованіе войскъ къ онымъ, распредѣленіе начальниковъ частей и вообще всѣ предметы по управленію войсками, въ Варшавѣ расположенными, въ военномъ отношеніи предоставляются командующему войсками (т. е. генералъ-лейтенанту Хрулеву).

Не смотря на эти предписанныя мѣры, беспорядки въ городѣ продолжались. Такъ, 14 числа толпа напала на одну кузницу и снесла ее за то, что хозяинъ кузницы не позволилъ своимъ работникамъ идти въ костель, по приглашенію коноводовъ волненій.

Рѣдкій день не проходитъ, въ который бы не совершалось демонстраціи „набоженства“ по костеламъ цѣлыми цѣхами: портныхъ, сапожниковъ, жестяниковъ, кузнецовъ и тому подобныхъ ремесленниковъ съ ихъ женами, дѣтьми и работниками. Къ этому набоженству приглашаются за 2—3 дня литографированными тайнымъ образомъ плакатами, налѣпляемыми къ угламъ улицъ и дверямъ домовъ и костеловъ, и приказанію незримыхъ, во тьмѣ скрывающихся, агитаторовъ всѣ повинуются. По среди священнодѣйствія поютъ хоромъ пѣснь Богородицѣ „объ освобожденіи ойчизны отъ москвевцевъ“. Это главная цѣль костельныхъ сборищъ.

Такъ, 23 сентября рано утромъ въ кафедральной фарѣ св. Яна происходило набоженство, на коемъ присутствовалъ приглашенный цѣхъ чиновничій. — Въ прекращеніи подобнаго конунства власти не имѣли успѣха. Да и можно ли имѣть его, когда легкомысленный простой классъ вѣрить всякой нелѣпости? Такъ, 24 числа появилось объявленіе отъ имени Іисуса Христа, спадшее будто бы съ неба. Спаситель увѣщаетъ поляковъ съ удвоеннымъ усердіемъ приносить молитвы въ костелахъ объ освобожденіи ойчизны отъ варваровъ — москалей и устранить себя отъ всякихъ забавъ и увеселеній.

Назначенъ новый Варшавскій комендантъ; это генер.-лейтенантъ князь Бубетовъ. Назначеніе неудачное, особенно для настоящаго времени.

28 сентября совершенно было пышное, шумное, демонстративное погребеніе мятежнаго Варшавскаго митрополита *Филковскаго* при стеченіи многочисленнаго всѣхъ классовъ народа. Замѣчательны особенности этихъ похоронъ: 1) комиссія, устроивавшая погребеніе, увѣрила графа Дамборта *честнымъ словомъ*, что въ процессіи не будетъ никакихъ противо-правительственныхъ знаковъ и эмблемъ, и только подъ этимъ условіемъ графъ разрѣшилъ процессіи слѣдовать съ квартиры

умершаго въ каедральную фару длиннѣйшимъ путемъ по городскимъ принципиальнымъ улицамъ, обѣщаясь и самъ, какъ католикъ, присоединиться къ кортежу. Это разрѣшеніе дано было предъ самымъ выступленіемъ процессіи изъ дома Фіалковского, и коль скоро она вся вытянулась по улицѣ, а генералъ-губернаторъ замѣтилъ несущіяся противоправительственныя эмблемы и далъ о томъ знать Ламберту, то послѣдній и остался въ замкѣ, не выходя изъ своего кабинета.

2) Гробъ митрополита несли на рукахъ крестьяне, созванные изъ деревень.

3) Аристократъ изъ аристократовъ, графъ Андрей Замоискій шелъ подъ руку съ однимъ крестьяниномъ.

4) Въ процессіи участвовало одно только лицо въ военномъ русскомъ мундирѣ, — это былъ управляющій Ловичскимъ княжествомъ, полковникъ Гауке, прѣхавшій въ Варшаву самовольно изъ Ловича съ своими чиновниками и частью поселянами.

5) Въ числѣ хоругвей церковныхъ съ крестами на верху красовалось одно знамя, на которомъ съ одной стороны былъ изображенъ гербъ бывшаго крулевства „бѣлый орелъ“, а съ другой стороны гербъ Литвы „скачущій всадникъ“. Такіе же гербы несены были и на подушкахъ.

6) На челѣ регалій, несенныхъ предъ гробомъ, была на подушкѣ корона польскаго королевства. Эту демонстративную затѣю велемудрыя поляки объясняли тѣмъ, что Императоръ Александръ III въ Варшавѣ не короновался и не присягалъ, что исполнилъ Императоръ Николай, а по древнему закону, по смерти каждаго короля корона передавалась на сохраненіе примасу королевства, которымъ въ настоящее время былъ Фіалковский, то „ма се розумецъ“ при его погребеніи и корона была несена при его гробѣ. — И глупо, и жалко и смѣшно!

7) Въ хвостѣ кортежа шествовала толпа обоюга пола, устроенная въ шеренги, взявшіе другъ съ другомъ за руки, предводительствуемая ксендзами; это было оборванное, запачканное, полупьяное, отребье, или какъ называютъ поляки „*олота*“, выставленное агитаторами во головѣ всѣхъ волнѣй и демонстрацій.

На другой день похоронной демонстраціи появилось отъ подземныхъ волаковъ литографированное слѣдующее приглашеніе: „Ветераны бывшаго польскаго войска просятъ товарищей съ молодымъ поколѣніемъ на набожество за свободу, цѣлость и независимость ойчизны на 10/22 октября въ костель Бернардиновъ“ — Это приглашеніе было okayвлено рисункомъ, на которомъ изображался острогъ и старый полякъ въ цѣпяхъ, бѣлый орелъ, скачущій всадникъ, портретъ импе-

ратора и тому подобныя нелѣпости. — Это набоженство назначалось въ годовщину смерти польскаго героя, а русскаго врага, князя Юзефа Понятовскаго, погибшаго не 10, а 9 октября въ волнахъ Эльстера въ Лейпцигѣ 1813 года. Впрочемъ, это набоженство не состоялось.

Наконецъ, 2 октября Царство Польское намѣстникомъ, графомъ Ламбертомъ, объявлено состоящимъ на военномъ положеніи.

Не смотря на это объявленіе, агитаторы назначили 3 числа набоженство въ кафедральной фарѣ св. Яна и костелѣ Бернардиновъ и прочихъ костелахъ по давно-умершемъ *Костюшкѣ*. Правительство приглашало не дѣлать сего, но его не послушались и костелы наполнились народомъ, воспѣвавшимъ тамъ свои зажигательные гимны. Тогда приняты были крутыя мѣры: предъ дверьми двухъ помянутыхъ костеловъ, св. Яна и Бернардиновъ, поставлены были вооруженныя роты солдатъ съ тѣмъ, чтобы они каждаго выходящаго послѣ набоженства поляка арестовывали; когда же первые вышедшіе были задержаны, всѣ остальные, узнавъ о томъ, затворились въ костелахъ, и думали отсидѣться, но роты оставались на стражѣ весь день и ночь, выжидали выхода мятежниковъ для ихъ арестованія, а они не выходили, развлекаясь пѣніемъ своихъ гимновъ. Тогда на зарѣ прибѣгнули къ мѣрѣ рѣшительной, но повидимому неблагоприятной: солдаты, по приказанію высшаго начальства, вторгнулись въ тѣ два осажденные костела, арестовали всѣхъ мужчинъ (женщинъ оставили на свободѣ, а онѣ то и были яркими подстрекательницами) и отвели ихъ на дворъ замка, гдѣ имъ сдѣлали разборъ и до 200 человекъ отправили въ Александровскую цитадель, а всѣхъ прочихъ, которыхъ было вдвое болѣе, распустили по домамъ.

5 октября по опредѣленію католической духовной консисторіи сказанные два костела, какъ оскверненные вторженіемъ солдатъ, были закрыты для богослуженія; чрезъ нѣсколько дней закрыты и всѣ прочіе костелы въ Варшавѣ, а въ подражаніе имъ, по наущенію вожаковъ, закрылась и синагога.

Послѣ замкнутія костеловъ въ правительственной газетѣ напечатано слѣдующее объявленіе:

„Костелы св. Яна и Бернардиновъ заперты по распоряженію пре-
лата Вѣлобржескаго; поводомъ закрытія послужили будто бы сдѣлан-
ныя въ оныхъ злоупотребленія, изслѣдованіе которыхъ правительство
предоставило исполнѣ духовному начальству. Но вмѣстѣ съ тѣмъ
духовное начальство распорядилось прекращеніемъ богослуженія въ
другихъ костелахъ. Не видя никакихъ уважительныхъ основаній къ
такому распоряженію, правительство оставляетъ отвѣтственность за
всѣ послѣдствія, какія отъ сего произойти могутъ, на тѣхъ, которые
сдѣлали эти распоряженія“.

Что побудило къ насильственному вытаскиванію и выталкиванію изъ тѣхъ костеловъ *мирныхъ пьвуновъ* неугодныхъ правительству гимновъ и молитвъ? То, что свободные коноводы предназначались во что бы ни стало освободить заключенниковъ, и утромъ на другой день стали на улицахъ собираться толпы, чтобы идти для освобожденія, а слѣдовательно и нападенія на окружавшее костелы войско, что, разумѣется, повело бы къ кровопролитію, — чего Ламбертъ вовсе не хотѣлъ, и потому, по настоянію Герштейнцвейга, такъ сказать, *нехотя* согласился на упомянутое очищеніе костеловъ, которое и было выполнено прежде, чѣмъ агитаторы успѣли сформировать разрозненныя толпы въ массы для открытаго нападенія на войска и освобожденія плѣнныхъ изъ костеловъ. А за упомянутымъ очищеніемъ костеловъ послѣдовало, какъ выше сказано, и закрытіе ихъ для богослуженія.

Эта, по истинѣ печальная исторія имѣла болѣе печальный исходъ для одного изъ главныхъ ея дѣятелей.

Послѣ осажденія войсками костеловъ, насильственного очищенія ихъ отъ мятежниковъ, арестованія изъ нихъ болѣе виновныхъ и закрытія костеловъ, между намѣстникомъ Царства и Варшавскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, обращавшихся другъ съ другомъ на *ты*, неизвѣстно изъ — за чего, по этому происшествію возникла распря и ссора, послѣдствіемъ коей была дуэль на *смерть по американски*; несчастный жребій выпалъ Герштейнцвейгу и онъ, 6 октября, возвращаясь отъ Ламберта въ Брюлевскій дворецъ, гдѣ квартировалъ, побѣдалъ съ своимъ адъютантомъ, соснулъ и потомъ изъ револьвера пустилъ въ себя пулю, но только нанесъ себѣ тяжелую рану, и въ безсознательномъ состояніи оставаясь отъ раны, скончался 24 октября. Это былъ отличный и способный генераль въ русскихъ войскахъ, дѣятельный и образованный. Кажется, судьба тяготѣла надъ этою фамиліею: и отецъ его, корпусный командиръ при Императорѣ Николаѣ, сдѣлался самоубійцею.

11 октября графъ Ламбертъ отдалъ слѣдующій приказъ по арміи:

„По случаю постигшей меня неожиданной болѣзни, требующей освобожденія отъ дѣлъ, хотя и кратковременнаго, Государю Императору благоугодно было поручить командованіе 1-ю арміею и исполненіе должности намѣстника въ Царствѣ военному министру генераль-адъютанту Сухозанету“. Затѣмъ отправился за границу *безъ поворота*, пробывъ здѣсь въ своихъ должностяхъ ровно два мѣсяца.

Назначеніе Ламберта сюда было крайне неудачно; мяткій, кроткій, вѣжливый, но безъ энергіи, при постоянной своей болѣзни, онъ не въ состояніи былъ управлять рулемъ, ему вѣреннымъ, въ столь бурное время. — Въѣтъ съ упомянутымъ выше приказомъ Ламберта от-

данъ былъ приказъ и явившагося изъ заграницы генер. Сухозанета о вступленіи имъ, по Высочайшему повелѣнію, въ должности *временно* намѣстника и главнокомандующаго, и на другой же день мы имѣли честь представляться ему въ замкѣ.

А между тѣмъ Высочайшимъ приказомъ *еще 9 октября* генераль Лидерсъ былъ уже назначенъ *на время отсутствія* Ламберта исправляющимъ должность намѣстника въ Царствѣ и *временно* главнокомандующимъ арміею. Этотъ ералажъ въ назначеніи трудно и распутать.

Съ закрытіемъ костеловъ толпы стали собираться предъ дверями оныхъ и воспѣвать свои мятежные гимны, но при появленіи войскъ разбѣгались во все стороны, чтобы не быть арестованными.

Учреждены двѣ военныя слѣдственные комиссіи и одна военно-судная для мятежниковъ арестованныхъ и арестуемыхъ, которыхъ много уже набралось.

Между Сухозанетомъ и маркизомъ Веліопольскимъ бывшее и прежде у нихъ несогласіе теперь возобновилось съ новою силою и первый изъ нихъ отправилъ въ Петербургъ съ объясненіями генераль-маюра Потапова, а чрезъ нѣсколько дней вызванъ туда и самъ надмѣнный марквизъ. Этотъ полякъ, какъ изъ всего видно, пользуется значеніемъ и довѣріемъ при нашемъ дворѣ.

23 числа прибылъ въ Варшаву и генераль-адъютантъ Лидерсъ, и на другой день мы представлялись ему; но не прежде онъ вступилъ въ отправленіе своихъ должностей, какъ по полученіи о своемъ назначеніи упомянутаго выше Высочайшаго приказа 9 октября, непонятно почему задержаннаго столь долго въ Петербургѣ и полученнаго здѣсь только 28 октября.

При представленіи нашемъ Лидерсу присутствовалъ и Сухозанецъ, который, по удаленіи Лидерса въ свой кабинетъ, по случаю назначеннаго имъ 2 ноября отъѣзда въ Петербургъ произнесъ къ намъ *прощальную* рѣчь. — Мы были очень довольны разстаться съ этимъ велемудрымъ мужемъ, ни какъ не ожидавшимъ себя въ Петербургѣ сюрприза, заключавшимся въ томъ, что онъ 13 ноября назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а военнымъ министромъ — генераль Милютинъ.

Прелатъ Бѣлобржескій арестованъ, посаженъ въ цитадель и преданъ военному суду по полемому уголовному уложенію за незаконное замкнутіе Варшавскихъ костеловъ и за сопротивленіе приказаніямъ намѣстника, графа Ламберта. Судъ приговорилъ лишить его священническаго сана и званія, ордена св. Анны, и *разстрѣлять*. На-

мѣстникъ же Лидерсъ, вмѣсто разстрѣленія опредѣлилъ сослать его на поселеніе; но Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ Бѣлобержскаго отправить на годъ въ казематъ крѣп. Динабурга съ тѣмъ, чтобы ему тамъ были предоставлены всѣ выгоды и удобства для его жизни. Замѣчательно, что при объявленіи ему судомъ приговора разстрѣлять—онъ зарыдалъ и покаялся въ своей винѣ.

Почти одновременно съ прелатомъ Бѣлобержскимъ арестованъ и отправленъ въ цитадель болѣе важный въ іерархіи израиля, достойный раввинъ Мозейшъ, за злобредныя его дѣянія противъ правительства при возмущеніи. Но этотъ талмудистъ-фанатикъ жизни строгой и всѣми уважаемый, по милости связи съ банкирами—евреями, избѣгъ кары правосудія и токмо, какъ австрійскій подданный, высланъ въ Краковъ.

По Высочайшему повелѣнію потребовано свѣдѣніе объ образѣ мыслей штабъ и оберъ-офицеровъ. Спрашивается: для чего?

Въ Варшавѣ выходятъ три подпольные литографированные листка революціоннаго содержанія.

Въ числѣ запертыхъ въ Варшавѣ католическихъ костеловъ былъ замкнутъ и уніатскій Базилиановъ или св. Василія. Но уніатскій епископъ, живущій въ г. Холмѣ, узнавъ о томъ, предписалъ настоятелю того костела отворить оный и совершать въ немъ богослуженіе.

При первомъ же священнодѣйствіи два поляка-католика вошли въ костель и дерзостно воспрещали священнику прекратить богослуженіе и запереть костель попрежнему, но были схвачены, арестованы и отправлены въ цитадель.

Два мѣсяца какъ генералъ Лидерсъ управляетъ Царствомъ и Варшавою и уже слышны нареканія близкихъ къ нему подчиненныхъ въ равнодушіи къ дѣламъ; онъ упорно сдержанъ и молчаливъ; это нѣмецъ тяжелый, непривѣтливый, но любитель прекраснаго пола; зять его, Веймаръ, оскорбительно отзываясь о нравственности своего высокопревосходительнаго тестя.

Закончу этотъ годъ полученнымъ извѣстіемъ, что въ Римѣ посвященъ выбранный нашимъ правительствомъ С.-Петербургскій ксендзь Фелинскій въ архіепископы Варшавской епархіи, и прибытія его скоро здѣсь ожидаютъ. Безъ сомнѣнія, онъ сниметъ печати съ костеловъ, но воспротивится ли пѣнію въ однихъ гимновъ?—это мы увидимъ.

Относительно собственно себя, положеніе мое не измѣнилось ни къ лучшему, ни къ худшему. Обязанности мои, какъ инспектора, выиспи-

лись въ полученной мною въ ноябрѣ мѣсяцѣ мною составленной и утвержденной намѣстникомъ инструкціи, которая однако же оставалась безъ всякаго дѣйствія, потому что рекрутскаго набора въ Царствѣ не было; я попрежнему являлся въ полевой аудиторіатъ два раза въ недѣлю въ качествѣ члена высшаго въ арміи суда, коллегіально выслушивалъ дѣла и размашисто подписывалъ приговоры. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ аудиторіатъ лишился своего почетнаго предсѣдателя генерал-лейтенанта Карловича, который по представленію Сухозанета, за старостью (70 л.) уволенъ отъ службы полнымъ генераломъ съ пенсією, и для смягченія сдѣланной ему несправедливости съ арендою на 6 лѣтъ по 1500 р. въ годъ, — и приобрѣлъ новаго предсѣдателя въ лицѣ члена того же аудиторіата генераль-лейтенанта Мазуркевича, неграмотнаго колпака и поляка.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ по вліянію зятя Лидерса, я по приказанію сего генерала и главнокомандующаго, мимо моего желанія, представилъ старшаго моего помощника, подполковника Тухолку въ полковники, и воспользуясь этимъ случаемъ, представилъ собственно отъ себя другаго моего старшаго помощника подполковника Гацфельда въ Станиславу 2-й ст. съ короною, каковыя награды они и получили. Самъ же я сдѣлалъ большую глупость, отказавшись, по неумѣстной совѣстливости, отъ представленія и мнѣ награды.

Въ августѣ мѣсяцѣ жена моя, по приглашенію княгини Горчаковой, ѣздила къ ней въ Берлинъ; при свиданіи княгиня была чрезвычайно растрогана и, обнимая, рыдала. Изъ Берлина жена моя съ дочерью княгини, Софією, ѣздила въ Потсдамъ для осмотра рѣдкостей.

1862 годъ.

Январь. Лидерсъ ѣздилъ на границу для встрѣчи *возлюбленной* своей племянницы, вдовы Дараганъ.

Задумалъ было я объ отставкѣ и приготовилъ уже для того всѣ бумаги, но, по зрѣломъ размысленіи, отмѣнилъ свое намѣреніе, и вмѣсто отставки подалъ прошеніе объ отпускѣ къ германскимъ водамъ на 4 мѣсяца.

Президентъ Варшавы, Андро (побочный сынъ графа Ланжерона) поступилъ въ Сенатъ, а на его мѣсто назначенъ Войда.

Генераль Затлеръ, *отставленный* изъ военной службы по суду, захотѣлъ быть членомъ русскаго клуба; его не приняли, какъ оглашеннаго по злоупотребленіямъ въ Высочайшемъ приказѣ. Пріѣхалъ

Лидерсъ, Затлеръ пожаловался и временно-главнокомандующій приказалъ его принять, что клубомъ и исполнено безъ возраженій и баллотировки.

Прибыль новопоставленный Варшавскій архіепископъ, Фелинскій; со станціи желѣзной дороги его сопровождалъ почетный конный эскортъ изъ жандармовъ и казаковъ. На другой день онъ сдѣлалъ визитъ намѣстнику, адъютантъ коего, князь Урусовъ, встрѣтилъ его эминенцію у подъѣзда, испросилъ благословеніе и облобызалъ его десницу. Того же дня онъ открылъ всѣ запертые костелы и самъ совершилъ богослуженіе въ кафедральномъ соборѣ св. Яна; а вечеромъ появилась уже и литографированная карикатура, представлявшая архіепископа съ двумя ключами въ рукахъ и каскою на головѣ. Фелинскій — мужчина ражій и каска пристала къ его лицу.

Но за нѣсколько дней до прибытія прелата, Лидерсъ, пригласивъ къ себѣ польскихъ гражданскихъ чиновниковъ, объявилъ имъ, что если жены ихъ и дочери будутъ продолжать пѣть въ костелахъ запрещенные гимны, то главы семействъ получаютъ увольненіе отъ службы, а присутствовавшій при этомъ генераль Крыжановскій добавилъ: *«оттадутся подъ военный судъ»*.

Февраль. Въ день восшествія на престолъ легкомысленные поляки ожидали объявленія имъ конституціи, но вмѣсто ея и въ память сего торжественнаго дня Лидерсъ смягчилъ наказаніе 70 преступникамъ, виновнымъ по возмущенію.

Въ замѣтъ Лидерсъ для потѣхи своей племянницы приказалъ устроить солдатскій театръ, и первая пьеса, разыгранная нижними чинами, была Гоголевскій „*Ревизоръ*“. Много смѣялись надъ солдатами *въ юбкахъ*.

Мартъ. Архіепископу Фелинскому красные, въ особенности студенты, сдѣлали въ кафедральномъ соборѣ демонстрацію; при богослуженіи, когда прелатъ взошелъ на кафедру и сталъ говорить назидательную, не въ духѣ мятежниковъ, проповѣдь, чего они никакъ не хотѣли допустить, въ разныхъ мѣстахъ костела начали махать шапками, кашлять, шикать, и одинъ, болѣе дерзкій, закричалъ, чтобы народъ выходилъ изъ костела, и выталкивали не выходившихъ. Но порядокъ вскорѣ возстановленъ, проповѣдь окончена, а изъ числа злочинцевъ 15 были арестованы уже за дверями храма и отправлены въ цитадель. Въ тотъ же день члены государственнаго польскаго совѣта явились къ своему сотоварищу Фелинскому съ изъясненіемъ глубокаго сожалѣнія о случившемся и нанесенномъ ему оскорбленіи.

Апрѣль Въ день Пасхи, по представленію Лидерса вышли награды, по обыкновенію въ количествѣ ужасающемъ. Лидерсъ отправился

• въ Петербургъ съ огромною свитою, взявъ съ собою и родную свою дочь, г-жу Веймарнъ, и внучку, а другую внучку съ племянницею своею, Дараганъ, для безопасности отъ здѣшнихъ мятежниковъ только на время своего отсутствія отправилъ въ Дрезденъ. Это отсутствіе Лидерса продолжалось 15 дней.

Въ день рожденія Государя Императора объявлены милости и для провинившихся поляковъ: такъ, 89 лицъ, отданныхъ или въ солдаты, или содержащихся въ крѣпостяхъ, или же отправленныхъ на временное пребываніе въ дальнія русскія губерніи, повелѣно освободить и возвратить на родину; въ томъ числѣ 12 ксендзовъ и одинъ лютеранскій пасторъ; сверхъ того 18 преступникамъ уменьшены наказанія. Разумѣется, это возвращеніе прибавило существенный контингентъ злоумышленниковъ и враговъ правительства; въ особенности не слѣдовало возвращать ксендзовъ, этихъ правилегированныхъ нашихъ непріятелей.

Въ тотъ же высокаторжественный день, въ воспоминаніе пресловутой конституціи 3 мая, при богослуженіи въ костелѣ св. Крыжа происходило пѣніе зажигательнаго гимна, а при арестованіи при выходѣ изъ костела учениковъ учебныхъ заведеній, этихъ главныхъ запѣваль, полетѣли на полицейскихъ камни, и только подоспѣвшій сильный военный патруль могъ разсѣять мятежную толпу.

Высочайшимъ приказомъ 17 апрѣля графъ Ламбертъ уволенъ отъ званія командующаго 1-ю арміею и исправляющаго должность на-мѣстника. Между тѣмъ Лидерсъ попрежнему остается только временнымъ начальникомъ и повидимому его не хотятъ назначать настоящимъ, и въ торжественный день 17 апрѣля, когда онъ былъ въ Петербургѣ, его высокопревосходительство удостоился назначенія членомъ государственнаго совѣта.

Май. Распространенъ слухъ о назначеніи великаго князя Константина вице-королемъ Царства Польскаго. Дѣло возможное.

Прибыль сюда генераль-адъютантъ графъ Адлербергъ съ письмомъ отъ Императора къ Лидерсу и спустя нѣсколько дней обратно отправился въ Петербургъ съ письмомъ же Лидерса къ Его Величеству, захвативъ съ собою появившійся въ Варшавѣ плакатъ, возвѣщавшій народу, что „изъ дома цареубійствъ (?) назначается въ Царство Вице-король“, и приглашающій не дѣлать ему встрѣчи и попрежнему оставаться въ траурѣ.

Главный штабъ 1-й арміи назначенъ къ расформированію, какъ носятся слухи о томъ.

Слухи подтвердились: послѣдовало официальное назначеніе великаго

князя Константина наместником Царства Польскаго; а маркиза Веліпольскаго — наместником гражданской части въ Царствѣ. Лидерсъ же, оставаясь пока временнымъ командующимъ арміею, возведенъ въ графское достоинство.

Вместѣ съ упомянутымъ выше назначеніемъ — губернаторъ Минской губерніи, графъ Келлеръ, главнымъ директоромъ внутреннихъ дѣлъ и нѣкій Крживецкій — главнымъ директоромъ исповѣданій и народнаго просвѣщенія въ Царствѣ; оба по ходатайству высококельможнаго маркиза Веліпольскаго.

Іюнь Хотя по Высочайше — утвержденному уставу о рекрутскихъ наборахъ въ Царствѣ, я, какъ инспекторъ, подчинялся одному только наместнику и получалъ только отъ него предписанія и приказанія, не менѣе того однако же я считалъ не лишнимъ представиться и маркизу Веліпольскому, какъ начальнику всей гражданской части въ Царствѣ. Онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ Брюлевекаго дворца и былъ чрезвычайно вѣжливъ и любезенъ, посадилъ меня на софу, а самъ сѣлъ въ кресло подлѣ меня; мы объяснялись, онъ по польски, я по русски и частью по польски; онъ сказалъ, что прожилъ семь мѣсяцевъ въ Петербургѣ и не могъ выучиться по русски. Разговорились о рекрутскомъ наборѣ; онъ былъ согласенъ съ моимъ мнѣніемъ, что слѣдовало бы очистить города отъ безпокойной черни и въ нихъ произвести усиленный наборъ, а селенія отъ набора освободить. Я спѣшилъ его оставить; онъ пожалъ мнѣ руку и благодарилъ меня за сдѣланную ему мною честь.

Полученъ отъ военнаго министра печатный проектъ подъ заглавіемъ: „главныя основанія предполагаемаго устройства военнаго управления по округамъ для сдѣланія по оному начальствующими лицами своихъ замѣчаній“. По этому проекту корпусные штабы и главный штабъ 1-й арміи на мирное время упраздняются и вся Имперія раздѣляется на *военные округа*.

Должность Варшавскаго военнаго генераль-губернатора и его управление упразднены.

Въ 7^{1/2} часовъ утра, по обыкновенію графъ Лидерсъ прогуливался въ Саксонскомъ общественномъ саду, на устроенныхъ въ немъ минеральныхъ водахъ, которыя онъ употреблялъ, и, противъ всякаго ожиданія, получилъ изъ револьвера тяжелую рану въ лицо отъ покушавшагося на жизнь его злодѣя, который тогда же скрылся и не былъ задержанъ гулявшею на водахъ публикою. Это случилось 15 іюня и въ тотъ же день, по болѣзни Лидерса, вступилъ въ командованіе арміею начальникъ артиллеріи, генераль-адъютантъ Мерхилевичъ; а 16 іюля Высочайше повелѣно великому князю Константину вступить въ командованіе арміею на правахъ главнокомандующаго.

По Высочайшему повелѣнію всѣ воскресныя школы, состоящія въ войскахъ для нижнихъ чиновъ, закрыты.

20 іюня новыи намѣстникъ Царства, великій князь Константинъ, съ своимъ семействомъ изволилъ прибыть въ Варшаву, расположиться въ Бельведерскомъ дворцѣ и удостоить своимъ посѣщеніемъ раненаго графа Лидерса.

21 іюня. Утромъ въ Лазенковскомъ дворцѣ великому князю представлялись военныя и гражданскія чины, духовенство и иностранныя консулы. Послѣ того Его Высочество посѣтилъ соборы: — православный и римско-католическій, а потомъ вечеромъ былъ въ большомъ театрѣ. Послѣ окончанія пьесы, когда великій князь спустился къ плохо освѣщенному подъѣзду и сѣлъ въ свой кабриолетъ съ адъютантомъ Бремзеномъ, къ нему подошелъ неизвѣстный человекъ и въ упоръ выстрѣлилъ изъ револьвера въ Его Высочество; къ счастью пуля попала въ эполетъ, пробила его платье и ранила лѣвое плечо, безъ поврежденія кости; злодѣя схватили, нашли при немъ еще и кинжалъ, а револьверъ былъ заряженъ 6-ю зарядами; при задержаніи онъ проглотилъ какое-то ядовитое вещество, но принятыми мѣрами извергнувъ его и былъ отправленъ въ цитадель. Это былъ подмастерье портнаго 22 лѣтъ, по прозванію *Ярошискій*, покусившійся на жизнь великаго князя, какъ по слѣдствію оказалось по наущенію другихъ, того же вечера бѣжавшихъ изъ Варшавы.

22 числа военное генеральство приносило Его Высочеству поздравленіе съ чудеснымъ спасеніемъ отъ покушенія на его жизнь. Великій князь вышелъ къ намъ одѣтымъ въ военное пальто, имѣя лѣвую руку на перевязи; онъ былъ веселъ и разговорчивъ; самъ изволилъ разсказать о случившемся съ нимъ. Онъ полагалъ, что подходящій къ его кабриолету незнакомецъ съ протянутыми руками хочетъ подать прошеніе, но онъ вовсе не ожидалъ выстрѣла; что, возвратившись въ Бельведеръ, великій князь замѣтилъ, что лѣвая бакебарда была вся въ порохѣ, сдѣлалась меньше, чѣмъ правая, и что онъ не чувствуетъ никакой боли отъ раны; просилъ не питать никакого мнѣнія къ полякамъ, говоря, что онъ присланъ сюда Императоромъ въ качествѣ *примирителя*; просилъ также держать въ войскахъ *благоразумную* дисциплину. Въ заключеніе, отпуская насъ, благодарилъ какъ отъ самаго себя, такъ и отъ имени августѣйшей своей супруги за наше участіе.

Въ тотъ же день въ римско-католическомъ соборѣ совершенно было благодарственное молебствіе, при которомъ архіепископъ Фелияскій произнесъ соотвѣтственную проишествію назидательную рѣчь, въ заключеніе которой убѣждалъ свое духовенство, и съ церковной кафедрой, и при иновѣдѣ, и въ домахъ наставлять своихъ духовныхъ

дѣтей въ исполненіи христіанскихъ обязанностей. Но это для всендзовъ было „гласъ вопиющій въ пустыни“.

23-го же числа подобное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ совершилось и въ православномъ соборѣ.

Польская злонамѣренность послѣ происшествія стала распускать слухъ и увѣрять народъ, что преступникъ вовсе не полякъ, а русскій, посланный изъ Петербурга тамошними русскими заговорщиками по пятамъ великаго князя для лишенія его жизни. А болѣе завзятые изъ красныхъ подбросили анонимныя письма къ маркизу Великопольскому и генераламъ Хрулеву и Крыжановскому, которыми угрожали и ихъ лишить жизни.

Въ день рожденія великой княгини Александры Іосифовны военные и гражданскіе чины послѣ богослуженія въ Лазенковской церкви въ томъ же дворцѣ принесли поздравленіе и были допущены къ цѣлованію ея руки.

Спустя нѣсколько дней послѣ нападенія на намѣстника, Варшавскій оберъ-полиціймейстеръ, генераль-маіоръ Пильсудскій уволенъ отъ должности. До того онъ былъ полиціймейстеромъ въ Москвѣ и сюда назначенъ по рекомендаціи Московскаго оберъ-полиціймейстера Погапова, когда сей послѣдній въ Варшавѣ преобразовывалъ и устраивалъ здѣшнюю полицію. Разумѣется, Пильсудскій (польской расы) послѣ случившихся при немъ двухъ крупныхъ событій, (нападенія и раненія графа Лидерса и особенно великаго князя) не могъ внушить къ себѣ довѣрія и долженъ былъ потерять мѣсто. Пильсудскаго замѣнилъ сынъ оберъ-шенка Муханова подполковникъ Мухановъ, баричъ и льбятій; выборъ крайне неудачный.

Іюль. 1 іюля въ квартирѣ предсѣдателя аудиторіата генераль-лейтенанта Мазуркевича, собравшееся генеральство для поздравленія его съ 50-лѣтнимъ юбилеемъ службы и полученіемъ аренды на 12 лѣтъ по 2 тысячи рублей въ годъ, узнало, что у великаго князя въ 9 часовъ утра родился сынъ, названный *Вячеславомъ*, и потому отправилось въ Бельведеръ и принесло поздравленіе его высочеству. Онъ не ожидалъ такого сюрприза, удивился, что такъ скоро мы узнали о рожденіи сына, и благодарилъ за поздравленіе; а 27 іюля совершено было въ придворной Лазенковской церкви по Высочайше утвержденному церемонаіалу и крещеніе. Крестнымъ отцомъ былъ Государь Императоръ, но Его мѣсто заступалъ прибывшій изъ Петербурга великій князь Александръ Александровичъ.

За два дня до крещенія издано слѣдующее „объявленіе по войскамъ въ Царствѣ Польскомъ расположеннымъ:

„Въ ознаменованіе чудескаго спасенія Его И. В. Великаго Князя

„Константина Николаевича отъ руки убійцы и въ память рожденія
 „В. К. Вячеслава Константиновича, жителя Варшавы православнаго
 „въроисповѣданія, т. е. военнoслужашіе и гражданскіе чины, пожелали
 „соорудить общими средствами икону Спасителя для Варшавскаго ка-
 „едральнаго православнаго собора. По всеподданнѣйшемъ о семъ
 „докладѣ Государю Императору, Его Величество съ особеннымъ удо-
 „вольствіемъ соизволилъ на таковое приношеніе и Высочайше пове-
 „лѣлъ: благодарить всѣхъ жертвователей. — Далѣе „объявленіе“ пред-
 „лагаетъ жертвуемыя деньги отправлять къ генераль-интенданту Си-
 „нелъникову, изъявившему готовность принять на себя исполненія этого
 священнаго дѣла.

Графъ Ладерсъ, уволенный до излѣченія болѣзни, отправился за-
 границу съ дочерью, племянницею и двумя внучками. За 8 мѣсячную
 его службу въ Варшавѣ и полученную имъ рану, ему назначено по-
 жизненнаго содержанія изъ государственнаго казначейства по 15 тыс.
 руб. въ годъ, ежегодной пенсіи изъ казны Царства по 10 тыс. руб.
 и аренда на 12 лѣтъ по 4 тыс. руб. въ годъ, и сверхъ того выдано
 на поѣздку 10 тыс. руб. Старикъ добрый, но слабый и плохой адми-
 нистраторъ.

По случаю упраздненія учрежденій 1-й арміи и 1-го, 2-го и 3-го
 армейскихъ корпусовъ съ ихъ штабами, равно званій главнокоман-
 дующаго арміею и командировъ тѣхъ корпусовъ, учреждены для
 управленія войсками той арміи три *военные округа*: Варшавскій (въ
 Царствѣ Польскомъ) Виленскій и Кіевскій. Командующимъ войсками
 Варшавскаго округа подъ главнымъ начальствомъ великаго князя
 назначенъ генераль-адъютантъ баронъ Рамзай, которому и отданъ
 былъ о томъ приказъ, замѣчательный слѣдующими заключительными
 словами: „Да здравствуетъ Государь Императоръ! Да здравствуетъ
 „Государь Намѣстникъ для счастія и благоденствія Россіи и Поль-
 „ши“! Мы представлялись его высокопревосходительству. Онъ подаль
 мнѣ надежду, что рекрутскаго набора на сей годъ не будетъ. Мар-
 кизъ Веліопольскій предлагалъ великому князю для охраненія его
 особы при выѣздахъ учредить особый небольшой отрядъ *гидовъ* изъ
 Варшавскихъ почетныхъ обывателей, но его высочество отклонилъ это
 предложеніе, безъ сомнѣнія полагая, что конвой его, изъ линейныхъ
 казаковъ состоящій, лучше охранить его особу.

15 іюля былъ первый выѣздъ великаго князя послѣ полученія имъ
 раны, онъ посѣтилъ Веліопольскаго, барона Рамзая и архіепископовъ:
 Тоанникія и Фелинскаго. — Странно, мы русскіе о состояніи здоровья
 его высочества почерпали свѣдѣнія изъ С.-Петербургскихъ русскіихъ
 газетъ.

26 числа произведено покушеніе на жизнь маркиза Веліопольскаго;

сдѣлано по немъ въ близкомъ разстояніи два выстрѣла изъ револьвера и оба мимо; тогда злодѣй пустился въ бѣгство, и на бѣгу принялъ ядъ, не въ большомъ однако же количествѣ, но былъ пойманъ и отправленъ въ цитадель, гдѣ дали ему противоядіе. Это былъ работникъ въ литографіи, 19 лѣтъ, пьяница и развратной жизни, по прозванію Рилль.

28 числа въ ознаменованіе рожденія Государыни Императрицы и совершившагося святаго крещенія великаго князя Вячеслава, его высочество намѣстникъ изволилъ оказать милосердіе 114 политическимъ преступникамъ, сосланнымъ въ русскія губерніи, и разрѣшилъ имъ возвратиться въ Царство Польское *на наши головы*.

Августъ. 3 августа новое покушеніе на жизнь маркиза Веліопольскаго.

Въ 7^{1/2} часовъ вечера онъ съ женою проѣзжалъ въ открытомъ экипажѣ по Уяздовской аллеѣ, какъ неожиданно со стороны устремился на него неизвѣстный съ огромнымъ въ рукѣ кинжаломъ, и былъ уже вблизи дверецъ экипажа, но маркизъ выхватилъ изъ кармана пистолеть и прицѣлился въ него; тогда злодѣй, при видѣ направленнаго на него пистолета, бросился въ сторону и бѣжалъ, размахивая кинжаломъ, конецъ котораго былъ отравленъ ядомъ. Его поймали и отправили въ цитадель. Это былъ 19-лѣтній работникъ, по прозванію Ржонца, изъ той же литографіи, въ которой находился и Рилль.

На другой день принесено было поздравленіе Веліопольскому и совершенно благодарственное молебствіе въ фарѣ св. Яна. При поздравленіи главный директоръ финансовъ, камергеръ Ленскій, отъ имени администраціоннаго совѣта умолялъ маркиза не выѣзжать безъ конвола, и глава гражданскаго управленія благодарилъ за такое къ нему участіе и въ заключеніе сказалъ: „что при настоящихъ обстоятельствахъ, болѣе чѣмъ когда нибудь жизнь его принадлежитъ краю, и что никакіе злодѣйскіе замыслы не подавятъ его духа и не обратятъ съ задуманной имъ цѣли“. (А цѣль эта была, какъ впоследствии оказалось, отдѣлить Царство отъ Россіи и сдѣлать его самоуправляемымъ и самостоятельнымъ подъ короною царя). Нѣсколько дней спустя, маркизъ получилъ анонимное, на французскомъ языкѣ крайне неразборчивымъ почеркомъ писанное, письмо, въ которомъ говорилось, что не будетъ публичнаго покушенія на его жизнь, но что зарѣжутъ его въ постели и вырѣжутъ все его семейство. Отъ этого письма послѣ прочтенія у маркиза сдѣлалось головокруженіе и обморокъ, продолжавшійся полчаса, и потому полагали, что оно было отравлено окурениемъ какимъ либо ядовитымъ веществомъ.

Послѣ сдѣланнаго покушенія на Веліопольскаго, онъ президента

Варшавы, войду, какъ объявлено для пользы службы, уволилъ отъ должности и на мѣсто его назначилъ родного своего сына, камергера гр. Веліопольскаго.

Между тѣмъ трое преступниковъ, покушавшихся на жизнь великаго князя и маркиза Веліопольскаго, были судимы военнымъ судомъ по полевому военному уложенію при открытыхъ дверяхъ и при защитникахъ и приговорены къ смертной казни *чрезъ повѣшеніе*, каковая казнь и исполнена: надъ Ярошинскимъ 9-го, а надъ Ржонцемъ и Риллемъ 14-го августа.

Вечеромъ 9 числа въ разныхъ мѣстахъ Варшавы подняты были литографированныя [объявленія или воззванія, чтобы 16 числа во всемъ краѣ совершены были панихиды по душѣ новаго мученика свободы Ярошинскаго, героя, умершаго на висѣлицѣ за то, что всею душой возлюбилъ свою отчизну и посвятилъ себя для ея пользы, приглашая взять съ него примѣръ и научиться принести въ жертву Польшѣ свою жизнь.

Веліопольскій началъ приводить въ исполненіе свои затѣи о самоуправленіи Царства Польскаго, такъ, — почтовое вѣдомство и округъ путей сообщенія выдѣлялись изъ подъ опеки Россійскаго С.-Петербургскаго министерства, и это сдѣлано по представленію великаго князя намѣстника.

Его высочество съ семействомъ изволилъ перебраться изъ Бельведера въ Лазенковскій дворецъ.

Сентябрь. Самое крупное событіе этого мѣсяца былъ съѣздъ въ Варшаву многочисленныхъ помѣщиковъ и составленный ими подъ редакцію графа Андрея Замойскаго на французскомъ языкѣ адресъ или письмо къ сему послѣднему, здѣсь въ переводѣ предлагаемый:

Г о с п о д и н ѣ Г р а ф ѣ!

„Безпримѣрныя въ лѣтописяхъ бѣдствія Польши, прекращая политическое ея существованіе, не успѣли поколебать духъ народа, ни исказить, ниже охладить пламенное сознаніе объ историческомъ его признаніи.

„Духъ народа возмужалъ самоотверженіемъ и самопожертвованіемъ, чувства окрѣпли страданіями и вѣрою въ будущее, и въ роковыя минуты вопіеть о возвратѣ отнятыхъ у насъ, вѣками освященныхъ, нашихъ правъ и свободы.

„Мы въ минувшемъ году повергли уже къ ступенямъ престола адресъ; впоследствии же, бывъ призваны къ изъявленію голосовъ при

„выборѣ членовъ въ уѣздные и городовые совѣты, мы заявили въ
„прошеніи, поданномъ на имя бывшаго тогда намѣстника, скрѣплен-
„номъ 20000 подписей, что только представители по выборамъ, на-
„дѣленные правомъ гласно изъяслять свои мнѣнія, могутъ представить
„всѣ нужды края; всѣ же данныя нынѣ льготы не въ состояніи пре-
„дупредить грозящія ему бѣдствія.

„Военное положеніе устранило возможность изложенія нашихъ же-
„ланій; непринятія же вторично во вниманіе нужды края привелу
„многихъ къ несчастнымъ послѣдствіямъ.

„Нынѣ опять мы, поляки, во имя общественнаго порядка и евро-
„пейской цивилизаціи, основываясь на воззваніи *) Великаго Князя,
„чтобы не дозволить странѣ нашей шествовать по краю пропасти безъ
„исхода, прибыли изъ всѣхъ окрестностей ея, и за недостаткомъ иного
„пути къ изъясленію нашихъ желаній, утруждаемъ Васъ, Графъ, въ
„полной увѣренности, что, олицетворяя въ себѣ духъ нашего народа,
„Вы не оставите представить Великому Князю наши пужды и убѣж-
„денія, лежащія въ глубинѣ нашихъ душъ и сердець, — нужды и
„убѣжденія, коихъ утаеніе признаемъ зловреднымъ, гласное же заяв-
„леніе предъ лицомъ всей земли крайне необходимымъ.

„Мы не устранимся отъ принятія участія въ недавно данныхъ
„намъ льготахъ, но мы обязаны заявить, что нынѣ употребляемыми
„мѣрами будетъ край поставленъ въ то положеніе, въ коемъ ни
„военные суды, ни заточенія, ни изгнанія, ни даже смертныя казни
„не будутъ въ состояніи водворить спокойствіе; напротивъ, произве-
„дутъ крайнее раздраженіе и втолкнутъ на дорогу, ежеминутно па-
„лубиѣйшую для управляемыхъ и управителей. Мы же, какъ поляки,
„тогда только будемъ въ состояніи поддерживать Правительство съ
„довѣріемъ, когда правленіе будетъ свое польское, и когда основною
„грамотою вмѣстѣ съ правами свободы будутъ соединены всѣ про-
„винціи, составляющія наше отечество.

„Самъ Великій Князь въ отзывѣ своемъ почтилъ нашу любовь къ
„отечеству и обѣщаетъ намъ свое содѣйствіе для блага его; мы не
„можемъ раздѣлять на части этой любви; мы любимъ наше отечество
„всецѣлое, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе самъ Богъ начерталъ для него и
„какіе переданы историческими преданіями“.

Безъ сомнѣнія эта многоглаголивая эпистола дошла до рукъ вели-
каго князя, и Его Высочество отправилъ Замойскаго въ Петербургъ,
откуда онъ уже болѣе не возвращался въ Варшаву, а съ дозволенія

*) Это воззваніе великаго князя къ полякамъ сдѣлано было послѣ второго
покушенія на жизнь Веліопольскаго.

правительства удалился за границу, гдѣ и до нынѣ проживаетъ, не принимая, къ чести его сказать, никакого явнаго участія въ мятежѣ.

Между тѣмъ въ городахъ Царства (но не въ селеніяхъ) беспорядки и возмутительныя демонстраціи продолжались. Въ самой Варшавѣ красными учрежденъ подпольный центральный народный комитетъ, напечатанный планъ организаціи для всеобщаго, по данному сигналу, возстанія и программу приготовительныхъ работъ къ оному. Извѣстный революціонеръ Мерославскій тоже преподавалъ полякамъ челоуѣколюбивый совѣтъ, чтобы они при возстаніи старались захватить сколько можно болѣе русскихъ офицеровъ и русскихъ семействъ, и при атакѣ баррикадъ выставляли ихъ впередъ подъ пули и штыки своихъ солдатъ.

Ношеніе поляками траурнаго одѣванія неустанно продолжается; горе тѣмъ, которыя сего не исполняютъ; такъ—г-жу Калерджио, дочь графа Нессельроде, появившуюся въ цвѣтномъ платьѣ, уличная толпа обкричала, обшικάла и освистала.

Октябрь. Великая княгиня Елена Павловна, проѣздомъ изъ заграницы въ Петербургъ, останавливалась здѣсь въ Варшавѣ у августѣйшаго своего племянника, и мы имѣли счастье ей представляться и лобызать ея десницу. Кажется, она охотница поговорить.

Преданы полемому военному суду обвиняемые въ принадлежности къ тайному обществу съ цѣлью формировапія революціоннаго войска для произведепія всеобщаго возстанія въ Царствѣ: дворянъ 11, дворянъ неутвержденныхъ герольдіею 5, мѣщанъ 38 и крестьянъ 12, всего 66 штукъ сволочи сушей. Этотъ судъ подъ предсѣдательствомъ ген.-майора Корниловича предписано производить при открытыхъ дверяхъ и съ защитниками. Эти открытыя двери и защитники по окончаніи суда болѣе нигдѣ уже не употреблялись,—и сдѣлано благоразумно.

27 числа Фелькнеръ, въ воротахъ своей квартиры, днемъ, найденъ заколотымъ кинжаломъ съ 4 ранами на груди и съ отрѣзаннымъ ухомъ. Фелькнеръ служилъ въ генеральномъ штабѣ офицеромъ, потомъ перешелъ на службу въ Царство Польское и назначенъ инспекторомъ одной изъ здѣшнихъ гимназій; вначалѣ Варшавскихъ демонстрацій, по враждебности къ нему учениковъ, удаленъ отъ должности и въ минуту смерти былъ начальникомъ тайной полиціи у правительства. Должность убитаго принялъ съ крайнею неохотою, по приказанію великаго князя, старшій мой помощникъ по инспекторству полковникъ Тухолка, и съ того часа сталъ носить при себѣ ради своей безопасности отъ убійць револьверъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ убѣдительно просилъ меня объ исходатайствованіи назначенія ему въ члены полевого аудиторіата,—что я обѣщаль и исполнилъ *на счетъ свой.*

Ноябрь. Прибытіе проѣздомъ въ Варшаву изъ Петербурга великаго князя Михаила Николаевича съ супругою. Тѣ только генералы представлялись его высочеству, которые сами пожелали сего.

Утомительно—этикетный вечеръ у Его Высочества намѣстника.

Въ день Георгіевскаго праздника обѣдъ для Георгіевскихъ кавалеровъ у Его Высочества.

Декабрь. Поздравленіе Варшавскаго коменданта, князя Бобутова, съ 50-лѣтнимъ юбилеемъ въ офицерскихъ чинахъ, обѣдъ ему по подпискѣ и пожалованіе *этому бѣдняку* на 12 лѣтъ аренды по 3 тысячи рублей въ годъ.

Открыта подпольная типографія возмутительной газеты „Ruch“ и виновные схвачены.

Великій князь Михаилъ Николаевичъ назначенъ вмѣсто князя Баятинскаго намѣстникомъ Кавказскимъ и главнокомандующимъ Кавказскою арміею.

Разстрѣлянъ унтеръ-офицеръ полицейской стражи изъ польскихъ дворянъ, Злобицкій, за ударъ нанесенный полиціимейстеру Зенбушу и за разрушеніе головы частному приставу.—Замѣчательно, что это первый примѣръ разстрѣліянія по суду въ Варшавѣ, и что преступникъ въ судѣ объявилъ, *что для примѣра онъ достоинъ смертной казни.*

Бывшему генер.-интенданту арміи Синельникову великій князь изъ награднаго капитала пожаловалъ 8 тыс. руб. безъ вычета.—Изрядно!

Предположено съ 1 января 1863 года произвести рекрутскій наборъ въ однихъ только городахъ, дабы очистить отъ волнующагося и готоваго взяться за оружіе городского сброда. Варшавскій подпольный центральный комитетъ съ своей стороны разослалъ окольникъ къ властямъ, угрожая имъ смертью, если будутъ набирать или способствовать къ набору рекрутъ.

25 декабря въ день Рождества Христова выходъ великаго князя въ замкъ. Его высочество подъ руку съ супругою изволилъ шествовать церемоніально въ церковь; мы, по византійскому обычаю, преклонялись предъ августѣйшею четвою. Богослуженіе совершалъ архіепископъ соборне.

Этотъ 1862 годъ собственно для себя я могу считать счастливымъ; *во первыхъ*, потому, что по моему представленію, какъ инспектора, два мои старшіе помощника, Тухолка и Гацфельдъ, награждены: первый чиномъ, а послѣдній орденомъ; *во вторыхъ*, потому, что по моему представленію великимъ княземъ разрѣшено оставшіяся отъ

штатной суммы инспекторскаго управления слишкомъ 400 руб. раздать младшимъ моимъ помощникамъ и дѣлопроизводителю; *въ третьихъ*, потому, что я за усердную службу въ аудиторіатѣ былъ представленъ къ Высочайшему награжденію годовымъ содержаніемъ 2500 руб. которое и вышло въ день Пасхи 1863 года; и особенно въ четвертыхъ потому, что должность моя инспектора по набору рекрутъ и состоящее при мнѣ управленіе, какъ вполнѣ бесполезныя и лишь отягощающія по расходу казну Царства, и объ упраздненіи которыхъ я предлагалъ еще покойному намѣстнику князю Горчакову упразднены, — по новому, возобновленному моему о томъ въ октябрѣ домогательству, и выставленнымъ доказательствомъ директору канцеляріи внутреннихъ дѣлъ дѣйств. статск. совѣтнику, Гутаковскому, съ убѣдительною просьбою передать мнѣніе главному гражданскому начальнику края, маркизу Веліопольскому, что онъ, Гутаковскій, и исполнилъ, то есть, докладъ былъ сдѣланъ въ полномъ засѣданіи, и, по словамъ Гутаковского, мнѣ лично переданнымъ, какъ самъ маркизъ, такъ и прочіе члены засѣданія были *удивлены моею добросовѣстностію*. — Объ этомъ доведено было до свѣдѣнія великаго князя намѣстника. Его высочество сдѣлалъ представленіе и получено Высочайшее разрѣшеніе: должность инспектора со всеѣмъ составомъ управления его съ 1 января 1863 года н. с. *упразднить*.

Между тѣмъ, въ ожиданіи Высочайшаго разрѣшенія объ упраздненіи моей инспекторской должности, командующій войсками въ Царствѣ, генераль баронъ Рамзай, предложилъ мнѣ быть назначеннымъ на вакансію членомъ въ полевой аудиторіатѣ, (гдѣ я находился уже болѣе двухъ лѣтъ) но какъ эту вакансію въ члены я общалъ уже полковнику Тухольскіи и не хотѣлъ нарушить даннаго мною ему слова, то отъ предложенія барона Рамзая я отказался, и такимъ образомъ былъ Тухольскій представленъ и назначенъ, какъ выше сказано, *на мой счетъ*.

К О П И Я

съ донесенія Министра Статсъ-Секретаря Царства къ Намѣстнику Великому Князю отъ 29 Ноября 1862 года.

Согласно съ мнѣніемъ Вашего Императорскаго Высочества, изъясненнымъ во всеподданнѣйше доложенномъ мною отношеніи отъ 17 Ноября за № 17352 и опредѣленіемъ Совѣта Управленія 9 числа того же мѣсяца состоявшимся, Государь Императоръ, находя, что учрежденная статьями 24 и 25 Высочайше утвержденнаго 3 Марта 1859 года Положенія о рекрутской повинности въ Царствѣ должностъ инспектора

военной переписи и рекрутскаго набора, съ особымъ при немъ Управленіемъ въ составѣ трехъ старшихъ и шести младшихъ помощниковъ и чиновника для писмоводства, при возложеніи наблюденія за исполненіемъ всѣхъ дѣйствій, относящихся къ военной переписи и набору рекрутъ на Правительственную Комиссію Внутреннихъ Дѣлъ и при обязанности жандармскихъ офицеровъ имѣть надзоръ за соблюденіемъ существующихъ по сему предмету правилъ, оказывается уже излишнею, Высочайше разрѣшить изволилъ: помянутую должность инспектора по этой части, со всѣмъ составомъ управленія его, съ 1 Января 1863 г. нов. стил. упразднить.

